

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 1.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою п. пересылкою
85 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 5 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Раздался весело будильникъ
На новой годовой зарѣ,
И, всѣхъ благихъ надеждъ свѣтлыиикъ
Горитъ на новомъ алтарѣ.
Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Ж У Р Н А Л И С Т Ъ.

Кому изъ поденщиковъ опъ сотворенія міра достался болѣе тяжкій, болѣе упомпелный прудъ, какъ не Журналисту? Изъ сихъ первыхъ спрокъ, Вы, мой любезные чипашели, уже догадались можепе, что здѣсь описывающся не важныя занятія спепенныхъ издапелей Горнаго, Мануфактурнаго, Военнаго и Медицинскаго журналовъ. Сн Господа Издапели выпускаюпъ въ мѣсяцъ по одной книжкѣ, или еще менѣе; помѣщаютъ въ нихъ спашпы, обработанныя учеными Комишешами, извѣспія о новыхъ изобрѣтешяхъ, сдѣланныхъ въ другихъ образованныхъ Европейскихъ государствахъ. Ихъ цѣль — польза; ихъ средство — распространіе полезныхъ свѣдѣній, улучшеній, преобразований. Я говорю собственно не о Журналистѣ, а о Газетчикѣ. Едва кончилъ онъ нынѣшній листокъ, какъ столбцы завпрешнаго дня алчущъ новаго оригинала; будучи осужденъ каждый день выдумывать что нибудь новое, часто наперекоръ уму, онъ также не видитъ конца безпреспанно возраждающимся бѣлымъ спраницамъ, какъ дочери *Даная*, щипочно спшаракшся наполнить бездонную бочку.

Еще бы, можешъ быть, пруды его нѣсколько вознаграждались, еспибъ онъ могъ нишашъ хошя опдаленную надежду на сладкій сонъ въ Академическихъ креслахъ; но въ наше время ни одному еще Журналисту не удалось попастъ въ сословіе бо ученыхъ мужей, кромѣ двоихъ (*)....

Повременныя сочиненія, сн скоро преходящія дѣши случая, столь же легкія, какъ листки Сивиллы, споль же скоропреходящія, какъ насѣкомыя Гипаниса, не переживаютъ захожденія солнца, видѣвшаго ихъ рожденіе; на упро печальный взоръ опца видипъ уже ихъ превращеніе въ свершки, въ копорыхъ продаюпъ перець и сельди въ ближнихъ мелочныхъ лавочкахъ.

Судьба будшо нарочно забавляетъ надъ Журналистомъ, приводя его въ пакіл положенія, копорыя во всемъ прошиворѣчатъ расположенію души его: бываетъ ли онъ весель? Ему должно погружаться въ задумчивость и оплакивать какое нибудь бѣдспвіе. Любимая имъ жена родила ему сына, а онъ долженъ писать Некрологію. Врачъ его предписалъ ему діету, а ему надобно описывать дипломатическій обѣдъ и засшавипъ чипашели

(*) Каченовскаго и Воейкова. *Прил. Автора сей статьи.*

пелей своихъ мысленно обоняшь пріятный запахъ прюфелей. Наконецъ, находясь ли на него прищипки еплина? Онъ принужденъ смѣшати другихъ описаніемъ какого нибудь забавнаго происшествія, и вы увидите на устахъ его улыбку, не лучше той, какую *Гораций* замѣнилъ у *Иксіона* при звукахъ лиры Эрміевой въ царствѣ шѣпей.

Просидѣвъ нѣсколько часовъ надъ своимъ письменнымъ столомъ, Журналистъ выходитъ изъ своего заточенія. Все, представляющееся глазамъ его, дѣлается предметомъ его вниманія, его замѣчаній. Передъ нимъ является природа съ открытыми прелестями, но во всемъ, что окружаетъ его, онъ видитъ только предметы журнальныхъ страницъ! Всѣ его понятія, всѣ чувства оплываются въ періодическую форму, чтобы послѣ взгромоздиться въ столбцы, развернуться листочками. Вы ведѣ его встрѣтите со вздернутымъ носомъ, съ открытымъ ртомъ; онъ ищетъ приключеній и съ жадностію схватываетъ всякую новость. Грабежи, разбои, самоубійства, драки, пожары, моровая лъза, холера, землетрясенія, наводненія составляютъ для него драгоценную добычу, которою обогащается его записная книжка. Это обильная жатва проглательныхъ случаевъ, которые жнетъ онъ на улицахъ для раздраженія нерва у своихъ чувствительныхъ подписчиковъ.

Самое даже бѣдствіе его собратій-журналистовъ: четвертая несостоятельность *Г. Олина*, задержаніе множества нумеровъ издаваемъ Сѣвернаго Меркурія, вмѣсто того чтобы заславивъ его проливать слезы соспраданія, наполняютъ сердце его (вирочемъ не дурное) радостію: ибо доставляютъ содержаніе новой спашейки.

Онъ никогда не пропустилъ случая быть въ разводѣ, на парадѣ, при спускѣ корабля, на гуляньѣ Кресповскаго Острова, при оплывшій эскадры въ Кронштадтѣ, на Петергофскомъ праздникѣ, въ Красносельскомъ лагерѣ. — Упрямъ видишь его въ церкви, копорую освящаютъ, въ поржественномъ Академическомъ собраніи, на публичномъ испытаніи въ какомъ нибудь частномъ пансіонѣ,

въ военномъ училищѣ или воспитательномъ заведеніи для дѣвиць. Попомъ, до 4 часовъ бѣгаетъ онъ по Госпиному Двору, рыщетъ по магазинамъ, берѣтъ памъ на пробу чай, перчачки, спклянки, eau de Cologne, куренія; заглядываетъ въ космораму, забѣгаетъ въ діораму, на выставку Академіи художествъ или мануфактурныхъ Русскихъ издѣлій. Сію минушу осмапривалъ онъ кабинетъ восковыхъ фигуръ, и вопъ уже въ звѣринцѣ: ласкаетъ льва, дразнитъ гіену, хочешь проказамъ обезьяны; любитъся, смотря, какъ ужасная змѣя пожираетъ цѣлкомъ живыхъ индѣекъ. — Это зрѣлище возбуждаетъ въ немъ апетитъ; онъ спѣшитъ въ респорацію къ Дюбуа, гдѣ собираются Гвардейскіе Офицеры, писатели, Французскіе Актеры, игроки, шарлатаны. Кофе пьетъ въ кандиперской у *Вульфа*, называемой кофейнымъ домомъ дилператоровъ, дремлетъ на софѣ и спѣшитъ въ Театръ: шипѣтъ противъ *Князя Шаховскаго*, рукоплещетъ *Григорьдову*, хвалитъ стихи *Офросимова*, пожимаетъ плечами слушая нѣлпницу *Мунда*. Заглядываетъ ли онъ за кулисы: памъ его осыпаютъ бранью; называютъ невѣждою, судьбою подкупленнымъ, приспращнымъ; увѣряютъ, что онъ даетъ свои приговоры Актерамъ и Актрисамъ въ полпьяна, или съ похмѣлья. Крошкая *Ксенія* невластна надъ собою; она раскрасѣлась, какъ жареный ракъ и упрекаетъ Журналиста; *Эйлалія* на него косится, *Валерія* опять закрываетъ глаза. Журналистъ, хопя и чувствуетъ неприятность своего положенія, но какъ обспрѣленный воинъ, не обращая вниманія ни на шумъ, ни на колкости, заговариваетъ съ однимъ, пожимаетъ руку у другаго, шумитъ съ шрешимъ. Тогда сцена позади сцены перемѣняется: Всѣ толпятся вокругъ всемогнато раздавателя похвалъ и закулясной славы: *Карлъ Мооръ* усмиряетъ свое бѣшенство, *Димитрій Донской* обращается съ нимъ, какъ съ равнымъ; *Вильгельмъ-Тель* почти ползаетъ на колѣнахъ, *Иванъ-Царевичъ* зоветъ на чай, *Лудовикъ XIV* потчуетъ табакомъ Журналиста, *Медел* начинаетъ передъ нимъ кокетствовать и *Фуріи* дѣлаютъ ему спраспные глазки. Но истинный Журналистъ неумолимъ;

надъ нимъ безсильны всѣ искушенія, одинъ только спрогій вкусъ управляетъ перомъ его: за него общее мнѣнiе. Оно рано или поздно покроетъ спыдомъ корыстоплюбиваго *Аристарха*, копорый бы захопѣлъ продавать похвалы на золотю, и подлаго *Зоила*, копорый бы усиливался очернить талантъ *Каратыгина большаго*, или *Брянскаго*.

Изъ Театра Журналистъ бѣжитъ домой, записываетъ наскоро свои замѣчанія и садится или поправлять слогъ и правописание въ спашѣ, полученной изъ дальняго города; или готовитъ письма на запрешнюю почту. Исключая Министровъ и Спашсъ-Секретарей, никто не ведетъ такой обширной, поспойной переписки, какъ Журналистъ; всѣ часпи свѣта соединяются въ его кабинетѣ. А сколько надобно ему перечисать книгъ, журналовъ, газетъ иностранныхъ, сдѣлать изъ нихъ выписки, опмѣнить и опослать спашьи для перевода; пробѣжать всѣ вновь выходящія Русскія книги и дать о ихъ достоинствѣ свое мнѣнiе; перелистовать до 40 разныхъ Русскихъ періодическихъ изданій. Къ такому издателю журнала или газеты, справедливо можно обратиться съдующіе списки изъ посланія къ Цензору:

Вопервыхъ, искренно я признаюсь себѣ,
Нерѣдко о швоей жалю я судьбѣ:
Людской безсмыслицы присяжный полкователь,
Хлыстова, Рюмкина единственнй читатель,
Ты вѣчно разбираешь обязанъ за грѣхи
То прозу глуую, то влвые списки.

Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожитъ:
Кто Англійскій романъ съ Французскаго преложитъ,
Тотъ оду сочинитъ поплъ, да крѣхитъ,
Другой трагедію напишетъ намъ шумя—
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты зъвай и ахай;
И хочешь или пѣть, разборъ свой напечатать.
Газетчикъ-мученикъ, порой захочетъ опъ
Умъ шенъемъ освѣжитъ; Руссо, Волтеръ, Бю-
фонъ,

Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье;
А долженъ посвящать безплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враля,
Копорому досугъ нѣтъ рощи, да поля,
Да связь утрапя въ нихъ, ищи ее сначала!

Никто не принимаетъ такихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ посѣщеній, никто не можетъ лучше судить о мелкихъ видахъ шщеславія, никто не видитъ такъ близко какъ ползаетъ спѣсь, какъ *Артиста* кривитъ душою, а *Катонъ* изгибаеися. Къ Журналисту являются знатные господа и миллионщики съ произведеніями своего пера, уже напечатанными и съ пешрадами, копорья просятъ напечатать; сюда спекаются благопворители съ объявленіями о своихъ пайныхъ пожертвованіяхъ на богоугодныя заведенія; шуть же найдете вы Ветерана, копорому нужно напомнить прежнія свои заслуги, Императора, пришедшаго посовѣпываться о планѣ преднамѣреваемаго имъ шворенія; прыгунъ по канату, комедіяиша, приѣхавшаго сюда съ шрупною собакою-панцовщицею, продавца мыла опъ веснушекъ и помады для рощенія волосъ.

Замѣтите, что все это мучители поспороніе, мимошпные; а есть у каждаго Журналиста испязатели домашніе, пошпанные. Въ передней у него найдете вы разносителей его листковъ по городу и на почту; Инвалида, принесшаго корректуру; наборщика, копорый шребуетъ на полполосы оригинала; передъ кабинетомъ сидитъ два-три его сошрудника и дожидаются приказаній, два-три юноши-писателя, полдюжины крестьянъ-спихошворцевъ, лѣкаръ опъ заиканья съ машинкою въ рукѣ, врачъ опъ каменной болѣзни съ новоизобрѣпнымъ инспрументомъ, кузнецъ съ подковою новаго образца .... Словомъ, никто не оставляетъ въ покоѣ нашего героя, даже Магнетизеръ, копорый, желая доказать ему силу своего искусства, всегда выходитъ опъ него послѣдній, ш: е: дождавшись, когда онъ заснетъ у камина и сильнымъ храпѣнiемъ напомнитъ посѣшашелю, что ему пора спашь.

Не будемъ шревожитъ мирнаго сна его; мы уже знаемъ, какія зашпы, суепы, хлопшпы, досады ожидають его при пробужденіи.

А. Кораблинскій.

ПРОШЕНИЕ КРЕСТЬЯНИНА ГОВОРУХИНА СЪ
ТОВАРИЦИ, ПОДАННОЕ ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНА-
ТОРУ А. А. БЕКЛЕШЕВУ.

Оглянись, Государь Александръ Андреевичъ, на наши горькія слезы; защити опть воровъ повѣренныхъ и цѣловальниковъ; какъ они насъ раззоряютъ; вѣдь намъ, Государь, не въ мочь спало; пробснись не кому; кромѣ шебя, Государь, нигдѣ суда не сыщешь, хопь лобъ взрѣжь; всѣ у нихъ на жалованьѣ.—Просили Капитанъ-Исправника, да и онъ отка-зался; просили Ревизора, пошть сказалъ: не мое дѣло.—Наспановили, Государь, воры выспавокъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ да спояли ребяшть, что и доимки и податей плашить не кому, такъ что и бабы всѣ спялись, холсты всѣ пропили, а воры тому и радъ, все берутъ въ закладъ, а вино держатъ доброе, да продаютъ по бо алтынъ за ведро, такъ и не хопя выишень. У насъ Ванька да Мишка, славные были колесники, да никогда омегу-ша и въ ропъ не брали, ну такъ и тѣхъ спояли—и доимки взяшть не съ кого. Вошть какое наше раззореніе. Мѣс-пахъ въ двадцати у насъ въ округъ поспа-вили выспавки. Думали просишь Ревизора, какъ онъ былъ, ну, такъ видно, повѣренный воръ шкнулъ ему что-то въ горло, такъ и сказалъ: не мое дѣло. Наши ребята ходили къ нему въ Карачевъ, такъ недѣлю цѣлую мучились; придуть, такъ холопъ выдепть, да скажешь: не время, либо спитъ, либо хмѣ-лень; а вишь, Государь, не съ голыми къ не-му руками пойдешь, и холопъ-то его, такъ безъ подшины не доложитъ. Спросика у го-родоваго Старосты Василія Кондрашъевича; онъ мужикъ добрый, души не сломитъ: что де ты Кондрашъевичъ заплашилъ въ лавкѣ за напишки за Ревизора?—Онъ скажешь, не-бось, ста полшора, да съ судей-та слупитъ ста съ четьре; небось и шебъ, Государь, онъ, пьяница, скуки надѣлалъ, а все повѣ-ренный съ Исправникомъ его поили, да вскру-жили ему голову; какъ щальной, сказываюшть, по городу бродилъ. Какъ ты вадилъ, Госу-дарь по городамъ, такъ мы хотѣли ты про-сить, что бы ты ворами-то велѣлъ опть насъ согнашь выспавки; такъ насъ; въ пог-дашнее время, Исправникъ, подхватя, да по-

садилъ подъ караулъ, пока ты провѣхалъ; для того, что онъ вѣдь опть нихъ воровъ полу-чаетъ по присна въ годъ, да вина и водки что выпить можешть: такъ они и живутъ, раздуй ихъ, душа въ душу, — правды не сы-щешь ни на алтынъ. Вошть какво, Государь, наше-то жишье,—просишь не кого. Намъ сказали, что ты приѣхалъ въ Орель на жишье, такъ мочи нѣшть къ шебъ-то въ Курскъ иди; такъ спасибо надоумилъ меня кумъ мой, Приказный, чтобъ послапть къ шебъ просьбу на почпть, такъ я и послалъ. Умилосердись, Государь, прикажи, чтобы насъ воры повѣренные не раззорили, ужъ, право, не въ мочь намъ шеперь опть нихъ; а коли ты, Государь, не вступишься, такъ они изъ насъ кровь высосуть. Мнѣ Бориско нашъ говоритъ: пойдѣмъ де въ Шиперь, по-просишь Генерала С. такъ онъ за насъ и Царицѣ доложитъ, что насъ воры совсѣмъ съѣли; а онъ намъ правда съ руки, бачка его былъ у насъ въ Брянскѣ Воеводой, такъ съ нашими стариками-де хлѣбъ да соль важи-валъ, да и Бориско работалъ у него на Коль-цовомъ заводѣ, такъ онъ за насъ, хопьлы гдѣ, такъ слово заложитъ, или и шебъ на-питешть. Всякъ насъ обижаетъ бѣдныхъ; а просишь поди, такъ пропадешть вмѣсто со-баки, бросяшть въ оспрогъ, да и умрешъ съ голоду; вѣдь у нихъ воровъ во всѣхъ судахъ судьи-то, сказываюшть, подкуплены. Ужъ на кого они нападуть, такъ суда нѣшть, такъ и бышть. Такъ и Т. даромъ что зубасишь, да и съ швоею милоспью водишся, зацѣпили, поймали съ спиршомъ, да подспавили вина чанъ, не что сдѣлалъ, хлопочи и его же всѣ брали да ругали; а нашъ брашъ попалось, такъ разомъ съѣдятъ. Еще, Государь, не поскучь выслушашъ. Племянникъ мой былъ у меня оногдасъ изъ Карачева, Ѳомка такъ ихъ бѣдныхъ обидѣлъ. Они вишь имѣли зем-лю лѣсную, на копорую планъ и межевую книгу выходили, а вѣдь не даромъ-то до-спавали. Твоя милоспъ вѣдаешъ, какъ меже-выя дѣла водяшся, ну, такъ нынѣ какую фигуру съ ними выкинули: въ ихъ-то дичу допустила Казенная Палаша другихъ му-жиковъ села Глинокъ, да деревень Байко-вой и Бережка, зашѣмъ, что изъ Бережн-

скихъ мужиковъ, Богъ судья В-у, посадилъ въ Палату въ Секретари Андрея Ж., Аншошкина сына, такъ онъ взялъ съ Г. сто, да съ Байковскихъ пяць сотъ, кромъ сахару да водки, да и пустили въ чужую дачу, ихъ раззоряютъ ребящъ бѣднѣхъ неповинно, а гдѣ просишь-суда не сыщешь. Даромъ, что иные кажутся и набожные судьи да и псалтыри съ акафистами читаютъ, а правды нѣтъ въ нихъ ни на алтынъ, а за воровъ опкупищиковъ такъ рады на крестъ пойти. Небось Государь, Александръ Андреевичъ! въ господскихъ-то деревняхъ воры съ выспавками не суются; шѣ и сами къ шибѣ дорогу найдутъ; да что, полно, сами шинкуютъ. У насъ въ округѣ такъ въ пяперомъ мѣстѣ Господа-ше продаютъ. Графъ такъ опузашѣлъ опъ вина, ему любо, а по еще у Т-а, да у З-а, у П-а, да у Р-го; а Исправникъ не смотришь для того, что они ему-кшо лошадь, кшо денегъ дастъ, такъ онъ и молчитъ; да что-полно, подъ Орломъ-та хорошъ адъ-нагашъ (?) построили, или у Ц-ва въ Городищѣ, то то ужъ пожгутъ дровъ, и прошлую зиму ведеръ до ста тысячъ накурили, а всѣ по Конторамъ развезли. Все *Ягловская* хохлашая голова завѣдаетъ, вездѣ воры ешь, гинь ихъ голова. Пошли-ка Государь, пошхоньку кого провѣдашь, перешибашъ вышивки, небось, ста съ три насчитаешь; скажешь мнѣ спасибо, что не солгалъ, а коли я солгалъ, то провались я въ шарпарты, и выди изъ меня душа безъ покаянiя; — знашь, что мнѣ лихо пришло, не кому прошивъ ихъ попорцишься, разомъ съвѣдлшъ.—Умилосердись, Государь, заступись за насъ за сиротъ, а коли ты не вступишься, то намъ пропасть придется. Наша-та жизнь вонъ-какова: только поплачешь, да за обидящаго свѣчу поставишь, а имъ ворами ничего не дѣлается; какъ ты изволилъ вѣдишь по Окъ на ихъ воровской лодкѣ, такъ хорошъ на кормъ-та споялъ налимъ. Вонъ они воры только пузашѣютъ, шкура съ нихъ долой; а когда попадется имъ нашъ брашъ съ винишкомъ, то мучашъ, да за ведро рублей сто сдерутъ; ономъ попался парень нашъ съ осьмухой, купилъ у П-ва на Хунорѣ, такъ они съ него анбаръ да мерина

слупили, рублей въ семнадцать, такіе воры! Ужъ никто не смѣй прошивъ нихъ шапорцишься. У насъ сосѣдъ изъ господъ шакже, да Баринъ какой честный, ужъ прямо что Христианинъ, никого не обижаетъ, Федоръ Ивановичъ Ю-въ, по-же сбился деньжѣвками да стонотилъ себѣ заводецъ, думалъ по-же какъ и богачье, винишкомъ-та побарышовашь, ну, такъ воры разомъ подѣбли милого—и шеперь живота не надышешъ и заводецъ опуспѣлъ; а долгу на шею себѣ наколбалъ; а парень, парень, какой добрый, да смысленный, шолько оплошалъ шѣмъ, что не далъ ничего Исправнику, такъ и пропалъ, заскудалъ шакъ, что и подумашъ не можно; правда-то ужъ у насъ Исправникъ собака цѣлая; нынѣ предъ Спрасшною послалъ своего холопа *Федьку*, по нашимъ селамъ собрать къ празднику вѣщины, барановъ, куръ, еще яицъ, масла, сметаны кадочекъ, какой иные вѣдаешь, глушые люди наклали ему воза съ два, съ три, а онъ воръ почти все продалъ, а Господину-то десяшая доля развѣ попала, да я, спасибо, самъ отвезъ къ его милости кадушечку меду да барашка, да три осьмины овса, такъ ко мнѣ и хорошъ смалъ; изъ своихъ ручекъ поднесъ мнѣ рюмочку винца; однако и я боюсь, Государь, Александръ Андреевичъ, у меня два парня взрослые ужъ ребята, такъ чшобы онъ, какъ будетъ наборъ рекрутской, такъ бы не унешалъ сына моего въ солдашы; да полно, я и къ швоей милости въ тогдашнее время добреду, а ты, Государь тогда помилуй, защити Богомъ и собою; да не осердись, Государь, на мои глупыя рѣчи, что я къ шибѣ наскучилъ, да заступись за насъ, не вели насъ ворами-то обижашъ. Я къ шибѣ Государь, давно бы послалъ грамотку, да у насъ и написашъ не кому, а спасибо попался холопъ *Т-на*, такъ онъ написалъ эту грамотку, а мы вѣдъ люди спало-бынь слѣбые, и не вѣдаемъ, что онъ написалъ, на праздникъ самый подошелъ онъ ко мнѣ, шакъ и ему помолился, да далъ денегъ алтынъ, да за бумагу эту десяшь яицъ, да коли воры не перестанутъ насъ обижашъ, такъ я опять къ шибѣ напишу грамотку, или самъ приволокусь можетъ въ коренную помолиться Курской Божіей

Матери, ты чай и самъ будешь на ярмонкѣ;
Ужь не любяшь же и шебя, Государь, они
воры браняшь—и чорпѣ знаепъ какъ; у насъ
давво повѣренный проговариваль, что во
что де не спанепъ, а швою милость хо-
пяпъ съ мѣста сжипъ; наши-де хозлева и
съ большими Боярами знакомы, по, чшобы
они воры не подыскались и надъ шобою уже;
спасибо, что ты на нихъ добрая коса и не
даешъ имъ ворама воли. За симъ писавый кла-
няюсь; продли тебѣ, Господи, живота и вѣку.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П О Э Т У.

О ты, искусство верховный жрецъ,
Въ вѣщъ и ризъ лучезарной!
Явися, славный нашъ пѣвецъ,
Предъ ликъ опчизны благодарной!
Предъ свѣшлый музъ алтарь предшапъ,
Прими рукоплесканій дань,
Ударь въ божественную лиру—
И пѣснь пропой родному міру!...
Чудесной радугой швой спихъ
Горипъ на тучѣ вдохновенья...
Сяепъ пламень чувствъ швонхъ,
Волшебный міръ ясновидѣнья,
Воздушный, свѣжій хороводъ
Небесно-дѣвственныхъ *Красотъ*—
Въ швонхъ созданыхъ все игриво,
Свѣшло, плѣнительно и живо!
Все громче дивныхъ пѣсень звукъ!
Счастливецъ! раншею порою
Ты лучший даръ пріямъ изъ рукъ
Земли, украшенной шобою!
Сей призракъ въ лавровыхъ вѣнкахъ,
Въ нешпѣнныхъ розахъ и лучахъ
Избранныхъ легкая забава—
Скажи, пѣвецъ: мила ли *Слава*?...
Баронъ Розень.

ТРУДНОЕ СБЕРЕЖЕНІЕ.

Мы все грѣхомъ больны: ни вспапъ, ни лечъ!
Выздоровленія еспъ кое-гдѣ примѣры:
О, какъ намъ много надо *Впръ*,
Чшобъ *добродѣтель* уберечь!...
Ө. Глипка.

К Ъ * * *

Какъ я люблю тебѣ внимать
Твой звукъ и рѣчь такъ обольщающъ,
И по, чему ужъ не бывать—
Они душъ напоминающъ:
Прекрасный возрастъ сладкихъ сновъ,
Богапство чувствъ, ума бездѣлье,
Любовь, волшебную любовь
И дружбы шпное всеелье.
О, говори всегда со мной,
Мой геій добрый, благошворный;
И мракъ цѣлебную рукой
Сними съ очей моихъ позорный...
Бышь можепъ, ошибаюсь я,
Любовь не выдумка пустая,
И ты докажешь по шупя,
Что отвергаль я разсуждая.
Волшебница, все можешь ты
Одной могущею улыбкой;
Захочешъ— все мои мечпы,
Сочпу преступною ошибкой!

Карлеофъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ тащипъ въ пустынь дромодерь,
Мшипъ какъ шпрѣлу на почтовыхъ курьеръ;
Второй эмблема сна, любимый цвѣшъ Морфея;
А *цѣлый* сдѣлался Героємъ изъ злодѣя;
Быль несосвѣмъ дуракъ,
Хотя и чиспый былъ Русакъ.

М O D E S.

De toutes les choses positives, la mode est peut-être celle qui l'est le moins. Il faut pour suivre la mode un gout naturel que l'étude donne bien rarement; que le luxe ne remplace jamais. Une femme qui en venant au monde n'a pas été doué d'*elegance*, a beaucoup à acquérir; car il ne sagit pas pour être bien de dépenser vingt mille francs par an pour la toilette, il faut cet ensemble attrayant qui décèle la femme de bon goût; il faut que rien ne démente en sa personne une autorité de *Fashion*. La manière de mettre ou jeter un chèle, de poser un chapeau avec grâce, sans apparence d'af-

féteric; la demarche, les gestes, la parole, le langage, voilà ce qu'il est impossible de définir.

Cette grâce est l'ecueil, mais aussi le triomphe des femme qui la comprennent ou la divinent.

Modes. Les formes de chapeaux sont arrêtées pour la saison; elles ne varient que dans les ornemens qui eux-mêmes peuvent changer souvent.

Les passes sont fixées peu grandes et ouvertes; elles découvrent le visage et les cheveux, mais elles ne sont point relevées comme il y a deux ans; elles tiennent le milieu entre ces formes, et celles en tuyaux de paille de l'année passé.

Le satin doublé de peluche fait de jolis chapeaux du matin.

Robes—Et de même que les chapeaux, on ne fait point de nouvelles formes de robes.

Des corsages plats—boutonnés devant—Une bande de velours, qui prend à la couture de l'épaule et croisé sous la ceinture. Elle commence large comme la main et finit en diminuant de moitié.

Ensembles de toilette. Négligé—Une redingote de gros de Naples marron—Corsage plat boutonné des cheveux relevés, faisant une seule boucle; beaucoup de papilottes au bout—Une collerette de moussiline bordé de dentelle à petits tuyaux, un noeud de cou en velours bleu de ciel—Un tablier de gros de Naples bleu Haïti, bordé de dents tres marquées—Des souliers de gros de Naples noir.

Toilettes habillés du matin. Une robe de satin noir tout unie. Corsage plat. Petite collerette de dentelle—Un manteau de cachemir gros bleu, pélerine de velours bleu, doublé à l'intérieur de velours bleu—Le petit col carré, tombant, en velours bleu bordé de blonde noire.—Un chapeau de satin blanc, orné de beaucoup de blondes et des rubans de gazes—De brodequins de gros de Naples.

Toilettes habillés du soir. Une robe de velours hyacinthe garnie au-dessus de l'ourlet d'un ruban satin, autour du quel tournait une blonde noire.—Corsage à la Sévigné, des manches de blonde noire.—Des blondes noire, soutenus par de petits laitons recouverts, se melaient comme des noeuds aux cheveux. La personne qui portait cette toilette est tres-blonde. Des bijoux d'or et perles.—Des souliers de satin noir: Des gants blancs.

Explication de la planche No 1. Toilette habillé: Berrets nouveaux en satin ou gaze d'Orient.—Robe de soie.

М О Д Ы.

Изъ (La mode.)

Нѣтъ ничего неопредѣлительнѣе моды. Она требуетъ врожденнаго вкуса, которой рѣдко приобретаема стараніемъ и никогда не можетъ быть замѣнена роскошью. Женщинѣ, одаренной опъ природы тонкимъ чувствомъ изящнаго, остается еще многому учиться; потому, что издерживать по 20,000 Франковъ въ годъ на туалеты незначитъ еще хорошо одѣваться. Главное въ одеждѣ женщины есть та привлекательная гармонія въ цѣломъ, соединенная съ какою то милою небрежностью, которая составляетъ шеголеватость и, при первомъ взглядѣ, показываетъ вкусъ женщины, но никогда не даетъ замѣтить въ ней рабскаго подражанія модѣ. Искусство надѣть или набросить шаль, накинуть на волоса шляпку, особенная прелесть въ походкѣ, приемахъ, въ разговорѣ, въ голосѣ: вопль что называется шеголеватостію и что опредѣлить невозможно.

Эта прелесть есть камень прѣикновения и шоржество тѣхъ женщинъ, которыми да но достигнутъ или угадаютъ еѣ.

Моды—Форма шляпокъ для сего времени года утверждена, онѣ измѣняются шокмо въ украшеніяхъ, которыя сами по себѣ могутъ быть часто измѣняемы—Поля носятъ небольшія и открытыя, изъ подъ нихъ видны лице и волосы, впрочемъ они не такъ высоко подняты, какъ два года шому назадъ, они составляютъ средину между сими формами и формою прошлагоднихъ соломенныхъ шляпокъ.

Утреннія шляпки изъ атласа, подбитыя плюшемъ, весьма красивы.

Платя—Для платьевъ какъ и для шляпокъ нѣтъ новаго покроя.

Гладкіе лифы—застѣгнутые напередъ—Бархатные полосы, начинающіеся опъ гризенокъ и сходящіеся крестообразно подъ полсомъ.—Въ верху опъ шириною въ ладонь и уменьшающіяся половиною въ концѣ.

Полный нарядъ.—За просно, гроденаплеввой редвиготъ кашпановаго цвѣта.—Гладкой застѣгнутой лифъ: волосы подняты въ одну

пуклю, на концѣ копорой множество локоичи ковь. Кисейный воротничекъ, обширный кружевомъ съ маленькими сборками, на шеѣ бархатный небесно—голубаго цвѣта галспучекъ. Гроденаплевой передникъ, цвѣта голубаго (bleu Haïti), обширы большими зубцами—Черные гроденаплевые башмаки.

Утренній нарядъ.—Платье изъ чернаго атласа. Лифъ гладкой. Маленькой кружевной воротничекъ. Темно-синяго кашемиру плащъ, голубая бархатная пелеринка, подложенная шаковымъ же бархатомъ. Маленькой чепвероугольной, опложной ворошничекъ, изъ голубаго бархата, обширы черными блондами. Бѣлая атласная шляпа, ошдѣланная множествомъ газovýchъ лентъ и блондами.—Гроденаплевья бопинки.

Вечерній нарядъ.—Бархатное платье гвацинтоваго цвѣта, обширое атласною лентою, къ копорой была пришита черная блонда.—Лифъ à la Sévigné, черные блондовые рукава—Черныя блонды поддерживались маленькими обширыми трубочками, перемѣшивались какъ банты въ волосахъ. Въ семь нарядъ была совершенно бѣлокурая особа. Золотыя вещи и жемчугъ—Черные атласные башмаки—Бѣлыя перчатчи.

Изъясненіе картины No 1. Нарядъ: новый беретъ изъ атласа или gaze d'Orient.—Шелковое платье.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

ЛИВІЙСКІЯ СТЕПИ.

Переходъ въ пески Ливійскіе изъ прекрасныхъ долинъ Египта, *Шатобрианъ* сравниваетъ съ переходомъ изъ жизни въ смерть.

Не вѣрнѣ ли будетъ сравненіе, когда представимъ человѣка, вступающаго изъ мирнаго беззаботнаго дѣтства, въ сухой свѣтъ?—Въ свѣтъ, гдѣ страсти подобны не вѣтеркамъ шумящимъ въ листьяхъ деревьевъ и навѣвающихъ ароматы цвѣтшвъ, но бурямъ, движущимъ пещаныя горы; сердца людей—тѣмъ кустарникамъ, копорые издали льстятъ

глазамъ зеленю, а вблизи однѣ шолько колючки; ласки и учтивости—тѣмъ плодамъ, пріятнымъ съ виду, но внутри содержащимъ одну пыль, гдѣ душа, жаждущая любви и дружбы, не находитъ никакого испочника для своего уполенія.

Счастливы еще, если ураганъ собственныхъ страстей или, зловредный туманъ ложнаго ученія не совратятъ его съ пути истины и правды, если бѣлая за химерами, или мѣняя заблужденія на заблужденія, не будетъ онъ думать, что идетъ за счастьемъ и по истинному своему назначенію.

ДОБРОЕ И ЗЛОЕ.

Доброе и злое въ нашемъ нравственномъ свѣтѣ можно сравнить съ семенами двухъ различныхъ родовъ. Перваго надобно посѣять со всѣмъ стараніемъ двадцать зеренъ, чтобъ возшло одно; послѣдняго довольно бросить на способную землю одно зерно—и оно принесетъ плодъ сторицею.

Скажите о комъ нибудь, что онъ, съ собственною опасностью, выпатилъ изъ воды или изъ огня, погибавшаго: если это не богачъ, не значительный человекъ, то сколько бы ни было путей его знакомыхъ, немногіе о томъ при случаѣ вспомнятъ, другіе и сами забудутъ, что слышали. Скажите же, что онъ напился пьянъ и вечеромъ упалъ въ канаву; скажите хопя при одномъ комъ нибудь—это сдѣлается извѣстнымъ всѣмъ на долгую память.

Если благодарный подвигъ будетъ напечатанъ и въ вѣдомостяхъ, то и иногда знакомые того человека будутъ между собой говорить не о томъ, какъ онъ это сдѣлалъ, но о опомъ какъ это напечатано.

II. Пальминъ.

Всѣ наши упражненія, дѣянія, чувства и мысли должны имѣть цѣлью—опечество; на семъ единодушномъ стремленіи основано общее благо.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 2.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 50, съ до- ставкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ЯНВАРЯ 7 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Годъ Новый! каждый новой спраспыю
Волнуясь, молишь новыхъ благъ;
Кто радъ испытанному счастью,
Кто онь приволья ни на шагъ.

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРАЗДНЫЙ И ДѢЯТЕЛЬНЫЙ.

Просидѣвъ нѣсколько часовъ сряду за письменнымъ столомъ и измаравъ нѣсколько листовъ бумаги, я чувствую какое-то самодовольствіе: это всегда бываетъ со мною послѣ нѣжкихъ усѣпленныхъ занятій. Тогда я открываю окно; прохладный вѣтерокъ ласкаетъ мой лобъ и пылающія щеки и играетъ волосамъ. Я смотрю на небо, слышу шумъ образованнаго города и дышу свободнѣе. Мысль—быть полезнымъ для сей суетливой толпы, поддерживаема въспрое шеченіе крови въ моихъ жилахъ. Я впаивъ наслаждаюсь удовольствіемъ, воображая, что содѣйсвую нравственному улучшенію рода человеческого; потомъ охотно ищу развлеченія, доставляемаго внѣшняю природою; я не углубляюсь болѣе въ себя, чпобы лучше освѣжиться и съ болышею силою оная предаться размысленіямъ.

Высунувъ голову въ окно, кидая взгляды на право и на лѣво къ моимъ сосѣдямъ, я дѣлаю свои наблюденія, но безъ всякой дурной цѣли. Погода прекрасна; окна, какъ-бы жарочно, все открыты: я не выступаю изъ предѣловъ скромности. Здѣсь живешь пре-

лепная молодая дама; все часы ея посвящены искусствамъ: на малбренѣ посѣпавленъ наптанупный холстъ, который ожидаетъ волшебной кисти художницы; подлѣ него политра съ живыми красками, далѣе золотая арфа, множествѣ нотъ, журналовъ, мелкихъ сочиненій; библіотека, составленная изъ книгъ въ пышномъ переплетѣ въ 16-ую долю; лиспа наконецъ, въ глубинѣ уберной комнаты—Дамскій журналъ съ картинками модъ: все это вижу я изъ окна. Съ другой стороны живеть Коллежскій Ассесоръ *Вертушкинъ* наснолщій образецъ Парижскихъ молодыхъ людей: на дворѣ лошади его бьютъ коньпами по звонкой моспювой, кучера заводяптъ Русскіи пьсни, жокеи насвистываютъ проспонародныя Англійскія. Колеса воздушнаго кобриолета его каждый день пропускаются сквозь воду, чпобы лучше свѣпился лакъ. Солнечные лучи по отражаются на позолоченной збруѣ, по играють въ яркихъ опливахъ на бѣлоснѣжныхъ гривахъ и хвостахъ чепырехъ спатныхъ коней, которые споль же перпѣливо позволяють себя чистить конюхамъ, сколь безропно сио послѣдніе ежедневно отправляютъ эту работу. На дворѣ шумятъ безъ умолку; днемъ и ночью моютъ, чистятъ, отпргаютъ, запрягаютъ

лошадей, хохочушь, браяшься: все это слышу я изъ моей комнаты.

Иногда, кажется, съ обѣихъ сторонъ мѣняютъ взглядъ на взглядъ; но прелестная сосѣдка почти всегда сидитъ за работою; у нее бывають гости, но я не замѣчалъ у ней никого, кромѣ почтенныхъ лѣтними особъ, спарушекъ, Священника; она мало выѣзжаетъ, за то мужъ ея рѣдко бываетъ дома. Что же касается до любезнаго сосѣда: по онъ, въ своемъ Китайскомъ халатѣ, подпоясанный Персидскимъ кушакомъ, въ ермолокъ на головѣ, съ птрубкою въ зубахъ, вѣчно торчитъ въ окнѣ; или въ желтыхъ полусапожкахъ, въ эриванкѣ (шапочка особаго покроя), съ хлыспикомъ въ рукѣ расхаживаетъ по двору, гуляетъ по конюшнѣ, и съ спрогимъ вниманіемъ знапка осматриваетъ каждую вещь: по гербы свои, украшенные короною, по лошадиныя копыта; по важно щелкаетъ хлыспикомъ, смываетъ башнистовымъ платкомъ пыль съ хомутовъ, пробуетъ крѣпка ли у сѣдла подпруга; заспавляетъ при себѣ расчесывать лошадиныя гривы, замыкаетъ хвосты; справиваетъ задорнаго бульдога *Талмерлана* съ огромнымъ Дашскимъ *Наполеономъ*, попомъ разнимаешь ихъ; однимъ словомъ, онъ все упря занятъ изящнымъ искусствомъ шорника и скотскою панурою.

Я не имѣлъ причины думать худо ни о сосѣдкѣ, ни о сосѣдѣ: но судя по наружности, первой отдавалъ преимущество передъ послѣднимъ. Только вчера открылось, какъ много я ошибался на ихъ счетъ, и какъ они обо мнѣ думаютъ.

Случайно встрѣтился я съ камердинеромъ своего сосѣда въ Троицкомъ переулкѣ. Я ходилъ въ Университетъ, посоветовавшись съ однимъ знакомымъ мнѣ Профессоромъ о томъ: какимъ образомъ испорія о *Ромуль* и *Ремъ* можетъ зайти въ Россійскую испорію? Камердинеръ этошь самый тонкій душъ, кпорому не достаетъ только ума и ловкости, чпобы сравняшья съ *Полистомъ*, слугою *Хвастуна* въ остроумной классической комедіи *Княжнина*. Онъ поклонился мнѣ съ видомъ коросткости: правду говорятъ, что суровый взглядъ обуздываетъ людей, привыкшихъ служить другимъ, а ласковый дѣлаешь

ихъ опкровенными. Онъ заговорилъ со мною, я ему опвѣчалъ; завязался разговоръ, не знаю опъ чего мнѣ вздумалось сказать, что ему должно быть весьма пріятно прислуживать барину - празднотубцу. — «Празднотубцу!» вскричалъ онъ съ досадою: «вамъ сударь, приличите это названіе: вы проводите цѣлыя дни не шрогаясь съ мѣша, уткнувъ носъ въ книгу, или глядя на небо. Празднотубцу!.. нѣтъ, сударь, мой Баринъ самый дѣятельный человекъ въ цѣломъ Петербургѣ»

— Ты меня удивляешь; опвѣчалъ я, пвой Господинъ занимается?..

— Безиреспанно, неупомимо! Впервыхъ доложу вамъ, что онъ встаетъ рано: въ 9 часовъ упря уже начинаешь звонить, велишь подать себѣ газеты: Бабочку или Сѣверный Меркурій и читаетъ ихъ.»

— А! теперь я понимаю: ты говоришь о развлеченіи, а я о трудахъ. —

— «Но мой баринъ шрудится съ упря до темной ночи: онъ занимается съ своимъ сапожникомъ, парикмахеромъ, карениникомъ, поршнымъ; цѣлаго упря недоспачочно для важныхъ разсужденій о выборѣ цѣвна и формы шейнаго платка, о круглыхъ, шупоугольных или оспроконечныхъ башмакахъ. Вы не можете себѣ предспавить, какъ это мучитъ, какъ упомляетъ бѣднаго моего барина!» —

— Но послушай, мой другъ! между нами сказать: не большаго труда стоишь, облокотясь на подушку у окна, оставаясь тамъ нѣсколько часовъ неподвижно.

— «Вы судите по наружности; но вы грубо обманываетесь; въ это время баринъ занятъ важнѣйшимъ дѣломъ; онъ шрудится въ пользу любви.»

— Трудъ неблагодарный! эта дама безиреспанно занимается живописью.

— «Да, когда вы покажешь у окна; а во все оснальное время не проведетъ ни одной черты кистью; книга, которую она держитъ въ рукахъ не перевернувъ ни одного листика, благопріятствуетъ ихъ сообщенію.» —

— Сообщенію?... Какъ! между ними любовная связь?..

— «Этого еще нѣтъ; но мой баринъ думаетъ, что если бы вы только при часа не

показывались у окна, по все было бы кончено.»

— Онь думаетъ? но эта дама еще такъ молода, ея воспианіе ... прѣвила...

— «Разсудите сами, сударь, баринъ мой красавецъ, ловокъ, богашъ, имѣетъ лихихъ лошадей, модную коляску: можноли устоятъ противъ такого соблазна? Недавно подиалъ онъ бумажку, копорую она долго вершѣла въ рукахъ; на ней написано было препещущою рукою: *какъ несносны празднѣе люди!*»

— Право?

— «Да, праздные люди, п. е. вы сударь, вы мѣшаете имъ весши разговоръ глазами!»

— А, а! но швой баринъ часпо выѣзжаетъ со двора?..

— «Теперь онъ хлопочетъ о поддержаніи одной молоденькой актрисы, приготавливаетъ пикникъ, копорый дастъ въ будущее Воскресенье на Кресповскомъ островѣ; выбираетъ вина для своего пріятеля Графа *Пышицаго*; покупаетъ лошадей для своего друга Камеръ Юнкера *Шарикова*; вчера ѣздилъ семь разъ къ порпному примѣриванъ новый фракъ къ свадебному балу Генерала *Бештилтъ-Загера* съ Баронессою Фонтъ-деръ *Грюненъ-Эзель*. Увѣряю васъ, что онъ человекъ неушомимый, дѣяшельный, пеуеыпный! Если же случайно, въ продолженіи дня, найдениъ свободную минуто: по начинаеть бранить насъ ни за что, ни про что: называетъ лѣнивцами, заспавляетъ двадцать разъ передѣлывать одно и то же. . . Ахъ, сударь, дай Богъ, чтообъ нашъ баринъ сдѣлался лѣнивымъ, но намъ не дожить до такого благополучія.»

Тутъ мы распались: я зашелъ къ Синему мосту, выбралъ книгъ изъ библиошеки А. Ф. *Смирдина*; попомъ возвратился домой и снова принялся за свое *бездѣлье*, по естъ, за свое сочиненіе, копорое уже два года тому написалъ я и нѣсколько разъ перерабатывалъ: цѣль онаго состоинтъ въ томъ, чтообы заставить Свѣщъ судить о каждомъ по его дѣламъ, и цѣнить людей по мѣрѣ пользы, приносимой ими себѣ подобнымъ.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РУССКАЯ БЫЛЬ

У кузнеца вдовца Якова въ *** была премиленькая, прехорошенькая дочь Лиза. Бывало по праздникамъ, на гуляньяхъ, лучше всѣхъ была Лиза, лучше всѣхъ водила хороводы и лучше всѣхъ проводила молодыхъ поданпалъ. Росла дѣвушка на радость спарику опцу, на досаду молодымъ подружкамъ и . . . . да доросла ли она?

Вотъ хорошенькой Лизѣ минуло 17 лѣтъ, а кузнецъ Яковъ только любовался дочерью и не думалъ прискиванъ ей въ женихи добраго человека, да приготовишь приданое, хопя закадышней другъ его, писецъ Гражданской Палаты и говаривалъ ему часпо: «дорогой Кумъ, Яковъ Тимофѣевичъ, вѣдь Лизавецъ-по Яковлевнѣ пора за мужъ идти, и по закону-по блаженныи памяши Государя Императора Петра Алексѣевича и по сужденью добрыхъ людей. . . .» «Но, кузнецъ Яковъ опмалчивался опъ дорогаго своего Куманька и только на дружныхъ схопѣищахъ своихъ въ питейномъ дому, гдѣ любилъ оставлять мѣдныя деньги для облегченія кармаповъ, разглагольспивовалъ шакое» времена пынѣ дурныя, работны мало, а дочь сбынъ съ плечъ, поже, что пирогъ посадишь въ печь; надобно много масла; посмотришь на добрыхъ людей. . . .» Тутъ бывало переберетъ спарикъ всю подногошную. —

Я не женатъ и дѣшей не имѣю, и пошому не мнѣ судить: правъ ли или не правъ былъ кузнецъ Яковъ, но не умолчу, что сосѣди его обвиняли: денегъ у него хопъ пригоршнями гребѣ, говорили они, да душа-по мелкая, а совѣщи, какъ не бывало. Опъ-пого, слушая его слова, часпо многіе украдкою смѣялись. — «Какъ украдкою?» вы спрашиваете меня. Да! Кто же смѣется въ глаза богашому человеку, копорый иногда изъ шщеславія поинтъ своихъ знакомыхъ? — Опъ-пого-по, продолжаю я, многіе смѣялись, когда кузнецъ въ питейныхъ домахъ оканчивалъ свои опкровенія слѣдующимъ разсужденіемъ: «Конечно и Лизѣ надобно когда нибудь бытъ за мужемъ, но она выйдетъ за мужъ не прежде, чемъ разбогатѣю, я, именованный вдово-

вещь кузнецъ Яковъ, человекъ безденежной, въ пошлѣ лица снискивающій пропитаніе себѣ и теряющій надежду по плохимъ послѣднимъ временамъ (конечно послѣднему тысячелѣтію): пріобрѣсть что нибудь.»

Такъ прошла уже половина лѣта. Въпъ подружки спали въ хоровахъ перепешивались, когда бывало увидишь Васю, сидѣльца изъ Госпинаго двора, вмѣстѣ съ Лизою; а Вася и Лиза словно глухіе и слѣпые не видяшь и не слышатъ добрыхъ людей.

Что бы казалось послѣ такой привязанности молодыхъ людей, по Христіанскому обычаю, веселымъ пиркомъ, да и за свадебку; такъ нѣтъ, нашъ кузнецъ, себѣ на умъ; сидѣлецъ не богатъ, не уменъ, не пригожъ... Да старикъ, не шебѣ живи съ нимъ, а дочери; она разсмотрѣла молодца лучше, ибо у шебя и въ глазахъ рябишь и въ головѣ шумишь. . . Но пои обѣдию глухому! . . . Что кузнецу ни говорили, онъ твердилъ все свое и дѣло кончилось тѣмъ, что Лизѣ запретили видѣться съ Васею. . . .

Эхъ, какъ горько, можнобы было пожаловаться на васъ, мои красавицы, селибы я не думалъ, что дѣвушки уже такъ сотворены, что пламенная спрашивается — для нихъ шелько поэтическая мечта (если только вы понимаете поэзію), что любовь вѣчная для нихъ ужасна; что перемѣна мнѣнія и одежды для нихъ необходимы и что брюзгливый *Шекспиръ* былъ правъ, сказавъ, что лучшая изъ женщинъ забудетъ ижно любимаго ея мужа, скорѣе, чемъ износитъ башмаки, въ которыхъ провожала шѣло его на кладбище! Какъ бы горько я тогда жаловался на васъ и на Лизу, позпоряю, ибо и Лизѣ сподило получить приказъ опцовскій, какъ исполненіе самое строгое послѣдоваю за нимъ, и Вася уже не зналъ наслажденія держащъ за руку милую дѣвушку, которую любилъ такъ пылко, такъ безкорыстно; и уже съ шѣхъ поръ доброй молодой человекъ напрасно бродилъ вокругъ кузнецова дома: онъ не видалъ въ окошкахъ своей красавицы. Иногда, да и по рѣдко, выглядывалъ изъ крайняго окошка — Яковъ; и въ то время глаза его хлопали, какъ оконечныя спавни въ дурную погоду, а на лицѣ, даже и не для не

умвющаго читать, было написано: *Убирайся, молодецъ! по добру, по здорovu, пока ноги цыды.*

Наконецъ миновала зима, наступила вновь весна — и какая богатая, красивая весна! Вы не знаете нашего сѣвера, нашей Карелии? Когда глубокіе, сугробы снѣга шаюпъ опъ вешнихъ лучей всеелаго солнца и граничныя высоты, окруженныя зеленыющими соснами и елями, обнажаются, когда начинаеть болѣе и болѣе снѣшь гладкая площадь обширной Онеги: тогда шамъ воздухъ чистый, опрадный, какъ прекрасныя мечты правешвеннаго поэта, которыми можеть гордиться Россия, оживляетъ сердца. — Въ то самое время, бѣдному Васѣ пришлось испытать большое горе: опъ узналъ, что его совсемъ забыла невѣрная, что давно другому поешъ она заунывыя мѣсли, а какъ хорошо пѣла красавица! «Дай, подумалъ Вася, подслушаю разъ пѣсню Лизину. . . На душѣ злодѣйка поеса, въ груди смертная боль. . . .долголи живишь? Бышь можеть, что болѣе не услышу ее голоса!» — Вечеръ былъ въ половинѣ, погода шихал. . . . Въпъ доброй парень подходилъ крадучись къ дому кузнецъ: одно окошко было открыто и Лиза пѣла веселую пѣсню, *какъ молодой солдатъ возвращался на родину къ своей красавицѣ ненаглядной. . . .* Не смѣя дышать, Вася принался у забора и долго, долго слушалъ пѣсни Лизины. . . . Наконецъ красавица перестала пѣшь. . . .

«Какъ ты сладко поешъ, моя радость!» оказалъ кто-то довольно громко:

— Не лукавь, служивый, опвѣчала дѣвушка. . . у васъ одно на умѣ, на языкѣ другое. —

«Такъ по этому ты не вѣришь и любви моей?»

— Повѣришь, сказала красавица, такъ по-ыачешь. . . .

«Ужъ за это я шебя не помилую. . . .» Слышенъ былъ хохопъ Лизы, смѣхъ служиваго. . . . и наконецъ предательскій вѣперокъ донесъ громкій поцѣлуй къ бѣдному Васѣ. . . .

«Горе шебѣ злодѣйка!» . . . глухо прокричалъ Вася и, какъ безумный, бросился къ дому своей матери, который былъ въ другой часпи города.***

Добрая старушка молилась. Предъ святыни Иконами теплилась желтого воску свѣча... Маленькая дочь ея сидѣла въ углу и вязала чулокъ.— Вдругъ крѣпко заспучались въ ворота. ... «Дуняша, сказала мать, спроси кѣто смучишь, если братъ Вася: по опонри ему.»—

Дѣвушка вышла изъ избы и немного спусти воропилась и сказала: за воропами нѣтъ никого, родная, по вѣрно шаялѣт со сѣднѣ ребянишки.

Старушка снова начала молиться, а Дуняша взялась за чулокъ... но сильнѣе прежняго поступались въ ворота...

«Побѣги скорѣе до воропѣ, Дуняша, сказала мать, это пришелъ вѣрно братъ... Гдѣ онъ, бѣдный, бродилъ шакъ поздно!»...

Скоро возвратилась дѣвушка въ избу: за воропами нѣтъ ни души, сказала испуганная Дуня: не къ добру-по родная!

«Помолись со мною, Дуняша, у Бога милосерднѣ много!»

Шестидесятилѣтняя старушка усердно молилась вмѣстѣ съ двѣнадцатилѣтнею своею дочерью... Вдругъ спрашнѣй ломъ и прескъ въ воропѣхъ мгновено раздался и запахъ... свѣчка предъ св. Образами погасла—и тихѣй спонъ казалосъ промчался по кошпѣ...

Долго, долго, не говоря ни слова, стояли испуганная мать и дочь... Наконецъ старуха пошла къ воропамъ, но увидя, что они на запорѣ и что на улицѣ нѣтъ никого, взошла въ свѣщницу, зашпелила свѣчку и, заливаясь слезами, сказала дочери: «милая Дуняша, не воропишя къ намъ Вася. Помолимся за упокой души его.» Материнское сердце не обманывается: на другой день на берегу озера нашли утопленника;—это былъ Вася... Тамъ за городомъ, гдѣ вѣтеша по берегу озера дорога въ веселое прежде село Соломенное, шамъ у пашни близъ мельницы, схоронили тѣло несчастнаго, не опытное Священникомъ, за что оплаканное скорбною матерью, сеспрою и многими поварищами...

Что же сдѣлалосъ съ Лизою?... Погодите, я для шого и началъ рассказывать эту

быль, что хотѣлъ вамъ передать жизнь бытнѣ красавицы...

Прошло не болѣе шестнѣ недѣль со дня смерти несчастнаго Васи, какъ разнесся слухъ по городу, что Лиза пропала изъ опцовакаго дома...

Старушки перешептываясь между собою, смѣялись: ибо видѣли, что красавица часпо гуляла по по улицамъ, по на вечеринкахъ, по въ хороводахъ, съ спашнѣмъ молодцомъ, возвратившимся со службы: рашникомъ, кошорѣй нерѣдко прѣзжалъ въ ихъ село съ разгульными прѣшпелами.

Правда, никто не зналъ ни роду, ни племени незнакомаго удалца, да всякой зналъ что у него дсныги были: вѣнь не рѣдка.— «На войну ходитъ, добра добыть!» говаривали старички, шакъ мудроно лм, что счастливому солдату случилось опципашъ какого нибудь богатаго бусурмана. Такѣ слухи шли въ народъ про богатство рашника, а шакимъ образомъ позвоилптельно нажишь кошпѣйку про чернѣй день.

Но зная скупосъ кузнеца Якова, всѣ дивились: почему бы не могло бытъ дѣло кончено вѣндомъ между рашникомъ и Лизою? Ужъ не пошашнула ли Лиза, да не заслушалась ли рѣчей молодецкихъ?... Такъ придется бѣдной вѣкъ слезы лиши!... А это будетъ по дѣламъ, за дурныя дѣла!—приговаривали старыя и молдыя... Бѣдный Вася не былъ забытъ ни старушками, кошорымъ онъ ласково кланялся при воропѣхъ, ни молодыми, съ кошорыми плясывалъ въ хороводахъ, или игрывалъ на свѣшкахъ и въ посидѣлкахъ.

День за днемъ уходилъ, а Лиза домой не возвращалась. Узнали, что и рашникъ пропалъ въ шопъ же день. Вспрѣчали на улицѣ кузнеца Якова блѣднаго, печальнаго, но чаще можно было видѣть его въ пипейномъ домѣ, гдѣ онъ выпивалъ вдвое и вшрое пропивъ прежняго...

Черезъ три недѣли, Земская Полиция, опыскивая шайку разбойниковъ, нашла повѣшенную на осинѣ женщину: шпунъ снятъ и привезенъ въ городъ... Вскорѣ поймали и Ашамана шайки... Въ мертвецѣ нѣ кошорые узнавали Лизу, въ Ашаманѣ рашни-

ка. ...Когда же пойманный пресступникъ, изъ за желѣзныхъ заповорѣвъ тюрьмы, изъ пудовыхъ цѣпей на рукахъ, ногахъ и шеѣ—какъ-то нечислою силою освобожденный, скрылся, и какъ бы въ воду канулъ: тогда всѣ единогласно заговорили, что рашникъ или Апаманъ, (а это все равно,) былъ самой злой колдунъ и извелъ Лизу потому, что колдунамъ пельзя женился, а Лиза хотѣла, что бы онъ былъ ее мужемъ. . .

Это бы много походило на сказку, если бы Апаманъ не показалъ въ допросѣ съѣдущаго:

«Я сынъ бѣднаго маспероваго изъ О. . . Не «перия работы и любя жизнь вольную, я «рано бросилъ школу и домъ опцовскій и «связался съ шайкою, бродившею изъ одного «селенія въ другое для воровства, а иногда «и для разбоя,—удачно избѣгая поисковъ Полиции, я становился болѣе и болѣе дерзкимъ, «такъ что рѣшился зиму прожить въ здѣшнемъ городѣ. Тутъ мнѣ понравилась дочь «кузнеца Якова и я склонилъ ее въ любовь; «но когда въ одинъ вечеръ я случайно увѣ- «рился, что она измѣнила уже одному лю- «бовнику и, когда развѣдывая, узналъ что «молодой человекъ былъ прежде въ одной со «мною школѣ въ нашемъ родномъ городѣ О. . . «гдѣ мы, еще будучи ребятишками, любили «его, какъ брата: но, вмѣсто спраски къ «этой обманщицѣ, запылало въ душѣ моей «желаніе мести. . . Я вымыслилъ средства «извести измѣнницу, кошорая лукаво напѣ- «вала молодцамъ о любви и губила ихъ слад- «кою оправою своею. . . Смерть ее мое дѣло!»

Карлгофъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Р И З Н А Н І Е.

Пусть я бѣдствъ и бѣзродствъ,
Пусть, какъ буря, неугодествъ
Я красавицъ молодой —
Но богатую душой
Я, какъ буря, и свободствъ!
Быспро кашнися мое
Одинокое жительство!

Одръ мой узкій и печальный
Дѣвъ веселья не манишь —
Но мнѣ крѣпкій сонъ даритъ
Одръ безбрачный, однопальный!
Фантасмическіе сны —
Даръ Камены благосклонной. . .
Услаждаютъ часъ безсонный. . .
И не надобно жены!
Я согласенъ: нежность друга,
Сердцу даннаго вѣнцомъ,
Облекаетъ багрецомъ
Основъ скучнаго досуга!
Я согласенъ: жизнь мила
И прекрасна и свѣтла
Средь семейственнаго круга. —
Но и лучшая супруга
Для поэта шлжела!
Онъ искусства жрецъ завѣщный!
Онъ живетъ—духовный царь —
Въ алтарь мечпы . . . алтарь
Полу женскому запретный!
Добрый гений мой не спитъ;
Добрый гений спорожитъ
Моего жилища двери. . .
Добрый гений! не пускай
Безпокойной, грѣшной Перн
Въ мой священный, мирный рай.
Однокій, но свободный,
Я пѣвецъ богоугодный!
Но зачѣмъ же мой папѣвъ
Славитъ прелеснъ юныхъ дѣвъ?
Дѣвы, дѣвы, вась люблю я!
Дѣвы! съ вами провожу я
Праздникъ жизненнаго дня!
Дѣвы пляской окрыленной
Спрѣйно выются вкругъ меня,
Какъ вѣнокъ одушевленный!
Полнь я чувства и огия
Съ каждой дѣвою младою. . .
Мотыльковою душою
Облетаю Божій міръ! —
Гдѣ невѣста—память и ниръ!
Вдохновительною жаждой
Чистой, дѣвственной любви,
Свѣтлымъ пламенемъ въ кровн

Я женихъ на свадьбѣ каждой—
Такъ-то брачный пиръ чужой
Есть всегда и праздникъ мой—
Но не знаю узъ досадныхъ,
Хоть изъ розъ—но безопрядныхъ,
Ничего бѣ не нужно мнѣ—
Этой жизнью пераздѣльной
Былъ бы счастливъ я вполнѣ,
Еслибъ пѣсню колыбельной
Всякой матери младой
Не смущался мой покой!...
Вижу очи голубыя
Въ свѣтлыхъ радости лучахъ,
Эти прелести младыя,
Огнь на дѣвственныхъ щекахъ,
И колосья золотые
Въ темнорусыхъ волосахъ—
Вижу васъ въ часы ночные...
И болѣзненно горю
И лишь Богу говорю:
Нѣтъ! не весело ни сколько
Одинокое житье:
Я обманываю только
Сердце бѣдное свое!...

Баронъ Розень.

ПОРТРЕТЪ НЕЗНАКОМКИ.

Любимца пѣвническая Леля,
Я знаю дивный образъ твой:
То ликъ Мадонны Рафаэля
Съ ея нездѣшею красой.
Своей мечпою своеюравной,
Поэтъ не разъ тебя изображалъ,
И съ прелестною твоею самодержавной
Слился его высокій идеалъ!
Ошибсяль онъ?—Твои живыя очи
Черны, какъ юга ночи,
Твое открытое, прекрасное чело
Какъ упрямъ свѣра свѣгло.
Ты вся мечтапельна, пылка, какъ мысль Поэта,
Когда онъ, любящъ и любимъ,
Когда имъ пламенно для свѣта
Слагается любви священный гимнъ!
Нѣтъ, нѣтъ, мечпы поэта не обманушь:
Придешь тебѣ явиться срокъ,

Тогда, тебя съ воспоргомъ все обстанушь
И скажутъ: твой поэтъ пророкъ.
Ему, въ часъ легкой вдохновеня,
Вдали онъ свѣтской суетны,
Отчетливо ее передала черны
Богиня свѣтлая любви и пѣснопѣнья.

Карлгофъ.

С H A R A D E.

Quand une femme est mon premier,
Tout prospère dans un ménage;
Elle te donne mon dernier
Quand tu la prends en mariage;
Mais sois avisé; je t'engage
En elle à chercher mon entier.

Въ No 1 помѣщенная шарада значить: *Ер-макъ.*

M O D E S.

Modes. On voit moins de chapeaux d'étoffe garnis de haute blonde que dans la belle saison—La blonde noire domine en majorité.

En variété, ou en mélange d'étoffes, on peut faire à peu près tout ce qui plaît au goût. Un chapeau de peluche peut être doublé de velours; un chapeau de velours peut être doublé de peluche; le satin de l'un ou l'autre; la moire également.

Il y a de jolis rubans de gaze satinée, qui, à quelque pas imitent tout-à-fait la blonde — L'emploi de ces rubans est charmant sur les chapeaux.

Nouveautés—Les ceintures de velours; les colliers noués ou en écharpe se portent beaucoup.

Il y a une blonde qui tient le milieu entre les blondes connues et les imitations.—Elles offrent à l'œil l'aspect des plus belles, et ont l'avantage d'un prix infiniment au-dessous. Les fleurs sont d'un travail achevé et solide, le fond est tulle.—La bordure, le fond s'il n'est pas uni est appliqué.—Il est difficile, quand on n'est pas prevenu, de s'apercevoir de la différence. Pour la durée, elle est même supérieure à celle des blondes médiocres.

Les orientales—Les gazes de Smyrne—Le chalis continuent à être bien portées.

Toilettes habillés du matin—Une robe montante en velours noir. Corsage plat.—Pelérine de velours garnie de blonde—Un chapeau de peluche blanche, deux plumes. Un boa, un manchon de petits gris.

Des brodequins de fourrure.—Des gants glacés gris. Une chaîne courte d'or mat, tenant un flacon d'or. Une redingote de satin vert, pelérine de satin, chapeau de velours noir doublé à l'intérieur de velours violet pâle. Deux plumes violettes. Un boa de chincilla — De brodequins de velours noir.

Toilettes habillés du soir. Une robe de satin blanc, garnie au-dessus de l'ourlet d'une bande de plumes de toukan.—Ces petites plumes ressemblent plutôt à une fourrure à cause de leurs formes très courtes.—Elles sont rouges et jaunes.—Corsage montant; toute la jupe et le corsage garnis de brandebourg d'argent mat.—Des nœuds de gaze rouge et jaune, assortis aux plumes, dans les cheveux. Des souliers de satin noir. Des gants blancs.

М О Д Ы.

Изъ (La mode.)

Моды.—Нынѣ менѣе видно матерчатыхъ шляпокъ, отдѣланныхъ блондами, нежели льшомъ.—Черныя блонды преимущественно употребляются.

Выборъ и цвѣтъ матерій оставляется на вкусъ каждаго.—Плюшевая шляпка можетъ быть подбита бархатомъ, бархатная плюшемъ, атласная—атласомъ, того или другаго цвѣта; равномерно какъ и шляпки изъ море.

Нынѣ дѣлаютъ красивыя ленты изъ атласнаго газу, *gaze satinée*, которыя издали совершенно похожи на блонды.—Ленты сїи на шляпкахъ прелесны.

Новыя бездѣлки въ области моды: бархатные пояса,—завязывающіеся галстучки или просто надѣвающіеся какъ шарфы, очень въ употребленіи.

Нынѣ дѣлаютъ блонды, занимающія средину между настоящими и поддѣльными.—Онѣ очень хороши для глазъ и выгодны по своей дешевизнѣ.—Цвѣтны очень нѣжно и прочно вытканы, а основа шёлковая.—Если кайма не цѣльная, то она пришивная, съ перваго взгляда трудно замѣтить разницу

между сими и настоящими блондами. Для прочности блонды сїи даже превосходятъ посредственныхъ настоящихъ.

Восточныя ткани: Смирнскій газъ — (флеръ) и шами продолжаютъ быть употребляемы.

Утренній нарядъ.—Съ высокимъ воротомъ черное бархатное платье, шлія гладкая.—Бархатная пелеринка съ блондами.—Бѣлая плюшевая шляпа,—два пера.—Хвосты, муфта изъ бѣличьяго мѣху.—Ботинки на мѣху.—Сѣрыя лакированныя перчатки (*gants glacés*). На коронкѣ золотой маповой цѣпочкѣ золотой флаконъ —Зеленой атласной рединготъ, пелеринка атласная, черная бархатная шляпа, подбитая бѣдно-фіолетовымъ бархатомъ.— Два фіолетовыя пера. Хвосты изъ шеншила, *chincilla*, мохнатого плюшу, черныя бархатныя ботинки.

Вечерній нарядъ. Бѣлое атласное платье, отдѣланное поверхъ рубца *тукановыми* перьями. Сїи перышки по малоси и коронкѣ своей похожи болѣе на мѣхъ.—Онѣ краснаго и желтаго цвѣтовъ, шлія закрытая и отдѣланная серебрянымъ маповымъ снуромъ, который положенъ и по всей юбкѣ.—Ленты краснаго и желтаго газу, подъ цвѣтъ перьевъ, прикалывающіяся въ волосы. Черныя атласныя башмаки. Бѣлыя перчатки.

пер. *Пасынковъ.*

В С Я К А Я В С Я Ч И Н А.

«*Опредѣленія, этотъ соръ схоластики, давно бы пора вымести;*» сказалъ одинъ плодовитый Россійскій писатель, одаренный *высшими* взглядами. Это бы не худо для нѣкоторыхъ: ибо опредѣленія преобладаютъ понятій о предметѣ почныхъ, вѣрныхъ, ясныхъ, полныхъ.

А. Карамлинскій.

Самыя тяжкіе налоги шѣ, которые налагаютъ на насъ лѣность, шщеславіе и роскошь.

Карамлинъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 3.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картичками модъ, въ С. П. б. 50, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 10 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Хлѣбъ слаще najнѣшій прудомъ!
Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАВКАЗСКІЯ ВОДЫ.

Надобно отдатьъ честьъ силѣ Кавказскихъ богатырскихъ водъ, или справедливѣе, благодарительному дѣйствию пребыванія на сихъ водахъ: оно производитъ чудеса. Расскажу вамъ важнѣйшія: я самъ былъ ихъ очевидецъ.

Обжорство опкупщиковъ вошло у насъ въ поговорку. *Стакановъ*, изъ поднощиковъ сдѣлавшійся цѣловальникомъ, изъ цѣловальниковъ прикащикомъ, изъ прикащиковъ главнымъ управителемъ питейныхъ сборовъ — ской Губерніи (опъ кампаніи тогдашнихъ опкупщиковъ); и все это въ печеніи 12 лѣтъ; наконецъ, самъ, благословясь, снялъ уѣздный городъ въ сосѣдственной — ской Губерніи. Получа въ трехлѣтіе 300 т. рублей чистаго барыша, онъ при слѣдующихъ поргахъ, съ боя удержалъ за собою цѣлую Губернію съ городами и пригородками. Руководимый вѣрными стратегическими соображеніями, онъ, къ ужасу своихъ противниковъ, наднесъ по 250 т. рублей ежегодно. Геройскій подвигъ его увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Тогда захотѣлъ онъ опдохнуть и вкусить опъ винограда, имъ воздѣланнаго. Не подумайте однакожь, что онъ пересталъ наживатьъ деньги; избави Богъ, и думать! Нѣтъ, онъ продолжалъ брать города на опкупъ: но предоставлялъ всѣ хлопо-

пы своимъ племянникамъ, шурьямъ и зятямъ — изъ полу, сирѣчь, изъ половинныхъ выгодъ. Подъ словомъ *опдохнуть* я разумѣлъ по, что онъ купилъ у одного промывающагося въ Парижѣ Русскаго Князя, потомка Рюрика — 2 т. душъ крестьянъ на Волгѣ, съ огромнымъ каменнымъ домомъ, оранжереями, Италіанскими и Англійскими садами, Музыкантами, Актерами и Актрисами. Смѣшливый *Стакановъ* выспроилъ Инвалидный домъ на 36 человекъ въ городъ*** къ, положилъ на содержаніе онаго 300 т. рублей въ Ломбардъ и — получилъ за то чинъ Коллежскаго Ассессора. Наступилъ Декабрь 1806 года: объявлена милиція; всѣ вѣрные сыны опечества закипѣли усердіемъ; одни спѣшили спастъ подъ знамена *Александра*, развѣвавшіяся на берегахъ Вислы, другіе занимали мѣста въ народномъ ополченіи, пренны клами на алтарь опечества золоту. И *Стакановъ* пожертвовалъ 200 т. рублей: по заключеніи мира онъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степеніи; вскорѣ послѣ того за значительное пониженіе цѣны на провіантъ, получилъ онъ орденъ св. Анны 2 класса. — Познакомивъ васъ съ біографіею Г. *Стаканова*, скажу вамъ, что въ отношеніи къ обжорству, онъ не дѣлалъ исключенія изъ общаго правила: любилъ поѣсть и попить. Въ похвалу его скажемъ, что онъ не былъ причудливъ въ ѣдѣ и разборчивъ въ

винахъ. На званыхъ объѣдахъ, которые давалъ онъ каждое Воскресенье съѣдннмъ помѣщикамъ, нашъ *Стакановъ* набивалъ брюхо вешчиною, спереди, блянмажеемъ и марципальнымъ, шакъ почно, какъ подвалы своя зеленымъ виномъ, шо ешь, спаралсь, чтообъ не оставалось пустаго мѣста въ наёмномъ помѣщеніи. Такимъ образомъ на полна свой желудокъ всякою всячиною, онъ началъ полспѣшь, или, во всё спороны разлѣзашься, не по годамъ, а по часамъ. На всемъ пропуженіи брюха его не было уже ни одной складки—и на 38 году опъ рожденія онъ вѣсилъ 9 пудъ 22½ фунта. На бѣду его, попалась ему въ руки *Діететика человѣческой души, или правила сохранять силы и здравіе разума и сердца, посредствомъ внимательнаго попеченія о сохраненіи здравія тѣлеснаго, съ приобщеніемъ разсужденія о причинахъ долгоденствія первобытныхъ праотцевъ; соч. Г. Венцеля, напечатанная въ Москвѣ 1803 года въ Типографіи Семена Іоаннікiewича Селивановскаго*. Она его чрезвычайно вспревожила; богачъ началъ вѣрить, что внутренняя экономія его была въ худшемъ состояніи, нежели всё прочія части его хозяйства; что вся сила паровъ, всё пружины пищеварительнаго механизма, никогда не успѣють переработать огромнаго количества сырыхъ продуктовъ, и что наконецъ надобно будетъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, объявить свой желудокъ неспособнымъ. Такая рѣшимость не легка. Онъ созвалъ на Консиліумъ всѣхъ врачей съѣдннаго города: инспектора Медицинской Управы, Спашкаго Совѣтника *Пурганца*, Оператора *Ревенева*, Акушера *Гробнечко*. Всё они единогласно представили ему опасность скорого изверженія всѣхъ сихъ слоевъ, накопленныхъ поспешенно съ такою неосторожностію; опасность, опъ которой могла лопнуть цѣлая огромная паровая машина и лвишь свѣту плачевное зрѣлище развалинъ ушробы Г. *Стаканова*. И шакъ, разсудительные врачи присовѣщывали ему опправиться къ Кавказскимъ Минеральнымъ водамъ. Тамъ слѣдуя непреложному закону естества, что два тѣла въ одно время не могутъ занимать одно мѣсто, онъ долженъ былъ выпивать

въ супки по 24 спакана цѣлительной воды, которая непременно изгонитъ вредныя вещества, скопившіяся въ его тѣлѣ. Повѣрите ли вы, что проживъ шесть недѣль на горячихъ водахъ и мѣсяць на кислыхъ, онъ попералъ около шрехъ пудовъ вѣса и въ концѣ Августа бодро ходилъ по горамъ и долинамъ. Не чудо ли это?

Антуанета Никонорова, урожденная *Бабочкина*, четырнадцати лѣтъ вышла замужъ за 52 хъ лѣтняго Полковника *Старикова*. Сія новобрачная цѣпа льстила себя надеждою, что огромное имѣніе, которое благопріобрѣлъ Полковникъ, въ продолженіи шрехъ Французскихъ походовъ, бывши безсмѣннымъ начальникомъ надъ Вагенбургомъ, не перейдетъ уже въ руки дальнихъ родственниковъ, а доспанется прямымъ ихъ наследникамъ. Но вѣроятности худо отвѣчали ихъ расчету. Прошло шесть лѣтъ—и сей союзъ еще не былъ осчастливленъ ни однимъ залогомъ. Призванъ славный врачъ *Грипусе* и, послѣ многихъ бесполезныхъ лѣкарствъ, присовѣщывалъ спрастнымъ супругамъ испытать любимое его послѣднее средство: Кавказскія воды. На сей разъ дѣйствіе ихъ было невѣроятно. Я не спану описывать чинапельницамъ, находящимся въ подобномъ положеніи, всѣхъ способовъ сего лѣченія, а могу ихъ увѣрить, что чрезъ шесть мѣсяцевъ по окончаніи курса лѣченія вспрѣтнвшисъ съ ними въ... я видѣлъ собственными моими глазами счастливаго супруга, торжественно выспуающаго въ слѣдъ за любезною своею половиною, которая, по причинѣ беременности своей, небрежно опиралась на руку Драгунскаго Капитана *Мортирина*, упопреблявшаго также Кавказскія воды и тамъ сдѣлавшагося другомъ ихъ дома. Не дивови это?

Типулярный Совѣтникъ *Подтибрилкинъ* находился совѣтъ въ прошивномъ положеніи съ опкушникомъ *Стакановымъ*. Высокій и сухощавый, онъ принадлежалъ къ роду ненасытныхъ животныхъ, которые жрутъ не зная сытости, не подвергаясь излишнему скопленію соковъ, и которые чѣмъ больше ѣдятъ, тѣмъ больше худѣютъ. Для смягченія завадовъ и затвердлостей въ нижнихъ полостяхъ желудка,

врачи послали его на Кавказскія цѣлищельныя воды. Въ три мѣсяца онъ раздобрѣлъ; угри, коими лицо его было изукрашено, исчезли, колѣна распрямились; руки, 25 лѣтъ по 12 часовъ въ сушки державшія перо, перестали сгибаться, какъ когти у коршуна и напоминашь извѣстные списки:

На шо привѣшены намъ руки,

Чпюбъ ими брашь, брашь, брашь, брашь, брашь.

Вопшь вамъ еще дивный случай; онъ одинъ споишь дюжины обыкновенныхъ. — жскій Землемѣръ прибылъ сюда съ осемью дочками-дѣвницами; изъ нихъ младшей при года какъ спукнуло 20 лѣтъ. Батюшка ихъ человекъ зажиточный — и за каждую дочьрю даетъ 40 п. рублей наличными, да на 10 п. приданого; но не было счастья—и всѣ онѣ сидѣли въ дѣвницахъ.

Здѣсь, не болѣе какъ въ 40 дней, онъ успѣлъ двухъ помолвить: одну за храброго Майора—аго пѣхотнаго полка *Рубакина*, который и въ семь мирномъ дѣлѣ опличился геройскою храбростью, рѣшась жениться на старшей дочери землемѣра *Анисыѣ Оедотовнѣ*, 42 лѣтней дѣвѣ. Средня, *Авдотья Оедотовна*, опдала сердце, а теперь уже слышно, и руку молодому, добронравному и хорошо образованному Чиновнику.

Сюда обыкновенно Медики опправляютъ больныхъ своихъ въ чепырехъ нижеслѣдующихъ случаяхъ:

1. Если больной, кромѣ тѣлеснаго недуга, спрадаеть еще и душевнымъ; на прим: спрашиваютъ къ карточной игрѣ, къ злословію, волокипству, кокетству.

2. Если спраждащій не въ соспояннѣ заплапшишь врачамъ за визиты.

3. Когда Медики не знаютъ, что съ больнымъ дѣлать: шо спѣшаютъ выслать его на Кавказъ.

4. Когда этошь больной очень значень, или очень богашъ; а недугъ его очень опасень: шо врачи спараются скорѣе какъ ни будь сбышь его, чпюбъ онъ не умеръ на ихъ рукахъ.

Такимъ-шо образомъ безвременно погибъ Генераль — ий. Доктора перебрасывали его, какъ мячъ, съ Адрианопольскихъ водъ на Липецкія, съ Липецкихъ на Кавказскія и об-

рапно. Опъ чего?—Боллись, что онъ смертною своею повредишь реунацію минеральныхъ водъ, при коихъ они находятся. Поспоронній человекъ, непосвященный въ шайнства Медицины, могъ вообразить, что выздоровленіе больнаго зависѣло опъ сильнаго движенія, и въ семь смыслѣ ему предписано Докторами. Онъ бы грубо ошибся. Путешествіе Генерала продолжалось не болѣе пяти недѣль, и онъ, къ полному удовольствию врачей, скончался на большой дороге.

Теперь, кто не согласился, что Кавказскія воды заключаютъ въ себѣ силу богашырскую, чудесную.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ У ГРАФИНИ ДЮБАРРИ.

Лудовикъ XV, среди своихъ Царедворцевъ, въ кругу своего семейства, на охопъ, въ шапръ, въ Совѣтъ нерѣдко чувспвовалъ скуку несносную. Часная зѣвота въ шакомъ случаѣ служила признакомъ совершеннаго расслабленія его душевныхъ силъ, и сія зѣвота нерѣдко показывалась шамъ, гдѣ разнообразія увеселенія испощались, чпюбы прилптно занять его чувства. Придворные въ шакомъ случаѣ употребляли всѣ средства, чпюбы возбудить въ пресыщенномъ чувствеными наслажденіями Король какое ни будь чувство; старанія ихъ не всегда увѣнчивались успѣхомъ. Нѣкоторые придворные кавалеры и дамы изъ его приближенныхъ пользовались его милостіями, единспвенно за шо, что умѣли его занимать и развеселять. Сія особы обыкновенно вечеромъ собирались у Графини *Дю-Барри*, и въ семь маленькомъ кругу, пѣмъ менѣе царспвовало принужденія, что единспвенная цѣль общества была разсѣвать Короля.

Въ одинъ вечеръ возвращаясь съ охопы, онъ захалъ на ужинъ къ своей любимицѣ, у коцорой, кромѣ Принца *Субиза*, нашелъ онъ Герцога *Дюрасо* и *Ришелье*, Госпожу *Мирпуа* и *Форнальке*. Верховая зѣда возбудила въ Король аппешитъ, и онъ былъ въ самомъ

веселомъ расположеніи. Это одушевило и прочихъ собесѣдниковъ, и никогда еще время не проходило для нихъ въ такихъ умныхъ шуткахъ, ѣдкихъ замѣчаніяхъ и оспрыхъ возраженіяхъ.

Рѣчь зашла о *Вольтеръ*. Нѣкоторые утверждали, что онъ теперь пишетъ Исторію Фридриха Великаго и Принцъ *Субизъ* спросилъ: почему такой писатель, какъ *Вольтеръ*, не принялся за Исторію перваго Государства въ свѣтѣ?

«Если вы говорите о моемъ Государствѣ— сказалъ Король, то благодарю отъ его имени. Вы напоминаете мнѣ одного Папу, по словамъ коего Французскіе Короли опіюсаются къ другимъ, какъ солнце къ планетамъ. Но мнѣ кажется, что важность короны и прилжности оной — двѣ вещи совершенно разныя, и что первый въ свѣтѣ Монархъ нѣрѣдко можетъ чувствовать скуку.— Что на примѣръ будемъ мы дѣлать сегодня послѣ ужина? Играть? увы! цѣлыхъ тридцать лѣтъ игралъ я послѣ ужина; немудрено, что игра мнѣ надѣла. Милая Графиня! — продолжалъ онъ, обратясь къ Графинѣ *Дюбарри*, придумайте для нынѣшняго вечера, что нибудь поновѣе!»

Графиня, нѣсколько подумавъ сказала: «Государь, я недавно читала Тысячу и одну ночь. Что, еслибъ каждый изъ насъ разсказалъ сегодня по одной сказочкѣ. И Ваше Величество, также какъ мы всѣ, должны это сдѣлать въ свою очередь.»

Сіе предложеніе понравилось Королю, равно какъ и всѣмъ, присутствующимъ. Графиня наспоела чтобы началъ Принцъ *Субизъ*. Сей Принцъ сидѣлъ подлѣ нее по лѣвую руку и, такимъ образомъ, ея очередь была послѣдняя.

Принцъ недолго далъ себѣ упрощивать и началъ:

Отличенный Камердинеръ.

Мнѣ минулъ двадцатый годъ; я былъ хорошъ собою, строенъ; и сверхъ того владѣлъ такимъ богатствомъ, которое всѣмъ симъ преимуществамъ придавало еще болѣе блеска. Но я употреблялъ деньги такъ, что издерживая ихъ, губилъ свое здоровье и на-

добно признаюсь, что я былъ самый усерднѣйшій поклонникъ Венеры. Дамамъ я не былъ пропивентъ, и онѣ мнѣ пропивны не были; при томъ же я мало смотрѣлъ на высокое происхожденіе, или на бархатныя и атласныя плащья. Красавицы мнѣ всѣ безъ исключенія нравились.

У меня былъ въ то время камердинеръ, который, не смотря, что былъ только камердинеромъ, превзошелъ плутнями многихъ тонкихъ придворныхъ. Онъ часто разсказывалъ мнѣ о своей двоюродной сестрѣ, дѣвушкѣ, прекрасной какъ Ангелъ, а невинной какъ Веспалка. Онъ открылся ей въ любви, но не смотря на свои военныя хитрости получилъ опікавъ. Красавица не чувствовала отвращенія къ мужчинамъ; но была смѣплива и предлагала вмѣстѣ съ сердцемъ и руку, а двоюродный братецъ ея *Бернаръ* былъ женатъ.

Видя, что его разказы о красотѣ *Жавотты Эрбо* воспламенили мое воображеніе, онъ сказалъ: «баринъ! Вы одинъ изъ самыхъ пригожихъ мужчинъ во всемъ Королевствѣ. Я на вашемъ мѣстѣ спать бы подбивался къ упрямцѣ; она растаетъ; вы будете счастливы, я опомщенъ!»

Сіе предложеніе мнѣ понравилось; я горѣлъ желаніемъ познакомиться съ симъ прелестнымъ существомъ. Но какъ въ этомъ успѣть? Явился къ ней во всемъ блескѣ моего званія, было невозможно: ея родители никогда бы этого не позволили; отецъ ее былъ честный споляръ и жилъ въ улицѣ Сень-Жана. *Бернаръ* совѣщавалъ мнѣ, перешипъ одинъ изъ моихъ фраковъ въ ливреку, назвавшись моимъ вторымъ камердинеромъ, и подъ симъ именемъ бытъ предешавлену *Бернаромъ* его дядѣ и теткѣ. Это сдѣлано; я принявъ опіменно ласково и чрезъ мастерскую проведенъ въ заднія комнаты. Явилась *Жавотта*. Большіе голубые глаза ея выражали крепость и доброту сердечную. Ея стройный станъ, ея нѣжныя ручки и ножки—я въ первый разъ увидѣлъ такую красавицу и въ послѣдствіи не видалъ ей подобной.

Тутъ Король прервалъ его, замѣтилъ: «Надѣюсь что вы исключите нашу Графиню.»

«Всѣ дамы, здѣсь присушествующія, возразилъ Принцъ съ ловкостью, — соспавляющъ исключенія; эпо уже само собою разумѣется.» — Послѣ сего онъ продолжалъ слѣдующимъ образомъ :

«Однимъ словомъ, я влюбился по-уши, игралъ сначала скромнаго, наконецъ неопшшупнаго любовника, и получилъ опъ родителей ея увѣреніе, что я имъ и дочери ихъ не противенъ, и все семейство заговорило о свашьбѣ. Я на первый случай, натурально ни на что не могъ рѣшиться подѣ шѣмъ предлогомъ, что слишкомъ еще недавно нахожусь въ службѣ Принца. Сего извиненія было до-спашочно; и я могъ дышать свободнѣе. Между шѣмъ, я не терпѣлъ времени. *Жавотта* до безумія ко мнѣ пристрасшилась; она мною только дышала. Недолго она мнѣ пропиви-лась, потомъ раскаялась въ своемъ проспупкѣ, а между шѣмъ повторяла его, и неопшшупно пребывала, чтобы я ускорилъ моею женишьбою. Пригоженька бѣдняжка была такъ любезна, спрасшна и чувствительна, что я цѣлые шесть мѣсяцевъ пролюбилъ ее.»

«Около сего времени поспавили на сцену новую *Вольтерову* трагедію; она привлекла въ театръ весь Парижъ. Такимъ образомъ случилось, что и семейству моей *Жавотты* вздумалось посмотрѣть новую пьесу, о которой такъ много говорили. Я въ эшопъ самый день обѣдалъ у Господина *Пеплинвера* и поздно пріѣхалъ домой. Возвращишь въ Версаль было уже поздно; посему и поѣхалъ я въ театръ и сѣлъ въ ложъ. Скучась сидѣшь одинъ, перешелъ въ ложу Г-жи *Рене*, за которою начиналъ волочиться.

«На другое утро *Бернаръ*, запыхавшись, вѣбгашь въ мою комнату.» —

«Что съ тобою?» — спросилъ я.

«Больша бѣда!» —

«Что такое?» —

«Кузина моя *Жавотта* здѣсь. Она непремѣнно хочеть васъ видѣшь. Вчера она узнала васъ въ театрѣ и клянешся, что не прежде сой-детъ съ мѣста, пока не переговоритъ съ вами.»

«Впусти ее;» отвѣчалъ я.

«Описашь вамъ всего того, что тогда происходило, я не въ состоянн. Какъ плакала несчастная дѣвочка, какъ вздыхала, жалова-

лась, сердилась, умоляла! Какъ опчаянне обрашило безвинное, кропкое существо въ яросшную Фурию.

Я употребилъ всѣ средства, чтобы успокоить ея бѣдное сердце, но она опвергнула увѣренія мои, любишь ее вѣчно. Я предложилъ ей богатую будущность: — щещное обѣщаніе. «Миленькая!» сказалъ я наконецъ: «успокойся же и скажи мнѣ, чего ты опъ меня пребушь?» Опвѣшь была: вы должны на мнѣ женишься.

Сей просподушный опвѣшь заставилъ меня смѣяться; ибо пребываніе, чтобы Принцъ *Субизъ* сочетался бракомъ съ дочерью сполляра, показалось мнѣ крайне забавнымъ. Но я и пеперь еще чувствую жесшопкія угрызения совѣсти, дозволивъ себѣ засмѣяться. Горешъ *Жавотты* вдругъ умолкла, слезы ея осшановились, она сдѣлалась спокойною, тихою, задумчивою. Черезъ минушу она сказала мнѣ *прости* съ холодомъ, раздиравшимъ мое сердце, и удалилась.

Едва она ушла, какъ овладѣло мною безпокойство, котораго не могъ ни объяснить, ни преодолѣшь. Я позвонилъ, вошелъ камердинеръ: «*Бернаръ!*» сказалъ я: «бѣги въ слѣдъ за своею кузиною и не выпускай ее изъ глазъ до шѣхъ поръ, пока не удостовѣришь-ся, что она благополучно дошла до дому.»

«*Бернаръ* побѣжалъ за нею до самаго новаго моста; тамъ опъ увидѣлъ большую толпу народа. Всѣ въ перевогъ, шѣсняпся къ периламъ, глядяпъ на рѣку. . . *Бернаръ* спрашиваетъ, что случилось. Молодая дѣвушка бросилась въ воду. Онъ продрался сквозь толпу любопытшествующихъ, пропѣснился къ самымъ периламъ и увидѣлъ, что *Жавотта*, увлеченная быспропокою рѣки, пошонула; черезъ нѣсколько минутъ всплыла и онапъ навсегда исчезла. Ее вышацили изъ воды, но всѣ старанія возвращишь ее къ жизни оспались щещны. Сіе горешное происшествіе сдѣлало на меня необыкновенное впечатлѣніе. *Бернаръ* пошребовалъ увольненія: я оппустилъ его. Мщеніе его совершилось; съ шѣхъ поръ я ни слова не сѣхалъ ни объ немъ, ни о его родственникахъ.»

Принцъ умолкъ и слушаптели сохраняли то же молчаніе. Графиня менше всѣхъ скры-

вала неприятно впечатлѣніе, произведенное его повѣстью. Принцъ, замѣшивъ сіе, продолжалъ:

«Пяньдесятъ лѣтъ прошло и мысль, что я соблазнилъ бѣдную дѣвушку, былъ виновникомъ ея смерти, отправила много часовъ моей жизни. Теперь я спарикъ и, вмѣстѣ съ моими тѣлесными силами, ослабли многіа воспоминанія моей молодости. Съ тѣхъ поръ, тысячи всякаго рода случаевъ, тысячи удовольствій и разсѣяностей смѣнялись для меня одно другимъ; но ничто не могло заглушить въ памяти моей сего ужаснаго происшествія. Не могу вспомнить о немъ безъ глубокой горести. Мнѣ надобно было собраться съ духомъ, чѣнобъ рассказать его, и вы первые слышали сію печальную повѣсть: сердце мое нѣсколько облегчилось. «Эпо извиненіе однакожъ мало помогло и, чѣнобы загладишь неприятно впечатлѣніе, произведенное Принцомъ *Субизомъ*, Госпожа *Мирпуа* сказала:» теперь моя очередь.»

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

К Р И Т И К А.

МАКБЕТЪ, ТРАГЕДІЯ ШАКСПИРА. ИЗЪ СОЧ. ШИЛЛЕРА, ПЕРЕВОДЪ А. РОТЧЕВА. 1830. С. П. Б.

Заглавіе мудреное! Оно значить: переводъ Шекспировской трагедіи, передѣланной Шиллеромъ для Веймарскаго Дворцоваго театра.— Даже Нѣмецкіе критики согласны въ томъ, что Шиллеру не удалась эна попытка — и сію-то неудачную передѣлку *Г. Ротчевъ* еще передѣлалъ въ бездѣлку—бѣдный Шекспиръ! Еслибъ *Г. Ротчевъ* соизвиль себя ясное понятія о томъ, чего нынѣ требуютъ отъ переводчика; еслибъ онъ, исполненный долгаго благоговѣнія къ переводимому имъ автору, всматривался въ прекрасный переводъ *Орлеанской дѣвы*, которій въ подобномъ трудѣ можетъ служить душеводительною звѣздою; то онъ, при своемъ счастливомъ дарованіи, безъ сомнѣній былъ бы хорошій переводчикъ и создался бы, что *переводить* не значить въ шоропяхъ кое-какъ передавать смыслъ подлинника! Истина сихъ словъ доказываешся почти каждымъ стихомъ разбираемой нами

книги: либо прослопа выраженія не передана, какъ въ разговорѣ Вѣдьмъ; на примѣръ: «когдажъ для свиданья другъ друга найдемъ?» вмѣсто: когдажъ опянь вслрѣтимся? либо подлинникъ переданъ совершенно въ прошивномъ смыслѣ: «Тамъ счастью Макбета конецъ на всегда!» вмѣсто: «памъ возвѣспимъ сму о счастии его—Dort verkünden wir ihm sein Glück!» либо *Г. Ротчевъ* своимъ добромъ замѣняетъ то, чего перевести не хотѣлъ (неизвѣстно, по какой причинѣ)—«и счастье за спрощивымъ, какъ вѣрная любовница повсюду!» вмѣсто: «подобно быспрому попоку, онъ спрашно ворвался въ наши ряды—и все пало подъ его смертоносною косою!» Далѣе:

Verloren war die Schlacht als Macbeth kam,
Dein heldenmuth' ger Feldherr. Mit dem Schwer
Durch das gedrängteste Gewühl der Schlacht
Macht' er sich Bahn bis zum Pebellen, foszt
ihn,

Mann gegen Mann, und wich nicht, bis er ihn
Vom Mirbel bis zum Riin entzweigespaltet,
Und des Verfluchsten Zaucht sum Siegeszeichen,
Vor unsrer allen Augen aufgesteckt.

Постараемся стихами же перевести эпо мѣсто, дабы незнающіе Нѣмецкаго языка имѣли нѣкоторое понятіе о подлинникѣ:

Мы дрогнули и смялись—но ливился
Воиственный Макбетъ, пвой полководецъ,
Себъ мечемъ дорогу проложилъ,
Гдѣ пѣсная свирѣпствовала схватка,
Съ бунтовщикомъ сполкнулся...не опсталъ,
Покуда не разсѣкъ ему главы
Онъ темени до подбородка и
Не выставилъ для войска, въ знакъ побѣды!

А вотъ переводъ *Г. Ротчева*:

Все гибло!... Вдругъ Макбетъ предсталъ,
Къ бунтовцику онъ проложилъ дорогу:
И мщенія спрощивый не избѣгъ.
Они сошлись: онъ опъ Макбета палъ —
И нашъ Герой ему главу отсѣкъ!...

То, что возвышено въ подлинникѣ, часто дѣлаешся смѣшнымъ и даже ошвращительнымъ въ эпомъ переводѣ (*Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*); на примѣръ, у *Г. Ротчева*:

О духи зла, вотъ вамъ сосцы мои!

И будь въ нихъ желъ, не мечныа спрун!

а у Шиллера: «прильните къ моимъ женскимъ персямъ, о духи зла! и пейте млеко мое, вмѣсто желчи!» — Вопль два удачно переведенныхъ стиха:

Тамъ былъ Дунканъ—и царственное шло
Пронзенное; открыты были язвы:

и полько! слѣдующіе два стиха переданы оныи весьма слабо:

„Ть язвы на природѣ видѣшь мшиль,
Изъ коихъ смерть съ бѣдами излѣтъ!“

А у Шиллера: «Мнилось, тѣ язвы были проломъ въ природѣ, въ который совершала смерть свое широкое вѣщаніе!»

Кажется, довольно доказательствъ, что переводъ *Г. Ротгева* весьма дуренъ. Мы писали бы много бумаги, еслибъ хотѣли, показать всѣ невѣрности, несообразности онаго, и часто ненужныя и многогрѣшныя превращенія подлинника; вездѣ, гдѣ требуется прудъ и усиліе, переводчикъ какъ-нибудь *отыгрывается!* Въ иныхъ мѣстахъ видно, что *Г. Ротгевъ* умѣлъ бы переводить, еслибъ не боялся труда.

Наша кришика сирота, но благонамѣренна: ибо, еслибъ мы не видали дарованія въ переводчикѣ, мы, по примѣру большой части Русскихъ кришиковъ, сказали бы о его прудѣ—*ни то, ни сѣ*, т. е. похвалили бы слегка и безопчетно. Опъ всего сердца желаемъ, чтобъ *Г. Ротгевъ* не оскорбился нашимъ разборомъ, чтобъ вполнѣ удостоверился, что полько польза словесности и искреннее желаніе добра его юной и прекрасной Музѣ, побудила насъ не щадить его.

Баронъ Розенъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ

На новый 1831 годъ.

Мы, замѣченные свѣтомъ,

Поэтическимъ привѣтомъ

Встрѣтимъ, добрые друзья,

Къ намъ слѣтѣвшее дншя, . . .

Какъ невѣсту молодую

Жизнь богато уберѣмъ,

Будто тканями, златую, —

Мы мечтами обовьемъ . . .

Будто лентой огнецвѣтной

Свяжемъ радостью бестѣ

И, красотѣ быспролетной

Пожелаемъ многихъ лѣтъ.

И, съ восторгомъ окриленнымъ,

Какъ алмазомъ драгоценнымъ,

Скрасимъ шопъ уборъ простой

Кляпвой дружества святой.

Карлгофъ.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* мой

Бываетъ чѣрный, бѣлый, смуглый,

Уродливый, блестящій красотой,

Дубовый, гнилящій, и плоскій, а не круглый,

Хотя округлости бывающъ у него.

Второй же слогъ словечка моего,

Любя опъмино водъ прохладу,

Бонится глубины морской,

Бойтся быспрошы рѣчной

И страшную находить онъ опраду

Въ болошной начкаться водѣ,

Иль опускаясь на дно сидѣть въ прудѣ.

А *цѣлое* орломъ Россійскимъ щеголяетъ,

Натиснутымъ въ его гербѣ

На серебрѣ —

И *половинное*, *не цѣлое* бываетъ,

Хотя и цѣлое, хотя всегда въ цѣнь,

Хоть по свѣту и вдоль и поперѣтъ гуляетъ.

Кобузева.

Въ No 2 помѣщенная шарада значить: *Bonne-foi.*

М О Д Е С.

Modes. Le velours est l'etoffe qui convient le mieux aux chapeaux de toute toilette pour la journée.—Habillée, il est assez élégant; fort negligée, il n'a rien de choquant.

On fait, pour soutenir les noeuds de gaze qui tendent à s'abattre, des espèces de cornets en velours qui renferment les noeuds.—Si le chapeau est doublé de velours de couleur, les cornets doivent l'être également.

On met peu de fleurs sur les chapeux de demi-toilette.—L'orsqu' ils sont portés à pied, dans la rue, les fleurs sont d'un mauvais effet.

Les berrets de velours sont peut-être un peu massifs et moins grand que ceux de crêpe ou de gaze.

Robes—Les pelerines de velours, de peluche ou d'étoffe, se portent toujours très généralement.

Les Sévignéс ou les draperies croisées sont les plus employées pour le soir.

L'orsque les robes sont de couleurs foncée, la blonde noire est préférable à la blanche.

Il est à observer que les modes simples ne font pas une toilette négligée.—Les garnitures n'étant pas de bon goût, les jupes unies sont mieux que tout ce qui ferait étalage.—Les seuls ornements qui soient bien sont plats ou peu saillans.—Comme un biais de velours, une petite blonde.—Une bande de fourure.

Nouveautés. Les ceintures de rubans, formant corsage, sont jolies pour les robes habillés du soir. Sur une robe de crêpe, en gaze satinée, ou satin velouté.

Ensemble de Toilette. Negligé Une redingote croisée en cachemir gros vert.—Ceinture et sautoir de velours vert émeraude.—Un bonnet de tulle garnis sur tous les bords d'une petite dentelle.—De longues brides de tulle garni.—De souliers de peau anglaise gris de fer.—Une montre d'émail attachée par une chaîne courte émaillée.—De mitaines de peau de Suède.

М О Д Ы.

Изъ (La mode.)

Моды.—Бархатъ причудливѣе всѣхъ другихъ матерій для шляпокъ, и вообще для дневнаго туалета.

—Въ нарядѣ, онъ довольно щеголеватъ; за просто же, не кидается въ глаза.

Чтобъ поддержать газовые банши, копорые удобно опускаются, дѣлаютъ родъ шрубочекъ (cornet) изъ бархата, въ копорыя помѣщаются сіи банши. Если шляпка подбита цвѣтнымъ бархатомъ, то и шрубоч-

ки должны быть равномерно подложены онимъ.

На полунарядные шляпки рѣдко накладываютъ цвѣты, попомоу что неловко ишпти по улицѣ пѣшкомъ въ шляпкѣ, убранной цвѣтами.

Березы изъ бархата не имѣютъ легкости газа и сверхъ того никогда не могутъ быть такъ пышны и обширны, какъ послѣдніе.

Платья носятъ бархатныя, плюшевыя или матерчатныя; пелеринки все еще въ общемъ употребленіи.

Для вечернихъ платьевъ самыя модныя опдѣлки: *à la Sévignéс*, то есть, крестообразно положенныя складки.

Когда платья темныхъ цвѣтовъ, тогда черныя блонды предпочтительнѣе бѣлыхъ.

Должно замѣтить, что простиона не составляетъ небрежнаго туалета; следовательно, такъ какъ опдѣлка на платьяхъ не во вкусъ, то гладкія юбки болѣе въ употребленіи, нежели опдѣланныя.

— Опдѣлки лучшаго вкуса должны быть плоскія или очень мало пышны, какъ на примѣръ бѣ или (biais) косая полоса изъ бархату—маленькая блонда или плоская мѣховая опушка.

Модныя бездѣлки. Пояса изъ лентъ дѣлающія для вечеровъ лифъ, весьма идутъ къ наряднымъ креповымъ платьямъ или изъ атласнаго газа или бархатнаго атласу—(satin velouté).

Полный нарядъ. Запросто темно-зеленый капотъ копорый застегивается.—Поясъ зеленой бархатной изумруднаго цвѣта съ шакою же застѣжкой.—Тюлевый чепчикъ, обширный узенькими кружевами.—Длинныя лопастни опороченныя шюлемъ. Англійской кожи башмаки, сѣро-жѣзнаго цвѣта.—Эмалевые часы на корошечной шакою же цѣпочкѣ.—Шведскія перчатки безъ пальцевъ.

пер. *Издатель.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 4.

Цена годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картичками модъ, въ С. П. б. 50, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ЯНВАРЯ 14 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Какъ мѣсяць ни свѣши, а все не солнца свѣшь
Дмитріевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ У ГРАФИНИ ДЮБАРРИ.

повѣсть вторая.

Лимонадъ.

«Моимъ первымъ мужемъ былъ Князь *Ликсене*, человекъ съ душою возвышенною, хотя нѣсколько спранный. Такъ на примѣръ онъ, послѣ двухлѣтняго брака, все еще спарался меня увѣрить, будто влюбленъ въ меня, также какъ въ день нашей свадьбы. Я, разумѣется, въ эпомъ не находила ничего достойнаго порицанія, и даже благодарила за нѣжность, сколько, сколько было въ моихъ силахъ: пришиворалась спирасною, пронушою его ласками. Однимъ словомъ, я очень хорошо знала, что уже не владела сердцемъ его, но довольствовалась наружнымъ видомъ постоянной любви, и шептливо переносила такую боль, прошивъ кошорой знала лѣкарство.»

«Я желала имѣть подругу—и мнѣ предсказали одну Нѣмку. Она была изъ хорошей фамиліи, пригожа, хотя несовершенно ловка; впрочемъ, добрая, кроткая дѣвица. Я хотѣла посоветоваться съ Княземъ, но онъ по извѣстной его вѣжливости, предсказавилъ мнѣ въ эпомъ совершенную свободу. И такъ дѣвица *Грюкенеутъ* переехала ко мнѣ въ домъ. Сначала, я была ею очень довольна; она была внимательна, услужлива, и каза-

лась ко мнѣ привязанною. Вдругъ, черезъ нѣсколько времени, она сдѣлалась задумчива, разсѣянна и своенравна. Большіе, голубые глаза ея, прежде невыразительные и холодные, сверкали необыкновеннымъ огнемъ. Въ то же время я замѣтила, что мужъ мой ночами вовсе пересталъ выѣзжать изъ дома. Я возымѣла подозрѣніе и вскорѣ оно оправдалось. Однажды ночью вошла я тихонько въ спальню моей Нѣмочки; она была не одна... и я тихонько побрела назадъ, опасаясь какой нибудь шумной сцены.

На другой день она пришла ко мнѣ въ обыкновенную пору.

«Милая моя,»—сказала я—«мы вскорѣ должны будемъ разстаться.»

Развѣ я имѣла несчастіе, не понравилась вамъ, Княгиня?—

«Напрощивъ того—счастіе понравилась Князю. Я приняла васъ въ домъ, чтобы имѣть собесѣдницу—днемъ. А ночью—это уже слишкомъ, этого не могу онъ пребовать.»—

Она хотѣла отвѣчать, оправдывалась.

«Нечего запирайтесь,»—возразила я—«я видѣла собственными глазами. Разойдемся безъ шума. Если вы изъ хорошей фамиліи, то вамъ неприятно будетъ, когда эта любовная связь сдѣлается гласною; если же вы мѣщанка: это похижденіе не понравится вашему будущему жениху. Вы можете жить у меня еще недѣлю, потомъ съѣдите подъ

пѣмъ предложомъ, что эшаго желали ваши родители. Теперь подите въ свою комнату. Мужъ мой извѣстилъ меня записочкою, что черезъ два часа опправляется онъ съ добрыми пріятелиаи на охоту и возвратишя не прежде десяти дней. Я очень хорошо знала, что дѣвица *Грюкенгутъ* пересказала ему все и что онъ, не смотря на увѣреніе въ пламенной любви ко мнѣ, очень весело можетъ прожить безъ меня десять дней. Сообщница его была менѣ робка, чемъ онъ: ибо съ удивительною наглостію и не красѣя, сносила мое присущствіе. На другой день послѣ опѣзда Князя я была одна съ нею въ залѣ. Я попросила стаканъ лимонаду; она принесла и поставила на зеркальный столъ. Въ ту самую минуту, какъ я уже прощанула руку къ стакану, я вспомнила, что забыла запечатать важное письмо. Я поспѣшила назадъ въ свою спальню и, между пѣмъ, какъ запечатывала письмо, взоръ мой случайно падаетъ на зеркало, находящееся надъ каминомъ, которое, будучи въ соединеніи съ другимъ, показываетъ мнѣ зеркало залы.—Что же я увидѣла? Моя молодая компаньонка вынула спляночку, и налила изъ неѣ нѣсколько капель въ лимонадъ; а сама послѣ того опять преспокійно сѣла за пьлцы.—

Нѣсколько секундъ просидѣла я неподвижно въ креслахъ. Безъ сомнѣнія она хотѣла оправить меня, и что мнѣ было тогда дѣлать? Обличить злодѣйство: значило бы повредить честь моего супруга, хотя и увѣрена была я въ его невинности. Я возвратилась въ залу. Нѣмочка моя усердно продолжала вышивашъ.—«Пожалуйста поближе!» сказала я, подавая ей стаканъ:—«выкушайте это мнѣ въ угожденіе.»—При сихъ словахъ она вспала, подошла ко мнѣ, чтобы взять изъ рукъ моихъ стаканъ, и упала безъ чувствъ на полъ; служители опнесли ее на рукахъ въ ея комнату. Въ этотъ же день она должна была оставитъ мой домъ.»—

Общество, неслишкомъ было довольно сею повѣстью. Госпожа *Миртга*, прожившая весь вѣкъ свой при дворѣ и видѣвшая споль много занимательныхъ случаевъ, могла бы разсказать что-нибудь полюбощнѣе. Король

зѣвнулъ. «Кончили ли вы?»—спросилъ онъ.— «Очень хорошо, очень хорошо! Разскажише вашу повѣсть, Герцога Ришелье.»—

Ваше Величество!—возразилъ сей послѣдній:—мой вкусъ составляетъ комическое. Не прикажите-ли любовную сцену?

«Очень радъ, если вы повѣсповашель и герой оной.»

А если героиня оной благородная дама?—

«Надѣюсь, что ошой благородной дамы нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ.»—

Нѣтъ, Ваше Величество!—

«Ну, такъ разсказываше съ Богомъ. Объ однихъ только живыхъ надобно говорить съ осторожностью, какъ замѣчаетъ вашъ пріятель, *Вольтеръ*.»—

Герцогъ *Ришелье* разсказалъ слѣдующее похождение.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

К Р И Т И К А.

БЕЗУМНАЯ, РУССКАЯ ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ, СОЧИНЕНІЕ И. КОЗЛОВА. С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1830.

Большая часть нашей малочисленной читающей публики садится за книги не потому, чтобы удовлетворять нуждѣ въ духовной пищѣ, но опъ скуки, опъ *нечего дѣлать*, или (важная причина!) чтобы въ обществѣ умѣть вымолвить словечко набумъ, когда рѣчь идетъ, о такой-то новой книгѣ. Сіи люди, чипая разсѣянно, безъ участія, безъ этого свѣтлаго расположенія духа, которое необходимо для наслажденія изящнымъ, могутъ ли найти въ книгахъ высреннее удовольствіе, или достойно оцѣнить произведение искусства?— Въ этомъ отношеніи нашъ любезный поэтъ; несчастный слѣпецъ, счастливые другихъ: его интересная; теплаго состраданія достойная личность, производитъ въ его читателяхъ по расположенію духа, о которомъ сказано выше—и по сей причинѣ, и еще по другой, что онъ преимущественно поэтъ чувствва, всегда выражаемаго съ возвышенною простиною и разительною истиною, онъ равно любезенъ какъ для юной красавицы, такъ и для вѣтреннаго модника, и вообще для всякаго, чье

сердце еще несовсѣмъ разучилось чувствоваться. Его *Чернецъ*, сей неувядаемый цвѣтокъ нашей поэзіи, узиданный драгоцѣнною росою женскихъ слезъ, поспинѣ можетъ гордиться сими небесными перлами, какъ Энеида гордился знаменитыми слезами Октавія. Нѣкто, разбирая поэму: *Наталья Долгорукая*, пророчески вала Публикѣ, что все, что ни напишетъ Козловъ, будетъ повтореніемъ уже сказаннаго въ *Чернецѣ*; т. е. чувства несчастія и покорности Промыслу; но сколько красотъ, сколько разнообразія можетъ помѣщаться въ эпомъ единомъ чувствѣ! положимъ, что грунтомъ всѣхъ картинъ нашего поэта-спрадальца будетъ темная краска печали: — тѣмъ лучше на ней спануть отражающія яркіе цвѣты его чувства и переливы его свѣтлаго воображенія. Чемъ мрачнѣе туча, тѣмъ ярче радуга на ней: такъ и съ Музою Козлова! она показала бы блѣдною и безцвѣтною, еслибъ можно было уничтожить тучу спраданій, по которой такъ живо рисуется ея спройныя формы.

Обратимся къ *Безумной*. Неизвѣстный издатель эпои повѣсти, въ предисловіи къ ней взялся оправдать странный выборъ предмета. Само оправданіе было бы странно, еслибъ не извинялось нелѣпыми преребаніями нѣкопрыхъ журнальныхъ Аристарховъ, кои безъ умолку пвердятъ поэтамъ: «Пишите *то* и *то!*» и когда же случайно исполнилось какое-нибудь изъ сихъ преребаній, тогда слышенъ укорипельный вопросъ: «для чего поэтъ не сдѣлалъ *такъ* и *такъ?*» Пора бы опречься отъ подобныхъ заблужденій и вспомнить, что испинная крипика, никогда не осуждая выбора предмета, руководствуется правилами, извлекаемыми изъ природы сего предмета, т. е. изъ естественныхъ о немъ понятій, соображаемыхъ съ общими и мѣспными условіями, и наконецъ, согласуя идею возможнаго человѣку совершенства съ познаніемъ его ограниченности, произноситъ свое эстетическое сужденіе скромно и человѣколюбиво, прилично ея высокому сану. Крипикъ, не положя границъ своимъ преребаніямъ и слѣдственно забывая, что совершенство есть исключительный удѣлъ недосигаемаго идеала, и что только меньшимъ или боль-

шимъ къ нему приближеніемъ опредѣляется достоинство изящныхъ произведеній, — подобный крипикъ не только лишаетъ себя наслажденія прекраснымъ, но еще и ту жалкую полпу читателей, которая отъ него хочетъ узнать, что хорошо, къ стыду образованнаго вѣка, отказываясь отъ собственныхъ сужденій.

Надлежало бы издателю сей новой повѣсти Козлова обратить вниманіе читателей не на странность предмета, но на трудность онаго: описывать дѣйствія затмившагося ума; въ порывистыхъ, несвязныхъ и бессмысленныхъ словахъ представлять бурную связь таинственныхъ понятій и высшій смыслъ и горестную истину побужденій; изъ эпои страшнаго разногласія внутреннихъ стихій извлекать поэтическую гармонию и, такое несчастное лице, по примѣру Шекспира, одѣвать въ дикое очарованіе—это, безъ сомнѣнія, весьма трудная и гигантская попытка, которая можетъ не удасться и великому поэту! человекъ познаетъ себя иначе какъ въ познаніи свѣта и людей—такъ и недовольно одного Генія, умющаго вдохновеніемъ разгадать многое: поэтъ непременно долженъ въ натурѣ видѣть безумнаго, всматриваться въ его положеніе, вслушиваться въ таинственную неполаду сей бѣдной души, понять лишь для него, какъ голосъ бури;—только тогда онъ намъ изобразитъ безумнаго во всей истинѣ сущности и со всею возвышенностію идеала. Козловъ попытался представить безумную Русскую поселанку: мысль поразительная своею новостію! Кто имѣлъ случай совершенно узнать жизнь-бытье нашихъ поселанъ, присматриваясь къ обычаямъ и прислушиваясь къ пѣснямъ, рассказамъ и любовному лепету Рускихъ дѣвушекъ; однимъ словомъ: полюбилъ Русскую народность—тогда съ особеннымъ любопытствомъ и спрогимъ вниманіемъ читатель книгу Козлова, чтобы, въ первый разъ, въ поэтическомъ зеркалѣ видѣть всѣ стихіи сей милой народности, возмущаемыя несчастною страстію.

Представивъ нашимъ читателямъ всю трудность подобнаго предпріянія, мы должны бытьнисходительны къ нашему по-

эпугу, и если и сознаемся, что онъ не достигъ своей цѣли, что его книга несовѣтъ удовлетворитъ прѣбываніемъ крипики, все таки мы должны доспойно оцѣнить по, что онъ совершилъ по новой, непроложенной степи. Чтобы доказатьъ нашими подтвердитъ наше мнѣніе, мы, исчисливъ нѣкопорья невѣрности и несообразности, съ истиннымъ удовольствіемъ обратимся къ красотахъ сей повѣсти, кои супъ принадлежность каждаго произведенія Козлова.

Поэтъ скачетъ по зимнему пуги на проройхъ удалой; кони храпятъ, какъ будто почуя диво:

Но кто, какъ тѣнь, какъ привидѣнье,
 Какъ волуговое явленіе,
 Могилъ панихтвенный жилецъ,
 На сровъ отпущенный мертвецъ —
 Кто тамъ мелькаетъ предо мною?
 Освѣщена почвой зарёю,
 За чель свою покинувъ спль,
 Идетъ ко мнѣ младая тѣнь!

Всякій согласится, что человекъ, испуганный привидѣніемъ, не выразился бы такъ, и не наговорилъ бы столько лишняго. То была спрадалица младая; она спѣшишь догнашь проройку:

Я самъ бѣгу на встрѣчу къ ней.

Это также не натурально и совершенно лишнее, когда она уже «летитъ къ нему стрѣлою.» Но одна изъ главнѣйшихъ несообразностей та, что поэтъ, долженствовавшій посадить къ себѣ въ сани бѣдную спрадалицу и опвески се въ ближнее селеніе; идетъ съ лею, (на копорой, въ зимнюю ночь, небрежно накинута мѣхъ) къ часовнѣ, садится на могильный камень, передъ огнемъ какаго-то оставленнаго коспира, и тамъ выслушиваетъ ся длинный и довольно связанный рассказъ, совѣтъ несвойственный сумасшедшей, или безумной, какъ называетъ ее поэтъ; эпугъ недоспапокъ споль явентъ, что всякій чипапелъ легко его замѣнитъ. Даже народность не вездѣ соблюдена въ семъ рассказѣ: мы часто слышимъ не языкъ поселанки, но голосъ поэта. — Приведемъ нѣкопорые примѣры:

„Какъ безъ пріюта, въ день несчастный,
 Себя эіалкъ сохранишь?“

„И не хочу поску умѣрить:

Бѣда мнѣ сердце разувѣритъ!“

„Могилъ рашій мой удѣлъ!

Мой свѣтлый призракъ улешъ!“

„Гонима тайною судьбой!“

„Бывало полько тѣнь почная

Одъиетъ дальный небосклонъ!“

и наша поселанка, идетъ въ рошу, для любовнаго свиданія. Не далеко ли для сельскаго rendez-vous, и ночью? Изъ всего длиннаго рассказа мы узнаемъ полько (и другихъ подробностей не должны ожидать отъ безумной) что она любила, погибла — и была покинуша; но это долженствовало бытъ иначе и короче. Повѣсть кончается тѣмъ, что поэтъ, опять проѣзжая черезъ село, узнаетъ отъ черноокаго мальчика, рѣзвель бросающаго незабудки и васильки на свѣжій дернъ:

„Она кого-то все ждала,
 Не дождалась — и умерла!“

указаніемъ на недоспапки исполнивъ печальный долгъ крипики, просимъ чипапеля порадоваться съ нами поэпическимъ красотахъ *Безумной*:

И вѣ себя она сполла,
 Блѣдна — какъ Майская луна;
 И бѣглый взоръ кругомъ бросала,
 Тревожной думъ предача.
 Какой-то грустью безнадежной
 Она дышала; сарафанъ
 И мѣхъ, накинутый небрежно,
 Скрывали грубо легкой спашъ;
 По бѣлому челу бѣжали
 Струи размешанныхъ кудрей,
 И тмили чудный блескъ очей
 И взору дикость придавали;
 Слова пѣмъ на устахъ,
 И грудь, вздымаясь, прѣпетала.

Мы пѣняемся дикою прелестію сей карпины! но еспъ другая, гдѣ геній Козлова являеся въ новомъ и чудномъ блескѣ: роскошное изображеніе свѣрнаго сіянія!

Волпуясь, съверь пламенѣшь,
То весь багряный, то блѣднѣешь,
И море зыбкаго огня
Готово хлынуть на меня.

Холоднымъ блескомъ рдпой ночи
Невольпо ужаснулись очи;
Клубясь въ сверкающихъ волнахъ,
Столпы багряные явились:
То расходились, то сходились,
Сливались, шаяли въ лучахъ,
Иль, рассыпаясь, дымилась;
И зарево съ высотъ небесъ
Сіянье страшное бросало. . .

Чтобы сія пышная картина не была чужда содержанію повѣсти, замѣтимъ, какъ поэтъ съумѣлъ дать ей соотношеніе съ состояніемъ своей безумной:

И что и какъ сама не знаю,
А съ той поры, какъ нѣтъ родной,
Творится чудное со мной:
Я небывалое выдаю,
И можешь быть она мечна!
Но и природа ужь не ша:
Хотѣлось мнѣ убраться цвѣтами
Родной могилу: чтожь? въ поляхъ
Ни правки — свѣтъ! и яль слезахъ,
Бѣгу къ рѣкѣ, и надъ волнами
Я вижу — лёдъ! . . . .
Вотъ полночь — а не мѣсяць всходилъ!
Взгляни — *пожаръ на небесахъ!*

Да будетъ намъ позволено еще выписать одно мѣсто, гдѣ въ особенности узнаемъ любезнаго автора *Чернеца*. Когдабъ я знала,

„Что онъ покойникъ. . .

Такъ что же? золотымъ вѣнцемъ
Нельзя вѣнчаться съ мертвецемъ; —
Но я бы съ нимъ не разлучилась:
Я бь въ бѣлый саванъ нарядилась,
Тихонько въ гробъ къ нему легла —
Навѣкъ моимъ бы назвала!

Эпо мѣсто выше всякой похвалы: какая священна истина! Какая умилительная вѣрность любви — и все это въ просныхъ, очаровательныхъ звукахъ народности! Мы воздаемъ поэту слезами благодарности и поэ-

тического наслажденія! Ограничиваемся сею выпискою; её доспащочно, чтобы доказать, что Безумная заслуживаетъ полное вниманіе публики: недоспащокъ цѣлаго искупается частными красотоми! Какой же великій трудъ совершается вдругъ? Козловъ проложилъ новую дорогу — и далеко по ней ушелъ! теперь легче другому, или самому поэту, дойти до цѣли.

Баронъ Розенъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б И Т В А.

(изъ *Лажартина*.)

Труба у всадника въ рукъ
Часъ битвы возвѣстила;
Къ оружію! кричатъ и эхо вдалекъ
Теряясь, повпорило
Къ оружію! . . . Со всѣхъ споронъ,
Предъ тѣмъ сокрытые для тайной обороны,
Быстрѣ вихри горъ несутся эскадроны,
Минуютъ рядъ густыхъ колонъ!
Минуютъ . . . спрочисля, вотъ быстро повернулись
И, какъ два чѣрные крыла,
По флагамъ сомкнутой пѣхоты протянулись.
Конь пѣшитъ удила
И, дико озирался,
Сжатъ мощною рукой, уперся, содрогаясь.
Перуть къ бездѣйствію; еще не грянулъ громъ.
Надъ всею ратию кругомъ
Просперлось съ ужасомъ молчанье гробовое:
Лишь слышенъ звукъ шаговъ, какъ мѣрною ногой
Сто тысячъ ратниковъ, какъ бы одинъ Герой,
Идутъ иль смершь принявъ, иль славу воспрѣ-
тншь въ боѣ.
Движеніе колесъ, стукъ, ржаніе коней;
Велѣнья грозныя вождей,
И шумъ знаменъ священныхъ,
Порывомъ въпра окриленныхъ,
Копорыя клубясь надъ стройною толпой:
То рвутся яростно къ побѣдъ призывая,
То тихо въюють — и порой
Печально полотною по древкамъ ниспадала,
Грозясь погибелью сподвижникамъ своимъ

На крыльяхъ легкаго воздушнаго дыханья
Несется ихъ согласный звукъ
И умирающихъ послѣднiя шепанья.
Въ ужаснѣйшемъ смѣшенiи шомъ
Невольный пренептъ вдругъ всѣ чувства обни-
маешь —
И въ воздухъ густомъ,
Котораго спруи звукъ спройный попрясаешь,
Вошь мвнися, что душа умершихъ оплещаетъ.
Но солнце ясное сквозь пучъ
Вдругъ поле бишвы освѣсило
И, по землѣ скользя свой слабый лучъ,
Ручьи запекшейся крови позолотило:
Повсюду зрѣлище расперзанныхъ часпей!
Смѣшенье пѣлъ и копій и мечей. . . . .
Ужасенъ видъ съ грозою павшихъ!
И покрываютъ ихъ непробудимый сонъ
Остатки брошенныхъ знаменъ
На грудахъ пѣлъ, ихъ защищавшихъ.
Теперь, покинувъ рай семейственныхъ отрадъ
Супруги, матери и дочери!
Спѣшите обнимать опцевъ, мужей и чадъ;
Придите счастъ свои пошери!
Придите вы, семьи сиротъ, вдовницъ,
Оспоривать у хищныхъ птицъ
Надежду вашихъ дней, плодъ вашихъ попеченій
О, сколько слезъ! Какой источникъ огорченій
Издѣкнеть прежде, чѣмъ опять
Земля произведетъ всё то, что могъ пожать
Одинъ день заключеній.
Но участи людей
Законъ безчувственной природы не внимаешь:
Надъ разрушеньемъ ихъ она чредой своей,
Путемъ назначеннымъ спокойно протекаетъ.
Надъ ними завтра шажъ зари
Въ лазурномъ небѣ засвѣтится
И, галевымъ лучемъ горя,
На свѣтлой стали опразится.
Рѣка кровавый слѣдъ омоешь на брегахъ;
Пустынный вѣспръ ихъ прахъ развѣетъ на по-
ляхъ
И почва, упучиая исплѣвными пѣлами,
Покроетъ кости ихъ душистыми цвѣтами.

Офросимовъ.

О С Т Е Р Е Ж Е Н I Е

Бѣгутъ песчанья дорожки
По мягкой зелени садовъ;
Злодѣй—капканъ поставленъ для кроповъ. . .
Ахъ, бойтесь пущъ гуляшь, хорошенкiя
ножки!
Вчера мнѣ снилось, что любовь
Подъ пѣнью розовыхъ кустовъ,
Сюдажь поставила капканъ не для кроповъ. . . .
О. Глинка.

С H A R A D E.

L'âme, chez toi, Lecteur! abandonnant le corps,
Mon premier est l'azile où repose ce corps:
On sait que mon dernier, commun à tous les corps,
Ajoute chez la femme à la beauté du corps.
Pour former mon entier il faut bien plus d'un corps;
Et pourtant cet entier ne forme qu'un seul corps.
(изъ Journal des Dames et des Modes.)

Въ No 3 помѣщенная шарада значить: *Пол-тина.*

M O D E S.

Le peu de nouveautés qui paraissent dans les magasins sont dues principalement à l'occasion du nouvel an. Aussi, sont elles peu du ressort des modes.—Elles tiennent surtout aux objets d'inutilité qu'il est bien dans notre affaire de détailler.—Et c'est à regret que nous nous voyons si pauvres d'observations.—Après avoir été dans les magasins qui d'ordinaire sont si brillans à cette époque, on se demande où faut-il aller? mais le luxe des boutiques ne se retrouve nulle part; le commerce est comme engourdi; parce qu'il n'est point encouragé. Ce stimulant de fin d'année qui fait inventer les mille objets de goût qu'on admirait, n'est rien en ce moment.—Il n'existe pas.

Du luxe! disent les marchands; et pour qui? à peine achète-t-on le nécessaire.

C'est triste.—Et notre *Mode* toute futile qu'elle puisse paraître, ne l'est pas à ce point, cependant qu'elle ne sente son devoir de réveiller l'élégance et même le *luxe*, si nécessaires dans ce tems de l'année; nous le répéterons encore, c'est le *luxe* qui est la fortune de l'ouvrier.—C'est par lui du moins que le riche arrive jusqu'au pauvre.

Combien ces ouvrages du mois de décembre faisaient vivre de familles, qui ne sont pas employées.—Combien cette année de bras inoccupés!

Modes. Rien d'ajouté, rien de retranché.—Les cha-
peaux de velours noir, pour demi-toilette du soir ou

toilette habiuée du matin, se font quelquefois avec des plumes de couleur.—Un, fort joli, qui a été vu aux Italiens, était à petite passe, calotte unie, inclinée.—Un ruban de satin bleu ciel tournait autour du fond et les bouts venaient s'attacher, l'un sur le côté droit de la forme un peu haut, faisant le noeud; l'autre sur le côté gauche de la passe, formant plusieurs boucles, couchées en plis, les uns sur les autres: deux plumes bleu ciel se contraariaient, l'une posée de droite à gauche sur la forme, l'autre, tournée, tombant sur la passe.

Les bonnets de gaze d'Orient ou de velours sont grands, les bords façonnés, plats.—Souvent taillés carrément.—Ceux que nous avons distingués en dehors des formes ordinaires étaient en velours hyacinthe; le fond extrêmement bas, plissé.—Les devans perdus, crénelés.—Cinq petits oiseaux de paradis, étaient placés de manière à se contrarier.—Un chapeaux rond, à la Rosine, des plumes courtes roses.—Berrets de velours de couleurs, des plumes blanches. Sur les chapeaux de velours ou d'étoffe on voit des aigrettes de plumes d'autruche. Si nous n'en avons pas déjà parlé, c'est que cette mode, n'est pas de bon choix.

Les noeuds de ruban serrés du bas, entourés d'une blonde qui tourne en serpentant, sont toujours fort bien noir sur noir, ou noir sur couleur.

Le mélange du noir est de meilleur gout avec une couleur un peu foncée qu'avec le rose ou le bleu ciel, lorsque la noir n'est pas le couleur dominante.

Les chapeaux de satin lilas, vert, doublés de velours noir à l'intérieur, ornés de plumes ou de blondes noires sont toujours bien.—Plus simple des noeuds de ruban de la couleur du satin.

М О Д Ы.

Новостей, появившихся къ новому году въ Парижѣ, вообще мало; модные магазины обыкновенно сподъ блестящие—пусты; торговля какъ будто остановилась отъ недосапка одобрения. Даже въ эту время, въ которое обыкновенно промышленность и вкусъ испощають всѣ средства для изобрѣненія новыхъ нарядовъ къ новому году, даже и теперь мы не имѣемъ почти ничего. Самые красивые уборы остаются въ лавкахъ, потому что никто не покупаетъ ихъ и цвѣ-

ля семейства, конхъ существованіе зависить отъ роскоши богатаго класса людей, не имѣють работы.

Моды.—Всѣ шѣже: черныя бархашныя шляпы съ цвѣшными перьями для вечерняго полушалепа, или нарядныя для упренныхъ визитовъ. Одна шляпка сего рода недавно обратила вниманіе въ Италіанской Оперѣ. Она съ маленькими полями и низкою шульею; вокругъ нее повязана была голубая атласная лента, одинъ конецъ коей пришили былъ банпомъ съ правой стороны шульи, довольно высоко; а другой слѣва составлялъ на полѣ нѣсколько пещель, расположенныхъ складками и лежащихъ одна на другой. Два голубыя небснаго цвѣта пера пересѣкали одно другое, бывъ пришилиены по сторонамъ шульи и падая на поля шляпы; уборы изъ воспочнаго газу или бархашу дѣлаются очень велики съ плоскими краями, иногда форма ихъ четверугольная; самыя щегольскія изъ нихъ изъ бархаша гяцишоваго цвѣта; шулья, очень низкая и собранная складками—края вырѣзанные городами—очень малы; мы замѣтили одинъ бархашной уборъ—шакого же цвѣта и формы съ пятью маленькими райскими ппичками приколонными крестообразно—шаже маленькую круглую шляпу (à la Rosine) съ розовыми и цвѣшной беретъ съ бѣлыми перьями. На бархашныхъ и маперчатыхъ шляпахъ носятъ сулшаны изъ спрофокамиловыхъ перьевъ—но это не въ большой модѣ.—

Банты изъ черныхъ лентъ, обшитые извилинами блондою, очень идутъ къ чернымъ и цвѣшнымъ плашьямъ.

Черная опдѣлка употребительнѣе на шенныхъ, нежели на голубыхъ или розовыхъ плашьяхъ. Атласныя шляпы лиловыя и зеленныя, подбитыя чернымъ бархашомъ съ перьями и блондою, очень въ модѣ. Къ проспымъ шляпамъ прикальваются атласныя ленты и перья подъ цвѣтъ атласа.

пер. *Издатель.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 5.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками въдѣ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 17 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Не человекъ — змѣя!.. Хочу у васъ спросить,
Случалось ли, чинобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою добро о комъ нибудь сказали?
Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРАНТИННАЯ ЖИЗНЬ.

Въ концѣ нынѣшней осени, возвращаясь изъ Малороссіи въ Столицу, на второй станціи опѣ Вишебска съѣхался я съ семействомъ Помѣщика *Кривосукова*.—Въ то время, какъ я вошелъ въ комнату Смолришеля, онъ со всѣми своими домочадцами, усѣвшись вокругъ стола, большая половина коего была завалена пѣуровыми книгами, счетами и прочими станціонными принадлежностями—изволилъ кушать чай. Въ дорогѣ люди какъ-то болѣе расположены къ радушію и знакомства заводяшся скорѣе. Не успѣлъ я снятъ шинель и опдашь свою подорожную Смолришелю, суевившемуся около самовара, какъ Помѣщикъ—мущина лѣтъ бо-пи, въ коричневой бекешѣ, съ собольимъ воротникомъ—первый обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Не угодно ли башюшка, извините, имени и опечества не имѣю чести знать, выкушать съ нами чашечку чайку? эпо моя жена и семейство—честнѣ имѣю рекомендовать.»

Я принялъ охотно предложеніе и усѣлся подлѣ хорошенькихъ его дочекъ. — Послѣ обыкновенныхъ рекомендацій и учтивостей *Кривосуковъ* объявилъ мнѣ, чшо онъ С—скій Помѣщикъ, ѣдитъ въ Цесербургъ по

одному важному пляжебному дѣлу и очень боишся бытъ задержану въ Боровичскомъ Карантинѣ, слухи о которомъ спошь много его пугали. И въ слѣдъ за симъ, посѣпалась на меня куча вопросовъ и восклицаній опѣ каждаго изъ членовъ эпаго много-плоднаго семейства. —

«Правда ли, башюшка, спросила со страхомъ Г-жа Кривосукова, чшо прежде, нежели попадешъ въ Карантинъ запирають на нѣ-сколько часовъ въ особую комнату, наполненную какимъ-по дымомъ. . . Охъ! забыла окаянная, какъ бишь его прозываютъ?»

—Не Хлоромъ ли? — спросилъ я.

«Да башюшка, хоромъ . . . и опѣ эпаго лдо-випаго зѣлля, сказываютъ многимъ, особливо дамамъ, дѣлаются обмороки, инья даже умирають! . . . а плашь шакъ опрыскиваютъ, чѣмъ-по шакимъ, чшо гдѣ капнешъ, шамъ и прозжетъ насквозь.» — Особенно мѣха, прибавилъ супругъ ея, поглаживал свой вытерпшій соболій воротникъ.

«Неуже ли и шали и шляпки будутъ опрыскивать?» спросили въ одинъ голосъ дочери Помѣщика, посматривая съ горести въ окно, передъ которымъ споляла ихъ карепта—и вѣрно въ эпу минушу не она была предметомъ ихъ заботливаго вниманія, но боль-

шой лубочный коробъ съ нарядами, привязанный наверху оной.

«А какъ вспомнимъ, что надо прожить 14 дней въ курной, холодной избѣ, да сверхъ того и доспать ничего нельзя: изволь плащись за говядину по рублю за фунтъ, да за фунтъ хлѣба по два рубля—такъ сердце замираетъ! А нынѣ, какіе доходы? сами изволите знать! да къ тому же, и дѣлишки позавялись и мало ли еще какихъ расходовъ понаберется!»—прибавилъ словоохотливый провинціалъ, посматривая на жену и дочерей, кошорья казалось не слыхали послѣднихъ словъ. —

Я старался, сколько могъ, разуверить это доброе семейство на счетъ карантинной жизни; но они на все мои доказательства отвѣчали только улыбкою сомнѣнія.

Вошедшій Смопритель провозгласилъ: *лоццанди готовы?*—и мы распались. Я на своей перекладной шельгкѣ помчался, какъ вихрь, оставляя за собою далеко дѣдовскій рыдванъ Помѣщика.

На четвертый день я былъ уже предъ Боровичскою Карантинною заставою. Множество обозовъ, шельгъ, экипажей всякаго рода ожидало здѣсь выхода Комиссара и движенія шлахбаума: это была конная въ маломъ видѣ. Черезъ полчаса Комиссаръ явился и просилъ насъ повременить, покуда квартиры, занимаемыя выпущенными проезжими, будутъ окурены и очищены, по карантиннымъ постановленіямъ. Вооружась терпѣніемъ, мы расположились биваками передъ заставою: иные не выходили изъ экипажей, другіе попрыгивали на морозѣ и опогрѣвали руки. Вообразилъ, что такому множеству претендеентовъ на пассажирскія мѣста, будетъ не слишкомъ спорно въ Боровичахъ, гдѣ впрочемъ было отведено 49 домовъ для Карантина, мы скося поглядывали другъ на друга.

«Царю Небесный! еще идетъ обозъ!» закричалъ жалобнымъ голосомъ одинъ изъ членовъ нашего общества — низенькая краснотлицая персона въ волчьей шубѣ—маркишантъ, кошорый возвращался изъ Молдавіи, около ста дней просидѣлъ уже въ разныхъ карантиннахъ. Мы обратили успрашенныя взоры

въ ту сторону, откуда раздавался звонъ колокольчика. Сошлюсь на всехъ, кто выдерживалъ Карантинны, какъ неприятно слышалась пронзительный звонъ, возвѣщающій умноженіе пассажировъ, а слѣдовательно, тѣснопу и безпокойство. Ближе и ближе, съ величественною медленностію подъѣзжалъ предметъ нашихъ опасеній. Сперва показался тяжельй, знакомый мнѣ рыдванъ, а за нимъ нѣсколько возовъ со всякою домашнею провизією, которою предусмотрительный провинціалъ, спрашась голодной смерти, запасся на полгода.

Комиссаръ возвратился. Желанная минута наступила: уже роковыми щипцами отбираютъ наши подорожныя, наконецъ со скрипомъ шлахбаумъ подымается — и насъ выпускаютъ въ Карантинъ; поочереди вводятъ въ окурную комнату, гдѣ врачъ каждаго осматриваетъ. Сопровивъ крестное знаменіе, входятъ наконецъ и семейство Г. *Кривосукова*, какъ будто за ширмы на исповѣди, чрезъ четверть часа, возвращается оттуда съ торжествующими лицами. Казалось гора отлегла отъ сердца — особливо у дочерей; онѣ чуть не плакали отъ радости, глядя на чудомъ спасенныя свои шляпки и наряды.

Послѣ окурки, Комиссаръ размѣстилъ всехъ по квартирамъ, довольно спокойнымъ. Намъ досталась на проихъ большая изба съ бѣлою трубою; а Помѣщику во уваженіе его семейства, отвѣли двѣ лучшія комнаты въ Госпитальницѣ. Въ Карантинѣ со всеми пассажирами обращались вѣжливо, желанія ихъ исполнялись скоро; дешевизна во всехъ жизненныхъ припасахъ была выше ожиданія. Въ доказательство сего скажу, что за фунтъ лучшей говядины мы платили не болѣе 11 копѣекъ; за фунтъ чернаго хлѣба по 6, а за булку по 12 копѣекъ—можно ли дешевле претоваться только однимъ чаемъ и сахаромъ должно запасаться въ Порховѣ. Кто хотѣлъ обѣдать дома, тому хозяинъ квартиры покупалъ все, что нужно, по цѣнамъ означеннымъ въ таксъ. Кто же не хотѣлъ держать своего стола, тому за 2 рубля 50 коп. приносили сытный, вкусно состряпанный обѣдъ изъ Госпитальницы. Но по большей части про-

везде, живущие на одной кварширь, складывающиеся вмѣстѣ, держатъ общій сподъ и всѣ расходы дѣлаютъ пополамъ.—Жизнь карантинная весьма регулярна. Воспаемъ обыкновенно рано, а часу въ 1 или 2 пополудни отправляемся гулять по улицамъ. Тамъ вы встрѣтите, особливо въ хорошую погоду, людей всякаго званія и сословія: дамъ, дѣшей, военныхъ, сшашскихъ, кунцовъ, словомъ, всѣхъ, чающихъ движенія воздуха. Только разговаривать и сходиться другъ съ другомъ спрожайше запрещено. Нагулавшись досыта, всѣ возвращаются обѣдать на свои кварширы. Вечера же посвящались чтенію и бесѣдѣ. Словомъ, жизнь карантинная не только не скучна, но даже очень пріятна. О себѣ скажу, что я провелъ здѣсь нѣсколько пріятнѣйшихъ дней. Эпимъ я обязанъ товариществу съ двумя молодыми, образованными людьми, у которыхъ была запасена провизія не для желудка, а для души: множество новыхъ, избранныхъ книгъ.

PS. Покорнѣйше прошу Г. Издателя Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду, помѣстивъ сію статью въ своихъ листкахъ для того, чтобы вывести изъ заблужденія провинціаловъ, подобныхъ простодушному Помѣщику *Кривосукову*, которые воображаютъ себѣ Карантинны въ видѣ чумныхъ гошпиталей и, не поспигая отеческихъ попеченій Правительсва, шодкуютъ о нихъ превратно.

Н. Лукинъ.

г. Января
1831 года.

А Н Е К Д О Т Ъ.

Кто изъ Русскихъ можетъ забыть крошечную *Елисавету*, вѣщносную Супругу *Александра* благословеннаго? Кто изъ Русскихъ можетъ вспоминать о Ней безъ умиленія и чувства душевной, искренней признательности? Сія добродѣтельная Государыня, мать сиротъ и несчастныхъ, употребившая всѣ дни незабвенной жизни своей на утѣшеніе спраждущихъ, и находившая сладкую, един-

ственную награду въ пихомъ, ангельскомъ сердцѣ своемъ,—была для Россіи, какъ нѣкій даръ всевышней Благодати!... Между многими ея, истинно неземными добродѣтелями, всѣмъ была извѣстна Ея неизмѣнная привязанность къ великому *Александру*.—Слѣдующій, хотя малозначащій, случай, доказываетъ однако же, сколь безысключительно сердце Ея было предано обожаемому Супругу и сколь сильно дѣйствовало на Ея Императорское Величество одно имя Его.

Государыня *Елисавета Алексѣевна*, въ 1818 году, слѣдуя изъ Москвы въ С. Петербургъ, остановилась въ Выдропуховскомъ яму для перемѣны лошадей. Незадолго передъ тѣмъ, черезъ сей же ямъ прохалъ Императоръ. Когда лошади уже были перемѣнены и Ея Величество отправилась въ дальнѣйшій путь, Выдропуховскій ямщикъ *Иванъ Красовскій*, (въ домъ коего, прежде заведенія въ семъ яму гостиницы, всегда останавливалась Царская фамилія,) подбѣжалъ къ каретѣ, и нарѣчимъ, свойственнымъ доброму Русскому народу, началъ просить Ея Величество удостоить его домъ выеокимъ своимъ посѣщеніемъ. «Машушка Государыня»—сказалъ ямщикъ,—«остановись пожалуй, зайди на спарую кварширу опкушай чайку»—Ея Величество, съ обыкновеннымъ Ея великодушіемъ, принявъ ласково сіе усердное приглашеніе, не менѣ того опказывалась исполнить просьбу Красовскаго, по той причинѣ, что дальній путь не оставлялъ Ей лишняго времени. Ямщикъ упорствовалъ, повпорялъ просьбу свою и наконецъ громко закричалъ: «Машушка! отецъ нашъ, *Александръ Павловичъ*, приказалъ Тебѣ зайти въ избу мою.» Услышавъ слова сіи, Ея Величество, въ ту же минуту приказала остановиться, вышла изъ кареты и посѣнила обрадованнаго ямщика.—Какая черпа чувствительности и любви къ супругу!—Пусть Господь упокоитъ въ міръ душу крошечкой *Елисаветы* и дастъ Ей мѣсто возлѣ *Ангела*, который на небесахъ.

Дубельтъ.

1829.
С. Рыкина.

СТАТИСТИКА

Римскихъ Папъ.

Предлагаемъ, основанное на достовѣрныхъ исповѣданіяхъ, любопытное указаніе спрашъ, изъ которыхъ произошли 256 Папъ, занимавшихъ Апостольскій престолъ со времени св. Петра до Льва XII: 1 родомъ изъ Галліи, 17 Грековъ, 4 Африканца, 6 Сириявъ, 1 Сабинецъ, 16 Тосканцевъ, 2 Далматца, 4 Сициліанца, 16 Неаполипанцевъ, 2 Сардинца, 4 Испанца, 7 Венеціанъ, 8 Миланцевъ, 15 Французовъ, 6 Нѣмцевъ, 1 изъ Лопарингин, 1 изъ Бургиньона, 5 Генуезцевъ, 2 Піемонтца, 1 Голландецъ, 1 Португалецъ, 1 Англичанинъ, 1 съ острова Кандіи и 134 изъ Церковной области.

И т а л и я.

1. Австрійская, состоящая изъ Ломбардо-Венеціанскаго Королевства, Италіанскаго Тироля и части Иллиріи и Триеста, содержитъ въ себѣ 5 миліоновъ жителей и 60,000 чел. войска. Доходу даетъ 130 миліоновъ.

2. Сардинія, заключающая въ себѣ Піемонтъ, Геную, часть Миланской области, Монфератъ и островъ Сардинію, содержитъ въ себѣ 4 миліона жителей, 25 т. войска и приноситъ дохода 70 миліоновъ.

3. Герцогства Пармское и Пиачендское имѣютъ 460 т. жителей, войска 1,500 чел. Герцогиня получаетъ съ нихъ 5 миліоновъ дохода.

4. Герцогства Моденское, Масское и Карарское заключаютъ 380 т. жителей; 1,900 чел. войска и 4 м. дохода.

5. Въ Луккѣ считается до 150 т. жителей, 1000 чел. войска и 2 миліона дохода.

6. Въ Великомъ Герцогствѣ Тосканскомъ полагается 1,400,000 жителей, 3,500 войска, 2 м. дохода.

7. Церковная область состоитъ изъ 2,600,000 жителей, 5 т. солдатъ; доходовъ Папа въ обыкновенный годъ получаетъ до 30 м. а въ годы юбилея до 40 миліоновъ.

8. Королевство Неаполипанское, или обѣихъ Сицилій заключаетъ до 7,800,000 жителей, содержитъ армію изъ 30 т. человекъ, дохода имѣетъ до 90 миліоновъ.

9. Республика Сень-Маркская имѣетъ 6,800 жителей, 35 чел. военныхъ, 80 т. дохода.

пер. В. Соколовъ.

ВЕЧЕРЬ У ГРАФИНИ ДЮБАРРИ.

(Продолженіе.)

С и л ь ф ь.

Одна изъ моихъ пріятельницъ — такъ начала рассказывать свое странное приключеніе Госпожа *Формалькье* (*) — занимала съ своею свекровью на лѣтніе мѣсяцы одинъ замокъ въ Овернѣ. Это мѣсто настоящая пустыня; тамъ чаще встрѣчаются волки, нежели люди. Слѣдственно, моя пріятельница имѣла тамъ самый лучший случай, познакомиться со всякимъ возможнымъ родомъ скуки.

Между тѣмъ, мужъ ея сражался или забавлялся въ военномъ лагерѣ по силамъ и возможности. Восемь мѣсяцевъ проводила она ежегодно въ разлукѣ съ мужемъ, и четыре года уже прожила въ сей безмолвной пустынѣ. Въмѣсто того, чтобы привыкнуть къ однообразной жизни, она вышла наконецъ изъ терпѣнія.

Однажды, углубясь въ размышленіе о томъ, какъ помочь сему несчастію, она вдругъ увидѣла на своемъ стулѣ красиво сложенное письмо. Почеркъ былъ самый мѣлкій, слогъ нѣженъ и легокъ; за пою и сочинитель былъ нѣжное существо: какой-то эфирный Духъ, Сильфъ или Геній всунулъ съ нею въ переписку. Онъ клялся ей въ любви, въ самой нѣжной любви, увѣряя, что все его блаженство зависить единственно отъ ея взаимной любви; что онъ не разъ уже приближался къ ней въ дыханіи весны, лобызавшемъ ея кудри, въ благовоніи ея любимыхъ цвѣтѣвъ, и въ видѣ спростнаго мотылька; но что одно только чувство глубочайшаго къ ней уваженія причиною тому, что онъ такъ долго скрывалъ пламя, его пожирающее, что теперь Прелестная должна надъ нимъ жалиться: ибо въ противномъ случаѣ спраситъ любви прекратишь его нѣжную жизнь и предашь его эфирное тѣло въ добычу всѣмъ чертѣмъ въпрямъ. Онъ заключилъ тѣмъ,

(*) Рассказъ Герцога *Ришелье* буденъ напечатанъ въ No 6.

что съ робостью, свойственной Сильфамъ, влагаетъ рршеніе своей стихійной участи въ руки своей возлюбленной, прося ее, скорѣе произнести надъ нимъ приговоръ, хотя бы онъ былъ смертный. Письмо подписано было таинственнымъ именемъ *Залодъ*.

Вообразите же себѣ, каково было у бѣдняжечки на сердцѣ, когда она читала и перечитывала его письмо? Она предалась сладостнымъ мечпаніямъ; нельзя сказать, что она всему слѣпо повѣрила, но ея льстила мысль, что она вдругъ сдѣлалась дѣйствующимъ лицомъ романа, развязка котораго столь много обѣщала. Она не могла преодолѣть любопытства, узнать, существуютъ ли дѣйствительно эфирные духи, и если они существуютъ: что заводятъ ли они любовныя связи съ женщинами и въ чемъ состоятъ у нихъ эпа спросъ и связь? Она чувствовала себя достойною любви такого эфирнаго существа, и всѣ догадки ея великъ тому заключенію, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ это очень пріятно можетъ занять ея въ замкѣ, гдѣ ей до тѣхъ поръ было и скучно и пошно. Распала свое воображеніе мечпаніями, она вышла въ садъ прогуляться, и когда на открытомъ воздухѣ въперокъ заигралъ ея локонами, когда почувствовала она любимый аромашъ резеды, когда наконецъ вблизи ея вспорхнулъ мошмекъ—погда у нее голова закружилась отъ спрашнаго съ нею приключенія.

Наспунила ночь. Моя пріятельница поспѣшила въ спальню, оставивъ въ гостиной свою свекровь, преспарълаго приходскаго священника и почтеннаго управителя: она сама не вѣдая за чѣмъ, спѣшила къ одинокой своей постель предаться покою. Она раздѣлась наскоро, но не могла сомкнуть глазъ, а мучилась разными мистическими и кабалистическими догадками и теоріями, защищая и опровергая свои собственныя мнѣнія, подобно схоластику пятнадцатаго вѣка.

Огромныя башенныя часы возвѣстили уже полночь, а моя пріятельница все еще не спала, все еще не сладла съ идеальными существами, коими воображеніе населило комнату. Но едва замеръ въ воздухѣ послѣдній бой часоваго колокола—какъ—о чудо!—она

почувствовала запахъ резеды—сердце ея забилось сильнѣе, она ощутила близость Сильфа и нѣжный вздохъ проникъ до ея слуха—но не былъ сквозной въперъ, проходившій сквозь шелковые занавѣсы, но не былъ глухой гулъ въ незакрытой трубѣ камина; слишкомъ явственно, слишкомъ громко выразалось воздушное вождѣленіе: то вѣрно былъ *Залодъ*!—Она едва успѣла объяснить себѣ сіе мистическое явленіе, какъ уже послѣдовалъ впорой вздохъ и нѣжный голосъ тихо и громко произнесъ имя *Алины* (такъ называлась моя пріятельница).—Благоговѣнный препеть овладѣлъ красавицею при мысли, что она столь чудесно перенесена въ царство духовъ. Въ первый таинственный мигъ она хранила глубокое молчаніе; но нѣжный звонкій голосъ вздыхалъ все спрашнѣе и спрашнѣе: *Алина! Алина!*

Тогда моя пріятельница, собравшись съ духомъ, спросила «кто ты и чего отъ меня хочешь?»

«Кто я!»—шепталъ звонкій голосокъ—«ты уже знаешь меня и мою спрашнѣ; ахъ, бышь можешь я пришелъ выслушать свой смертный приговоръ! я не могу жить, если не будешь сострадательна къ моей пламенной любви.»—Моя пріятельница не была жестокосерда и пошному Генію, замѣшивъ сіе, спалъ смѣлке. Я уже прежде сказала вамъ, что моя пріятельница рѣшилась завести сіе знакомство, желая единственно пріобрѣсти себѣ какія нибудь свѣдѣнія о волшебномъ мѣрѣ. Она съ жадностію воспользовалась симъ благопріятнымъ случаемъ и весьма легко разрѣшила загадки, которыя въ самомъ началѣ ее затруднили. Неупомимо продолжала она брать первый урокъ до упренней зари и переспала пошому только, что иногда опкланялся ей невидимка. Повтореніе есть мать всѣхъ познаній. Моя пріятельница продолжала учиться каждую ночь; она знала, что ночная пишина благопріятствуетъ открытію таинствъ природы: самъ учитель былъ изумленъ необыкновенными успѣхами своей ученицы. Невидимка пребоавъ отъ неі исполненія одного условія: оно состояло въ томъ, чтообы за урокомъ довольствоваться ей слушаніемъ Генія, его благоуханіемъ

резеды, чувствованіемъ его близости, совершенно отказаться опъ желанія его видѣть; ибо, въ прошивномъ случаѣ, онъ принужденъ будетъ навсегда исчезнуть. Моя знакомка на это не ропсала, пока жажда познаній находила себѣ довольно пищи, и такимъ образомъ, промчалась для неѣ недѣля, какъ одинъ часъ.

Въ сіе время занемогъ почтенный управитель; онъ часто навѣщалъ замокъ, и владѣтельница онаго полагала, что нимадо не будетъ для неѣ унижительно, проѣзжаясь вечеромъ, навѣститъ этого почтеннаго человека. Свекровь поѣхала съ нею: онъ засталъ больнаго въ эту самую мину, когда служили у него вечерню. Голосъ чпеца показлся моей пріятельницѣ знакомымъ: онъ совершенно походилъ на чистый, звонкій голосъ шайншвеннаго *Залое*. Дамы вошли. Чпець былъ сынъ управителя. Въ испугѣ уронилъ онъ служебникъ, — дрожа и блѣднѣя, споялъ передъ нами какъ вкопанный — а я, я по же не знала, что говорю.

«Вы сударыня?» — спросилъ Король: «какъ же вы тамъ очутились? просимъ разрѣшить намъ эту поднебесную загадку, воскликнулъ онъ, смѣясь, и все собраніе, улыбаясь, повторило конечно, вы обязаны это сдѣлать!» —

Но, уши покраснѣла Госпожа *Форкалькье*, раскаяваясь, что неоспорочно выронила слово. Всего болѣе спыдно ей было попому, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, она споль язвительно насмѣхалась надъ знакомствомъ мнимой своей пріятельницы съ Эльфомъ. — Дамы собесѣдницы ея всячески старались вывести ее изъ замѣшательства, но положеніе ея черезъ шо спановилось еще мучительнѣе; по прошествіи доброй четверти часа, она сама собралась съ духомъ и сказала: признаюсь откровенно. Вашему Величеству, и вамъ, мои почтенные слушатели и слушательницы, что я была жилицею угрюмаго замка. Сынъ управителя, чиналъ мнѣ по ночамъ пворенія Графа *Гибалиса*; эпопѣ застѣнчивый молодой человекъ никогда не осмѣливался днемъ показаться въ замокъ; онъ открылъ древнее, полуобвалившееся подземелье, и черезъ него невидимо входилъ и выходилъ изъ замка. Добравшись па-

кимъ образомъ до истины, я сдѣлала ему спржайшій выговоръ, и запретила сыну управителя шо, что повздила Сильфу. Знакомство сіе въ глазахъ моихъ управило всю свою предесць; между тѣмъ, однако я имѣла причину, не вовсе разладить съ Героемъ этой комедіи. Я за него ходатайствовала — и одичилъ изъ моихъ родственниковъ, взлать его, къ себѣ въ полкъ. Тамъ онъ сдѣлалъ себѣ дорогу; онъ пенерь Ромшиендромъ.

Король возразилъ: «мнѣ пріятно слышать, что обитатели царства Эльфовъ опредѣляются въ мою армію. Я полюбилъ этого молодого Генія, и если онъ дворянинъ, шо получишь полкъ.»

«Государь!» — робко отвѣчала Г-жа *Форкалькье*: «онъ дворянинъ, если вы энаго захопите, Господинъ *Лозе* осѣнитъ его наирокшнѣйшимъ родословнымъ деревомъ.»

Королю сіе не понравилось: онъ вдругъ перервалъ разговоръ и, вмѣсто Герцога *Дюраса*, самъ началъ рассказывать.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ: СЧАСТЛИВЫЙ СОПЕРНИКЪ.

Соперникъ счастливый, Иртышъ!
Я знаю всѣ твои прельщенія,
За тайну щепино ты хранишь
Ея души къ тебѣ стремленья.
Ахъ, всѣ — завѣтныя любви
Тебѣ доступны наслажденья,
Къ тебѣ идетъ она — крови
Тушишь невнятные волненія.
Очарованье наведенъ
Ей шумныхъ волнъ твоихъ плесканье;
Въ душѣ красавицы минетъ
Спыда безмолвное роупанье.
Ничто не скрыто предъ тобой,
Тебѣ блаженства всѣ готовы:
Она поспышною рукой
Снимаетъ душевные покровы.
Они падутъ — и жадный взоръ
Природы на нее вперяся,
И, твой внималъ разговоръ,

Лесь смолкнулъ, беречь припаялся.
 Но стыдъ забытый пробудить
 Ты къ ней своимъ прикосновеньемъ,
 И первый шагъ ее смутилъ:
 Она очнулась съ изумленьемъ.
 Но прелестью смущенный самъ,
 Ты удержалъ свое стремленье,
 Съ любовью падалъ къ ногамъ,
 Явилъ къ ней рабское почтенье.
 И вощь шею опдавшись вся,
 Она отбросила ромашья,
 И вощь ды обилья спанятея,
 Обречь на персяхъ наслажденья.
 И всь убьжища любви,
 Проникнуть, влагой ды, стремишься;
 Какъ милы для шею, оны!
 Какъ сладостраспно къ нимъ капишься.
 Она, любуясь тобой,
 Твою въжигея пройждой,
 И плещеть жадною рукою
 На грудь струи швой съ опрадой.
 Какъ грустно, знаю, для шебя,
 Когда наступитъ распаванье;
 Тогда удвоишь для нея
 Ты хочешь спраспный лобзавья.
 Ты въ мягкихъ причесься кудряхъ,
 Ты льнешь къ ней влагою своею,
 Блещишь въ пылающихъ очахъ,
 И бьую обнимешь шею.
 Она ушла . . . глядишь съ поскою
 На тропку, гдѣ права измяла
 Ея прелестною ногою, —
 И завтра ждешь ся возврата.

Владимиръ Весселъ.

CHARADE.

Par mon premier un médecin habile
 Se fait un nom à la cour, à la ville.
 Je plains celui qui n'a plus mon dernier;
 Il cesse alors d'user de mon entier.

Въ No 4 помѣщенная шарада значить: *Troupeau*.

Autrefois, — c'est-à-dire dans le temps de jeunesse de ceux qui ne sont plus jeunes, le tems d'enfance de ceux qui le sont encore.

C'était une grande et solennelle époque que le premier jour de l'an. Dès le 31 décembre, car il fallait choisir un jour d'avance à un jour de retard, on commençait ses visites *en personne*, et cette mortelle journée était également redoutée des visiteurs et des visités. — Aujourd'hui, — des devoirs de famille dont rien ne doit dégager, des devoirs d'amitié dont il coûterait de se dispenser, — sont seuls des obligations. — Et si l'on rencontre des voitures qui se croisent, des piétons qui se coudoient, on peut penser qu'il y a parmi la foule grand nombre de victimes volontaires, si ces individus ne font partie des députations de corps, juges, maires, conseillers, et allant selon l'usage offrir leurs vœux d'heureuse année.

Modes. — On fait pour le soir de petits chapeaux dont la passe est en blonde. — Tout autour est un biais de satin qui cache le laiton. — La blonde n'est pas doublée, elle est transparente. — Ils doivent être ornés de plumes blanches.

Des berrets de velours à grands bords relevés. — Deux plumes. Même forme en crêpe. Les devants sont formés de plusieurs parties qui sont coupées par distance. — La calotte très-basse, deux grandes plumes tournées du bout sont placées l'une à droite sur la forme, tournant à l'extérieur, l'autre tombant sur le cou à gauche.

Des petits chapeaux à très-courte passe. — Relevés fort en l'air, du côté droit surtout qui est plus grand que le côté gauche.

Le dessous de la passe est plissé, un noeud en rosette s'attache vers le milieu à droite, et tient à la traverse. — Des aigrettes de ruban découpé, une seule plume courbée. — En dehors, à peu près à la hauteur de l'oreille droite un noeud, dont les bouts sont assez longs. — Point de brides.

Les chapeaux de velours restent les mieux choisis, pour demitoilette et négligé.

Pour les enfans, la peluche, le velours sont bien. — On fait aussi des capotes d'étoffe anglaise, soie mêlée de laine. — La passe doublée de satin. — Froncés par de petites baleines. — Pour les rendre chaudes, on place à l'intérieur une coiffe de marceline, ouatée très-légèrement. — Sur la forme, devant, un noeud en chou.

Robes. — Les redingotes. — Les robes montantes. — Les manches unies. — Les jupes plates.

Des pèlerines. — Des collets qui retombent aux corsages montants. — Et point de nouveautés de formes.

Lingerie.—La forme des cols est le plus généralement carrée.—Une dentelle au bord, une broderie au-dessus de l'ourlet.

Quelques-uns cependant sont à dents assez profondes.—Il y en a à deux rangs, qui ne sont pas pareils. L'un a les dents pointues et creuses.—L'autre a les dents rondes et peu senties.

Les mouchoirs de poche se brodent tout autour au-dessous de l'ourlet en guirlande.

Description de la planche No 2. Chapeau de satin rose doublé de velours noir;—robe de satin garnie d'un rouleau de fourrure.

М О Д Ы.

Нѣкогда, — то есть ввремя молодости нѣхъ, которые теперь уже не молоды, и въ ребячествѣ переперешнихъ молодыхъ людей, первый день года составлялъ важную и торжественную эпоху. 31 Декабря, находя приличье однимъ днемъ ускорить, нежели опоздать, начинались личныя (en personne) посѣщенія, и сего несноснаго дня равно боялись посѣщители и посѣщаемые.—Нынѣ единственными обязанностями почитаются только налагаемыя на насъ родствомъ, опъ коего ничто не можетъ освободить насъ, или дружбою, копорую мы сами на себя возлагаемъ.—И если вспрѣпятся вамъ кареты, обгоняющія одна другую, или шолпа пѣшеходцевъ: то будьте увѣрены, что большую часть шолпы сей составляютъ произвольные спрдадальцы обычая, если только особы, скачущія въ сихъ экипажахъ, не принадлежатъ къ сословію депушатовъ, судей, меровъ, совѣтниковъ спѣшащихъ принести свои поздравленія съ новымъ годомъ своимъ Начальникамъ.

Моды.—Для вечера дѣлаютъ маленькія шляпки, съ блондовыми полями.—По краю положена косая полоска (biais) изъ апласа, закрывающая каркасъ.—Блонда ни чѣмъ не подложена, но прозрачна.—Онѣ украшаются бѣлыми перьями.

Береты изъ бархата съ большими поднятыми полями. Два пера.—Топъ же покрой

изъ крепа.—Туля очень низкая; два большія пера съ завороченными концами, одно приколono на правой сторонѣ шульи и обращено къверху, другое слѣва упадетъ на шею.

Маленькія шляпки съ коропкими полями, очень поднятыми къверху, особливо больше съ правой, нежели съ лѣвой стороны.—Подбой поля положенъ складками, бантъ репейкомъ (rosette) прикальвается съ правой стороны.—Султанчикъ (atgrettes) изъ вырѣзанныхъ лентъ; одно наклоненное перо.—Съ наружи, почти въ ровень съ правымъ ухомъ бантъ, концы коего довольно длинны. Шляпа безъ завязокъ.

Бархатныя шляпки все еще считаются опличнѣйшими, для полу-наряда и запросто.

Для дѣтей плюшь и бархатъ въ употребленіи.—Дѣлаютъ также капоты изъ Англійской шелковой съ шерстью матеріи.—Поле подложено апласомъ.—Собрано на маленькихъ коспючкахъ.—А для шепла вкладываютъ въ шулю Марцелиновую шапочку слегка подложенную ватною.—На шуль съ переди бантъ репейкомъ.

Плашья:—Реденготы.—Плашья съ высокимъ лифомъ.—Рукава гладкіе. Юбки безъ опдѣлокъ.—Пелеринки.—Опложные воротники.

Бѣлье:—Воротники дѣлаютъ вообще четвероугольные.—Кругомъ обшитые кружевомъ, надъ рубцемъ шитье, нѣкоторыя однакоже вырѣзаны довольно глубокими зубцами.—Дѣлаютъ также двойные воротники.—Одинъ съ острыми глубокими зубцами, другой съ округленными плоскими.

1-е Носовые платки вышиваются кругомъ гирляндю надъ рубцемъ.

Изъясненіе картинки No 2. Розовая апласная шляпка, подбитая чернымъ бархатомъ, апласное платьице, опдѣланное мѣховымъ руло.

пер. *Издатель.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 6.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-ссыякою и пересылкою 55 рублей.

СРЕДА, ЯНВАРЯ 21 дня, 1831 года.

Таланны испинны за критику не злятся;
Ихъ повредить она не можетъ красоты:
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя бояшя.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИСТОРИЯ КУРИТЕЛЬНОЙ ТРУБКИ.

(Отъ всего сердца посвящаю Генералу П. и Полковнику Д.)

Я отправился въ дальнюю дорогу и можетъ быть безъ возврата. Мы съ Доброхотовымъ не довольно знали, чего спонитъ любовь, но уже испытали цѣну дружбы. Прощаніе наше было гореспно; оно походило на опчальніе. Мы ничего не говорили. О чемъ же было весни разговоръ! за по все выражали заплаканные глаза наши, и судорожное сжатіе рукъ имѣло свой языкъ, свое краснорѣчіе. Часы лепѣли. Мы уже помѣнялись тысячью бездѣлокъ на память. Я подарилъ ему свой, худо написанный ученическимъ карандашемъ, поршрешъ, копорый я просподушно считалъ произведеніемъ художника. Наконецъ онъ вскочилъ съ своего мѣспа, выдвинулъ пошайной ящичекъ изъ бюро, и вынулъ оттуда куришельную шрубку, вложенную въ искусно обдѣланный деревянный фулляръ.

Если вы не Германскій поэтъ, не Членъ Англійскаго Парламенпа и не Русскій морякъ: то никогда не чувшвовали, какое счастье курить изъ трубки своего друга. Сло-

во *счастіе* я беру въ самомъ обширномъ, полномъ смыслѣ; ш. е. разумію подъ нимъ: физическое наслажденіе, смежное съ метафизическимъ, опдыхъ, спокойствіе души, мирное и тихое занятіе ума. Предметъ, копорый вы держите въ рукахъ, копорый вы непрерывно и спраспно цѣлуште, эпоптъ предметъ былъ неизмѣннымъ товарищемъ, сослуживцемъ, повѣреннымъ вашего друга, вдыхалъ ему самыя сладостныя, самыя нѣжныя мечты; держа его въ успахъ, безъ сомнѣнія онъ тысячу разъ воспоминалъ о васъ: эпо подруга, эпо любовница вашего друга!

Милыя друзей моихъ очень близки къ моему сердцу.

Если вы потребуште математическихъ выводовъ, я готовъ доказать вамъ эпо, какъ дважды два чепыре; но вы не Математикъ — и такъ оставимъ эпо.

Путешеспвовали ли вы? проѣзжали ли черезъ Курскъ, Харьковъ, Новочеркасскъ, Екаперинославль, Спаврополь? переправлялись ли черезъ Кавказскія горы? былили на Чатырдагъ, на Эльборусъ, на Казбекъ, на Араратъ? Если были: то, можетъ быть, я имѣлъ честь васъ гдѣ нибудъ видѣшь.

Если въ прекрасный день, при блескѣ солнечномъ, случалось вамъ встрѣшпшь молодого

человѣка, небольшого ростомъ, плотнаго, въ запыленномъ сѣринкомъ сюрпукѣ, въ очкахъ, въ карпузѣ съ чрезвычайно длиннымъ козырькомъ, проспергаго подъ пѣвную орѣшину или дуба, на берегу Нарвскаго водопада, Волги или Эвфрапа, съ лоскупомъ бумаги и карандашемъ въ рукахъ, или съ безпечностью чипающаго спарую книженку въ зеленѣномъ сафьянномъ переплѣтѣ, или пачкающаго въ порпфели очаровательный видъ Балаклары, Алулки или Юрзуфа; и во всякое время держащаго въ зубахъ красивую маленькую трубку, чернѣе агапа, бѣлѣе вершины Эльборуса, и, какъ беззаботный Философъ, который не поморщится, хопя бы мѣръ разрушился, испускающаго облака легкаго дыму; это я, вашъ покорный слуга: мы старые знакомцы.

Если на какомъ нибудь плохомъ почповомъ яму, гдѣ изломанное колесо вашей повозки, или недоспапокъ лошадей заставилъ васъ переночевать, вы замѣнили въ углу грязной избы молодаго человѣка въ сѣромъ сюрпукѣ, съ черными острыми глазами, который увивался около племянницы или служанки Почповога Смотрипела, игралъ съ дилляпей, съ кошкою, собакою; мучилъ ихъ, ласкалъ, одного приводилъ въ слезы, другихъ засипавлялъ визжапъ, или бросивъ все это, рисовалъ каррикатуру, исписывалъ спѣвны корчмы стихами: въ этомъ проказникѣ вы видѣли меня.

Если эпотъ смѣшной путешественникъ, небрежно раскинувшись въ дубовыхъ креслахъ, передъ полдюжиною осушенныхъ бутыллокъ Донскаго и такимъ же числомъ непочапныхъ, держалъ во рту красивую трубку, чернѣе дочерей Абиссини и бѣлѣе красавицъ Москвы бѣлокаменной, не пропуская безъ вниманія ничего вокругъ себя происходившаго, — читалъ на лицѣ вашѣмъ досаду при видѣ сего жалкаго быта, — видѣлъ вашу важность и величественное негодование, — Милосивый Государь! это былъ я, вашъ слуга покорный: мы старые знакомцы. Благоволяпне выслушай!

Оконча курсъ наукъ, я жилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ подъ Рязанью; когда мнѣ исполнилось 20 лѣтъ, я возвратился въ Москву. Это было въ Маѣ. Черезъ нѣсколько дней подѣлъ прѣзда, гуляя на Воробьевыхъ

горахъ, я нашель Московское солнце во сто разъ лучезарнѣе прежняго. Я увидѣлъ великолѣпную карпину: въ низу извивалась Москва рѣка, за нею зеленые луга; Дѣвичій монастырь, сады, обширное Дѣвичье поле — и Кремль съ безчисленными золотыми главами и крестами. Я остановился было въ сей древней Сполицѣ Царей на одну недѣлю; но тупъ рѣшился провести въ ней годъ. Вздумано, сдѣлано. Въ гостепрѣимной Москвѣ долго ли составилъ кругъ знакомства! Я посѣщаль Профессора *Мерзлякова*, И. И. *Давыдова*, ученаго *Каченовскаго*, остроумнаго В. Л. *Пушкина*. Знакомая съ Писателями и Профессорами, у которыхъ слушалъ прежде лекціи, я не упустилъ случая представиться и въ нѣкоторые дома, гдѣ собиралось лучшее свѣтское общесство. У меня были рекомендабельныя письма къ Военному Генераль-Губернатору, къ Сенаторамъ — ову и — ячу и къ другимъ знапнымъ особамъ.

Прошу замѣнить, если вамъ не въ трудъ, что я всегда имѣлъ спранную привычку вести два несомѣспныхъ образа жизни: обитать въ идеальномъ мѣрѣ и вмѣспѣ съ тѣмъ пользоваться удовольствіями мѣра дольняго, сущесвеннаго. Въ послѣдствіи, я исправился и избралъ первый образъ жизни.

И такъ, сначала я кинулся въ Свѣтъ и скоро совсѣмъ было потерялся въ его шумѣ. *Лакруа* и *Линней* скоро выпли у меня изъ памяти и я чуть, чуть не сдѣлался совершеннымъ невѣждою. Моя трубка избавила меня отъ этой бѣды.

Если вы въ 18... году посѣщали Московское благородное Собрание, балы и маскарады, то конечно знали даму, о которой говорить хочу. Я не назову ее, а только опишу.

Это была женщина лѣтъ 28-ми, съ вида казалась 22-хъ, брюнетка, съ прелесными формами; съ черными огненными глазами, съ благородною осанкою. Ничего не могло бытъ обворожипельнѣе этой волшебницы, когда она предавшись мечпаніямъ, въ забытіи вдругъ вскакивала со стула и кидалась въ вихрь вальса. Самый заклятой ненависникъ женщинъ не могъ бы безъ восторга видѣть ее порхающую въ панцахъ; но что скажешь, когда она шанцовала съ испуле-

ніемъ; когда она кидала своего кавалера, какъ перо; когда съ жаромъ Испальянки описывала тысячу быстрыхъ круговъ, а потомъ съ пламеннымъ взоромъ, съ воздымающею грудью, роскошно отдыхала на диванѣ? Она имѣла много ума, но вмѣстѣ и своенравія, живости и пылкости. Она была племянница стараго Графа *** ва и, по кончинѣ своего мужа, переѣхала въ домъ Графини *** ой, своей родной шешки.

Мнѣ минуло тогда, какъ я уже сказалъ, 20 лѣтъ; я не былъ красавцемъ, но имѣлъ выразительное лицо, живой румянецъ, крѣпкое сложеніе, взглядъ и улыбку какихъ не бываетъ уже тогда, когда настанутъ лѣта опытности; взоръ пылкій, смѣлый и немного лукавый; улыбку, иногда умную и веселую, иногда коварную, которая бѣситъ или плѣняетъ женщинъ.

Не знаю, какъ это случилось; но я прослылъ въ свѣтѣ любимцемъ Г-жи ***. Многие изъ Московскихъ хватиковъ мнѣ завидовали. Все шло самымъ лучшимъ образомъ: я былъ, какъ говорятъ, на розахъ.

Въ одно прекрасное утро (это былъ день моей идеальной жизни) я медленно прохаживался по изумруднымъ берегамъ средняго Ирѣсенскаго пруда, любясь золотыми лучами восходящаго солнца, и съ полнымъ удовольствіемъ пуская изо рта облака пабачнаго дыма. Одни только коренные Москвичи, которымъ случалось сидѣть и курить здѣсь трубку подъ пѣнью двухсольной веплы, скованной желѣзными полосами, только они въ соспояніи чувствовать, какое удовольствіе доставляло мнѣ созерцаніе красоты природы и физическое наслажденіе!

Замѣньте мимоходомъ, что, какъ для любовника самый веселый сельскій видъ кажется грустнымъ въ ошсупствіи его любезной; такъ и для спираспнаго охотника курить пабакъ: всѣ карпины природы кажутся тусклыми безъ Гаванской сигарки, или безъ трубки Американскаго пабаку.

Въ упоеніи воспорага вошелъ я на большую плошину и глядѣлъ на зеркальную влагу прудовъ, на сверкающую между спроеніями Москву рѣку, на синія горы, полукругомъ стоящія, вдругъ . . . изъ подъ Новин-

скаго промчалась мимо меня Графинина коляска. Плуповка меня замѣшила, хотя я, нахлобуча на глаза уродливый свой карпузъ, дѣлалъ все что могъ, чтобы не быть ею узаннымъ. Но это было невозможно: ибо я стоялъ предъ нею на мосту, какъ на ладонѣ. Она узнала меня, покраснѣла отъ негодованія и отворотилась. Надобно признаваться, что я ужасно походилъ тогда на самаго уродливаго урода. Небритые усы, черные плюсовые шаровары съ широкими карманами, которые были нагружены курипельнымъ пабакомъ, огнивомъ, сигарками; запылѣный сюрпукъ, трубка . . . всѣ это вмѣстѣ!.. но я не спану дорисовывалъ вамъ своего порпрепа.

Вечеромъ, моя разгнѣванная ботиня сидѣла передъ форпиано и наигрывала фантазіи, когда я вошелъ во вפורую госпиную. Мнѣ поклонились очень сухо. Говоря о помѣ и о другомъ, я осмѣлился намекнуть о встрѣчѣ на Ирѣсенскихъ прудахъ. Это не полюбилось; посыпались колкости, упреки, насмѣшки; требовали, чтобы я принесъ трубку— и разбилъ ее въ куски: я рѣшишельно отказался.

На другой день для трубки, я лишился панцовщицы, прелеспнѣйшей женщины въ Москвѣ, а можетъ быть и во всей великой, малой, бѣлой и новой Россіи! Но трубка для меня милѣе прелеспнѣйшей женщины въ свѣтѣ. Съ горя я пуспился въ Крымъ, и черезъ Черноморію въ Грузію. Два года спустя потомъ, я пріѣхалъ въ Пепербургъ, и шамъ, чорпъ вѣдаешъ какъ, злой духъ подспрекнулъ мое честполюбіе. Я началъ искать мѣста при Посольствѣ. Въ то время Тайный Совѣтникъ *** скій назначенъ былъ Русскимъ Посланникомъ въ Мадридъ; ему нужны были Чиновники. Я былъ представленъ покойнымъ Генераломъ ** овигельмъ, съ которымъ вмѣстѣ воспитывались мы въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Посланникъ прінялъ меня ласково, общалъ много— больше, чѣмъ я могъ надѣяться: все почпи было улажено; онъ уже говорилъ обо мнѣ съ Управляющимъ тогда Минисперспвомъ Иностранныхъ дѣлъ; но желая узнать меня покороче, вздумалось ему удоспощъ посѣще-

ніемъ мое жилище. Онъ пришелъ ко мнѣ поупру и заспалъ меня въ полномъ неглиже: въ изорванномъ пудупѣ, съ пубкою въ зубахъ, на стулѣ о трехъ ножкахъ, среди комнаты, въ которой носились облака дыму, похожіе на крымскіе осенніе туманы; вездѣ царствовалъ прелестный безпорядокъ; надобно было имѣть большую оспорожность, чтобы не наспуупить здѣсь на эспампъ, памъ на книгу, въ другомъ мѣспѣ на глобусъ, въ претпемѣ на колоши; пыли наросло вездѣ на вершокъ, паупина не была обметена; но пуще всего пабачный дымъ моей дорогой пубки выѣлъ глаза Посланнику. Бѣдный не выдержалъ и десяти минутъ; онъ выбѣжалъ вонъ зыдыхаясь, кашляя и харкая. Я поперялъ мѣспо.

Но пубка для меня дороже Посольства.

Еслибъ вы знали, какъ она пеперь прекрасна. Вы вѣрно ничего подобнаго не видывали. Она служипъ чудомъ для всѣхъ любипелей изящныхъ произведеній, которые иногда посѣщаютъ меня; я душевно радуясь смотря на ихъ ревность, зависпъ и преспупныя желанія при видѣ сей рѣдкости.

Впрочемъ, я купилъ пару Турецкихъ псполеповъ, которые лежатъ на каминѣ близъ псе.—Краснорѣчивый Героглифъ.

Вы видише, что нѣтъ розы безъ шиповъ, видише, что я наговорилъ много, а не могъ вполне изяснить вамъ всего наслажденія, всего счастья, которое доставляетъ мнѣ моя пубка! . . .

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЬ У ГРАФИНИ ДЮБАРРИ.

(Продолженіе.)

Регентъ и его дочь. (*)

Въ моей молодоспи я не уступалъ Принцу Субизу въ красотѣ и ростѣ; я нравился дамамъ и получалъ тому отъ нихъ доказательствва. И мнѣ, подобно Принцу, были по сердцу красоточки всякаго званія, лишь были бы отъ красоточки. Однажды замѣпилъ я, что дочь Регента прекрасна собою; я спалъ

ей услуживанъ—и пріобрѣлъ ея благорасположеніе. Въ самомъ дѣлѣ нельзя было посвятить любовь свою благороднѣйшему предмету; еслибъ мнѣ въ то время предложили на ней жениться, я отказать не довелъ бы предмета мною обожаемаго до отчаянія. Къ сожалѣнію, объ этомъ нельзя было и думать, и я принужденъ былъ отказатьсь отъ супружеска и удовольспвоваться ролею волокипы, ролею дріапною, и вмѣспъ весьма опасною. Не смотря на всѣ хипроспи переодѣванія и обманы, взаимная спраспъ наша была открыта. Регентъ жестоко разгнѣвался. Онъ нѣжно любилъ свою дочь, былъ спрогъ, но великодушень, какъ Принцъ и благородный человекъ.

— «Конечно благородный человекъ!» — Замѣпилъ Король: «сколько ни возсипавалъ протпивъ него клеветники. Безъ шого, я никогда бы не царспвовалъ.»

Герцогъ продолжалъ:

Регентъ призывалъ меня въ свой кабинетъ и вымылъ мнѣ голову въ пакихъ снисходительныхъ, нѣжныхъ выраженіяхъ, что о Принцессѣ дочери его не было упомянуто ни слова. Я очень хорошо понялъ, куда мѣпилъ Принцъ, но притворился, будто не знаю за собою ни малѣйшаго проступка.

— Очень вѣрно,—сказалъ наконецъ Принцъ—но впередъ будьте оспорожнѣе; безъ шого надъ головою вашею разразится спрашная гроза. —

Гнѣвъ сверкалъ въ глазахъ его, и грозный голосъ его довольно ясно далъ мнѣ почувспвовать опасность, которой я подвергся. Возвратившись домой, я нашелъ письмо отъ Принцессы; она упрекала меня въ холодноспи, заклпнала прйдти къ ней на другой день: ибо отецъ ея будѣтъ находипсь на охотѣ.

Принцесса училась музыкѣ у одного спараго Испанца, по имени Габальда. Онъ ходилъ въ черномъ парикѣ и въ шляпѣ съ преширокими полями. Вы легко догадаетесь, кто былъ сей Г. Габальда; то есть, что я подъ именемъ сего честнаго музыканта отккрылъ себѣ входъ въ Пале-Рояль. И въ этотъ разъ я благополучно пробрался на половину Принцессы; но едва, едва успѣли мы передать

(*) Рассказъ Короля будѣтъ напечатанъ въ № 7.

другъ другу первыя доказательствя взаимной нѣжности, какъ услышали, что кто-то вкладываетъ ключъ въ замокъ; отворяется поспайная дверь и Регентъ вошелъ. Я поспѣшно схватила свою гитару, а ученица моя свои ноты. Мы хотѣли пѣть, но испугъ отнялъ у насъ голосъ. Принцъ подошелъ къ своей дочери; не удостоивая меня ни однимъ взглядомъ. — Папинька! — сказала она — я думала, что вы на охотѣ? —

«Я совсѣмъ уже собрался было, но вспомнилъ, что мнѣ надобно поговорить съ побою объ одномъ важномъ дѣлѣ.» —

— Габальда! — сказала Принцесса, обратясь ко мнѣ: — войдите въ боковую комнату и подождите пачѣ, пока я позову васъ. — Принцъ подалъ мнѣ знакъ оставаться.

«Это швой учитель музыки?» — Спросилъ онъ.

— Точно такъ, папинька.

Принцъ обратился ко мнѣ.

«Откуда вы?»

— Изъ Севиллы. —

«Сколько лѣтъ вамъ?» —

— Шестидесять. —

«Давно ли вы поселились въ Парижъ?»

— Съ 1660 года, когда Инфанта Марія Терезія сочелась бракомъ съ Людовикомъ XIV. —

— Чѣмъ занимаетесь?» —

— Прежде былъ военнымъ, теперь музыкантъ. —

«Спарикъ умный!» — продолжалъ Принцъ: — жаль только, что онъ безсовѣстный лжецъ.» —

— Ваше Высочество! я дворнякъ. —

«Нѣтъ, вы музыкантъ, не забудьте; — это ваше счастье. Принцесса, любите ли вы Герцога Ришелье?» —

— Папинька! —

«Любите ли Герцога, да или нѣтъ?»

— Люблю! — тихо прошептала Принцесса.

«И такъ, если вы его любите, то жизнь его цѣнѣе въ вашихъ рукахъ поклонитесь мнѣ, никогда не выдайтесь съ нимъ въ вашихъ комнатахъ. Если вы эшаго сего минути не сдѣлаете: то я клянусь вамъ, что черезъ четверть часа его не будетъ на Свѣтѣ. Мстители ожидаютъ только моего знака.» —

Такъ говорилъ онъ и подошелъ къ двери. Принцесса вѣ себя бросилась ему въ ноги

и, громко всхлипывая, поклялась никогда болѣе со мною не выдаваться. — «Дочь моя!» — продолжалъ онъ: — «я вѣрю своему обществу; если нарушишь его: то и ты и швой сообщникъ въ помѣ раскаетесь. — Теперь дошла очередь до васъ, Господинъ Учитель музыки! На сей разъ вы еще выйдете отсюда невредимы; но смотришь, чтобы впредь не слышно было о васъ ни слова, чтобы похождения Господина Габальда кончились сегодняшнимъ днемъ!» —

Я низко поклонился и пошелъ изъ Дворца, распроганный до глубины души сею сценою, и приспѣженный моею невыгодною въ оной ролею. —

— «И вы въ послѣдствіи не видали Принцессы Валуа?» — спросила Графиня.

— Милоспивая Государыня! — возразилъ Герцогъ — эшо пайна, а съ пѣхъ поръ, какъ я возведенъ Его Величествомъ на степенъ Государственнаго Министра, я научился хранить тайну.

Ся повѣсть опмѣнно понравилась всѣмъ слушателямъ. Герцогъ Ришелье имѣлъ особенное искусство, пріятно рассказывать любовныя похождения своей молодости: ибо никогда не выпускалъ изъ виду проспекты и живости, соспавляющихъ главныя достоинства хорошей повѣсти.

Остались еще чепыре особы, въ помѣ числѣ и Король, который ничего еще не рассказывалъ. Послѣ Герцога Ришелье слѣдовала Госпожа Фуркальке. Она увѣрляла, что не можетъ припомнить ничего занимательнаго изъ своей собственнй жизни, но что слышала отъ одной изъ своихъ пріятельницъ объ одномъ спраннымъ происшествіи, которое гошова передашь своимъ слушателямъ.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВЕЛИКАГО СТОЛѢТІЯ.

Ш . . . , большой острякъ, былъ сперва нажемъ при Французкомъ Дворѣ, попомъ Офицеромъ Королевской Гвардіи. Наскучивъ свѣтомъ, онъ удалился въ деревню, гдѣ частно пворилъ разныя проказы; но по милоспни Короля ему все сходило съ рукъ. Однажды

сыгралъ онъ съ однимъ поселяниномъ презабавную шутку и заспавилъ всѣхъ смѣяться. У него передъ домомъ въ Анжу посажена была длинная алея. На концѣ сей прекрасной алеи стоялъ крестьянскій домъ съ садикомъ. Ни Г. Ш . . . , ни отецъ его не умѣли уговорить владѣльца сего дома продать имъ оный, сколько ни предлагали ему выгоды; разумѣется, что это было одно только упрямство, копорымъ хвастающія многіе мѣлкопомѣстные владѣльцы, выводя изъ пергвнтя своихъ сосѣдей. Ш . . . не зная, что предпринять, давно уже оспавилъ это дѣло и не говорилъ о немъ ни слова; наконецъ, не могли долѣе видѣть эту хижину, копорая закрывала видъ изъ его оконъ и портила весь паркъ; онъ выдумалъ счастливую хитрость. Сосѣдъ нашего Ш . . . былъ ремесломъ поршной; онъ былъ человекъ одинокой и не имѣлъ ни жены, ни дѣтей. Ш . . . приказалъ привести его къ себѣ, и объявилъ ему, что онъ получилъ важное мѣсто при Дворѣ и немедленно долженъ спуда опирившяся, но у него нѣтъ ливреи. Оба сосѣда условились въ цѣнѣ, но Г. Ш . . . наспоаялъ на шомъ, что онъ, не полагаясь на окончаніе работы въ срокъ, готовъ заплашить лишнее, но не выпустилъ опъ себя поршнаго, пока онъ не изгоповилъ всей ливреи, и что онъ беретъ на себя вовсе это время содержать его на своемъ иждивеніи. Поршной согласился—и принялся за работу. Между тѣмъ Ш . . . приказалъ сдѣлать самый вѣрный планъ дому и саду его, не исключая домашней рухляди и мебели въ шомъ самомъ положеніи, въ какомъ каждая вещь найдена; попомъ велѣлъ сломать сей домъ и перенести его разстояніемъ на чепыре ружейныхъ выстрѣла въ сторону опъ своего парка. По постройкѣ вновь домика, всѣ мебели въ одномъ распавлены въ прежнемъ порядкѣ; даже рассажены садикъ; вмѣстѣ съ тѣмъ выравнено и расчищено мѣсто, гдѣ стоялъ домикъ, такъ что не осталось и слѣдовъ его. Хотя все сіе кончено прежде, нежели голюва была ливрея, однакожь поршнаго не спускали съ глазъ, опасаясь какойнибудь нескромности. Наконецъ взаимная надобность миновалась; не смотря на шо Г. Ш . . . удержалъ у себя порш-

наго до глубокой ночи, попомъ расплашился съ нимъ и опнуспилъ совершенно довольнымъ. Воптъ нашъ порпной пуспился по знакомой алеѣ, но на сей разъ она показалась ему слишкомъ длиною; идепъ . . . идепъ . . . не видипъ болѣе деревьевъ: алея кончилась. Онъ оборачивается назадъ, ищетъ своихъ деревьевъ, счищаетъ каждое изъ нихъ, проходитъ по алеѣ вдоль и поперегъ, а дома его нѣтъ, какъ нѣтъ: онъ не понимаетъ, опъ чего это случилось. Вся ночь проходитъ для него въ тщетныхъ поискахъ.

Наспунило упрю; всѣ предметы можно было ясно различить, а дома его невидно. Онъ протираетъ глаза, ищетъ другихъ признаковъ, чтобы удостовѣриться въ своей ошибкѣ; наконецъ начинаетъ думать, что надъ нимъ злой духъ подшупилъ и унесъ его домъ. Бродя взадъ и впередъ и смотря во всѣ стороны, онъ замѣчаетъ въ довольномъ разстояніи опъ алеи, домикъ, похожій на его собспвенный, какъ двѣ капли воды. Порпной нашъ не вѣритъ, чтобы это былъ его домъ; но чѣмъ ближе подходитъ къ нему, тѣмъ болѣе удостовѣряется въ испинѣ. Желая разрѣшить загадку, онъ вкладываетъ ключъ въ замокъ, опираетъ, входитъ и видипъ все въ прежнемъ порядкѣ; онъ чувъ не упалъ въ обморокъ, и убѣждаетъ въ шомъ, что это дѣло какогонибудь колдуна. Не прошло дня, какъ общій смѣхъ въ замкѣ и въ деревнѣ опкрылъ ему причину дьявольскаго навожденія; поршной пришелъ въ бѣшенство. Онъ приноситъ жалобы, ищетъ правосудія, но всѣ надъ нимъ насмѣхаются. Самъ Король узналъ о семъ приключеніи и также посмѣялся, а Г. Ш . . . очиспилъ свою алею опъ лачуги, копорая заслоняла прекрасный видъ изъ оконъ его.

пер. В. Соколовъ.
(изъ Furel.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б Ы Л Ь.

Встарь, жилъ-былъ Пѣпухъ Индѣйскій:

Цапъ руку предложилъ;

При Дворѣ взялъ чинъ лакейскій

И въ супружество вступилъ.

*

*

Онъ дѣтей молилъ, какъ дара —
И услышалъ богъ боговъ:
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣнуховъ.

* * *
Цапли выросли, опстали
Отъ младенческихъ годовъ;
Длины, очень длины спали,
И глядящъ на куликовъ.

* * *
Вотъ отцу пришла забота
Цаплей за мужъ выдавать;
Онъ за каждой два болопа
Могъ въ приданое опдасть.

* * *
Кулики къ нему лезали
Изъ сосѣднихъ, дальнихъ мѣстъ;
Но лишь кормъ они клевали, —
Не глядѣли на невѣстъ.

* * *
Цапли вяли, цапли сохли;
Наконецъ, скажу вздохнувъ:
На болопъ передохли,
Носикъ въ перья завернувъ.

Сталинскій.

Ш А Р А Д А.

У *перваго* весельчака въ гостяхъ
Мы скачемъ, пляшемъ и панцуемъ;
А у *второй* — въ цѣпяхъ,
Подъ дудочку сквозь слѣзы вальсируемъ.
Когда же *цѣлое* (оно есть женщина, ей, ей!)
Даетъ объѣдъ нль праздникъ,
То первый гость уней
Всеельзевуль проказникъ;
Потомъ — кадрилъ чертей,
Съдыя вѣдьмы съ домовыми;
Ушопленники съ водяными
Русалками; содомъ отборныхъ мертвецовъ,
Ощущенныхъ на срокъ изъ ихъ гробовъ
Сосновыхъ и словыхъ.
Всѣ въ бѣлыхъ саванахъ, поношенныхъ и новыхъ,
Бдящъ изъ урнъ и пьющъ изъ череповъ.
Я, правобъ, опгадамъ изъ двухъ послѣднихъ словъ!

Кобузева.

Въ No 5 помещенная шарада значить: *Curedent.*

М О Д Е С I.

Robes—Le satin, le velours et le gros des Indes se font toujours également en robes ou en redingotes pour le matin ou pour le soir.

Point de garnitures. Peu de manches courtes. Des pélerines.—

Les redingottes de crêpe doublées de satin et garnies de blonde, sont de jolies toilettes du soir. Négligés.—Un négligé fort élégant et recherché, ésu un peignoir porté par une jeune femme chez elle.—En satin noir croisé de côté, une pélerine ouverte, tous les bords garnies de blonde.

On fait de jolis tabeliers en gros de Naples noir ou de couleur, garni tout autour d'une blonde noir haute de trois doigts.

Etoffes pour les robes du matin demi—habillées: Tissue de Pondichéry, jolie etoffe unie, souple et brillante, cachemiriennes et bombazines bronchées et imprimées.

Alepinnes unies, couleurs nouvelles.

Popelines de la savonnerie unies et brochées, etoffe connue pour sa solidité.

Etoffes pour les robes de diner et de soirée: Chales imprimés, dessins nouveaux et tres-variés.

Satin d'Alger, uni et imprimé, tissu charmant et remarquable pour sa solidité.

Cette année offrira une grande quantité de belles étoffes de soie unie et brochées, telles que les Algériennes, le gros de Naples caméléon, de beaux satins unis de toutes les couleurs, le satin de Chine, etc, etc.

Lingerie—Les canezous sont devenus si rares qu'on remarque ceux qui se rencontrent.

Ouvrage d'aiguille.—De jolies toilettes sur des canevas de soie, en petit points de tapisserie. Il n'y a pas de fond; elles se montent sur de la peau.—

Des corbeilles dont la carasse est en laiton; elles sont recouvertes par un point allongé qui mène à chaque branche de la monture.—Des fleurs avec leurs feuilles, également en laine, sont posées tout au tour le bord, elles se font sans soutien. De broderies de nacre et or sur du velours ou du satin, pour des corbeilles à ouvrage.

Nouveautés.

Des ceintures mosaïques et les bracelets pareils.

De jolies cachets de bronze et nacre.—Une main tenant un papillon par le bout des ailes. Le papillon repose sur la plaque où est la gravure.

М О Д Ы.

Платья. Апласъ, бархатъ и gros des Indes равномѣрно употребляются для плащевъ,

капоповъ и *рединготовъ*; для вечерняго и утренняяго шаулепа.

Платя дѣлаются во все безъ опдѣлокъ. Коронкіе рукава очень рѣдки. Пелерины въ большомъ употребленіи.

Креповые рединготы, подбитые апласомъ и опдѣланные блондами, соспавляютъ красивый вечерній нарядъ.—*Запросто*. Пенуаръ или пудремантиль есть самый щеголеватый домашній нарядъ запросто для молодой дамы.— Онъ бываетъ черной апласный, запахнушый съ боку, съ опкрышой пелеринкой, коей все края обшиты блондами.

Дѣлаются красивые передники изъ чернаго или цвѣтнаго гроденаля, обшитаго кругомъ блондами, шириною въ три пальца.

Матеріи для утреннихъ полунарядныхъ платьевъ: Пондиширійская шкань, красивая маперія гладкая, мягкая и гляцовиплая; кашемиръ и бонбазень запканные и печашные.

Модные цвѣшны надѣваются одноцвѣшными алевинами.

Гладкія и запканныя папелины Савоньберской фабрики, очень въ модѣ и извѣсны своею добротою.

Матеріи для обѣденныхъ и вечернихъ платьевъ: Печашанныя шали *chales*, съ новыми и весьма разнообразными узорами.

Алжирскій атласъ гладкій и непечашанный, красивая ткань, замѣчательная по своей добротѣ.

Въ семь году появившаяся много прекрасныхъ шелковыхъ маперій, гладкихъ и запканыхъ, какъ-то: Алжиріены, гроденаля цвѣту хамелеона, и атласы всѣхъ цвѣшовъ, Китайскій и проч. проч.

Белье—Канзу спали нынѣ шакъ рѣдки, что обращаютъ на себя вниманіе.—

Дамскія рукодѣлья—Красивые коврики (для различныхъ употребленій) шипые въ одинъ крестикъ *en petit points* по шелковой канвѣ.—Средина оныхъ не зашивается, а только низъ подшиваются лайкою.

Корзинки дѣлаются изъ жесты, и покрываются шерстью, перевивающею прутки, связывая ихъ одинъ съ другимъ; цвѣшны съ листьями, опдѣланные равномерно изъ шерсти, кладущая по верхнему обручу и дѣлаются безъ поддержки—рабочныя корзинки дѣлаются изъ апласа и бархата, вышитаго золотомъ и перламутромъ.

Новыя бѣздѣлки въ области моды.

Мозаическіе пояса и шаковыежъ браслеты.

Красивыя бронзовыя и перламутровыя печашки.—Рука держитъ за кончики крылушекъ бабочку, прикрепленную къ бляхѣ, на которой находится вырѣзанный вензель или что другое.

пер. *Издатель.*

В С Я К А Я В С Я Ч И Н А .

При Пепрѣ великомъ, говоритъ Стародумъ у *Д. И. Фонъ-Визина*: «придворные были воины, да воины не были придворными. Воспитаніе мнѣ было дано опцемъ моимъ, пошому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.»

Издатель.

О П Е Ч А Т К И :

Въ 5 мѣ Но *Литер. Приб. къ Инвалиду*, на 22 стр. въ немецкихъ стихахъ, выписанныхъ изъ Шиллера, вкрались слѣдующія ошибки:

Стихъ.	Печат.	Чинать.
2	Schwer	Schwert
4	Rebellen	Rebellen
—	foszt	fasst
6	Mirbel	Wirbel
—	Rinn	Kinn
—	gefaltet	gefaltet
7	Verfluchften	Verfluchten
—	Zaucht	Haupt
8	allen	aller

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ ко

Средамъ и

Субботамъ.

№ 7.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сважкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ЯНВАРЯ 24 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Когда въ шоварицахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдешь,
И выйдешь изъ него не дѣло, только мука.
Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

БѢЗТАЛАННЫЙ ИЗВОЩИКЪ.

(1828.)

Вечеръ Екатеринина дня, дня именинъ моей опсупствующей мащери, провелъ я у двухъ именинницъ: доброй пѣшунки и прелестной племянницы, живущихъ въ Ишаланской улицѣ. Тамъ, хотя не подчивали ананасами и Шампанское не разливалось рѣками; но хозяйки были рады гостямъ, а гостямъ было весело у радушныхъ хозяекъ.

Мнѣ сердцемъ жить въ попѣ день хотѣлось,

А не на золото глядѣнь!

Зналъ, что не выѣду опшуда прежде полуночи, я рѣшился оппустить домой свои сани и воропнѣться на извощикъ.

И дѣйствительно: любуясь панцами, слушающаго ломаный Французскій языкъ нѣкоторыхъ барышень, разговаривая съ умною хозяйкою не-именинницею, опвѣдывая шо чаю, шо конфекшъ, шо плодовъ; шо плодовъ, шо конфекшъ, шо чаю, я не видалъ какъ часы уходили одинъ за другимъ, и удивился, узнавъ опъ сосѣда моего, что уже полночь. Схватя шляпу и, не желая безпокоить никого церемонными поклонами, я пробрался чрезъ заднія комнашы въ сѣни и въ полицъ

лакеесъ увидѣлъ извощика, который съ 8 часовъ вечера дожидался денегъ опъ Чиновника, изъ Коломны имъ привезеннаго. Пока я надѣвалъ шинель, онъ перебранивался съ хозяйскимъ лакеесъ, который высымалъ его изъ сѣней, увѣряя, что нѣтъ возможности оптыскашь его сѣдока, между пятидесятью человекъ гостей. Вслушавшись въ ихъ рѣчи, я сказалъ извощику: «опвези брашъ меня домой, я заплачу тебѣ и за провозъ и «за проспой!»—*пожалуйте деньги впередъ!*— «шны, добрый Русскій мужичокъ, имѣешь полное право не довѣрять намъ» подумалъ я самъ въ себѣ, вынулъ изъ кошелька полпникъ и назвалъ мѣсто моего жительства.— Кое-какъ пробравшись по плохимъ доскамъ, чрезъ грязный дворъ къ воропамъ, гдѣ сполалъ иноходецъ. . . .

Бурные, мы полетѣли. . . . .

Какъ въ полетѣ крупнѣйшій камень съ опшеса.

Дорогою мой колеснищегонипель вѣщаль ко мнѣ крылашныя рѣчи, а я слушалъ ихъ безпрепонно: «Не гнѣвайшесь, баринъ, что я такъ назойливо оптребовалъ съ васъ впередъ за провозъ деньги. Еслибъ вы изволили знать да вѣдать, какъ нашу брашью надувають. А ужъ сегоднишній денчикъ выдался мнѣ самый безчаспный. Я всю прошедшую недѣлю возилъ богатаго . . . скаго

помѣщика, жившаго въ домѣ *Вирварина* въ Мѣщанской; онъ каждый день ввечеру жаловалъ мнѣ по осьмигривеннику на водку, а когда я просилъ денегъ за работу: онъ все опкладывалъ до завтра. Нынѣ я прѣѣхалъ къ нему въ 10 часовъ утра; проспоялъ до прехъ за полдень, а мой баринъ не выходилъ и даже не высмалъ своего чваннаго камердинера *Казимира*. Прозябши, я пошелъ въ номеръ, которій занималъ онъ, и нашелъ его запертымъ, чего прежде никогда не бывало. Я освѣдомился въ конпорѣ домоваго управителя, и получилъ въ отвѣтъ, что мой добрый баринъ уѣхалъ изъ Песербурга въ 5 часовъ утра.

«Горько заплакавъ и проклиная его ласку, пошпнулся я со двора къ Невскому прошнекпу. У Полицейскаго моста нанялъ меня Кадепт—опвезти его на Песербургскую спорону. Онъ не сълъ, а присѣлъ съ правой спороны въ сани и свѣсилъ ноги, опговариваясь шмъ, что Кадепамъ не дозволено ѣздить на извощикѣ, и что ему, сидючи такимъ манеромъ, легче спрыгнуть съ саней и опдапъ честь своимъ командирамъ, если бы кто нибудъ изъ нихъ съ нами повспрѣчался. Я развѣсилъ уши, какъ деревенскій олухъ. Прѣхавъ Исакіевскій мостъ, шолько что повернули мы на лѣво, какъ мой Кадепт спалъ меня упрашивать пустишь во всю прыть моего иноходца. Я согласился: опъ чего не пощѣнишь молодаго господчика? Запустилъ до самаго поворота такъ, что мой сивко до земли ногами не допрогивался. Добхавъ до поворота, я прѣспановилъ лошадь .... оглянулся и увидѣлъ, что мой сѣдокъ пропалъ. Искать его по переходамъ перваго Кадептскаго Корпуса, значило бы кошпшь вычерпать воду изъ Невы шляною. Глубоко вздохнувъ, я обернулъ оглобли — и шагомъ поѣхалъ опипъ на Адмиралтейскую спорону. Только что успѣлъ я поравняпшь съ Англійскою набережною, какъ увидѣлъ Писаря въ новомъ серпукѣ изъ тонкаго сукна, съ золотымъ галуномъ на воротникѣ и обшлагахъ. Онъ пащилъ шуго-набпщую бумагами коженую кису. Оппановивъ меня, онъ сказалъ, что наскоро посланъ къ своему Начальнику, показалъ два четвертака и, не

поргуясь, проворно вскочилъ ко мнѣ на сани и велѣлъ шибче везти его черезъ Каменный мостъ къ Семеновскому. Я поморщился, однако повезъ его Добхавъ до углаваго зелѣнаго дома у Каменнаго моста, онъ велѣлъ мнѣ на минупу оппановипшь, оговорясь, что долженъ зайти къ Нѣмцу, узнать—гопова-ли курипельная трубка, которую опдалъ ему починить командиръ его. Я совѣмъ забылъ, что на эпомъ дворѣ два выхода: одинъ въ Гороховую, другой въ большую Мѣщанскую, купилъ булку и, похаживая взадъ и впередъ по пропуару, завтракалъ. Я скушалъ булку, а мой цѣголь-писарь не возвращался. Походя еще немного и, соскучаеъ ждапъ, я прошелъ по коридору на дворъ и спросилъ у рубившаго дрова инвалида о своемъ сѣдокѣ.—«Поздненько хващился,» угрюмо опвѣчалъ мнѣ спарикъ: «опвой соколь давнымъ давно проленить въ другія ворота.»—

«Тупъ-шо я увидѣлъ, что я *колтакъ*, повернулъ направо кругомъ, прыгнулъ въ сани и поѣхалъ на свою биржу. Тамъ проспоялъ я до осьми часовъ вечера: шупъ чорпъ навязалъ мнѣ на шею Чиновника; Ваше Благородіе уже знаете, что я привезъ его въ Испанскую изъ Коломны и прождалъ до полуночи. Онъ былъ пакой пихенькій, разговорчивый, шивель на немъ съ бархатнымъ воротникомъ и съ кистями. Кажись, какъ бы не повѣришь.»—Спой! закричалъ я ему, здѣсь моя кваршира. Я всунулъ рубль серебра въ руку безпаланнаго извощика: мнѣ было бы неприянно, чпобы онъ называлъ *безгастныль* день именинъ моей доброй матери.

Алексій Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЪ У ГРАФИНИ ДЮБАРРИ.

(Окончаніе.)

«Вы все» — сказала онъ: (Король Лудовикъ XV) знаете Графа Сенъ-Жермена.» Все общество, кромѣ Графини Дюбарри, безмолвно утвердило вопросъ.

«Онъ былъ необыкновенный человекъ» — продолжалъ Король:— «Онъ много испышалъ

и звать болѣе, чѣмъ говорилъ. Однажды онъ ужиналъ со мною у Маркизы *Полпадуръ*, и разсказалъ слѣдующее происшествіе, за справедливостъ коего онъ, какъ очевидецъ ружчался»

При сихъ словахъ Король усѣлся покойнѣе въ своихъ креслахъ, просидѣлъ нѣскольکو секундъ въ молчаніи, дабы шоржественнѣе приготовить слушапелей къ своей повѣсти. Лице его сдѣлалось важнымъ и угрюмымъ, и можно было ожидать страшнѣйшей исторіи, которія онъ почти болѣе любилъ, нежели веселья повѣсти, и которія умѣлъ разсказывать такъ, что у слушапелей занывало сердце, и что они едва переводили духъ. Король въ такомъ случаѣ душевно радовался дѣйствию, произведенному его орапорскимъ даромъ.—Онъ началъ:

Привидѣніе.

Графъ Сень-Жермень путешествовалъ однажды по Богеміи. Недалеко отъ Праги застала его ночная темнота. Ему весьма хотѣлось доѣхать до Споллицы, но у колески его переломилась ось и онъ принужденъ былъ остановиться. Тутъ увидѣлъ онъ въ весьма близкомъ разстояніи замокъ, пошелъ туда и просилъ ночлега; ему отвѣщено, что помѣщикъ нездоровъ, однакожь управитель принялъ его ласково и пригласилъ къ владѣтелю замка. Это былъ молодой человекъ лѣтъ тридцати, спранный и прекрасный собою, но угрюмый и задумчивый. Онъ принялъ гостя въ своей спальнѣ, копорая обита была чернымъ сукномъ, и совершенно походила на кашафалкъ. Кровать освѣнялась черными бархатными занавѣсами съ серебряною бахромою, а балдахинъ украшался бѣлыми спраусовыми перьями. Посреди комнаты висѣла люстра изъ горнаго хрустала и въ ней горѣли восковыя свѣчи.

Графъ Сень-Жермень пораженъ былъ симъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Всмотрѣвшись пристально въ лице владѣтеля замка, онъ схватилъ его за руки, какъ будто угадывая мысли, занимающія больного:— «Милосливый Государь!» сказалъ онъ наконецъ: «мнѣ кажется, что вы спррадаете болѣе отъ ду-

шевнаго, нежели отъ пѣлеснаго недуга. Съ самаго дѣтства я пристрастился къ врачевной наукѣ, и въ особеннѣсти занимался изслѣдованіемъ болѣзней душевныхъ. Надѣюсь выльчить васъ, если возымете ко мнѣ довѣренность».

Владѣтель замка горестно улыбнулся, потрясъ головою и отвѣчалъ громкимъ голосомъ: «мои спрраданія неисцѣлимы».—Графъ просилъ его убѣдительно, сказалъ ему свое имя и приобрѣлъ довѣренность молодаго человека. Баронъ рано лишился своихъ родителей, по смерти коихъ наследовалъ несмѣпный богатства. Онъ спррастно влюбился въ племянницу Нотариуса и, не смотря на проски своихъ родственниковъ, женился на своей возлюбленной. Но въ первую ночь брака, въ ту самую минуту, какъ онъ, исполненный восторга, хотѣлъ заключить въ объяпнѣй предметъ своей первой любви, онъ почувствовалъ, что его схватила ледяная рука и усиливалась оппациать отъ молодой супруги; хриплый голосъ шепталъ ему на ухо: «горе тебѣ! горе тебѣ! любовь твоя преспупна, больше опкрыть не смѣю. Проведи сію ночь въ молитвѣ и покаяніи, а завтра поди въ башню, въ коей хранился фамильный архивъ; тамъ оппаци второй желѣзный ларчикъ справа отъ входа: тебѣ опкроется спррашная пайна.»—

Сказавъ сіе, голосъ умолкъ. Холодная рука исчезла, и Баронъ послѣпно вспалъ, чпобы позвать людей. Всѣ поиски были тщетны; сіе неизяснимое происшествіе оппалось тайною.

Баронъ все сіе упалилъ отъ молодой жены, она ничего не слыхала; сіе обстоятельство родило въ немъ мысль, что ночное посещение было ничто иное, какъ обманъ чувствъ.—Ласки востревоженной супруги, мало по малу, разсѣяли объявпшій его ужасъ. Любовь къ ней оппаци пробудилась; онъ заключилъ се въ свои объяпнѣя, и ни ледяныя руки, ни хриплый голосъ уже его болѣе не беспокоили. Слѣдующіе дни проведены въ свадебныхъ иршестввахъ и увеселеніяхъ. Баронъ безпечно предался имъ, и забылъ черезъ шо свой фамильный архивъ и все, что могъ бы въ немъ найти. Такъ прошла цѣ-

лая недѣля. Въ девятый день послѣ свашьбы, Баронъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и писалъ письмо къ своему другу въ Испанію; вдругъ кто-то тихо постучался въ дверь — «Милости просимъ!» — воскликнулъ онъ. — Тогда вошелъ человекъ въ поношеномъ кафтанѣ коричневаго цвѣта. Весь нарядъ его принадлежалъ давноминуемому времени. Голова покрыта была чернымъ бархатнымъ беретомъ; лице, безъ выраженія, было изурено и блѣдно, глаза тусклы и неподвижны. Онъ, не шагая скользилъ впередъ по ковру, и Баронъ, смотря съ ужасомъ на сіе привидѣніе, въ мрачныхъ чертахъ его внезапно нашелъ сходство съ портретомъ, висѣвшимъ у него въ кабинетѣ, и изображавшимъ спараго, за двѣсти лѣтъ умершаго Архиваріуса, своего прапрадѣда, съ котораго сей родоначальникъ Бароновой фамиліи, во уваженіе услугъ, оказанныхъ его дому и въ знакъ особенной къ нему милости, велѣлъ списать портретъ, и поставилъ въ своемъ кабинетѣ.

Сіе странное существо все ближе и ближе подходило къ Барону. Въ рукахъ, на коихъ надѣты были большія, стариннаго покроя перчатки, несъ онъ связку бумагъ. Подошедъ къ столу, онъ положилъ ее передъ Барономъ, почтительно поклонился, вздохнулъ и ушелъ. Ни одного слова не произнесли блѣдныя уста его; только запахъ могильный оставилъ послѣ себя мершвецъ.

Баронъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Тотъ же самый шепетъ, который онъ чувствовалъ въ первую ночь брака, пробѣжалъ по всѣмъ членамъ его. Въ ушахъ его раздались роковыя слова, «горе, горе тебѣ! ты пресупникъ.» Онъ собрался съ духомъ и рѣшился разсмотрѣть таинственныя бумаги: тогда новый ужасъ овладѣлъ имъ. Молодал его жена — была родная сестра ему, побочная дочь его опца и невѣстки Нопаріуса. Жена сего послѣдняго, желая спасти честь своей сестры, выдала новорожденную за дочь одной дальней своей родственницы, и въ послѣдствіи не открыла сей пайны даже своему мужу. Многіе документы служили неоспоримымъ помому доказательствомъ. Молодой, нѣжный супругъ всячески спарался утѣрить себя въ

несправедливости сей гибельной пайны, но тщетно. Тупъ опворилась дверь; молодая его подруга вошла къ нему въ кабинетъ и, встревоженная блѣднымъ лицомъ возлюбленнаго, робко спросила: что съ нимъ сдѣлалось? спарался ласками и словами любви его успокоить. Но онъ испуская вопли опчаянія, какъ будто испугавшись ея объятій, вырвался изъ рукъ ея. — «Боже милосердый! мужъ мой лишился ума, онъ не узнаетъ меня,» жалобно вскричала она въ испугъ, и хотѣла уже звать на помощь служителей. Баронъ удержалъ ее. Нѣсколько таинственныхъ словъ, которыя однакожь показались ей довольно связными и здравомысленными, убѣдили несчастливцу, что другъ ея не сумасбродствуетъ. Она непременно хотѣла вѣдать пайну, опчуждающую отъ нея сердце милаго супруга. Онъ не могъ долѣе скрыватьсь, онъ ей все открылъ. Въ ту же минуту Баронесса занемогла и, черезъ два мѣсяца, любовь и опчаяніе свели ее въ могилу.

Мужъ ея и родной братъ, проводя въ молтвахъ первую ночь послѣ ея похоронъ, внезапно услышалъ позади себя шорохъ; онъ обернулся и увидѣлъ покойницу въ саванѣ. Она подошла ближе и подлѣ него преклонила колѣна предъ святыми Образами. Она не говорила съ нимъ, не смотрѣла на него — но благоговѣнно молилась, уста ея шевелились, и сіе мерное оцѣпенѣніе придавало ей видъ еще ужаснѣйшій. Было уже за полночь; на часахъ въ гостиной пробило часъ; покойница поднялась съ колѣнъ и тихо удалилась. Сіе повторяла она уже цѣлый годъ каждую ночь; одна только молитва могла даровать Барону силу, переносить близость сей могильной жилицы.

Графъ Сень-Жермень съ величайшимъ спокойствіемъ выслушалъ печальную исповѣдь молодаго спрадальца. «Молодой другъ мой! спросилъ онъ у него, не спрашивали ли вы у покойницы, чего она отъ васъ хочетъ?»

Нѣтъ! возразилъ мученикъ — вдовець: я ни разу на то не опважался. —

«Присутствовалъ ли кто нибудь, кромѣ васъ, когда она васъ посѣщала?»

Нѣкоторые изъ моихъ вѣрнѣйшихъ служителей; но они всегда засыпали, когда при-

ходила усопшая, и просыпались уже тогда, какъ она исчезала. —

«Если такъ, то позволите мнѣ нынѣшнюю ночь оспаться съ вами; я даю вамъ честное слово, что не усну.»

Баронъ, которій уже много слышался о Графѣ Сень-Жерменѣ, на все согласился. Графъ приказалъ принести изъ коляски свой ларчикъ, вынулъ изъ него какіе-то корешки и рассыпалъ ихъ по комнатамъ: они распространили въ ней чудный запахъ. Въ такомъ положеніи госпъ и хозяинъ спокойно дожидались полуночи. На башнѣ пробило двѣнадцать часовъ. Отворилась дверь. Графъ не видалъ привидѣнія, но слышалъ шорохъ опъ длиннаго савана, онъ замѣтилъ что свѣчи начинали горѣть тусклѣе, что огонь въ каминѣ потухаетъ. Баронъ подалъ Графу знакъ, въ слѣдствіе коего онъ оборотился къ пустому мѣсту, подлѣ Барона. Послѣ нѣсколькихъ сильныхъ заклинаній, ему наконецъ удалось принудить привидѣніе опвѣчать себя. То была душа Бароновой супруги; она говорила, что до тѣхъ поръ не оставитъ мужа, пока не опведетъ его въ его послѣднюю обитель, что она будетъ являться ему еще прижды семь ночей: тогда исполнятся судьбы. ...Она умолкла и Графъ Сень-Жерменъ, которій не имѣлъ уже болѣе власти надъ привидѣніемъ, но и не имѣлъ охоты удалиться, преклонилъ колѣна и, вмѣстѣ съ живымъ и усопшею молился съ душевнымъ умиленіемъ.

Въ часъ по полуночи привидѣніе исчезло, какъ Сень-Жерменъ узналъ опъ Барона. Владѣтель замка обрадовался, что смерть скоро прекратитъ его страданія. Онъ просилъ Графа, оспаться при немъ нѣсколько дней, которые прожить ему оставалось и не покинуть его въ послѣдній тяжкій часъ. Графъ согласился.

«Я испытывалъ надъ нимъ свои жизненные элекзиры,»—разсказывалъ мнѣ Графъ:—но всѣ мои старанія остались тщетны. Въ 21-й день, послѣ сего происшествія, въ полночь, молодой Баронъ скончался въ моихъ объятіяхъ. Преображенный ликъ его покоился на груди моей, и онъ спросилъ у меня: «не уже ли и сего дня вы ихъ не види-

те?» Кого?—спросилъ я—«ихъ обоихъ.»—Какихъ обоихъ?—«Вѣрнаго Архивариуса и мою возлюбленную жену...они зовутъ меня.»—Онъ вздохнулъ въ послѣдній разъ и голова его поникла на грудь мою.

Король умолкъ.—

Ради Бога! Ваше Величество, — вскричала Графиня Дю-Барри — какое находите вы удовольствіе пугать насъ такими страшными повѣстями?

«Теперь ваша очередь!» — сказалъ Король, перемѣнивъ важный тонъ и принявъ прежнее положеніе.

Ваша повѣсть опняла у меня рассудокъ, возразила Графиня, я не могу ничего припомнить. Пусть Г. Дюрасъ разсказываетъ.

Ваше Величество!—сказалъ сей послѣдній: со мною происходить то же, что и съ Графинею; я не могу справиться съ силами, и не превозмогу сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго повѣстью Вашего Величества.

Король, весьма довольный успѣхомъ своего краснорѣчія, весь вечеръ оставался въ самомъ веселомъ расположеніи и не зѣвнулъ ни разу.

пер. В. Тило.

ГРИФЪ. CONDOR.

Птица сія водится въ Южной Америкѣ. Вотъ что говоритъ Капитанъ *Андреса* о грифовой ловлѣ, о которой разсказывалъ ему Гошо, честный Бедуинъ Американскихъ пустынь. По сему описанію, грифъ соединяетъ въ себѣ силу пигра, съ пляжеснью и величиною лошади. Приведемъ собственныя слова Капитана *Андреса*.

«Когда Гошо, во время верховой ѣзды, разсказываетъ какойнибудь анекдотъ, то гибкость его плѣддвиженій, пріятная мимика, которалъ гораздо краснорѣчивѣе словъ, придаетъ ему что-то особенное и странное, такъ что его можно принять въ одно время и за просполоудина и за чловѣка лучшаго общества.

«Обыкновенный способъ убивать грифа состоитъ въ томъ, чтобы сначала идти по слѣдамъ, оставленнымъ на дорогѣ расперзаннымъ опъ него животнымъ; это весьма легко, если похищенное имъ животное имѣетъ

шерсть: ибо клочки оной, вырванные когтями сей хищной птицы, осыпаются на землю.

«Если грифъ схватываетъ пшеница, то пускаютъ впередъ по слѣдамъ его гончихъ собакъ. Гошо, завидя сію птицу, тотчасъ выбираетъ самое удобное положеніе для принятія оной на шпыкъ, или на крѣпкую рогатину.

«Когда собаки, спущенныя на грифа, принудили его кинуться на Гошо; сей послѣдній спавъ на одно колено, упершись другою ногою въ землю и не сводя глазъ съ раздраженнаго живошнаго, принимаетъ его на конецъ рогатины съ удивительною вѣрностью. Между тѣмъ, какъ грифъ препенсится на осирѣ, Гошо, въ ту же минуту проворно отскакиваетъ въ сторону, и огромная птица въ потѣхъ въ мигъ расперзана спаяю собакъ и другими подоспѣвшими къ нему охотниками.

«Иногда, прибавилъ нашъ проводникъ:» лова сія не такъ скоро оканчивается. На пр. недавно грифъ, на котораго мы напали, не прогалъ съ мѣста, казалось, хотѣлъ играть съ нашими собаками. Я выперѣлилъ по немъ: пуля ранила его подъ ухомъ; но это не помѣшало ему кинуться на меня: я всадилъ ему шпыкъ въ бокъ; но онъ защищаясь, сбилъ меня съ ногъ. Считая себя погибшимъ и помышляя только о томъ, чтобы дорого продать свою жизнь, я вырвалъ шпыкъ изъ шѣла огромной птицы и уставилъ противъ него осирѣемъ надъ своимъ горломъ, дабы можно было оборониться; въ ту минуту, когда я воображалъ уже, что чудовищные когти грифа вонзились въ мое шѣло, вдругъ погасъ синій огонь глазъ его, которыми онъ пожиралъ меня: онъ упалъ на меня, мѣривый — и я скоро былъ бы раздавленъ огромнымъ прупомъ его, еслибы тотчасъ меня изъ подъ него не вытащили.

пер. В. Соловѣв.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА ИСХОДѢ 1850 ГОДА.

Ты послѣдними часами

Испекаешь, старый годъ!

Шумно вразднуто съ друзьями

Твой торжественный отходъ!

Старець въ ризѣ бѣлоснѣжной,

Ты, главой бѣлой луи —

Черный былъ пы для меня,

И тяжелей и мятежнѣй!

Не виню тебя: хопъ чолитъ

Поглощаемъ зѣвомъ вошь,

Но певшны волны моря —

Геній бурь виновникъ горя!

Хопъ избытокъ праншъ и золь

Для души моеи тяжель,

Но доволенъ я судьбою:

Ты, въ замѣтъ враговъ и змѣй,

Далъ мнѣ пламенныхъ друзей;

Добрый старецъ! честь съ побой

На закашъ бытія!

Такъ согрѣй же смерть спруёю

Каспійскаго вишня!

Мы съ любовію лобзаемъ

Кудри бѣлыя твои,

И въ веселомъ забышии

Друга-старца провожаемъ. —

Нынѣ очередь твоя —

Завтра наша! Такъ, друзья,

Жизнь и смерть равно цѣлуемъ

Съ юнымъ чувствомъ и огнемъ!

Жизнь и смерть мы торжествуемъ

Дружбой, пѣсню и виномъ!

Баронъ Розень.

ИСКУСИТЕЛЬ.

Ес я пламенно любилъ,

Ея дыханіемъ я жилъ,

И самъ завидывалъ себя!

Но измѣнило счастье мнѣ:

Лобзанья хладныя я шилъ:

Другаго пламень ихъ живилъ.

Ея измѣну я узналъ,

И въ сшени дикія бѣжалъ.

Мнѣ взоръ людей неспособенъ былъ;

Рвчей ихъ звукъ меня лзвилъ;

Но щещно въ степи скрылся я:

Какой-то духъ слѣдилъ меня!

Онъ чѣмъ-то спрашнымъ упѣшалъ

И желчь по сердцу разливалъ.

Его я слушаю не хотѣлъ;

Но звукъ невольно въ слухъ влетѣлъ!
 И объ одномъ оаъ все швердиль,
 И мысль мнѣ въ душу зарониль:
 Та мысль всю кровь мою зажала —
 Змѣей на сердце налегла,
 И задыхался я отъ ней!
 Но только въ памяти моей
 И сохранилъ я мысль сію.
 И душу хладную мою
 Отъ адской цѣпью оковалъ —
 Въ моей рукѣ блеснулъ книжалъ
 И пробудилась жизнь во мнѣ!
 Былое все, какъ въ спрѣданномъ снѣ,
 Предстало живо предо мной —
 И отъ погибъ, соперникъ мой!
 Ея рыданья слышала я:
 Душа не тронулась моя,
 Хотя жизнь ея я пощадилъ. —
 А прежній духъ меня слѣдилъ!
 Я не робѣлъ уже при немъ:
 Ужъ я привыкъ съ нимъ бытъ вдвоемъ;
 Но только отъ заговорилъ —
 И дрожъ по членамъ пробѣжнилъ,
 И кровь мнѣ сердце обольѣтилъ:
 Она какъ пламень адской жжетъ!
 Ужъ отъ молчитъ; но внимаю я —
 И жменьъ книжалъ рука моя!
 Ее ужъ пѣтъ — а отъ со мной!
 Отъ овладѣлъ моей душой!
 Какъ камень, жизнь на мнѣ лежиль,
 Но дрожъ по шѣлу пробѣжнилъ,
 Когда о смерти вспомню я!
 И ненавистна мнѣ земля —
 А воздухъ весь исполненъ имъ!
 И я, съ дыханіемъ монмъ,
 Впиваю желчь его въ себя!
 Отъ жженъ по прежнему мещ!
 Хотя не робѣю я при немъ —
 Хотя привыкъ съ нимъ бытъ вдвоемъ;
 Но только отъ заговорилъ —
 И дрожъ по членамъ пробѣжнилъ!
 И кровь мнѣ сердце обольѣтилъ:
 Она, какъ пламень адской жжетъ!
 Ужъ отъ молчитъ; — а внимаю я —
 И жменьъ книжалъ рука моя! . . .

Иль. Подшивала. 1067.

Ш А Р А Д А.

Какъ *первое* мое прекрасно,
 Когда оно ошкрыто, ясно;
 Хозяина показываешь умъ,
 Или слѣды высокихъ думъ.
Второе долгихъ дней еспь вѣрная прилѣтна;
 По немъ мы мѣряемъ и времена лѣтна,
 Какъ на безмѣнъ, какъ на аршинъ;
 Хотя *цѣльмгй* — я, въ шарадѣ сей одинъ,
 Но миллионы насъ граждане Свѣта.
 Для насъ скамейка, стулъ, лежанка и диванъ,
 Фуфайка и шулупъ, шпшель и доломанъ.
Кобузева.

Въ No 6 помѣщенная шарада значиль: *Бал-лада.*

M O D E S.

Parfumerie.—Pour parfumer le linge de manière à ce que l'odeur qu'on lui donne s'attache fortement, on l'expose à la fumée de poudres, ou d'herbes aromatiques.—La fumée ne doit pas être forte.—On met du feu dans une cassolette, la poudre exhale une légère vapeur que l'on entretient en renouvelant la poudre ou les herbes.

Ce moyen a été employé avec beaucoup de succès.—Le contact d'un sachet produit un resultat plus apparent peut être.—Mais de beaucoup moins de durée.

La poudre de Vétiver, odeur très-douce, est agréable pour cet usage, et pour parfumer les appartemens.

Nouveautés. De petites écharpes de gaze grenadine, très-courtes, se portent au bal.

Des ceintures et des noeuds de cou en velours.— Ces noeuds sont assez jolis en velours.—Vert pomme et vert foncé.—A plusieurs pointes mélangée, ou en velours cerise bordé d'une petite blonde noire.—Pour former ces noeuds qui sont quelquefois en satin doublé de blonde et d'ailleurs quelle que soit l'étoffe, velours ou ruban, on place une épingle.

—On fait de petits sautoirs de bourre de soie si fins, en cachemire, qu'ils peuvent se nouer en cravate.— Les châles carrés qui se portent en toilette simple à pied avec un boa, sont jolis, de quatre couleurs, une rosace et des coins à palmes.

Casiers géographiques.— Ce petit meuble qui semble un ornement pour l'endroit où il est placé est fort utile pour préserver les cartes de la poussière.— Ce casier est en acajou.— Au-dessus de chaque division où la carte est roulée et cachée, il est écrit en lettres

de bronze doré le nom du pays qu'elle représente.

Des écrans de cheminée.—Montés sur un pied de travail élégant, peint en bronze.—L'écran est comme les *sombreas*, placés sur les tables à ouvrage, qu'on faisait pour le soleil. Ils se ferment par un ressort.

Des petites tables en laque français à deux étages.

Boîtes à flacon.—En joli bois.—L'intérieur doublé de soie.

М О Д Ы.

Духи.—Чтобы запахъ духовъ—положенныхъ въ бѣлье сохранился надолго, надобно его держать надъ дымомъ курипельныхъ порошковъ или ароматическихъ правъ.—Дымъ не долженъ быть силенъ.—Кладуть уголья въ жаровню, порошокъ производитъ легкое испареніе, которое должно поддерживать, прибавляя порошка или правъ.

Сей способъ былъ употребляемъ съ большимъ успѣхомъ.—Запахъ мѣшечковъ съ душистыми правами (*sachet de senteur*) можетъ быть сильнѣе, но не столь продолжителенъ.

Порошокъ Ветиверовъ (*de Vetiver*) весьма пріятенъ для запаха.—Его употребляютъ для бѣлья и для куренья.—

Новыя бездѣлки въ области моды.—Небольшіе, очень короткіе шарфы изъ гренадиноваго газа, надѣваются на балы.

Пояса и галстучки бархатные.—Сіи галстучки, сдѣланные изъ бархата двухъ цвѣтовъ: свѣтло-зеленаго (*vert romme*) и темно-зеленаго, или соспавлены изъ разноцвѣтныхъ кончиковъ, очень красивы.—Ихъ дѣлають также изъ алаго (*urise*) бархата и обшиваютъ черною блондою. Сіи галстучки, которые иногда дѣлаются изъ апласа подложеннаго блондою, или изъ другой какой матеріи, бархата или ленѣтъ, зашпиливаются булавкою.

Дѣлають также маленькіе шарфы изъ *bourge de soie* или кашемира, которые такъ тонки, что ихъ можно завязывать галстучкомъ.

—Запросто, пѣшкомъ, носятъ хвосты и весьма красивые четырехъ-цвѣтные плашки, въ срединѣ кругъ, на углахъ пальмы.—

Географическое casier.—Небольшая мебель, весьма полезная, для сбереженія географическихъ картъ отъ пыли, служить также украшеніемъ для комнаты.—Сіи casiers дѣлаются изъ краснаго дерева.—Вверху каждаго отдѣленія, въ копоромъ хранятся карты, подписано вызолоченными буквами имя Государства, на ней изображеннаго,

Экраны для камина.—Весьма щеголеватой работы, выкрашены подъ бронзу.—Такіе экраны похожи формою на сомбреазы, которые спавили когда-то на рабочихъ столикахъ,—для предохраненія отъ солнца.—Спускаются и поднимаются посредствомъ пружины.

Небольшіе столики подъ французскимъ лакомъ въ два яруса.

Ящики для духовъ.—Изъ красиваго дерева вверху обиты шелковою тканью.

пер. *Издатель.*

В С Я К А Я В С Я Ч И Н А.

Одинъ молодой человекъ, житель Марсели, отправилъ себя ютъ того, что родители не позволили ему жениться на его возлюбленной. Пріемъ опиума въ полтора унца, вѣроятно былъ слишкомъ силенъ, и потому скоро больной освободился отъ онаго сильною рвотою. По выздоровленіи его, устращенные родители нимало не медля позволили ему жениться на предметѣ его страсти.... но вообразите странное дѣйствіе любви!—Молодой человекъ не хотѣлъ имѣть руки женщины, за которую онъ едва не отправилъ себя.—Нѣкоторые медики утверждаютъ, что опиумъ заключаетъ въ себѣ нравственную силу . . . . противъ любви.

Однажды спросили *Талейрана*: не оспавилъ ли онъ послѣ себя записокъ? «Не знаю еще, отвѣчалъ славный Дипломатъ; но я слышалъ, что мой камердинеръ и поваръ занимаются уже изданіемъ своихъ записокъ.»—

(изъ *Furet*) пер. *Соколовъ.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 8.

Цѣна годовому издашю,
состоящему изъ 104 Но.
съ 24-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скалкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ЯНВАРЯ 28 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Сатирой тронъ дурныхъ писцовъ,
Не оберешя бранныхъ словъ.
Хеллицеръ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

КТО ПРАВЪ?

Жаркій разговоръ въ гостиной между хозяйкою дома, *Леди Сарою* и членомъ Парламента *Сенто Бриксеномъ*, обратилъ столь сильно мое вниманіе, что я оставя висеть, взошелъ въ комнату, гдѣ происходило рѣшеніе. — Не знаю что подало поводъ къ сей распрѣ, но то, что я услышалъ показалось мнѣ замѣчательнымъ и я передаю весь разговоръ опъ слова до слова: пусть рѣшатъ сами читатели, кто былъ правъ, кто виноватъ.

Сенто Бриксенъ. . . . . Что можетъ быть щеславнѣе и ничтожнѣе сихъ своенравныхъ существъ, называемыхъ женщинами? Онѣ любятъ однѣхъ себя, угождаютъ съ умысломъ, чтобы послѣ излить всю свою неограниченную власть надъ слабыми созданіями, когорыя попали въ ихъ паупинныя сѣпи. Я говорю слабыя созданія, ибо очарованіе и волшебный голосъ сихъ Сиренъ безсиленъ надъ людьми разсудительными (1). Онѣ подобно Езопу кончику прорывающъ паупинныя тѣнны, имъ распавленныя, даже

(1) Полно такъ-ли?

Впередъ не спорь, а будь умнѣе
И знай пустая голова,
Что всякой логикѣ сильнѣе
И прекрасной женщины слова.

не подозрѣвая, или не желая замѣтить, что они поставлены были съ намѣреніемъ опнять ихъ вольность. — Угодишь женщинѣ столь же трудно, какъ Эѳіона сдѣлать бѣлымъ, или сшить кафтанъ на Луну. Не старайся угождать ей, или осмѣйся оскоривать еѣ: она зашумитъ громче Турецкаго барабана, сдѣлается бурливѣе Сѣверозападнаго вѣтра и метишельнѣе осы, у которой разорено гнѣздо. Возвеличивашъ себя и унижаашъ другихъ есть единственная цѣль и занятіе женщинъ (2). Онѣ смѣсь щеславія и злосипи, скупы и вмѣстѣ распочивельны; враги общаго порядка; словомъ, онѣ пакой вредъ, пакая преграда благополучію, что не дѣла не согласился съ извѣстнымъ философомъ, сказавшимъ: «какое былобы счастье, если-бъ боги изобрѣли другое средство къ продолженію челоѣческаго рода — Сколькоихъ бѣдспвій были онѣ причиною, сколько государствъ ими разорено, сколько полезныхъ предприятий ими ниспровергнуто, сколько. . . . .

Здѣсь *Леди Сара* прервала слова его: «оспановись, *Сенто!*» вскричала она, ты весьма неостороженъ; желая выказать насъ ничтожными твореніями, ты самымъ сильнѣе усилиемъ, доказываешь противное, ставишь насъ гораздо выше тѣхъ превосходныхъ су-

(2) Изъ которыхъ, весьма согласенъ. *Прим. переводчика.*

щесствъ, которыя служатъ украшеніемъ все-
ленной, однимъ словомъ: *мушны*.

Не пы-ли богошворилъ улыбку, не пы-ли
препепалъ опъ непріятнаго взгляда суще-
ства, называемаго *шобою* ничпожнѣмъ?
Помнишь-ли какъ дорожилъ ты *Розиндою*,
какъ цѣнилъ ея доброе о тебѣ мнѣніе? Мож-
но было подуматъ, что самая жизнь твоя
опъ того зависѣла! Но не спанемъ опдала-
ся опъ своего предмета. Безчисленное зло,
приписываемое шобою нашему полу, не естъ
ли доказательство владычества нашего надъ
вашимъ? Какое предпріятіе не одушевитъ
женщина? Она способна произвести великую
мысль и совершить самыя высокія подвиги.
И такъ, если мы такъ слабы, такъ нич-
пожны, то вы мужчины еще насъ ничпож-
нѣе: вы рабы наши! Мы можемъ имѣть влі-
ніе на самыя хитрыя политическія замыс-
лы. Исторія показываетъ намъ людей, жер-
пвовавшихъ своимъ опечесствомъ, благосо-
споянѣмъ, совѣстью, даже самого честию,
изъ любви къ женщинѣ, для пріобрѣтенія
ея благосклонности. Мудрецы забывали свою
пвердосъ и правила при одной улыбкѣ кра-
савицы. Женщина можетъ обезоружить ве-
личайшаго героя, даже можетъ сдѣлать скря-
гу распочитѣльнымъ, заставитъ его сорить
золотомъ, которое цѣнитъ онъ выше всѣхъ
благъ. Взоръ женщины можетъ привести
въ прѣпѣть человека, котораго одинъ
взглядъ производитъ ужасъ въ его подвлас-
ныхъ — Когда женщина овладѣетъ сердцемъ
мужины; то сіе сердце во всемъ ей пови-
нуется, ничего не шадитъ, на все готово въ
угодность ей. Наша власъ такъ обширна,
что мы можемъ перемѣнитъ ваши свой-
ства и, взявъ у васъ изъ рукъ шпагу, дать
пряслицу (5). Вы не много лучше машинъ,
которыя мы пружинами любви нашей за-
сшавляемъ дѣйствовать — по своей волѣ; мы
сильны перемѣнить радость вашу въ печаль
и развеселить огорченнаго. — Женщина обла-
гораживаетъ чувства мужчины, дѣлаетъ
неряху щеголемъ, безпечнаго рачительнымъ,
образуетъ непростѣннаго. — Какой мужчи-
на, хотя возведенный на самую верхнюю

степень славы, считалъ за униженіе искать
въ женщинѣ? Какой поэтъ, какой вишя оп-
казывался хвалить насъ? пы видишь, что
мы имѣемъ неограниченную власть надъ
вашимъ поломъ: почему же пы смѣешь ду-
мать о насъ споль низко? Самыя сатиры
ваши, брань и ругательства прекрасному
полу, суть памяшники вашего раболѣпства.
Подобно покоренному народу, вы шихомо-
комъ злословили вашихъ побѣдителей; ро-
пщете на иго, которымъ они васъ обремени-
ли и котораго вы не въ силахъ сбросили. —
Если бы *Розинда* была здѣсь: то, я увѣрею,
что имѣлабы удовольствіе слышать по-
жественное твое опреченіе опъ словъ, то-
бою сказанныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія пре-
имущества имѣете вы передъ нами? Мы
одарены свѣтлымъ разсудкомъ наравнѣ съ
мужинами, не уступаемъ вамъ ни въ наукахъ,
ни въ изящныхъ искусствахъ. Согласна, что
вы пверже насъ цѣлеснымъ сложеніемъ, но
опъ насъ зависитъ по волѣ располагать
вашею *шълесною* крѣпостью, которою вы
такъ хвалитесь; красота наша сильнѣе ва-
шей силы. Самою храбросіюю вашею вы
едва ли можете похвастаться предъ намию.
Въ рѣшимости же, мы далеко васъ превос-
ходимъ; ваша дружба, ваша любовь менѣе
нашей посполны; ваши добродѣтели не
устоятъ противъ одного спрасшнаго взора
женщины; а наша воля можетъ пвердо сто-
ять противъ всѣхъ вашихъ домогательствъ;
ни время, ни хитросъ, не въ силахъ побѣ-
дитъ истинно-добродѣтельную женщину. —
Мы не уступаемъ вамъ въ природныхъ да-
рованіяхъ ума, и превосходимъ васъ кра-
сопою: въ эпомъ вы сами сознаетесь. — И
такъ, если и существуетъ какая разница
между нашими полами, то конечно она въ
пользу нашего.

Не понимаю, для какой варварской поли-
тики въ сшарину мало занимались образова-
ніемъ женщины; почему полагаете вы, что
наше время должно быть посвящено однимъ
бездѣлкамъ? я приписываю это единствен-
но зависти вашей. Къ сей-то несправедливо-
сти вашего пола должно опнести, что мно-
гіе изъ насъ занимаются мѣлочами и бол-
таютъ пустяки; но сколько же за то не

(5) Хорошо, ежели шодько пряслицу.

льницы наговорить и напишутъ мушкетеры выводи асушки. Часто они судяты, споль-гупо, что возбуждаютъ сожалѣніе образованной женщины. Если бы о насъ имѣли по-печеніе равное съ вами: то, я увѣрена, что нашлось бы болѣе славныхъ мудрецовъ между женщинами, чѣмъ между вами. Тѣ изъ васъ, которыхъ воспитывали женщины, были всегда отличнѣе прочихъ. Между мужчи-нами есть многіе, достойные сопоставлять съ презрѣннѣйшими изъ женщинъ въ льно-спіи, невѣжествѣ, жеманствѣ, кокетствѣ наря-жались, сплетняхъ, и даже злословіи.

И такъ, гдѣжь преимущество вашего по-ла, *Сенто*?» —

Сенто утверждалъ, что Леди судитъ при-страстно, что даже любовь его къ *Розиндль* была не работничество, а воспламенена болѣе образованнымъ умомъ ея, нежели предеспя-ми. Въ дураки же не посвящаютъ его ни *Ро-зинда* и никакая очаровательная красавица...

— «А *Маркъ Антоній*, *Александръ Македон-скій*, и другіе великіе люди ваши, къмъ бы-ли одурочены, кто водилъ ихъ за нось?» воз-разила Леди улыбаясь.

Противъ споль неожиданнаго возраженія *Сенто* не успоялъ, онъ вскочилъ со стула и скрылся.

Кто правъ? рѣшите сами, любезные чи-татели! Я не беру на себя рѣшенія сей трудной задачи потому, что прекрасные глазки женщины дѣлали изъ меня все, что имъ было угодно, а посему и теперь голосъ мой былъ бы за нихъ.

съ Англ. *А. Бутаковъ.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОВОСТЬ.

Считаемъ приятною обязанностию сооб-щить нашимъ читателямъ *самыя свѣжія* новоспн о Русской Литературѣ, съ послѣд-нею почтовою полученныя изъ Берлина!!!!

«Новое сочиненіе славнаго *Пушкина*, подъ заглавіемъ *Полтава*, возбудило общее внима-ніе и принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ повѣйшей Русской Литературы, кои наибол-ѣе читаются.» Намъ Русскимъ извѣстно и вѣдомо, что сія поэма не только не возбу-дила общаго вниманія, но даже не имѣла ни-какого успѣха, въ сравненіи съ другими про-

изведеніями *Пушкина*. Ея медленному между нами распространенію быспро предшество-вало оспрее о ней слово: «*Пушкинъ* лишился славы тамъ, гдѣ *Петръ* приобрѣлъ ее (т. е. подъ *Полтавою*).» Не знаемъ, кто болѣе виноватъ: *Пушкинъ* ли, или Публика? Вотъ что говоритъ объ этой поэмѣ одинъ Кри-тикъ, съ мнѣніемъ, коего мы совершенно со-гласны: «Если мы будемъ смотрѣть на *Полтаву*, какъ на зеркало дарованія: то уви-димъ, что она даетъ намъ право на боль-шую надежду въ будущемъ, нежели въ преж-нія поэмы *Пушкина*. Но за то, если мы бу-демъ разсмаивать ее въ отношеніи къ ней самой: то найдемъ въ ней пакія несовер-шенства, которыхъ хотя нѣсколько объясня-ютъ намъ, почему Публика, приняла ее не съ такимъ вошоргомъ, какой обыкновенно возбуждаютъ вышней произведенія *Пушкина*.» Обратимся опять къ *интереснымъ* Берлин-скимъ новостямъ: —

«Г. *Соловъ* недавно издалъ *Разказы Пу-тешественника*, въ двухъ томахъ. Русскіе до сихъ поръ имѣютъ мало, или почти ничего не имѣютъ оригинальнаго въ эпическомъ родѣ. Малороссійскій романъ *Байкаго: Гайдалакъ*, изъ котораго отрывки и образчики были помѣщены въ разныхъ периодическихъ сочи-неніяхъ, теперь изданъ *вполнѣ и говорятъ*, что онъ весьма занимателенъ, описаніемъ Малороссійскихъ нравовъ.» — Истинно-порази-тельная новосп! ужели въ Берлинѣ печа-тающа Русскія книги! Мы уже готовы были воспласть патристическимъ вошоргомъ при радостной мысли, что Русскій языкъ распространяется въ ученѣйшей сира-нѣ Европы, въ Германіи, но одно замѣча-ніе *осторожнаго* Нѣмецкаго рецензента об-дало насъ смертнымъ холодомъ: «*говорятъ*, что *Гайдалакъ* занимателенъ, и пр.» *Гово-рятъ!* спало бытъ и въ Берлинѣ нытъ энихъ оригинальныхъ произведеній. Гг. *Солова* и *Байкаго*? гдѣжь они находились и гдѣ же пе-чатаны; въ какой подлунной, волшебной пи-пографіи? ошъ чего ихъ нытъ ни у насъ въ С.-Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ниже въ Ар-хангелевкѣ и въ Одесвѣ? Между тѣмъ, какъ эти произведенія — или правильнѣе сказашъ *сдѣлалъ* нашего Парнасса, вѣроятно, въ шап-

какъ невидимкахъ гуляють по бѣлу свѣшу; мы, съ похвальнымъ перибнѣемъ ожидая ихъ *появленія* нашимъ смертнымъ очамъ, позволяемъ себѣ судить объ этихъ *невидимкахъ* по *зримымъ* опрывкамъ ихъ чудснаго существованія. Книо изъ насъ не желаетъ пить медъ успами Нѣмецкаго рецензента? кпо не желаетъ, чптобъ наша Литература не имѣла *ничего* оригинальнаго въ родѣ *Разказовъ Путешественника*? — Мы испинно уважаемъ Г-на *Сомова* за его ппрудолобѣе; за совершенное знаніе Русскаго языка (въ семъ его произведенія могутъ служить образцами), но почтенный *Орестъ Михайловичъ* самъ согласился, чпто исчисленные нами похвалныя качества еще не даютъ права на славу хорошаго Литератора. О *Байскомъ* же скажемъ, чпто онъ дѣйствительно занимался составленіемъ Малороссійскаго романа: *Гайдамакъ*, изъ коего много опрывокъ извѣстно Публикъ, но не думаемъ, чптобъ онъ успѣлъ кончить (не говорю уже напечатать сей *оригинальный* прудъ): ибо по предмету Малороссійскихъ нравовъ и обычаевъ, онъ все еще находится въ запруднительной перепискѣ съ однимъ *дальнимъ*, почтеннѣйшимъ Литераторомъ, совершенно знающимъ все обряды и повѣрья и преданія своей родины — поэтической Малороссіи. Хотя сія благословенная страна есть пакже родина Г. *Байскаго*, но онъ вѣрояпно въ *первой* юности;

Какъ шрепетный Асканій

Опторженъ былъ опъ матери своей!

и попому не могъ узнать ее корошко—и сдѣдственно: пишеть о томъ, чего *самъ* не знаеть. Не смотря на сіе неудобство, мы все таки думаемъ, чпто Г. *Байскому* удастся сдѣлать свой романъ занимательнымъ.

Мы очень желали бы опдашь опчень и себѣ и читателямъ нашимъ въ шомъ, почему *Берлинская* Газета: *Der Freimüthige* могла судить о книгахъ, еще не написанныхъ въ *С. Петербургѣ*? и сколько ни приложили ума и усилія, но изъ сего опвлеченнаго предмета не могли вывести никакого другаго заключенія, кромѣ нижеслѣдующаго, конечно не совсемъ удовлетворительнаго: какой нибудь по-

читашель Гг. *Сомова* и *Байскаго*, желая ихъ обрадовать *неожиданнымъ* подаркомъ на новый годъ, или думая, чпто къ этому времени выйдуть упомянутыя сочиненія, или, чпто преждевременная похвала въ иностранной газетѣ побудитъ Гг. сочинителей къ скорѣйшей выдачѣ сихъ книгъ, вздумалъ сыграть надъ нашими скромными Литераторами и надъ легковѣрнымъ Газетчикомъ Берлинскимъ, пакую невозволипельную шутку, за кошую Гг. *Сомовъ* и *Байскій* конечно не преминуть воздать ему порядочнымъ головошпемъ — и по дѣломъ!

Мы радуемся вниманію иностранцевъ къ нашей Литературѣ, но совѣщаемъ всемъ иностраннымъ газетчикамъ и журналистамъ, не вѣрять всякому слуху о Русской словесности, часпо разсѣваемому по Европѣ услужливыми пріятелями какого нибудь Русскаго Литератора. Г. *Ольдекопъ* изданіемъ своего *Сѣвернаго Меркурія* взял на себя прудъ: познакомить Германію съ нашей современною Литературою; мы желаемъ, чптобъ онъ безприсраспными о ней сужденіями заслужилъ нашу благодарность и довѣренность иностранцевъ.

Р.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ДИКОВЦЫ.

или

ОБРАЗЦЫ СЛОГА Г. ПОЛЕВАГО.

Примѣры съ точностью выписаны изъ повѣстей и Литературныхъ отрывковъ, изданныхъ Г. Полевымъ въ 1829 году. Часть 1 и 2-я.

СТРАННЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ.

Примѣры

въ

Г. *Полеваго*.

Грузильцо, удилице.

Часть 1.

Стр. 201.

Чувствуюеть, чпто *грузильцо* по-
неть между каменьями, когда онъ
хочеть пащипать свое *удилице* на-
задѣ.

2.

Обремененнымъ, бременемъ.

Часть 1.

Стр. 9.

Я чувствую себя *обремененнымъ* и
всемъ *бременемъ* скорбей.

3.

Щеки пышация.

Часть 1. Не даетъ замѣпить щеку, пыша-
Стр. 177 щихъ огнемъ робкой спыдливости.

4.

*Отъ разжиманія зубъ воспламенялась физио-
номія.*

Часть 2. Едва разжималъ онъ зубы, вся
Стр. 10. физиономія у него воспламенялась.

5.

Домикъ, часть зданій флигеля.

Часть 2. До маленькаго красиваго домика,
Стр. 179. соспавлявшаго часть Королевскихъ
зданій лѣваго флигеля.

6.

Вступающіе и ходящіе шаги.

Часть 1. Шаги вступають въ комнату,
Стр. 112. шаги идутъ по комнатѣ.

7.

Сраженіе низверженное мечемъ.

Часть 1. Оспавили меня на полѣ сраже-
Стр. 36. нія, низверженнаго мечемъ врага.

8.

Сердце колотится въ ребры.

Часть 1. Дольфъ слышалъ, какъ сердце его
Стр. 112. колотилось въ ребры.

9.

Кипѣть въ работѣ, какъ въ смолѣ.

Часть 1. Ученикъ кипѣлъ въ работѣ съ
Стр. 87. упра до вечера, какъ въ смолѣ.

ИЗЛОМАННЫЯ ФРАЗЫ

или

СТРАЖДУЩАЯ ГРАММАТИКА.

10.

Какъ же это, что наконецъ.

Часть 2. Какъ же это хорошо случилось,
Стр. 164. что наконецъ они должны были
жить розно.

11.

Потому что, для чего, того, кого.

Часть 2. Видно, ей въ самомъ дѣлѣ не чрез-
Стр. 194. вычайно желалось освободиться,
потому что, для чего она не на-
зываетъ по имени того, кого знала

12.

*Вдругъ иногда, удивленіе улицы предъ ея
окошками; лошадки съ тамъ и сямъ.*

Часть 1. Вдругъ иногда, къ великому уди-
Стр. 67 и вленію всей улицы, являлось предъ
68. ея окошками множество полураз-

биныхъ спаканчиковъ, иные съ са-
харными лепешками, другіе съ пря-
ничными сухариками, иногда же
и еще болѣе: разныхъ сорповъ пи-
роги и ячменные сахарники и Го-
ландскія куклы, и деревянныя ло-
шадки съ тамъ и сямъ раскладен-
ными книжечками.

ПРИКАЗНЫЙ СЛОГЪ.

13.

Часть 1. Бродящая собака подходила и ока-
Стр. 68. зывалась неугливою.

14.

Часть 1. Вошь онъ, шаковъ, какимъ лѣпа
Стр. 45. и несчастія его угинули.

ПРЕЛЕСТИ.

15.

Часть 1. Волканическій воздухъ, какимъ
Стр. 44. дышалъ я, зараждалъ вокругъ меня
шмы ядовитыхъ насткомыхъ,
убивавшихъ мое тѣло.

16.

Часть 1. Помогивъ концомъ своего язы-
Стр. 79. ка большой палецъ.

17.

Часть 1. Сонъ ежеминутно прерывался ква-
Стр. 41. каньемъ болотныхъ гадювъ.

18.

Часть 1. Крикъ походилъ на хрипліе за-
Стр. 41. рѣзаннаго челоука.

19.

Часть 1. Навралъ въ своихъ изученіяхъ
Стр. 321. столько, что ученые люди спыдне-
лись даже опвѣчать ему.

ДУЭТЫ СЛАВЯНСКИХЪ И РУССКИХЪ СЛОВЪ.

20.

Отверзается и квартира.

Часть 1. Дверь пемницы моей отверзаетъ
Стр. 53. ся: я перемѣню мою квартиру.

21.

Ръялся и начальствовалъ.

Часть 1.
Стр. 21. *Ръялся по безмърности морей
и начальствовалъ кораблемъ.*

21.

Знакомки и влзеницы.

Часть 1.
Стр. 85. *Куча знакомкъ, безпрестанно по-
свщавшихъ съ драгоценными вл-
зеницами новостей.*

ПРОТИВУ СМЫСЛА.

22.

Погибшия раскаивались.

Часть 1.
Стр. 6. *Люди погибшия въ безпущствахъ
изъявляли горесть и проливали слезы
раскалнйя.*

(Продолженіе впрѣд.)

Выборговъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

З О Л О Т О Й П О К А Л Ъ.

Пикардское преданіе.

Въ Пикардіи жилъ когда-то храбрый рыцарь *Гюгъ Галанишъ*.

Гюгъ возвращался изъ Палестины, гдѣ онъ цѣлые пѣни дѣлъ сражался подъ знаменами крестоносцевъ противъ Магомета и Термагана, предославивъ судьбѣ своей жену, дѣшею и васалловъ. Это починалось тогда священнымъ долгомъ каждаго честнаго челоука.

Опередивъ своихъ сподвижниковъ, онъ скакалъ во весь опоръ на борзомъ конѣ своемъ, желая какъ можно скорѣе увидѣть свое пепелище; но при вѣздѣ въ Аппильскій лѣсъ заспигла его ночь.

Мѣсто сіе считалось опаснымъ: всѣ говорили, что тамъ живутъ злыя волшебники и нечистая сила совращаетъ съ пути благочестивыхъ спранниковъ; но *Гюгъ* или о томъ не думалъ, или вовсе не заботился.

Рыцарь не успѣлъ прохланъ сна шаговъ, какъ при порывахъ вѣтра, взрывающаго вершины столбѣнныхъ дубовъ, ему послышались отдаленные звуки ярляшной музыки. Онъ продолжалъ свой путь: сквозь чащу лѣса ему яредставились яркіе огни; тудъ скрипокъ и оладѣтъ сливался съ веселыми пѣснями.

Выѣхавъ на поляну, *Гюгъ* въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣлъ башни замка. Тысячи свѣчъ пылали, ошражаясь на росписанныхъ спеклахъ оконъ, и шумные клики ошзывались въ ушахъ Паладина.

Гюгъ очень проголодался; ибо пора объда давно уже прошла: спрансивующіе рыцари кушали и пили не лучшіе простолудиновъ; славнѣе учрежденіе гостинницъ еще не существовало въ семъ уродливомъ вѣкѣ, когда послѣдній изъ Паладиновъ, Донъ-Кихотъ Ламанхаскій, выпался воздухомъ и дѣлъ воду изъ Гвадіаны.

«Здѣсь не было прежде замка, подумалъ Сиръ *Гюгъ*, но въ печеніи пѣни дѣлъ много перемѣнъ могло случиться въ этомъ краю;» и онъ запрубилъ въ рогу.

О! о! кого нелегкая занесла такъ поздно добро пожаловать, Сиръ; мы любимъ незваныхъ гостей и никогда не жадуемся на жестство собесѣдниковъ.»

Подъемный мостъ опустили и черныи Карло ввелъ рыцари въ залу пиршества.

Собраніе было блистательно и многочисленно; за столомъ сидѣли бароны въ золотыхъ доспѣхахъ, множество дѣвъ съ приманчивыми взорами. Первое мѣсто занимала молодая дама, чудо красоты; подлѣ нее оставались пусныя кресла.

Рыцарь никогда не видывалъ стола пышнаго объда; но онъ не мало удивился вспомнивъ, что тогда была пѣпница, а на столѣ наставлены были фазаны, драхвы, навдины, козлятина и ни одного постнаго блюда.

«Прошу покорно, сказала прелѣстная дама обворожительнымъ голосомъ; мы васъ ждали!»—и указала ему на пусныя кресла подлѣ себя.

Сиръ *Галанишъ* повиновался, и опблагодаривъ со всею вѣжливостью рыцаря за ласковый пріемъ, располагался прочесть обычную молитву садясь за столъ.

Не знаемъ, что происходило въ душѣ прелестной дамы; но она дико нахмурила брови и черныи зрачки ея, судорожно сжимаясь, сверкали пламенемъ.

«Вѣруеть ей что-то пришло на память: «постойте, Сиръ, сказала она, прежде... нежели вы сядете за столъ, я надвоею, что вы

не откажетесь выпить изъ эшаго покала за мое здоровье.»

И она подала ему золотой покаль рѣдкой ошдѣлки.

Края его украшены были барельефами; они представляли адскую оргію козлоногихъ демоновъ, копорыхъ обожали языческіе вѣпци Римскіе и Греческіе.

Сирь Гюгъ замѣпилъ взглядъ дамы; холодный потъ выступилъ на его лице; но онъ скрѣпился, одною рукою принялъ покаль, а другою сотворилъ крестное знаменіе.

Мгновенно раздался ужасные споны, свистъ, визгъ: замокъ и госпци исчезли, и Сирь Гюгъ ояушился на пушной полянѣ съ золотымъ покаломъ въ рукѣ. Нѣсколько блуждающихъ огней проскакали; опушкою лѣса.

Сирь Гюгъ возблагодарилъ небо за спасеніе души своей отъ такой опасности; въ шуже ночь онъ явился къ пріору Францисканскаго монастыря и вручилъ ему спрашный покаль, съ тѣмъ, чшобы золото его употребить на богоугодныя заведенія. Благочестивое желаніе его исполнилось, и золотой покаль, превращенный въ свящину, долго служилъ предметомъ назиданія для набожной браши.

пер. Соколовъ.

(изъ *Journal des Dames et des Modes.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Л И С Т О К Ъ.

(изъ *Альбома П. Г. Сіанова.*)

Я узналъ тебя, скала!

Ты великаго гробища! . . .

Вопшь и Царственная впица

Тьньо: грознаго крыла

Гордый верхъ тввой осѣнила.

Я узналъ тебя, скала!

Знаменипая могила

Подъ защитою орла!

Надъ шобой; сверкала окомъ

И кохшми вцѣплясь въ утешь,

Ощешинясь, онъ широко

Крымя чѣрныя разнестъ.

Ты скажи, орелъ могучій,

Кшо же вызвалъ изъ за шучи

Безопчетпый тввой полѣпш?

Изъ спраны, гдѣ громъ и пламень,

На могильный эшопъ камень,

Что пернапаго зовешъ?

Или ты, какъ геши славы,

Грозный, мощный, величавый

Прахъ Героя спорожишь?

Что на море ты глядишь,

Съ думой тайной неразлучный?

Иль, желанья мѣспи полтъ,

Ты внимаешь ропотъ звучный

Ашпанпиды шумныхъ волнъ!

За волной волна напранешъ,

Спукнешъ въ берегъ и ошпрянешъ,

И какъ волны, чередой

Вькъ за вькомъ пробнесетъ; —

Но не встанешъ, не проснетъ

Твой развѣщанный Герой!

Пл. Волковъ.

C H A R A D E.

Armé de mon premier, le doigt léger d'Elise

S'exerce avec adresse au bel art d'Arachné.

Par mon dernier un singe excitant la surprise,

D'un peuple curieux se voit environné.

L'homme Franc hait mon tout, le blâme et le méprise.

Въ No 7 помѣщеная шарада значить: *Чело-вѣкъ.*

M O D E S.

A quelques réceptions de la cour, malgré le deuil de la mort du Roi de Naples, on a remarqué dans les toilettes de la reine et des princesses ses filles plus de richesse.—Ce changement qu'on peut regarder comme un retour vers le luxé qu'elles semblaient interdire, permet de présager que quelques bals qui vont enfin avoir lieu, seront plus brillans qu'on ne l'avait pensé.

Les garnitures bouffantes étant toujours hors de mode, il sera bien de s'arrêter à des broderies de soie plate pour les robes simples.—Pour celles plus riches une broderie légère d'or ou d'argent sur du crêpe ou du tulle.—Des grappes de fleurs.—Une guirlande—serait d'un joli effet.—Par exemple, or mat et brillant sur du crêpe blanc.—Argent sur du tulle rose.—Puis des bijoux.—Des plumes.—Autre chose enfin qu'une robe plate sans ornement, et un peigne d'écaille dans les cheveux.

Robes.—Les robes de velours toujours unies du bas, se font quelquefois pour négligé ou demi-toilette à dos plats, les devans plats également avec un revers de satin. Le devant ne doit pas être ouvert, il se ferme juste au milieu au moyen d'agraffes placées à l'intérieur, le revers retrousse en diminuant jusqu'à la ceinture, le haut est terminé en pointe comme une amazone.—Cette façon a été faite avec beaucoup de succès, la robe de velours noir, et le revers de satin bleu ardoise.—Le poignet du bas des manches, haut de trois doigts était formé de passe-poils alternant, l'un de velours, l'autre de satin, au nombre de douze environ.—Ils imitaient des bracelets d'émail.

Quelques robes de satin ou d'étoffes sont froncées dans le dos, mais généralement les corsages sont plats.—Pour négligé des redingotes qui sont froncées sont croisées par des plis retenus sur l'épaule par une ganse ou un petit poignet plat, qui fixe les fronces.—A cette façon même, il est bien de faire les dos plats.

Pour les manches une petite bande placée à deux doigts de la distance de l'entournure, retient les plis qui tendent à se déformer.

Pour les robes du soir habillées, satin ou étoffes de même genre; les façons qui sont les plus convenables sont à draperies ou Sévigné. —Plates, avec une mantille de blonde, —ou deux rangs de tulle uni, sont charmantes pour une personne blanche. Les manches de dessous en satin ou taffetas, n'étant plus soutenues par des *ballons* empesés, doivent être faites en berrets à plis contrariée, très-exact pour ne point s'abattre.

М О Д Ы.

Не взирая на шрауръ, валоженный по случаю кончины Короля Неаполитанскаго, замѣчено во время нѣкоторыхъ представлений при Дворѣ, болѣе пышности въ одѣждѣ Королевы и принцессы, ея дочерей. — Сія перемѣна, которую можно считать, какъ будто возвращеніемъ къ роскоши, дозволяетъ предугадывать, что нѣсколько баловъ, которые наконецъ начнутся, будутъ гораздо блистательнѣе, нежели думали.

Какъ пышныя накладки все еще не въ модѣ: — то очень прилично вышивать простыя платья гладью шелкомъ; — нарядныя золотомъ или серебромъ по крепу или пепинетту. Вѣпки изъ цвѣтвовъ. — Гирлянды — Дѣ-

лаютъ очень красивый видъ. — На примѣръ золото блестящее и маповое на бѣломъ крепѣ. — Серебро на розовомъ пепинетѣ. — Вещи. — Перья. — Наконецъ, что нибудь понаряднѣе простаго, гладкаго платья безъ ошдѣлки, и черепахаваго гребня въ волосахъ.

Платья.—Бархатныя платья безъ накладокъ.—Они дѣлаются иногда для полунаряда или запросто, съ гладкими спинками; передъ лифа также гладкой съ апласными опвороптами; передъ не долженъ быть открытъ, онъ заспегивается въ самой срединѣ крючками пришитыми снизу, опворопты сьуживался продолжаютъ до пояса, вверху кончится мыскомъ (en pointe) какъ въ Амазонскомъ платьѣ: такой покроемъ былъ очень удаченъ; черное бархатное платье, опворопты голубые (bleu ardoise) апласные; обшивки у рукавовъ шириною въ три пальца, составлены изъ снурковъ, обшитыхъ одинъ бархатомъ, другой апласомъ: такимъ образомъ до двѣнадцати.—Это близкое подражаніе эмалевымъ зарукавьямъ.

Шьютъ платья изъ апласа или другой какой ткани съ уборными спинками, но вообще лифы гладкіе. — Запросто рединготы съ оборками; спереди кладутъ крестообразно складки, придерживаемыя на плечахъ снурочками, укрѣпляющими сборки.—Къ такому крою также идутъ гладкія спинки.

На рукавахъ ниже проймы на два пальца кладется полоска, чтобы укрѣпить складочки.

Для вечернихъ нарядныхъ платьевъ изъ апласа или другой шелковой матеріи, лучший покроемъ à draperie или à la Sévigné.—Безъ ошдѣлокъ, верхъ лифа обшитъ широкою блондою (une mantille de blonde), или въ два ряда гладкимъ тюлемъ. Весьма красиво для особы, которая бѣла собою.—Нижніе рукава изъ апласа или тафты, неподдерживаемые крахмальными рукавами, должны имѣть форму берега, съ прошивуположенными складками, весьма правильными, чтобы рукава хорошо держались.

пер. *Издатель.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 9.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 55 рублей.

СУББОТА, Января 31 дня, 1831 года.

Будь искренность не горькимъ блюдомъ;
Въ храмъ счастья чистое крыльцо:
Рубли и мысли — не подь судомъ,
А соръ и вздоръ — не на лицо!

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О ТОМЪ, ЧТО ВЫШЛО ИЗЪ МОДЫ.

Всѣ почти Русскіе журналы извѣщаютъ о модныхъ нарядахъ, шолкуютъ о свѣтскихъ обычаяхъ, разсуждаютъ о приличіи, о новыхъ произведеніяхъ Литературы. Каждый цѣнитъ сіи послѣдніе по своему крайнему разумнію; у каждаго своя пробирная, свой оселокъ. Словомъ, читайше журналы и вы будете одѣшны по модѣ; будете важно судить объ игрѣ актеровъ, о новыхъ драматическихъ пьесахъ нашего театра; не бывъ никогда въ большомъ кругу, не имѣя о немъ понятія, получите способность говорить о немъ, какъ-бы родились въ ономъ.

Но никто еще до сихъ поръ не вздумалъ извѣстить Публику о томъ, что вышло изъ моды, о предметахъ, о коихъ уже не говорятъ въ высшихъ обществахъ; о знакомствахъ съ особами, о коихъ теперь неприлично упоминашь (хотя-бы они были наши благодѣтели): ибо они вышли изъ моды; о томъ, что должно искать знакомства такого-то: ибо онъ поднимается вверхъ какъ мыльный пузырь и хотя не надолго, но раздуется, дабы въ свою очередь лопнуть, подобно прочимъ мыльнымъ пузырямъ, своимъ собрати-

ямъ; о томъ, что такая-то состоятъ подъ покровительствомъ у такого-то, что предстоитъ се необходимо шѣмъ, кто ищетъ пою, или эпого.

Хотя нельзя подробно исчислить всего, что вышло изъ моды, или вошло въ моду; но можно, какъ въ математикѣ, сыскать приближенную величину, и шѣмъ указать дорогу въ объѣздъ, на успѣсистую высоту почесней — ползущимъ, идущимъ и ѣдущимъ. Хотя путь сей нѣсколько кривенекъ, но онъ многихъ доводитъ до прямой цѣли, и припомъ нынѣ въ модѣ.

Часто слышимъ: *это вышло изъ моды, это входитъ въ моду* — и слова сіи пространное поле для наблюдателя. Какъ нить Ариадны они поведутъ его къ первоначальной причинѣ возвышенія и упадка людей, вышедшихъ изъ моды и мелькнувшихъ на горизонтѣ большаго свѣта, подобно Кипайскимъ шѣнямъ или воздушнымъ метеорамъ.

Едва выдепъ кто либо изъ моды и шѣ, которые искали въ немъ вчера, сегодня уже поносятъ его предъ шѣмъ, кто замѣнилъ его и началъ входить въ моду. — Есть люди, которые, желая слѣдовать новѣйшей Петербургской модѣ, жишъ въ согласіи съ женами, выписали супругъ своихъ изъ деревни и живутъ съ ни-

ми, хопя не одною душою, но подъ одною кровлею. Бывало въ модѣ славилься пѣмъ, что владѣющіе имѣніемъ не опягченными долгами; нынѣ же ввелось въ моду закладывать деревни въ Ломбардъ и просрочивашь, вѣроятно, отъ желанія видѣть имя свое чешко напечатаннымъ въ Академическихъ вѣдомостяхъ.—Было время, когда за актрису, за лошадь или мороженое вызывали на поединокъ: нынѣ это вывелось и даже до того, что самая нестерпимая обида оканчивается примиреніемъ за спяканомъ Шампанскаго. Да здравствуетъ мода!—Бывало въ модѣ разговаривашь, хохоташь въ церкви; читашь молитвы на Французскомъ языкѣ, значило принадлежать къ хорошему тону: нынѣ же, благодаря Бога, эша инспиранна зараза-мода выводити ся.

Должно признаться, что много весьма смѣшнаго, бывшаго въ модѣ, оставлено. Даже въ мапушкѣ Москвѣ теперь весьма, весьма рѣдко встрѣчающіяся карены, запряженныя цугомъ, съ Арабомъ въ Нѣмецкомъ платьѣ и въ чалмѣ на заляпкахъ. Тамъ уже нынѣ позволено порядочному человѣку ѣздить на парѣ, въ коляскѣ и безъ лакея. Почти прошла мода не служба, а выслуживанье у своего Начальника, составляя паршію въ виситъ съ превосходительною его супругою, братья чины и награды.—Спиранныя люди нынѣ ввели въ моду оплнчашь только настоящую службу и истинныя заслуги. Прошли превозносимыя спариками времена, когда братья всячки считалось въ модѣ и законнымъ доходомъ съ занимаемаго мѣста; когда можно было шорговаться съ просишелемъ, когда безъ зазрѣнія говаривалось: что такое-то мѣсто спойнѣ по-по!...

Впрочемъ, вещь существуетъ, только образъ, фасонъ, манеръ братья всячки перемѣнился. Теперь дарятъ въ знакъ памяти солишерь тысячь въ деситъ, чиниврку лошадей, какъ бы своего завода (никогда несуществовавшего) тысячь въ шестъ, одоужаютъ деньги безъ векселя на слово, что бы никогда ихъ не шребовашь и потому подобное,—развѣ это не поже?» возразить мнѣ иной брюзгливый читатель. Не ожидаю отъ васъ такого вопроса, я признаюсь, не при-

гововишя опвѣчашь на него; самому мнѣ братья такого рода всячокъ не случалось, отъ шѣхъ, кон берутъ ихъ я не получалъ свѣдѣній, и потому опаривашь его не буду. Еслиже кто изъ моихъ читателей узналъ опшномъ вами мнѣ сказанное: по прошу не оставишь меня подробнымъ увѣдомленіемъ. Давно ли у насъ было въ модѣ славилься пѣмъ, что все науки проходили на Французскомъ языкѣ? Нынѣ, вошло у Русскихъ въ моду показывашь, что они знаютъ свой опшесивенный языкъ; но моду сію ввели такъ неоспорочно, такъ быспро, что все модники ударились писать и печаташь, а между пѣмъ иные, желая писать по Русски, пишущи по Чухонски и гнѣвающіяся, если завѣдывающіе липературною полицією Журналисты надъ ними смѣются.—Всего вышедшаго, или выходящаго изъ моды опредѣлить нельзя: ибо мода, какъ вы знаете, неоспоряна и можешь весни опашь въ употребленіе то, что брошено. На примѣръ, ввели же наши дамы носить спаринныя длинныя лифы нашихъ жеманныхъ бабушекъ; можешь быти, что мы увидимъ дамъ въ башмакахъ на высокихъ красныхъ каблукахъ съ брилланповыми пряжками, въ фижмахъ и съ прическою въ при эшажа, какъ Вавилонскіе сады Царицы *Селиралицды*.

Слѣпо, работливо исполняя все прихоти моды, модные люди съ ними соображаютъ свое обращеніе въ свѣшъ; ихъ цѣль самимъ войти въ моду и заслужить вниманіе шѣхъ, копорыхъ извѣстность дошла до *non plus ultra*.

Во Франціи, въ царствованіе Лудовика XIV и XV, отъ соблюденія законовъ моды зависѣль успѣхъ въ предпріятіяхъ. За одно нескромное слово, сказанное не въ попадъ, вопреки модѣ, о вышедшей изъ моды или вошедшей въ моду вещи, хопя *бездушной*, можно было лишиться мѣста почти полученнаго, или проиграть дѣло, хопя-бы оно было правое. У насъ на Руси нѣтъ и долго не переймутъ эпои вредной моды.

Языкъ модныхъ людей имѣетъ свои правила, свою грамматику, свои краснорѣчіе; но сіе завело бы насъ слишкомъ далеко: *c'est une mer à boire*.

На святой Руси мода на шляпки, на башмаки, на фраки перемѣняется, но есть мода, которая держится поспойнно; она введена у насъ вмѣстѣ съ основаніемъ Государства, усилилась при Пожарскомъ и Мининѣ, распространилась въ 1812 году: это любовь къ Опшечеству, храбрость и вѣрность.

Вещь же совершенно вышедшая изъ моды и всего болѣе у модныхъ людей—есть деньги.

Пасынковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОѢЗДКА НА ФАБРИКУ ПОЛКОВНИКА ***.

Имя Полковника *** напоминаетъ храбрость, благородство души, образованность, промышленность, богатство.

Не между щеголеватыми Офицерами не на балѣ между лучшими планцовиками Сполницы, кружащагося съ эфирною красавицею въ вихрь вальса; не подъ Бородинымъ, гдѣ распотпалъ онъ съ своимъ Карасирами цѣлую пѣхотиную Французскую колонну; не подъ Феръ-Шампенуазомъ, гдѣ съ премею эскадронами Гусарь прорубилъ ойъ улану въ густо-сомкнутыхъ рядахъ непріятелей и опасно раненъ пулею въ лице: ницу я сего примѣрнаго Русскаго Дворянина; но въ деревнѣ, на фабрикахъ и мануфактурахъ, между машинами, изъ Англій выписанными, или самимъ имъ изобрѣшенными.

Молва прожуужала мнѣ уши, повѣстувалъ о благоуспрѣихѣ его деревень, о благоденствіи крестьянъ его, о большихъ доходахъ, имъ собираемыхъ въ такое время, когда Орловскія и Воронежскія деревни, соснояція на пашнѣ не приносили 5-ти процентовъ; о томъ, что онъ получилъ 180 душъ послѣ родителей, не будучи ни опекуномъ, ни опкунщикомъ, нажилъ 2,500 душъ, завелъ такія фабрики, кои дѣлають честь Русской промышленности; ни съ кѣмъ не имѣешь спажбъ и, будучи избранъ въ Уѣздные Предводители, показалъ себя миротворцемъ и засупникомъ.

Въ одно прекрасное Юньское утро, я велѣлъ запрячь коляску въ четыре лошади рядомъ, сѣлъ въ нее съ премею пріятеллами и

помчался чрезъ Прѣсенскую заставу по Воскресенской дорогѣ. Видъ влѣво на Донской и Дѣвичій Монастыри съ ихъ великанскими башнями, съ ихъ зубчатыми стѣнами, съ ихъ золотыми маковками; на Голицынскую больницу, на синія Воробьевы горы, величаво-прекрасенъ. Вираво Голицынкій Петровскій Дворецъ съ своими спранными украшеніями и берзозвая роща съ свѣпильными домиками, выглядывающими изъ густой зелени, также прелесныы. По гладкой какъ споль дорогѣ, мы въ полтора часа прискакали въ Архангельское Князя Николая Борисовича Юсупова, и увидѣли

. . . . . сей Дворецъ

Гдѣ циркуль зодчаго, компра и рѣзецъ
Ученой прихоти его повиновались

И, вдохновенныя, въ волшебствѣ соспизались.

Мы остановились здѣсь кормить лошадей и, пока готовили намъ кушанье, пошли осмащривать великолѣпное, доспѣйное Царейльпнее мѣспопребываніе Русскаго барина. . . .

Въ Архангельскомъ сады, чертоги и ален,
Какъ бы швореніе могущей пѣкой фен,
За диво бы почли и въ Англіи самой.

Пушкинъ, въ посланіи своемъ къ Князю Юсупову, не сочиная, не вымышляя слѣдующихъ стиховъ:

. . . . . Спупивъ за твоя порогу

Я вдругъ переносусь во дни *Екатерины!*

Мы, п. е. я и мои поварищи, по же самое чувспвовали, входя въ пышный домъ здѣшняго хозяина, украшенный карпинами *Корреджія* и бѣломраморными спашуями *Каповы*.

Спало чрезмѣрно жарко: мы успомились до смерти, и рады, рады были, что доплелись до своей кварпирры, гдѣ малина съ густыми сливками прохлладила насъ. Отдохнувъ въ сараѣ на соломѣ и пообѣдавъ на скорую руку, мы опять пуспились въ дорогу. Вскорѣ опкрылся передъ нами Воскресенскій Монастырь, созданный въ 1656 году при Царѣ *Алексѣѣ Михайловичѣ*, Паптріархомъ *Никополю*. Мы остановились въ одномъ изъ Монаспырекихъ домковъ, нарочно для богомольцевъ построенныхъ и, потчасъ пере-

одѣвшись, побѣжали, а не пошли въ сей чудный здѣшній Монастырь. Въ огромной Соборной Церкви служили вечерню; опслушавъ оную, мы взяли одного изъ шамошнихъ Монаховъ въ вожапые и пошли осматривать все, досшойное примѣчанія и благоговѣнія. Церковь гроба Господня сооружена по модели Иерусалимской, привезенной Троицко-Сергіевой Лавры Келаремъ *Арсеніемъ Сухановымъ* и до сихъ поръ въ ризницѣ сохраняемой. *Никонъ* нарекъ сей Монастырь—Новымъ Иерусалимскимъ, пропекающую здѣсь рѣку Испру—Иорданомъ, одно урочище наименовалъ Фаворомъ, другое селомъ Скудельничьимъ. Патриархъ *Никонъ* здѣсь погребенъ. Подъ симъ Монастыремъ происходило 1698 года въ 18 день Іюня сраженіе между спройнымъ воинствомъ *Петра Великаго* и мяшкными Спрѣльцами. Сію обитель посѣщали почти всѣ Россійскіе Императоры и Императрицы; а 9 Іюня 1780 года и Римскій Императоръ Іосифъ II. Мы едва допашились домой, чувствуя совершенное изнуреніе силъ и боль въ ногахъ опъ безпрерывнаго всхожденія и схожденія по лѣспницамъ церковныхъ придѣловъ, коихъ считается болѣе семидесяти. На держанномъ нами по сему случаю совѣтѣ за чайнымъ споликомъ, опредѣлено ночевать въ Воскресенскѣ, а завтра въ 4 часа утра пуспитъ въ дальнѣйшій пупъ, въ село ** осматривать фабрики.

Мы спали, какъ мѣршвые; насилу мой *Филиппъ*, спройій исполнительъ господскихъ приказаній, насъ добудился. Какъ бы по ни было, въ 9 часовъ утра наша коляска споля передъ крыльцемъ огромнаго каменнаго дома въ селѣ **.

Оспратно одѣлпый слуга ввелъ насъ въ госпашную, весьма проспо, но опряшно и со вкусомъ опдѣланную. Полъ парке, мебель изъ карельской березы, обипа синимъ домашнимъ каземиромъ съ широкою бѣлою каймою, сопканною также дома; двери дубовыя, неокрашенныя. На балконѣ восемь спольтпныхъ померанцовыхъ дерсвьевъ въ цвѣшу, разливали благовопіе по всѣмъ комнатамъ. На спѣнѣ большая, превосходной кпешп картина, представляющая сраженіе подъ Феръ-Шампенуазомъ. Она писана въ Парижѣ

по заказу, однимъ изъ славнѣйшихъ Художниковъ.—Черезъ пять минушъ вошелъ хозяинъ и, ласково пожалвъ у насъ руки, всѣхъ насъ опъ души благодарилъ за честъ, ему нами сдѣланную, и просилъ садитъся. Онъ довольно высокаго роста, съ желпосмуглымъ лицомъ, черными густыми волосами, съ глубокимъ рубцомъ на лицѣ и съ длинными усами; дороденъ, а не полсптъ, лѣтъ сорока лпяти, живой, привѣпливый и здоровый. Онъ дернулъ за спурокъ колокольчика, шепнулъ два слова вошедшему офицаншу и, черезъ 10 минушъ, поданъ изобильный завпракъ. «Вы прѣехали видѣть мой заведенія, сказалъ онъ намъ, но увидипе одни образчики. Здѣсь все у меня въ маленькомъ машпабѣ, больше опыты, попышки, принаровки. Здѣшнія мои фабрики можно, въ нѣкопоромъ смѣслѣ, называть увеселишельными. Наспояція, доспоянія сего названія мануфакшуры и фабрики находяпся у меня въ — кой Губерніи: тысяча душъ креспьянъ съ женами и даже ребляпшкками десятъ мѣсяцовъ въ году рабпашоушъ на суконной фабрикѣ. Тамъ вода и огонь — совокупно оппправляютъ у меня должность богашпрей-рабпашниковъ. Вы прѣехали болше спа версптъ; весьма будетъ мнѣ груспно, если обзорѣніе здѣшнихъ заведений несполнѣтъ удовлетворитъ ваше ожиданіе. Въсповщики рассказываютъ горадо пышпѣе, чѣмъ вы увидипе на дѣлѣ. Въ этомъ случаѣ, они прпдерживаютъся любимой пословицы издашска оппчеспвенныхъ записокъ: *красна нива съ рожью, а ргѣтъ съ ложью*. Сушеспвенность бѣдна. Я самъ буду вашимъ проводникомъ.» И мы опправились на чеспальную и прядильную машины, дѣйспвующія водою перепруженной рѣки. Двѣнадцатъ мальчиковъ безпреспанно подкладываютъ шерспъ или хлопчатую бумагу, копорая, пройдя чрезъ нѣсколькп разныхъ машинъ, выходитъ изъ рукъ послѣдней, въ видѣ тонкой прпжи. Опспода пошли мы въ пкацкую, безконечно-длинную, имѣющую по 75 оконъ съ каждой сппороны. Въ ней со спановъ, на коихъ пкупшъ руками тонкія сукна, казмиры, казипспы, байковыя одѣяла, разнаго сорпаш женскія шали, платки, фланели, камлоты превосходной доброты. . . . Въ концѣ сей

галереи, сдѣлано аршина на два возвышеніе: это спригальня.

Здѣшнія фабрики не нуждаются ни въ какомъ родѣ масперовыхъ: при нихъ имѣются отлично искусные столяры, рѣзчики, шпакляри, кузнецы, слѣсары. Мы были на сукновальной мельницѣ, обозрѣли красильню, сушильню и прессъ. Это заведеніе Европейское! Радушный хозяинъ повелъ насъ опшудать въ оранжереи, гдѣ насчитали мы болѣе шести сотъ ананасовъ, освѣжились испанскими вишнями. Садъ здѣшній несправедливо названъ садомъ; это паркъ. Въ огородѣ, весьма хорошо воздѣланномъ, домовиный хозяинъ исказалъ намъ до двадцати разныхъ родовъ салаповъ. За обѣдомъ блюдъ было не много, но изгоптовленныхъ опмѣнно вкусно; на прим. чепверсть телятины подали на деревянномъ лопкѣ: попому что ни на какомъ блюдѣ она не укладывалась. Плодовъ горы, наливки, особливо рябиновка и вишнявка лучше всякихъ винъ и ликѣровъ заморскихъ. Но не это составляетъ важнѣйшее и, къ сожалѣнію, въ Россіи весьма рѣдкое достоинство руководельныхъ (мануфактурныхъ) заведеній Полковника *** Я говорю о довольствѣ 500 душъ крестьянъ здѣшнихъ. Помѣщикъ водилъ насъ по селу, мы заходили во многія крестьянскія избы. Онѣ свѣплы, просторны, съ трубами; не видно ни обвалившагося забора, ни избы, погнувшейся на одинъ бокъ; ни бабы въ лохмотьяхъ, ни крестьянина въ рубищѣ. — «У меня, сказалъ Полковникъ, въ деревняхъ нѣтъ ни воришекъ, ни пьяницъ, ни буяновъ, ни лѣнивцевъ, благодаря заведенной мною книгѣ, въ копору, въ продолженіе года, записываются всѣ проступки каждаго крестьянина въ особенноти. При рекрутскомъ наборѣ выбирающа мѣромъ 10 Старшинъ для назначенія вмѣстѣ съ спаростою крестьянъ въ рекруты. Земскій чинаетъ громогласно обо всѣхъ проступкахъ и, если окажется пропускъ, то сіи 10 выборныхъ Старшинъ добавляють оный. Сперва назначаются обличенные въ мѣлочномъ воровствѣ. Если ихъ нѣтъ: то оставленные въ сильномъ подозрѣніи; чепыре подозрѣнія соснавляютъ удостовѣреніе. Если нѣтъ воровъ: то пьяницы; за недоспапкомъ шакихъ,

буяны, п. е. непочитающіе своихъ родителей, спрощивые противъ начальства. Последній разрядъ соснавляютъ нерадивые о своемъ хозяйствѣ. — Уже болѣе десяти лѣтъ, какъ здѣсь перевелись воришки и пьяницы; есть еще лѣнивцы, да и пѣхъ немного. Въ солдатахъ и негодяи исправляются: ибо за ними имѣются ближайшій надзоръ; наказанія неизбѣжны, случаевъ къ развращу гораздо меньше, чувство чести сильнѣе дѣйствуетъ на сердце, награды и поощренія не дають ему ослабѣть.

«Впрочемъ, крупныхъ воровъ я предаю Уголовному суду — и поспавилъ себѣ за правило не принимая ихъ опять въ свое селеніе ни въ какомъ случаѣ.»

«На моихъ фабрикахъ задѣльная плата одинакая и своимъ крѣпостнымъ и вольнонаемнымъ; она исправно выдается крестьянамъ каждую Субботу мѣдною монетою и мѣлкими ассигнаціями, а не серебромъ по курсу. Крестьяне видяптъ въ этомъ правоту, съ какою помѣщикъ дѣйствуетъ — и работають усердно. Ежегодно на дрова для топки опводится имъ по пяти десятинъ, копорыя дѣляптъ они на участки; сверхъ того оппускается имъ лѣсу доспапочно для срубки пестри новыхъ избъ; опытъ показалъ, что этаго доспапочно. Между каждыми двумя избами, или, какъ крестьяне называютъ, между каждымъ гнѣдомъ, есть, какъ вы видѣли, осьмисаженный переулокъ, обсаженный вдоль по двору въ два ряда деревьями для безопасности опъ пожара. Сіи клочки земли огорожены: шупъ сажаютъ карпфель, овощъ, споль полезный. У меня пожарныя трубы всегда въ исправности, оппу приваеитъ Г. Уѣздный Лѣкаръ по два раза въ годъ всѣмъ дворовымъ и крестьянскимъ ребяпишкамъ безъ разбору. Я завелъ небольшую больницу и аптеку, коими завѣдываетъ собственный мой человекъ, обучавшійся сперва въ Гимназіи, а попомъ въ Голицынской Больницѣ: это также необходимо, особливо, на случай опкрывающихся иногда повальныхъ горячекъ и лихорадокъ. Въ важныхъ случаяхъ, я приглашаю Уѣзднаго Лѣкаря.

«Во всемъ, что вы нашли здѣсь похвальнаго по части крестьянской нравственноти»

спин и домостроительствъ,» — продолжалъ Полковникъ: «я имѣю добраго помощника въ моемъ приходскомъ Священникѣ *Алексѣй Ивановичѣ*. Онъ поступилъ сюда изъ окончившихъ курсъ Богословіи Студентовъ Московской Духовной Академіи и, при испытаніи въ наукахъ, получилъ степень Магистерскую. Кромѣ земли и уснавленныхъ доходовъ за пребы, онъ получаетъ еще мена по 500 руб. въ годъ, которые выплачиваются онъ мнѣ спорично добрымъ своимъ примѣромъ и просынами, понятиями крестыанамъ поученіями. Въ началѣ каждаго великаго поста, я посылаю Священнику секретную записку о пѣхъ, кои слишкомъ сурово обращаются съ дѣшными и женами, лѣнны или ослушны передъ начальниками. Онъ покурить ихъ на исповѣди—и они почти всегда исправляются.—Вамъ надобно познакомиться съ эпимъ благочестивымъ служителемъ Божиимъ.» — Полковникъ пригласилъ его къ себѣ на чай и, какъ шогда было уже 8 часовъ вечера, по онъ векоръ и пожаловалъ. Хозяинъ и всѣ мы подошли къ нему подь благословеніе; онъ обшилъ насъ крестынымъ знаменіемъ; онъ человѣкъ лѣпшъ тридцати, небольшой ростомъ, съ прекрасными глазами, ясною физиономіею, свѣтлорусыми волосами, кропкѣй и пухѣй, одѣшый опрянно и даже нѣсколько щеголевато. Всѣ: и походка, и осанка его благородно-просыны; въ разговорахъ нѣтъ ничего педантскаго, жеманнаго. Однимъ словомъ, онъ принадлежить къ весьма ограниченому числу пѣхъ людей, съ которыми нельзя поссориться и которыхъ невозможно не слушаться. Онъ сообщилъ намъ, что обучаетъ дѣшней сосѣднихъ помѣщиковъ Закону Божию. Способъ его ученія надлежалобы ввести во всѣ учебныя заведенія. Онъ проходитъ съ нами повѣшествоательно и кратко Священную Испорію опъ Адама до нашихъ дней; потомъ изьясняетъ то заповѣдей, молишву: Опче нашъ и Символъ Православной Вѣры.

Мы напилась чаю, поблагодарили радушнаго хозяина и просынились съ достойнымъ насыремъ душъ, прося его не забывать насъ въ свѣпныхъ своихъ молишвахъ. Желательно, чтобы всѣ помѣщики были похожи

на Полковника *** и всѣ сельскіе Священники такъ образованы, такъ попечительны о духовной наснѣ своей, какъ Священникъ *Алексѣй Ивановичъ*! . . . .

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э П И Г Р А М М А.

Историческою дрянью

И гнилой, журнальной бранью

Заражаетъ опъ Парнасъ.

Зачумленный, жалкѣй, смрадный,

Шлепнется онъ въ добрый часъ,

Съ каланчи *высокглядной!*

Р.

З Е Л Е Н Ы Й П Е Р Е Д Н И К Ъ.

Какой таинственный волшебникъ,

Жилецъ невѣдомыхъ намъ странъ,

Надѣлъ приманчивый передникъ

На твой полувоздушный станъ?

Онъ могъ бы радугой чудесной—

Твой ополсать станъ прелестный!

А онъ избралъ коверъ *веселы!*

Но и весна порой желтѣешь.

А на тебѣ—и средь *зимы*

Коверъ природы зеленѣешь!

Не подражая никому,

Въ пылу свирѣпствующей моды,

Ты покорила вкусъ—уму!

Для украшенія природы,

Какъ бы въ упрѣкъ всѣ пѣхъ же моды—

Съ душою чистою во взглядѣ,

Явилась къ намъ, какъ новый годъ,

Въ своемъ обдуманномъ парадѣ! . . .

Юрковъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый слогъ* поля опусушася

И голодомъ моритъ чрезъ цѣлый годъ,

Въ другомъ значеніи онъ землю украшаетъ;

Онъ есть собраніе церквей, домовъ и водъ.

Мой *слогъ второй* перѣдко дамъ прельщаетъ,

Гордится имъ Кавалериспъ,

И хопъ смѣяшся всѣхъ прохожихъ заставляешь,

А носить ипогда его и копеспъ,

Чтожь *цѣлое*? оно во всѣхъ домахъ бываетъ
и степень холода или жара означить.

Паскитовъ.

Въ No 6 помещенная шарада значитъ: *Détour.*

M O D E S.

Une jolie garniture à du tulle rose était des noeuds posés de distance en distance, trois rangs, diminuant de volume à mesure qu'ils s'élevaient, un ruban de gaze grenadine rose, sur les bords un petit effilé d'argent mat, dont les brins étaient délicats comme de la soie.—Sur les épaules et au milieu du corsage, devant et derrière un noeud pareil posé sur une mantille de blonde qui retombait.

Au-dessus de l'ourlet d'une robe de crêpe une petite guirlande de fleurs artificielles,—très-déliçates, très-légères.—Peu de fleurs.—Hautes de trois doigts au plus.

Des chefs d'or ou d'argent sur toutes les étoffes légères.—Ou des dents de satin pointues ou arrondies, bordées d'une petite blonde.

Modes.—Les berrets du foulard, sont une nouveauté.—C'est à ce titre que nous parlerons d'eux.—Cette mode assez gracieuse, légère, commode, convenant au négligé comme à une demi-toilette, commence déjà à être si mal portée qu'elle ne peut se soutenir longtemps bien.—On leur donne certaines formes qui siéent parfaitement, celles surtout qui se rapprochent des madras créoles.—Le modèle de ceux qui accompagnent cette livraison vient de la galerie Verododat, n. 35.—On doit tendre principalement à déguiser les montures, et faire que cette coiffure semble faite sur la tête, nouée avec négligence.

De petits chapeaux à bords peu évasés, courts des oreilles, velours ou crêpe.—Une blonde qui garnit une grande partie de la passe de dessous à droite.—Trois plumes placées à distance l'une de l'autre, tournées, frisées du bout.—La figure est à découvert.

Les chapeaux de satin bleu de ciel, rose, lilas—sont ceux qui se voient le plus généralement.—Fort simples, un noeud sur le milieu de la forme.

Lingerie.—Nous n'avons pas parlé d'une mode déjà ancienne mais peu adoptée malgré tous les avantages, ce sont les pantalons pour les femmes.—La jambe doit être peu large du bas, fermée comme une manche par un poignet garni de bandes brodées ou plissées.—Le haut est froncé aux hanches et monté avec une très-large ceinture.—Rien ne peut préserver du froid comme ce vêtement qui étant fait de fine percale

ne grossit pas la taille, puis avec les jupes courtes, il semble laisser de la liberté aux mouvemens.

Nouveautés.—Les fourrures et palatines plates ne sont plus de mode.—Les boas le sont exclusivement. Ils se tournent plusieurs fois autour du cou,—ou s'attachent avec un anneau en carcan, en bague, en agraffe.

Bijoux.—On fait de jolies parures de pierres et émail. Les pierres de couleur taillées sans facettes sont enchâssées dans de l'or émaillé sans ciselure.

Albums de Musique.—Chaque album se compose de douze romances ou nocturnes qui n'ont pas encore paru.—Paneron, Brugnière, Beauplan, Romagnési, Auber.—Jolie reliure, chaque morceau accompagné d'une lithographie soignée des meilleurs maîtres.

Ensembles de Toilette.—Négligé: une robe de satin noir, corsage plat, montant, un petit col carré tombant.—Un chapeau de peluche rose, noeud de satin au milieu de la forme.—Un manteau d'étoffe anglaise, laine peluchée à damiers rouges et noirs.—Un boa de martre.—Des brodequins fourrés.

Demi-Toilette du soir.—Une robe de satin jaune montante, fermée dans le milieu, un revers de velours.—Un petit col carré tombant, en velours, garni d'une petite blonde comme le revers.—Un bonnet de blonde, avec des jacinthes très-déliçates.

Des bracelets d'émail et pierres.—Des souliers de satin noir.

Une robe de velours noir, corsage drapé décoleté, des manches longues de blonde noire surmontées de jockeis à très-grandes pointes.—Des bracelets de perles encadrées dans de l'or émaillé, un turban de mousseline de l'Inde parsemé de mouches d'or.—Sur le front une agraffe de pierres variées à paires.—Des brodequins de satin blanc.

Planche No 3, toilette de matin.

M O D Ы.

Розовое пепиннеповое платье было весьма корешко отдѣлано въ при ряда баншами изъ розовой гренадиковаго газа ленты, обшитой узенькой бахромкою изъ самаго тонкаго серебра; баншы верхняго ряда были меньше втораго, а сии меньше самаго нижняго; на плечахъ, и въ срединѣ лифа, сзади и спереди приколонны шакіе же баншы, сверхъ широкой опущенной блонды.

На креповыя платья кладуть узенькія гирланды, весьма легкія, изъ искусственныхъ цвѣтшвъ — не ширѣ прехъ пальцевъ. — Цвѣтшвъ немного.

Всѣ плашья изъ легкихъ пиканей опдѣлываются полосками, вышитыми золопомъ или серебромъ или апласными, общипыми узенькою блондою.

Моды. — Новѣйшіе береты изъ фулара (fulard) потому и упоминаемъ о нихъ; — Весьма красивы, легки и покойны, приличны запросто и въ полунарядъ; ихъ начинаютъ носить уже весьма рѣдко и надобно ожидать, что скоро совсѣмъ бросятъ. — Нѣкоторыя изъ придаваемыхъ имъ формъ, ко многимъ очень идутъ, особливо похожіе на Мадрасы Креолокъ. Болѣе всего надо спараться скрыть, что они сдѣланы особо; а дашь видъ будио небрежно накинута на голову и на ней завязаны. —

Небольшія шляпки съ довольно закрытыми полями, коротки къ ушамъ; бархатныя или креповыя. — Большая часть поля съ правой стороны общипа снизу блондою. — Три пера, приколонныя въ нѣкоторомъ одно опъ другаго разстояніи, съ завороченными и завитыми концами. — Лице открыто.

Апласныя шляпки, небесно-голубаго, розоваго и лиловаго цвѣтовъ — болѣе другихъ въ употребленіи. — Чрезвычайно просты; одинъ бантъ на срединѣ шульи.

Бѣлье. — Мы не упоминали еще объ одной нѣсколько времени уже существующей, но мало распространившейся модѣ, не взирая на ея видимую пользу. — Это дамскіе панталоны. На ногъ къ низу, они не широки, и какъ рукава заспягиваются обшивками, вышитыми или перебранными съ складочными оборками вверху, на бокахъ собраны и общипы широкимъ поясомъ. — Ничто не можеть лучше предохранить опъ простуды. Ихъ дѣлаютъ изъ тонкаго перкалю, эщо не поришеть стана дамы, а съ короткою юбкою дающъ, кажется, болѣе свободы всѣмъ шлодвиженіямъ.

Новости. — Пластинчатыя мѣха и палатны болѣе не въ модѣ. — Исключительно носятъ хвосты (boa). — Ихъ оберпываютъ нѣ-

сколько разъ около шеи или замыкаютъ кольцемъ, сдѣланнымъ на подобіе сагсап или пражки.

Вещи. — Дѣлаютъ весьма красивыя уборы изъ каменьевъ и эмали. Цвѣтныя камни, гладко вышлифованные, обдѣланы въ золото съ эмалью безъ насѣчки.

Музыкальные Альбомы. — Всякой альбомъ состоить изъ двѣнадцати романсовъ или Ноктурно (nocturno). *Пансеронъ*, *Брюньеръ*, *Бопланъ*, *Романези*, *Оберъ*. Красивый переплѣтъ; къ каждой пьесѣ-приложена пишательная Литографія лучшихъ арписповъ.

Полный нарядъ. — Запросто плашье черное апласное, лифъ гладкій, высокій; маленький четверугольный опложной воротничекъ. — Шляпка изъ розоваго плюша, апласный бантъ по срединѣ шульи.

Плашье изъ Англійской матеріи, шерсть съ плюшемъ (laine peluchée) съ черными и красными шахматами (damiers). — Собольи хвосты — ботинки на мѣху.

Вечерній полунарядъ. — Желтое апласное съ высокимъ лифомъ, плашье, застегнутое по срединѣ, бархатныя опвороты. — Небольшой четверугольный опложной бархатной воротничекъ общипый узенькою блондою также, какъ и опвороты. — Чепчикъ блондовый съ весьма легко сдѣланными гіацинтами. — Эмалевыя съ камнями зарукавья (браслеты). — Черныя апласныя башмаки. —

Черное бархатное плашье, лифъ drapé открытой, длинныя черныя блондовые рукава; вверху эплетцы съ длинными мысками. — Браслеты жемчужныя, оправленные въ золото съ эмалью. — Тюрбанъ изъ Индѣйской киспи, зачканной золопыми мушками; на лбу пражка (agraffe) изъ разныхъ камней, вдѣланныхъ по два рядомъ одинакихъ. Бѣлыя апласныя башмаки.

Картинка No 3, изображаетъ упренный нарядъ.

пер. *Издатель.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 10.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 4 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!
Крыловъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЧАХОТНАГО.

Жанъ-Жакъ Руссо, кажется, изобразилъ волшебнымъ перомъ своимъ расположеніе дома по своему вкусу. Я не *Руссо*; но также могу писать желанія, и хочу описать вамъ жилище, какое бы я хотѣлъ имѣть, по моему вкусу. Быть можетъ, не многимъ изъ моихъ читателей онъ понравится; быть можетъ, что моя фантазія покажется имъ странною: что же мнѣ дѣлать? Я неволю въ своей волѣ.

Я хочу имѣть не колонады, не галлерей, не гостиныя, а покои.

Въ самой тихой части города, далеко отъ безопвязныхъ нахаловъ, но близко отъ друзей, я желалъ бы имѣть одну большую, очень большую комнату, съ уединеннымъ кабинетомъ.

Я бы не разспавался съ большимъ покоемъ.

По знаку глухого колокольчика, двери открывались бы насшежь такъ, чтобы открывалась вся внутренность большого моего покоя.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы при первомъ взглядѣ онъ поражалъ входящаго: поелику я

расположилъ бы его на свой особенный манеръ.

Я обилъ бы его черными подъ бархатъ обоями съ серебреною вверху каймою; внизу, вмѣсто панелей, стѣны обложилъ бы бѣлыми мраморными плитами.

Каминъ и верхнія части мебели должны быть также изъ бѣлаго мрамора.

Два огромныя зеркала будутъ вѣданы одно противъ другаго: первое на каминѣ, второе за пурпуровыми занавѣсами моей кровати, такъ, что вся внутренность покоя отразится безчисленно.

Противъ дверей прорублю окно съ цѣльными стеклами, украшенное длинными занавѣсами одного цвѣта съ кроватными. Это окно должно выходить въ поле, или въ обширный садъ. Зимой, я любовался бы изъ него ослѣпительною бѣлизною снѣга, а лѣтомъ взоры мои покоились бы на зелени древесной, на муравъ лужайки, оживленной пѣніемъ птицъ.

Еслибы подруга пришла раздѣлить со мною сей прелестный приютъ, я былъ бы счастливѣйшимъ всѣхъ моихъ сверстниковъ.

Но я желалъ бы имѣть подругу съ бѣднымъ и унылымъ лицомъ, женщину слабую и

спраждающую, подобно мнѣ; женщину, коей бы нравились и мои пурпуровые занавѣсы, и бѣлая мебель и черные обои, и серебряная кайма.

О, какое сладоспрасптіе дасть или взять поцѣлуй въ такомъ жилищѣ и онѣ такой жепы! Молодая жена должна любить пламенно.

Тихій голосъ ея будешь улаждать душу, подобно послѣднему гулу колокола, подобно преходящему и исчезающему звуку.

Объяспія ея должны окружать меня также сладко, какъ рѣчные спруи, копорыя скользя по пѣлу, журчатъ и убѣгаютъ.

Когда же мечпы мои исполняшся? исполняшся онѣ когда нибудь?

Когда увижу я въ своемъ мрачномъ покоѣ милую подругу съ голубыми глазами, съ длинными распущенными волосами, съ бѣдными щеками, копорыя покрояшся розовымъ цвѣтомъ онѣ краснаго оплива моихъ пурпуровыхъ занавѣсовъ?

Настанетъ ли пора, когда я, окруженный мракомъ и пишиною, упоенный благовоиетъ цвѣповъ, почувспвую прикосновение руки ея, судорожно сжимающей мою руку, когда она прижметъ меня къ себѣ и увлечетъ за собою?

С А Н Х Е Ц Ъ .

(Истинное происшествіе.)

Площадь св. Іоанна Діоскаго, въ Кадиксѣ, захлебнулась народомъ. Окна и балконы домовъ наполнены были мущинами и женщинами всѣхъ возрасповъ. Толпы зрители сохраняли глубокое молчаніе, между пѣмъ, какъ раздавались повсюду звонъ колоколовъ св. Франциска, стукъ оружія и ржаніе коней. Погода была шихая, ясная; — и свѣплые щипцы монаспыря св. Іоанна горѣли въ лучахъ солнечныхъ.

Вдругъ послышался глухой шумъ въ опдаленіи; онъ, по мѣрѣ приближенія своего, поспешенно дѣлаясь явствениѣ, превратился наконецъ въ общіе крики: «Вотъ онъ! Вотъ онъ!» И дѣйствительно это былъ онъ—Санхець.

Длинные ряды черныхъ *Катоцихся* опжрывали шеспвіе; за ними четыре палача несли гробъ Санхеца, за копорымъ шелъ самъ Санхець, обремененный цѣпами и поддерживаемый двумя монахами св. Франциска. Не смотря на колоссальный его росецъ, аплетическое сложеніе и неподвижный, пропичательный взглядъ, черты лица его не были безобразны; но онѣ имѣли на себѣ оппечатокъ какой-то неизьяснимой адской злобы; нѣчто люпое, пигровое выражалось въ его свирѣпой физиогноміи. Взойдя на эшафонъ, онъ обратился къ зрителямъ, и съ швердоспію сказалъ имъ:

«Испанцы! предъ вами Санхець, Маркизь Виллальба. Спрасшь къ убійспву возвела меня «на эшафонъ сей; родясь и возраспая вмѣстѣ со мною, она содѣлалась поспребностию «моей жизни, внуспреннымъ побуждениетъ. «Въ дѣтспствѣ смонрръ уже я съ неизьяснимымъ удовольспвіетъ на пекущую кровь; «мучилъ живонныхъ, уязвлялъ моихъ сопо«варицей. . . .

«Единственная отпрасль знаменитой фами«ліи, я былъ богопворимъ опцомъ моимъ: «и мою жеспрокость называли муждспвомъ. «Тщепно спарались, въ послѣдспвіи, воспі«паніетъ искоренишь во мнѣ сін ужасные «зародыши; природа переспливала: какое-то «гибельное предопредѣленіе увлекало меня, «какое-то еспстѣспвное побужденіе къ убій«спву не давало мнѣ покоя. Въ лѣпахъ юно«сппи, сладкій препенъ любви никогда не «волновалъ моего сердца; но жажда крови удво«силась. Возмущаемый какими-то испоспжи«мыми желаніями, по цѣлымъ часамъ не сво«дилъ я глазъ съ кинжала, испыпывалъ осп«роту конца его, и пламенное мое воображе«ніе всегда окружало меня карпинами смер«щи и убійспва.»

Ужаснувшійся народъ сопворилъ крестное знаменіе; и пишина снова воцарилась на площади св. Іоанна.

«Вскоръ покинулъ я мое семейспво, всѣ «мои почеспни, достописпва, и посвятилъ «себя предуготовительнымъ опыпамъ на «кровавомъ пуши моей жизни, сражаясь съ «обипшателями лѣсовъ. Часто боролся я съ

«волками Сен-Люкарскими; перѣдко уязвляли они меня оспирыми зубами своими: за то съ какою радостію, съ какою гордостію «смотрѣлъ я на послѣдній пренесть ихъ подъ «спальною моею рукою! сопротивление уве- «личивало въ глазахъ моихъ сладость убій- «ства. Въ дни брани, я былъ бы героемъ; «въ дни мира, я не иное что, какъ злодѣй. «Соскучивъ жизнь въ лѣсахъ, я приспалъ «къ первой, встрѣпившейся мнѣ шайкѣ раз- «бойниковъ и сдѣлался Атаманомъ ихъ: шѣ- «лесная моя сила и врожденная неустрани- «мость возвели меня на степень повелителя «этихъ низкихъ, слабыхъ душъ, кото- «рыя опинали жизнь изъ одного корысто- «любія, тогда какъ я, повинувшись голосу кро- «вожадной моей природы, убивалъ по вну- «шению побужденію, меня увлекавшему. «Здѣсь поэтъ мой и кинжалъ не были праз- «ны; съ жаромъ предавался моей склон- «ности, я любовался предсмертнымъ содро- «ганіемъ умирающаго, судорожнымъ его пре- «петомъ. . . . .»

И глаза Санхеца блистали адскою радостію. Пальцы рукъ его пришли въ ужасное движеніе: онъ сжималъ и разжималъ ихъ, какъ бы перзалъ на части какое нибудь шѣло.

Шумъ негодованія возсталъ въ народѣ . . . «Довольно! довольно!» . . . раздался всеобщій крикъ:» на смерть его! на смерть!»

Когда исполнили казни привязали осужденнаго къ роковой плахѣ, онъ испрашивалъ послѣдней милости развязать ему на нѣсколько минутъ руки, дабы, возведя ихъ къ небсамъ, могъ онъ испросить себѣ хотя нѣкоторое милосердіе Создателя. Желаніе его исполнили; одинъ изъ монаховъ подошелъ къ нему съ Распятіемъ; какъ вдругъ Санхець выхватываетъ изъ подъ плаща своего кинжалъ, вонзаетъ его въ монаха. . . и жертва капнула по ступенямъ эшафота, сопровождаемая страшнымъ смѣхомъ убійцы.

Раздраженный народъ кидается на эшафотъ: обливаемый общенною кровію, Санхець падаетъ подъ ударами мстителей.

пер. Сяновъ.

К Р И Т И К А.

ПОѢЗДКА ВЪ ГЕРМАНИЮ, РОМАНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ, СОЧИНЕНІЕ Н. ГРЕЧА. С. ПЕТЕРБУРГЪ

1831 ГОДА.

Почтенный *Н. И. Гречъ* неожиданно порадовалъ нашу Публику изданіемъ сего романа, съ неспиннымъ наслажденіемъ читаемаго и сколько известнаго всѣмъ, что его содержаніе не нужно рассказывать. Долгъ Критики — въ художественномъ отношеніи разсмотрѣть и оцѣнить сіе прекрасное произведеніе: таковая оцѣнка послужитъ свѣдѣніемъ шѣмъ читателямъ, которые, темнымъ чувствомъ постигая прелесть изящнаго, хотѣли бы познать яснымъ умомъ, почему сія книга столько много говоритъ и уму и сердцу.

Съ недавнихъ поръ у насъ появляются оригинальные романы; скажемъ о нихъ вообще, что ихъ мѣньшее и большее достоинство слилось въ довольно свѣплую зарю, обещающую скорое у насъ восхожденіе свѣтила дня, въ сей области поэзіи. (Совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ Германцевъ, мы причисляемъ романъ къ области поэзіи, не взирая на то, что онъ непременно долженъ быть писанъ языкомъ прозы, и что романъ въ стихахъ есть не только странное, но, по сущности своей, несбыточное дѣло, ein Unding, какъ говоритъ одинъ остроумный мыслитель, самымъ яснымъ образомъ доказывающій это). Намъ кажется, въ романъ *Г. Грега* промелькнулъ первый лучъ этого солнца; спанемъ надѣяться, что оно не замедлитъ явиться полнымъ на нашъ горизонтъ восхожденіемъ. Если самъ *Гёте* долженъ былъ написать *Вертера*, чтобы достигнуть пальмы въ *Вильгельмъ-Мейстеръ*; то будемъ ли мы правы, когда упрекнемъ нашего Автора за небольшія рамы его картины? Порадуемся тому, что *Г. Гречъ*, понявъ идею романа въ высшемъ смыслѣ, преимущественно имѣлъ въ виду изображеніе характеровъ, индивидуальность времени, и въ небольшой, но полной и живой картинѣ представляетъ намъ идеаль соотечественника, облагоустроеннаго умственнымъ и мо-

ральнымъ образованіемъ. И кромѣ сей индивидуальности различныхъ характеровъ, вѣрно обозначенныхъ знакоюмъ человѣческаго сердца, мы найдемъ въ книгѣ Г. *Греча* всѣ другія свойства настоящаго романа: образъ мыслей, замедляющій стремленіе цѣлаго къ развязкѣ, спрадасительное положеніе героя, занимательныя сцены, поучительныя замѣчанія и размышленія, съ природы списанныя нравы и обычаи. Предразсудки Петербургскихъ Нѣмцевъ, отражающіеся на предсавицелѣ ихъ—Миллерѣ—кажутся неодолимымъ препятствіемъ къ соединенію героя и героини романа; но гений Автора приводитъ всѣ части къ гармоническому единству на той высотѣ жизни, до которой не достигаетъ печальное разногласіе юдольнаго бытія, и гдѣ человѣкъ преклоняетъ колѣно передъ царственнѣмъ гениемъ любви.

Обозначивъ художественную физиогномію сего романа, окинемъ взоромъ его умное, искусное расположеніе и поспешное, занимательное развитіе до того момента, когда интересъ—достигаетъ высшей степени. Уже въ первыхъ строкахъ перваго письма Мстиславцева видна его бурная, спрадающая душа; онъ весьма понятно и превосходно описываетъ свое состояніе: «Погружаюсь въ поскливаю дремоту; вижу предъ собою какое-то пустое, безпредѣльное пространство, въ которомъ клубятся мрачныя вихри, въ которомъ нѣтъ выхода, нѣтъ опрады; сердце мое спѣсняется, и вдругъ въ эптомъ мракѣ зардѣетъ искорка, больше, свѣшлѣе, и ангельское лице съ милою улыбкою меня привѣспивуетъ. Я оспанавливаю на немъ взоры, и вопъ оно облекается прозрачнымъ покровомъ, его-придерживающъ бѣленькія ручки; вопъ и локопки явились, вопъ и плечи, вопъ бюспъ ся—вопъ и вся она, вопъ депитъ на встрѣчу — и я умираю въ восторгѣ!» Сего довольно, чтобы возбуждиль живѣйшее къ нему участіе наше; мы полюбили его за глубокое, мечтательное чувствво, и любезный юморъ, съ которымъ онъ описываетъ окружающіе его, смѣшныя предметы, особенно занимательныя для насъ тѣмъ, что мы видимъ великодушное стараніе: забывать свое несчастіе и обманывать сердце.

Если человѣкъ на одрѣ помилельнаго недуга имѣетъ силу, себя и присушествующихъ развеселить шутками, то эти шутки не только срываютъ улыбку съ нашихъ устъ, но еще рождаютъ въ душѣ теплое, неизяснимое умиленіе, которое облекаетъ спрадальца очарованіемъ. Симъ-по очарованіемъ Г. *Гречъ* сроднилъ насъ со Мстиславцевымъ — и какъ предметъ нашей любви занимательны и милы во всемъ, и даже въ тѣхъ замѣчаніяхъ и изрѣченіяхъ, кои не касаются нашего сердечнаго къ нему отношенія—шакъ съ душевнымъ участіемъ и мы слушаемъ все, рассказываемое нашимъ Мстиславцевымъ, который шакъ мило умѣетъ разнообразить свое повѣспвоаніе. Сапирическіе портреты сопутниковъ его, смѣшныя похождения Иванова, теплыя порывы любовной грусти, идиллическое описаніе юбилея пятидесятилѣтней въ Пруссіи службы — предспсвующъ исторіи дѣспсва и юности нашего героя. Мы усугубляемъ вниманіе. Уже зная, что важнѣйшее впереди, мы хвалимъ рассказчика за то, что онъ не шоропился рассказомъ, что даетъ намъ время насыщаться сладостнымъ ожиданіемъ будущаго. «Не знаю, что произвела бы во мнѣ спрогость опца,» говоритъ благодарный сынъ, «еслибъ она не была умѣряема нѣжностью моей мапери, существа необыкновеннаго, возвышеннаго, неземнаго!» Портретъ и характеръ эпой мапери превосходно обозначены немногими чертами. Любуясь изображеніемъ сего прелестнаго существа, всякій читатель вѣрно подумалъ: какова должна быть героиня романа? и смѣлымъ воображеніемъ создаетъ идеаль прекраснаго, чисто-человѣческаго, очаровательно-женскаго, съ восторгомъ находиль эпю милое созданіе фанпазіи олицошвореннымъ въ Луизѣ Миллерѣ. Мы ниже поговоримъ о ней, чтобы теперь не поперять изъ виду героя романа. Описаніями настоящаго разцвѣчивая свое повѣспвоаніе, онъ упоминаетъ обо всемъ, имѣвшемъ вліяніе на душу его, въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ. Можно ли безъ умиленія читать его прогулку въ Царскомъ Селѣ, когда онъ, увлеченный желаніемъ посптпиль попъ домъ, гдѣ во младенчествѣ жилъ съ своими родителе-

лями, подойдишь, видишь на окнѣ цвѣты и книги, радуешься, что и теперь тамъ живуть люди, и, послѣ борьбы сердца съ приличіемъ, отворяешь дверь и, испуганную неожиданнымъ явленіемъ незнакомца, близкую дѣвицу успокоиваешь и прогаешь проспытымъ изрѣченіемъ нѣжнаго сыновняго чувства? Еще прогашельнѣе онъ высказываетъ се прекрасное чувство на могилахъ родителей (шомъ I стран. 73): «Отецъ мой былъ похороненъ подлѣ дяди, но могила мапушки была на кладбищѣ иновѣрческомъ. *Это мнѣ было больно.* Какъ ни толкуй о шомъ, что шѣло человеческое есть прахъ и пѣніе, что все равно, гдѣ бы ни было оно погребено — но я желалъ бы, чтобъ сердце мое улеглось въ сырой землѣ подлѣ сердца ему близкаго, чтобъ пепель мой смѣшался съ пѣломъ, оживлявшимся шѣми душами, копорья должны встрѣпипѣ меня въ общепи вѣчноши.»

Неудачное еваповство въ домѣ Графини Сугробовой обогатило Мстиславцева полезнымъ и великимъ опытомъ: легковѣрная влюбчивость едва не погубила его сочепаніемъ съ недоспойною дѣвушкою. Спасенный Провидѣніемъ, съ очищеною опъ юношескихъ заблужденій душою, онъ шѣмъ какъ бы сподобился счастья знакомства съ своею милою незнакомкою въ представленіи Эдипа и въ Спрогановомъ саду. Въ эпош незнакомкѣ всякій читатель, безъ сомнѣнія, предполагалъ воспитанницу Княгини Войшовой, дочь Миллера, и, послѣ минутнаго узумленія, передъ уродливымъ поршрепомъ ея, догадался, что живописецъ *идеализировалъ* ее по своему. Явилась прекрасная Луиза, въ проспомѣ бѣломъ платьѣ, въ черномъ передникѣ, съ чернымъ плапочкомъ на шеѣ — какъ бы въ двойномъ праурѣ по Княгинѣ благодѣтельницѣ и по сгорѣвшей Москвѣ — и миловидношю своею и живымъ изліяніемъ *Русскаго* чувства: «Нѣтъ нашей Москвы и проч.» очаровываетъ Русскаго Мстиславцева, пламеннаго патріота. Нѣжно и занимашельно между ними завязывается узелъ взаимной склонности. Въ своей невинности они этого не замѣчаютъ, равно какъ и родители, ибо до пріѣзда Луизы, Мстиславцевъ спольже ча-

спю посѣщалъ домъ Миллера. Одни завистливые взоры *романической* Машильды проникли сердечную пайну любовниковъ. Обратимъ вниманіе читателя на идиллическую сцену въ семействѣ нѣмецкаго учителя, когда *капусту рѣжутъ*. Милая воспитанница богатой Княгини, возмелѣнная среди роскоши Столицы, приговорена къ сельской грубой работѣ — какъ интересно ея положеніе! Какъ бы въ вознагражденіе за безропотную покорность сему сирогому приговору, судьба доставляетъ ей удовольствіе перевязать неважную рану Мстиславцева и ошвѣчать его благодарной учтивости — первымъ поцѣлуемъ въ щеку друга: высокій смыслъ часто заключается во мнимой бездѣлицѣ! Полна прагического интереса та сцена, въ которой, по случаю спора о поспахъ, предписываемыхъ православною церковью, крушой и непреклонный Миллеръ, приверженецъ смѣшныхъ предразсудковъ, споль грубо поспупаетъ съ нѣжною дочерью, и, въ присуществіи Мстиславцева, произноситъ проклятіе надъ нею, если она когда либо осмѣлился выйши замужъ за Русскаго: неодолима преграда воздвигнута между сердцами любовниковъ! Сваповство богатаго Кибица разрушило ихъ безмятежное счастье. Они оба жертвуютъ своею склонношю; ихъ прощаніе богато — не словами, — но чувствами! Нѣтъ гласныхъ увѣреній въ любви! «Будетели вы меня помнишь?» спрашиваетъ онъ; «до могилы!» опвѣчаетъ она — «зарыдала и бросилась въ свою комнату.» Не безопчепная прихоть авпора (какъ нѣкошорые думаютъ) не одни дѣла службы, но *воля благаго Провидѣнія* удалила Мстиславцева въ Германію! Вдали опъ своей возлюбленной, имъ преданной въ жертву корысплюбивымъ видамъ ея родителей, онъ пріобрѣлъ право на руку ея — спасеніемъ ея роднаго дяди опъ позорной смерти! Вошъ что было вышею цѣлюю его поѣздки въ Германію! Какъ сладоспны должны спивовали бытъ его слезы, когда онъ, избѣгнувъ благодарности спасенныхъ, затворившись въ кабинетѣ Генерала, плакалъ надъ поршрепомъ Луизы — спасительнаго Генія несчастныхъ! какъ повашны его чувства при возвращеніи на родину, при взглядѣ на

шу часть столицы, гдѣ она жила! Пришедши въ память послѣ долгой болѣзни, увидѣвъ около себя знакомыя лица, онъ узнаетъ, что семейство Миллера нѣжно заботится о немъ, что Луиза не вышла замужъ, но «спайкомъ онъ родителей, велѣла опслужить молебень о его здоровѣ»... Нужно ли напоминать читателямъ послѣднюю сцену: свиданіе вѣрныхъ любовниковъ, рассказъ и благословеніе мапери, явленіе ея девера, узнающаго во Мстиславцевѣ своего спасителя; любовное забытіе нашего героя, слагающаго на Луизу *Миллеръ* вину сего спасенія? Закоренныя прѣдрасудки исчезли передъ всеильнымъ чувствомъ благодарности въ сердцѣ ея отца: онъ отдаетъ свою дочь Русскому и говоритъ: «Хоть бы онъ былъ и Тапаринъ, онъ заслужилъ Луизу: онъ спасъ моего брата, онъ человекъ благородный!» Онъ до конца не измѣнилъ своему характеру. На сей блаженной высотѣ жизни авторъ оканчиваетъ повѣствованіе и словами своего героя благословленіе свою *Пользку въ Германію*.

Сколь богаты сей романъ различными характеристиками, очерченными и дорисованными по мѣрѣ ихъ важности. Какой рядъ лицъ отъ *Иванова* и *Репейкова* до *Волгина* и *Мстиславцева*, отъ *Матильды* до *Луизы!* съ особенною тщательностію дорисована героиня романа—она вся въ милыхъ письмахъ своихъ! Самыя тонкія и сокровенныя черты прекрасной, чисто-женской души счастливо схвачены и предсавлены—не воображенію—но *глазаль* читателя! Боясь увлечься чувствомъ любви къ сей милой Луизѣ, скажемъ только, что по нашему мнѣнію, Луиза Миллеръ—женщина въ высшемъ совершенствѣ земномъ, въ наше время; и Мстиславцевъ можешь служить образцемъ молодымъ нашимъ соотечественникамъ! кака избранныя чета!—Цѣлю нашей рецензіи было: обратитъ вниманіе на художественную оцѣнку, на расположеніе и ходъ сего романа, и преимущественно на такіа мѣста, по которымъ (сколько мы замѣтили) только скользнулъ взоръ *инаго* читателя, не замѣпившаго всей важности ихъ—и потому мы не упомянули о нихъ, кои сами бросаюся въ глаза, какъ на прим: смѣшныя провинціалды въ псалпрѣ,

исторія сватовспва въ домѣ Сугробовой, балъ у Кибица, описанія нравовъ и странности Петербургскихъ Нѣмцевъ, и пр: Ходъ романа прерывается умными разсужденіями, оживляется оригинальными ошропами.

Оставляя другимъ понеченіе: оныскивать мелкіе недоспапки въ семъ сочиненіи, замѣтимъ только одно: спасеніе Лудвига Миллера дѣло сноль важное, въ отношеніи къ плану и выполненію сего романа, что почтенный авторъ долженъ былъ *болше* *убѣдять* насъ въ истинѣ такоаго, почини невѣроятнаго происшествія. Ужели *аккуратные* Нѣмцы до того могли зашорониться, что, по ошпбкѣ, предавали невинныхъ позорной смерти? Безъ сомнѣнія, имя Императора (Александра или Наполеона) за приверженность къ которому они подвергались казни, было написано на уголовномъ дѣлѣ подсудимыхъ: отъ чего же могло произойти такое ужасное недоразумѣніе? —

Во 2 мѣ помѣ (стр. 58) Авторъ говоритъ, что въ Лифляндіи *мода*: жениться на родной племянницѣ. Тому были только рѣдкіе примѣры, всегда возбуждавшіе общее негодованіе. На стр. 59 сказано: Чины племянника, двоюроднаго брата, дѣда внучатнаго, раздаются въ Лифляндіи и Эстляндіи по досноиненствамъ, а не по точному родству; «эпо совершенно прошивъ истинны!» Изрѣдка мелькаютъ недосмотры.

Скажемъ въ заключеніе: если цѣль каждаго романа состоитъ въ томъ, чтобъ представить человѣчеству — *идеаль*, то Г. Грегъ достойнымъ образомъ выполнилъ обязанность романиста.

Р.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Л И С Т О К Ъ.

(изъ *Альбола П. Г. Сілюва*).

На западъ склонимся пучи;
Почуя бури бранной вой,
Орелъ державный и могучій
Летѣть готовился на бой.
Гремишь призывъ трубы военной,
И Русскаго Царя полки

Тескутъ рѣкой на зовъ священной.

Какъ львъ, ихъ свѣтлые шпыки;

Какъ волны, ихъ шумящъ знамена.

Ихъ взоры въ даль устремлены;

Спраны родной ихъ оборона;

Они опечества сыны.

Вѣнки лавровые имъ вьются;

Уже гоповаятъ пѣсни имъ:

Лишь разнесется брани дымъ,

Оиъ имъ весело споются.

Александръ Глбовъ.

Н А М И Г Ъ.

Кто зарумянилъ шакъ мое окошко,

Мнѣ прямо, сонному, въ глаза смотря?

Я сплю съ поски; дай мнѣ уснуть немножко.

„Любуйся!... Я на мигъ!“—мнѣ говоришь заря.

О. Глинка.

С H A R A D E. (*)

Mon sort doit faire des jaloux,

Comme je suis, je plais à tous,

Je suis aimable, jeune et belle;

Mais si vous me prenez un e,

Je deviendrai l'objet secret

Des rêves de chaque demoiselle;

Enfin, si l'on m'ôte un pronom,

Des grâces je serai le compagnon.

Th: Nemtschinoff.

Въ No 9 помещенная шарада значить: *Град-усъ.*

M O D E S.

Demi-Deuil.—Une robe de satin gris, corsage décolété, à revers de velours gris, bordés d'une petite blonde noire, et terminés en pointes sur les épaules comme des jockeis *arrondies*; au bas de la jupe, deux rangs de velours gris bordés d'une petite blonde noire.—Des manches longues de crêpe gris, des poignets à pointes de velours gris bordées d'une petite blonde.—Un berret de velours noir, des plumes grises et noires.—Un berret de velours noir, des plumes grises et noires.—Des gants et des souliers blancs.

Négligé.—Une redingote de laine anglaise vert foncé.—Collerette montante plissée.—Sautoir de cache-

(*) Proposée à Mademoiselle M** de S**.

mire rouge et noir.—Sur la tête une *Fanchon* de mousseline bordée de dents garnies de dentelles.—Tablier de gros de Naples violet bordé d'une blonde noire.—Des souliers et douillettes de taffetas puce, garnis de peluche, des mitaines de Suède.

La mode est morte; vive la mode.—Voilà ce qu'on disait jusqu'à cette époque, où l'on dit: la mode est morte. Et rien après.

Pauvre reine, déchue, détronée, elle fait des efforts surnaturels pour qu'on s'occupe d'elle, pour qu'on lui rende encore quelques-uns des égards auxquels on l'avait habituée; mais il paraît qu'elle doit se résigner et chercher ailleurs des partisans.

Ce serait bien dur, après tant d'années, de porter ailleurs ses décrets.—De quitter un pays, des sujets si bien faits pour elle, et qui la fêtaient de si grand coeur.—C'est à nous, ses ministres, de chercher à ressaisir sa puissance qui lui échappe. Un hiver à moitié passé; et rien!—Nulle part.

Étonnés de cette stagnation, nous avons pu croire qu'elle n'était sensible que pour des intérêts particuliers; que si quelques cercles occupés précédemment de plaisirs et de fêtes, étaient maintenant dans la retraite, les plaisirs, c'est-à-dire le monde, se retrouvaient ailleurs.—Point.—Nous les avons cherchés; car la mode n'a pas de coteries; c'est une abeille qui va glaner partout où il y a quelque chose.—Dans ce moment, elle est vraiment pauvre.—Au bal, au spectacle, on est *entre soi*; on est *sans façon*. Aux Italiens (qui eût pu le croire!), si la mode y va, c'est en douillette, ou en grande capote négligée! Aux Italiens! en hiver!

Mais un bal! un grand bal, au profit des pauvres, le 22, il faudra bien qu'on l'y retrouve.—Son premier devoir est d'abord d'y amener grand monde, puis *d'exiger* de brillantes toilettes.

Pour parler plus sérieusement, ce premier, peut-être le seul bal de tout l'hiver est un secours pour les pauvres de *tout Paris* et combien de pauvres!

M O D Ы.

Полу-Трауръ.—Дикое апласное плащѣ, лифъ опкрытый, съ опворонами изъ дикаго бархата, обшитыми черною узенькою блондою, оканчивающя на плечахъ мысками.—На юбкѣ положенъ въ два ряда дикой бархатъ, обшитый узенькою черною блондою.—Длинные рукава изъ дикаго крена, обшивки мыскомъ, опорочены узенькою блондою.—Черный бархатный берепъ, перья черныя и дикія.—Перчашки и башмаки бѣлыя.

Запросто.—Рединготъ изъ Англійской шерстяной матеріи темнозеленаго цвѣта. Высокой борочикъ (collerette) перебранный въ складочки.—Небольшой шарфъ (sautoir) изъ чернаго и краснаго кашемира.—На головѣ кисейная косыночка (fanchon) съ зубцами, обшитыми кружевомъ.

Передникъ гроденаплевой фиолетоваго цвѣта, обшитъ черною блондою.—Башмаки и дульпы (douillettes) шафьяные плюсаваго цвѣта, обшитые плюшемъ. Шведскія перчатки безъ пальцевъ.

Мода скончалась; да здравствуетъ мода!—Вопишь что говорили до нынѣ, а теперь говорятъ мода скончалась!—И больше ни слова.

Бѣдная Королева, сверженная съ престола, тщетно дѣлаетъ она невозможныя усилія, чтобы занять собою, чтобы заслужить еще нѣсколько того вниманія, обращая которое на себя она привыкла. Кажется, что для нее все кончено и она должна искать приреченцевъ въ другихъ государствахъ.—Грустно ей, царствуя столько лѣтъ, надъ Франціею, перевесивши владычество свое въ другія мѣста: оставивши землю и подданныхъ какъ-бы нарочно для нее созданныхъ, и такъ усердно ей поклонявшихся!—Но мы, исполнили ея законовъ, должны спараться удерживать вліяніе, котораго она готова лишиться.—Половина зимы прошло; и нигдѣ ничего!

Удивляясь сему бездѣйствію, мы думали что оно вредно только частнымъ выгодамъ; что если нѣкоторые общества, занимавшіяся досель забавами и празднествами, живутъ теперь уединенно: по удовольствію, находясь гдѣ нибудь въ другомъ кругу. — Совсѣмъ нѣтъ.—Мы ихъ вездѣ искали, потому что мода не имѣетъ отдѣльнаго круга; это пчела собирающая добычу со всякаго цвѣтка.—Въ сію минуту она истинно бѣдна.—На балахъ, въ спектакляхъ, все какъ у себя, все *запросто.* Даже (кто бы этому повѣрилъ!) если появляется иногда въ Италіанскомъ театръ, — такъ въ дульпѣ или въ

большомъ простомъ капотѣ! Въ Италіанскомъ театръ! зимою!

Готовился балъ, большой балъ, 22-го, въ пользу бѣдныхъ, тамъ непременно она явится.—Первая ея обязанность привлечь туда своихъ поклонниковъ, и, разумеется, въ пышныхъ нарядахъ.

Скажемъ безъ шутокъ, что сей первый, можетъ быть единственный балъ во всю зиму, если помощь для бѣдныхъ всего *Парижа*, а сколько бѣдныхъ!

пер. *Издатель.*

В С Я К А Я В С Л Ч И Н А.

Заграничные журналы извѣщаютъ о новой машинѣ славнаго Г. Кемпелска, (творца автомата играющаго въ шахъ-матъ). Онъ теперь занимается усовершенствованіемъ говорящей машины.—Теперь машина сія еще имѣетъ видъ ящичка, величиною посредственной кляпки и покрыта занавѣскою; съ одной стороны его придѣланъ мѣхъ (какъ-то бываетъ въ органахъ). При каждомъ вопросе изобрѣтатель долженъ еще рукою заставлятъ дѣйствовать пружины, смотря по словамъ, которыя должно будетъ произнести машинѣ. — Машина сія отвѣчаетъ весьма явственно на многіе вопросы, пріятнымъ и мягкимъ голосомъ.—Только букву Р она каршавитъ и произноситъ съ шипѣніемъ.—Если не хорошо поняли ее отвѣта, она его повторяетъ снова, но съ нешерпѣніемъ и гнѣвомъ ребенка.—На различныхъ языкахъ, машина говорила при свидѣтеляхъ слѣдующіе слова: *папа, моя жена, мой мужъ, катать, Маріанна, Мадамъ, Королева, Король, въ Парижъ, поидель Авраамъ, Маленька, любите меня; жена моя есть другъ.* Г. Кемпелскъ доведя се до степени совершенства, что считалъ онъ возможнымъ, намѣревался дать ей видъ ребенка опъ пяти до шести лѣтъ; звукъ голоса сей машины совѣтствуетъ сему возрасту дѣтей.

пер. *Пасынковъ.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамаъ.

№ 11.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 7 ДНЯ, 1831 ГОДА.

На зло безграмотныхъ нахаловъ
И, всѣхъ, кто только имъ съ родинъ,
Дай Богъ намъ больше журналовъ:
Плодятъ читателей они.

Кн. Вяземскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИГРА ВЪ ШАХМАТЫ СЪ АСМОДЕЕМЪ.

Читатели и читательницы, вы, ко-прые слышали на своемъ вѣку множество сказокъ! если хотите прослушать и запо-мнить: то я вамъ расскажу презабавную, пре-любопытную. . . .

(Исторія Ришара Слълаго).

Сиръ *Клераре*, поднявшись послѣ вто-рыхъ пѣтуховъ, отправился на охоту и долго не возвращался домой. Супруга его на досугъ сокращала медленные часы осеняго вечера, вышивая въ своей молебницѣ парче-вую пелену для Образа святаго, Блаженнаго *Бертеня*, покровителя звѣролововъ. При-служницы ея безмолвно занимались также работою; ибо госпожа ихъ была слишкомъ горда и никогда съ ними не разговаривала; онѣ не смѣли при ней дохнуть, и отвѣчали только тогда, когда она сама ихъ о чемъ ни-будь спрашивала.

Прошло около часа, какъ вѣтеръ не при-носилъ болѣе въ замокъ послѣднихъ звуковъ ночнаго колокола съ подозрной башни Сентъ-Омера, города на полумилю отстоявшаго отъ замка, какъ вдругъ у пощаснаго вы-хода изъ онаго прозвучалъ рогъ. Въ зыкъ

его было что-то странное и дикое, такъ, что невольный препенъ овладѣлъ госпожею и ея служительницами. Пажъ, посланный уз-нать, что случилось, возвратился съ вѣ-стію, что рыцарь величественнаго вида, на-зывающій себя Сиромъ *Брюделеромъ*, про-ситъ гостепріимства.

Еслибъ какой нибудь бѣдный поселянинъ находился въ опасности жизни — и умолялъ о помощи на краю крѣпостнаго рва: то вла-дѣтельница замка не рѣшилась бы опустить подъемный мостъ и дать ему убѣжище въ своихъ чертогахъ. Но у ворогъ споялъ знаш-ный рыцарь. Она приказала впустить его въ замокъ и ввести въ свои комнаты.

И, слѣдуя обычаю, начала она собствен-ными руками приготавливать сахарные на-пшки, чшобы подчивать гостя въ знакъ радушнаго пріема. Сахаръ не совсемъ еще распаялъ въ серебряной чашѣ, какъ Сиръ *Брюделеръ* введенъ былъ Пажемъ.

Онъ подошелъ къ хозяйкѣ съ шою при-влекапельною и благовидною вѣжливостію, кошорая опличаетъ людей знашной породы и, въ нѣжныхъ выраженіяхъ, излилъ свою признательность за гостепріимство, ему оказанное:

«Я сбился съ дороги въ окружностяхъ вѣшого замка,» говорилъ онъ: «еще недавно проклиналъ я бѣшенаго коня своего, котораго разлучивъ меня съ моими псарями, занесъ по болопамъ и оврагамъ въ самую глушь здѣшняго дѣса. Но съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю счастье наслаждаться бесѣдою прелестнѣйшей дамы въ свѣтѣ, я ни вочто ни считаю всѣ пруды, опасности и безпокойства.»

Сначала, голосъ незнакомца имѣлъ въ себѣ нѣчто язвительное и прошивное, но сладость рѣчей скоро заспавила это забытѣ. . . .

Пользуясь искусно своими выгодами, *Брюдемеръ* не замедлилъ придасть разговорамъ болѣе живости, болѣе нѣжности, нежели сколько позволяли даже тогдашніе рыцарскіе обычаи. Хозяйка, до тѣхъ поръ никогда не измѣнявшая своему гордому и неприспущному праву, покорилась невѣдомой силѣ, слушала его спокойно, съ чувствомъ, которое каждую минушу спановилось пылче.

Незнакомецъ, безъ всякаго приглашенія, занявъ мѣсто подлѣ Госпожи *Клермаре* такъ, чптобы скрыть ее отъ взоровъ ся служительницъ, находившихся въ глубинѣ залы, схватилъ ее за руку, а она и не думала опнимать ее! Онъ съ нѣжностью прижалъ ее къ губамъ

Трудно было изъяснить ощущение владѣтельница замка. Пожиратющій, адскій огонь пробѣгалъ по ея жиламъ: онъ прижалъ руку ко лбу; грудь ея тяжко дышала. Она не чувствовала нѣги, невыразимаго упоенія, сладкаго и мучительнаго волненія любви; чувство ея скорѣе уподоблялось боязни; это былъ шепеть грѣшника предъ кончиною; ужасное оцѣнѣніе странника при встрѣчѣ глазъ его съ сверкающими глазами василиска, на него успрежленными.

Въ забытѣ, Г-жа *Клермаре* уронила пелену, которую она вышивала. «Ахъ, если бы мнѣ подарили такую перевязь, сказала *Брюдемеръ*, еслибы дама, коей прелестныя руки вышивали ее, выбрала меня въ свои рыцари, сколько коней переломалъ бы я на шурширахъ и въ биввахъ!»

Она съ судорожнымъ движеніемъ подняла пелену, и сказала ему: «дарю вамъ ея!»

Брюдемеръ поднесъ перевязь къ губамъ, чптобы скрыть спранную улыбку, которая ужасно искривила ротъ его, но поспасъ бросилъ ее съ ужасомъ, какъ будто бы пелена обожгла ему пальцы. Священникъ замка въ поспасъ же день послѣ вечерни осмащивалъ ее, прикасался къ ней руками, окропленными св. водою.

Незнакомецъ, скоро оплнѣ успокоясь отъ волненія, подсѣлъ еще ближе къ хозяйкѣ и понизилъ голосъ сказалъ:

«Меня проводилъ въ вашъ замокъ старикъ, котораго хочеть говорить съ Сиромъ *Клермаре*. Онъ ждетъ его у пощаеннаго выхода, чптобы опкрыть ему важную пайшу, которая до васъ касается.»

При сихъ словахъ хозяйка поблѣднѣла.

«Я спросилъ у него, продолжалъ *Брюдемеръ*: какаѣ причина заспавляетъ его съ такимъ неперпнѣемъ искать случая пайно объясниться съ вашимъ супругомъ?» — Я долженъ опкрыть ему пайну, отвѣчалъ онъ, которая прозвѣдетъ большія переменны въ домѣ рыцаря *Клермаре*. Владѣтельница замка выгнала меня изъ онаго въ безчестіемъ она грозила бросить меня въ шюръму, если я осмѣлюсь показаться ей на глаза. Неблагодарная! Я лишу ее всей знатности и богатства, коими она сполько гордится.

«Онъ видѣлъ чпто я вовсе не расположенъ быть вѣрять его угрозамъ: и такъ, рассказъ мнѣ, чпто жена его была кормилицею дочери Графа *Эрина*, чпто сей младенецъ умеръ, о чемъ извѣстно было только ему, чпто онъ на мѣсто умершей маленькой Графини, положилъ въ ея колыбель васъ, родную дочь свою, и чпто вы были воспитаны и выданы въ замужство, какъ родная, законная дочь Графа *Эрина*. Онъ представилъ мнѣ многія неоспоримыя доказательства сего подлога.»

«Когда пайна сія обнаружится, то Сиръ *Клермаре* навѣрное разведется съ своею подданною, дочерью подлаго раба, на котораго обвѣчали его обманомъ.» —

Владѣтельница замка въ опчаяніи ломала себѣ руки. — «Выслушайте, — продолжалъ *Брю-*

демеръ шепочомъ, но такъ, что Г-жа *Клер-маре* не могла проронить ни одного слова: «выслушайте, спарикъ закушавшись въ свой плащъ, спитъ шеперь у пошаннаго входа: вопъ кинжалъ . . . спупайше. »

Онъ мой опецъ! — —

«Вы правы, возразилъ рыцарь съ припворнымъ равнодушiемъ: «кто знаетъ? можетъ быть изъ жалосни помѣстятъ васъ въ число прислужницъ новой супруги Сира *Клер-маре*. А еще вѣрите, что вы будете пострижены и заключены въ монастырь. . . . »

Владѣтельница замка послѣнно вспала, движенiемъ руки запрепила за собою сѣдло-вапъ служипельницамъ и, подавъ руку *Брюдемеру*, вмѣстѣ съ нимъ направила шаги къ пошанному выходу.

Проведя цѣлый день на охотѣ, Сиръ *Клер-маре* возвращался домой, гдѣ онъ желалъ скорѣе обогрѣться у огня передъ каминомъ, подлѣ прелестной владѣтельницаы замка, своей супруги.

Неперпвiе его было такъ велико, что онъ нѣсколькими шагами опередилъ своихъ охотниковъ, какъ вдругъ лошадь его оспановилась, спала на дыбы и показывала всѣ признаки испуга: спарый рыцарь принужденъ былъ сойти съ коня. Но какое ужасное и плачевное зрѣлище ему представилось! Передъ нимъ лежалъ спарый мужъ кормилицы его супруги, бездушный, съ широкою ранною въ груди.

Всѣ кинулись къ нему—и старанiя привести его въ чувство не остались безъ успѣха. Онъ открылъ глаза; потомъ съ усиленiемъ приподнялся и, склонясь къ уху Сира *Клер-маре*, прошепталъ слабымъ голосомъ нѣсколько словъ, отъ которыхъ у рыцаря волосъ спалъ дыбомъ. Раненый зашатался, упалъ и испустилъ духъ.

Спарый владѣтель замка, не говоря ни слова, пошелъ прямо въ молельницу, гдѣ находилась его супруга. Съ смертною блѣдностью на челѣ, она сидѣла за маленькимъ сподикомъ и, чтобы скрыть ужасное свое смяшенiе, вздумала играть въ шахматы съ *Брюдемеромъ*.

Сей послѣднiй, при видѣ *Клер-маре*, поднялъ дикiй смѣхъ. Хозяйка раздѣляла съ нимъ сiю

неприспойную веселость, и, о ужасъ! самъ хозяинъ едва не захохоталъ адскимъ смѣхомъ.

Тогда Сиръ *Клер-маре* не сомнѣвался болѣе въ своемъ несчастiи; до тѣхъ поръ онъ не вѣрилъ злодѣйству, въ кошоромъ умирающiй спарикъ обвинялъ его супругу.

«Демонъ!»—вскричалъ онъ въ порывѣ негодованiя и опчаянiя: «Демонъ! я опдаю тебѣ опцеубiйцу, невѣрную Елену, и зѣмокъ, оскверненный ея присушествiемъ. »

«Принимаю швой подарокъ!» сказалъ *Брюдемеръ*, и въ ту же минупу огненный вѣнокъ запылалъ надъ его головою, и въ ту же минупу на бѣлоснѣжныхъ плечахъ владѣтельницаы замка очутились двѣ чудовищныя руки, и на нихъ мгновенно выросли адскiе кохпи. . . . .

— Прошло болѣе двухъ сотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Сиръ *Клер-маре* кончилъ жизнь въ сенѣ Берпенскомъ Аббатствѣ, оспавивъ по себѣ славу святости. Въ одинъ вечеръ Монахъ Бенедиктинскаго Ордена спросилъ жипеля города Сенпъ - Омера: кому принадлежитъ замокъ, коего башни возвышаются посреди дремучаго лѣса, окруженнаго непроходимыми болопами. ?

«Да сохранишь насъ Матерь Божiя и святые его угодники! ошвѣчалъ просполодинъ, набожно перекрестясь. Эпо замокъ *Клер-маре*, проклятое мѣсто, посѣщаемое Дьяволомъ. Каждую ночь оно освѣщается внезапнымъ блескомъ. Каждую ночь, Демонъ и шолпа мерпвецовъ сѣззаются туда на пылающихъ колесницахъ, запряженныхъ огненными конями.»

«Здѣшнiе старожилы рассказываютъ, что злой духъ, обитающiй въ семъ замкѣ, называется *Брюдемеромъ*. Онъ заспавляетъ безразсудныхъ, кошорые осмѣливаются заходить во внутренность замка, проигрываютъ ему въ шахматы душу свою, въ надеждѣ выиграть у него сiе помѣстiе со всѣми его сокровищами. Вы можете вообразить себѣ, что никому не удалось обыграть Лукаваго, сѣдовательно и выйши живому изъ *Клер-маре*. »

Монахъ безмолвно выслушалъ рассказъ просполодина; потомъ... нѣсколько минутъ подумавъ... побрѣлъ прямою дорогою въ Чорповъ

зѣмокъ. Онъ безъ труда проникъ шуда и расположился въ молеельницѣ, богапо-убранной; посреди ея находился споль съ шахмашною доскою и разспавленными шашками.

Между тѣмъ, какъ монахъ разспаприваль всѣ предметы, копорые при сгущающейся темнотѣ едва можно было различить, вдругъ заблеспалъ въ молеельницѣ яркѣй свѣтъ, и въ ту же минушу инокъ окруженъ былъ множеспвомъ слугъ, Пажей, прислужницъ, пышно одѣтыхъ по старинному. Всѣ они безмольно опсправляли свою должность, не производя ни малѣйшаго шума шагами своими и, что показалось иноку всего удивительнѣе, не опбрасывая опъ себя тѣни, когда проходили проптивъ свѣта.

Вскорѣ попомъ, показался богапо одѣтый рыцарь, на камзолѣ коего вышиитъ былъ въ видѣ герба щипъ съ двумя черными рогами и надписью: *Брюдемеръ*. Онъ велъ подъ руку молодую даму, у коей прекрасное лице покрыто было мершвою блѣдностью. За ними слѣдовало восемь Пажей, несшихъ чепыре ящика, наполненные золопомъ.

Брюдемеръ сѣлъ за споль, пододвинулъ къ себѣ шахмашную доску и рукою указаль опшельнику сѣсть насупротивъ себя.—Св. Опецъ повиновался, и оба начали играшь, не говоря ни слова.

Монахъ искуснымъ изворопомъ гоповился уже дашь мапъ своему проптивнику, какъ блѣдная дама, споявшая позади *Брюдемера*, опершись на высокую спинку его кресель, склонилась къ нему и указала на роковую пѣшку. Тогда игра перемѣвилась и шагъ сказанъ Монаху.

Послѣ сей выспутки, *Брюдемеръ* вмѣсптъ съ дамою начали хохопашъ; всѣ находившіеся въ молеельницѣ окружили игроковъ и приняли учаспие въ семъ ужасномъ смѣхѣ, копорого невозможно выразить словами.

Опшельникъ смѣшался и началъ раскаяваться въ своей безразсудности. Холодный потъ проспупалъ на лицѣ его, и онъ дорого бы заплапиль, чтообъ въ это время находилъся въ кельѣ своего Монаспыря. Однако же онъ не опчаявался въ небесной помощи и мысленно молилъ о заспупленіи своего покровишля св. *Бенедикта*; ибо одно чудо

могло спасти его изъ опаснаго его положенія. Вдругъ, какъ бы по вдохновенію, инокъ увидѣлъ, что можно еще поправитъ игру и пошелъ пѣшкою, копорая доставляла ему рѣшишельную поверхность надъ его лукавымъ соперникомъ. Тогда ревъ его и хохощъ зрители преврапились въ ужасный вой. Наконецъ, все исчезло и упшкло.

Благочеспивый инокъ проведя всю ночь въ молиивѣ, увидѣлъ день съ радоспью, какую легко себѣ предспавитъ. На шомъ мѣсптъ, гдѣ наканунѣ спояла блѣдная дама, онъ увидѣлъ скелешъ, покрытый опшашками богапой женской одежды.

Оспавшись власпипелемъ зѣмка и сокровищъ онаго, Бенедикпинецъ преврапилъ се мѣспто прокляшя въ Монаспырь, и былъ въ ономъ первымъ Наспояпелемъ. Теперь оспаются одни полько малые слѣды сей опшели, разрушенной во время революціи.

Вопъ вамъ преданіе *о партіи въ шахмашты съ Асмодеемъ*.

Жаль, что я не могъ разсказатъ вамъ его съ тѣмъ просподоушпемъ, съ шюю увѣренноспю въ истинѣ своего разсказа, какъ мнѣ разсказывала оное въ осенній вечеръ добрая спарушка, въ блѣдной хижинѣ, освѣщенной блѣднымъ свѣспомъ лампы и краснымъ огнемъ, пылавшимъ на очагѣ, шогда какъ дождь ливмя лилъ и въсперь бушеваль въ дремучемъ Клермарскомъ лѣсу.

(изъ *Furet.*) пер. В. Соколовъ.

К Р И Т И К А.

Альманахъ Анекдотовъ на 1831 годъ.

Смѣяться право, не грѣшно

Надъ тѣмъ, что кажешся смѣшно.

Карамзинъ.

Спешенные, благоразумные люди негодууютъ на Журналистовъ за крипическія спашпы, наполненные нерѣдко одними хулами, укоризнами, указаніемъ на безграмотность, на безвкусіе. Я и самъ перешель бы на ихъ спорону, еслибъ, бросивъ печальное ремесло марапъ бумагу, принялъ коситъ сѣно, пахашъ землю. Но пока я издашелемъ повременныхъ листковъ, до тѣхъ поръ,

какъ часовой, долженъ защищать казну и время моихъ соопечесственниковъ, обязанъ предуперегать ихъ опъ плохихъ книжекъ, наводняющихъ нашу Словесность. Обязанность совсѣмъ невесѣлая!—Я написалъ было свое мнѣніе *объ Альманахѣ Анектоповъ*, пому уже педѣли двѣ назадъ, и прочелъ оно одному пріятелю, знатоку Словесности. Выслушавъ до конца, онъ холоднокровно сказалъ мнѣ: *это не критика, а брань!* Я изорвалъ при немъ же, мною написанное. Теперь собралъ я здѣсь подъ одну почку *Мнѣнія* другихъ Пепербургскихъ Журналистовъ о книжкѣ *Г. Зейделя*; *Мнѣнія*, уже напечатанные. Неперпѣливо желаю знать: что скажутъ о нихъ мой почтенный пріятель? назовутъ ли онъ единогласный, неподкупной приговоръ чепырехъ писателей, бранью?

I.

Съверная Пчела 1831 года No 4.

К. И. Зейдель естъ Издапель сего Альманаха. Не распрощаясь о достоинствѣ помѣщенныхъ въ немъ Анектоповъ, приведемъ въ образецъ грамотности и интереса одинъ только изъ нихъ, именно тотъ, въ которомъ чей-то слуга съ *поднятою къ небу головою, держалъ передъ глазами два пистолета!* И, какъ вы думаете, почтенные читатели! для чего этотъ слуга держалъ съ поднятою къ небу головою, передъ глазами два пистолета? Для того, что кто-то его *увѣрилъ, что колету простыми глазами прилѣтитъ нельзя, но вооруженными (???!!!!)*. Вотъ вамъ и грамотность и оспропта.

Кому мало одного эшаго образчика, пѣ да не погнѣваются на насъ, ели мы ихъ попросимъ заглянуть въ Анектопы: 78, 83, 93, 94, 99, а прочитають оспальные (въ Альманахѣ помѣщено 240 Анектоповъ) мы и сами не имѣли терпѣнія.

II.

Литературная газета 1831 года No 3.

Сей Альманахъ состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: въ началѣ книжки поставлено предисловіе, въ концѣ послѣсловіе, а въ срединѣ пуспословіе. Въ предисловіи Издапель, *Г. К. Зейдель*, увѣдомляетъ читателей, что

благосклонный пріемъ публикою Альманаха Анектоповъ на 1830 годъ, поощрилъ его къ изданію онаго и на 1831 годъ; что Анектопы, помѣщенные въ сѣмъ Альманахѣ, выбраны и переведены изъ новѣйшихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ періодическихъ сочиненій, и что оригинальные Анектопы доставлены нѣкоторыми Гг. Издапелями періодическихъ сочиненій въ Москвѣ и С. Пепербургѣ, и другими особами. Послѣсловіе составлено изъ именъ особъ, подписавшихся на Альманахѣ (Альманахъ издающійся по подискѣ!) а пуспословіе—изъ 240 анектоповъ, дурно выбранныхъ и еще хуже переведенныхъ. Здѣсь много встрѣчается игры словъ въ родѣ извѣстной Французской шарады одного Нѣмца: *chatloup-scie*. Сначала книжки приложенъ размалеванный порпретъ какого-то чудака съ волшебнымъ фонаремъ и разными масками.

III.

Съверный Меркурій 1831 года No 4.

Дѣлая смотрѣ дружинѣ Альманаховъ 1830 года (см. 4-й No Съв. М.), мы замѣчали, что аммуниція Альманаха Анектоповъ на 1830 годъ была весьма скудна и вовсе несообразна съ формою, утвержденною для книжекъ сего рода. Мы тогда пославляли на видѣ Г. Издапеля, что аммуницію его Альманаха надлежало сдѣлать гораздо благовиднѣе, пѣмъ болѣе, что пренумераціонныхъ денегъ (какъ видно было изъ приложеннаго въ концѣ книжки списка подписчикамъ) было весьма достаточно на поспройку исправной аммуниціи. Въ то время Альманахъ Анектоповъ, хотя вышелъ къ праздникамъ, но въ самомъ буднишномъ нарядѣ: бумага была сѣрая, каршинка домашней работы, заглавнаго гравированнаго листочка не было.

Нынѣ, къ удивленію нашему, мы видимъ, что Альманахъ Анектоповъ, явившійся на службу 1831 года, вовсе не исполнилъ означенныхъ замѣчаній. Хотя и нынѣ Альманахъ сей также вышелъ къ праздникамъ, но также въ буднишномъ нарядѣ: та же бумага, та же каршинка домашней работы, и также и пѣмъ заглавнаго гравированнаго листочка.

Словомъ сказать, Альманахъ сей ни малѣйшаго не сдѣлалъ улучшенія въ своей амуніціи.

Въ нынѣшнемъ Альманахѣ Анектоповъ заключается 240 Анектоповъ, изъ коихъ 19 мы представляемъ на показъ нашимъ читателямъ въ эпюмъ Но Свѣ. Меркурія. Разумѣется, что сіи 19 Анектоповъ суть лучшіе изъ всего собранія.

IV.

С. Петербургскій Вѣстникъ Но III.

Г. Издашель, извѣстный въ Липсерапурномъ мѣрѣ редакціею газеты, если позволено такъ назвашь *Бабючку*, издавалъ, по прежнему примѣру, и на сей годъ *Альманахъ Анектоповъ*, сославленный болѣею частію изъ переводовъ самаго издашеля. Частіе помѣщенныхъ въ ономъ Альманахѣ Анектоповъ принадлежащъ ко времени появленія въ свѣтъ *Курганова* Письмовника, а оспальныя за тѣмъ анекдоты (съ небольшимъ исключеніемъ) напечатаны были въ газетѣ *Г. Зейделя*. Вѣроятно, твердо увѣренный въ томъ, что газету его почти никто не читаетъ, онъ рѣшился дать гласности важнѣйшимъ спашьямъ, ее составляющимъ, а именно: Анектопамъ. Въ слѣдствіе чего, если мы не ошибаемся, Г. *Зейдель* издаетъ уже два года помянутый Альманахъ Анектоповъ.

Издашель *Альманаха Анектоповъ* есть вмѣстѣ Издашель газеты: *Бабючка*. Какова же должна быть сія газета, если судить о ней по сему Альманаху? Впрочемъ, въ оправданіе Г. *Зейделя* скажемъ, что къ нему въ руки перешла *Бабючка* едва ли не пущіе, не ишоше во всѣхъ отношеніяхъ, нежели, какъ шеперь ее видимъ.

Издашель.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МАШЕНЬКЪ.

Дай руку мнѣ: я пшвой Поэтъ;
Я буду пшвой пророкъ, Марія!
Младенецъ милый, въ цвѣтѣ лѣтѣ
Твой мечшанья золошья
Не разгадаетъ шумный свѣтъ.

Жива какъ лсный ключъ нагорный,
Мила, какъ дивный цвѣтъ дубравъ;
Въ желаньяхъ, Промыслу покорныхъ,
Ты сбережешь безпечный нравъ.
Но сердце машери прелестной
Тебѣ природою дано,
И поведетъ тебя оно
Сипезей простой и неизвѣстной,
Подъ знаменемъ любви святой,
Далеко отъ честей ничпожныхъ,
Отъ злани, знаши, благъ сихъ ложныхъ;
За то вдали шолпы пустой.
Не будешь ты предметомъ пѣсентъ,
Восторговъ, лести и похвалъ;
Но, женщишъ свѣтлый идеалъ!
Ты въ своей припощъ, какъ отъ ни пѣсентъ,
Любовь и дружбу соберешь.
И море бурное сей жизни
Безъ ропота и укоризны,
Какъ бы въ прогулкѣ, проплывешь.

Карлеофъ.

Ш А Р А Д А.

Чѣмъ мой огромный *первый* слогъ,
Тѣмъ барыша огромше шпогъ.
Вторымъ же, можете вы свѣчку погасить
И снова имъ, опливъ ее воспламенить.
Безъ *црлагосъ* ни что не можете въ свѣтѣ жить.

Пашкиковъ.

Въ Но 10 помѣщенная шарада значить: *Ma-rie*.

MODES.

Modes.—Les chapeaux du matin ont rarement des fleurs pour ornemens.—Lorsqu'ils en ont, ce doit être des fleurs assez délicates.—Un bouquet posé de côté au bas de la forme.

Les rubans ne doivent point former des noeuds à pans; mais un noeud rond, ou des coques en guirlandes sur le devant.—Les coques peu hautes.

Toujours au satin de couleur, on peut ajouter les blondes et les ornemens noirs.

Pour les demi-toilettes du soir, ou les toilettes habillées du matin, on fait de jolis chapeaux de velours noir.—Sous la passe, une blonde blanche se mêle aux

ноуэuds de gaze noire, et figure le bonnet, deux plumes blanches plates posées renversées.

Un joli chapeau de jour, des magasins de madame Rousselet-Vaulout, rue de Richelieu, était en moire verte; les rubans verts satinés noirs, avaient sur le bord un petit effilé, haut d'un petit doigt, tigré vert et noir.—Deux plumes vertes, dont les bouts étaient noirs et frisés, étaient posées de gauche à droite et retombaient un peu en s'arrondissant au-dessus de la tête.

Pour le soir, on fait beaucoup moins de berrets.—Ce qui les a remplacés, ce sont des chapeaux bords relevés avec des plumes.—La passe est presque aussi grande que serait celle d'un chapeau destiné à cacher les oreilles. Elle se relève un peu plus à droite qu'à gauche.—Les ornemens peuvent varier de quelque nuance, mais il est difficile d'y mettre autre chose que des plumes.—Deux grandes plumes plates qui tombent du côté qui incline sur l'oreille.—Ou deux bouquets de plumes courtes.—Un modèle de cette forme d'une grâce remarquable, des magasins de Madame Rousselet-Vaulout, mérite d'être signalé.—En velours noir.—Quelques rubans roses derrière joignent des noeuds.—Cinq bouts de plumes roses sont posés à droite sous la passe.—Trois plumes plus longues tombent à gauche en reposant sur le bord.

Ces chapeaux sont jolis aussi en satin rose avec des plumes blanches.

En crêpe, le côté qui relève est quelquefois formé à tuyaux.—Lorsque les plumes sont plates, deux seulement.—Il doit y avoir un noeud de gaze sans espace, du côté qui n'a point de plumes.

Un bonnet habillé en blonde dans le fond, avait sur le devant:

De chaque côté, deux ailes en velours bleu-ciel, doublée de satin.—Un oiseau de paradis était posé au milieu, et à l'extrémité de l'oiseau qui n'était pas la queue, il y avait une aigrette fine, blanche, tombante.

On fait quelques turbans de mousseline de soie imprimée, et or.—Fond uni, un seul rang tourné au tour de la tête; les côtés plus forts que le devant.

Robes.—Rien, rien de nouveau. On s'en tient aux redingotes plates, agraffées au milieu.—Les devans quelquefois à plis, croisant sous la ceinture.

Puis les nuances que nous avons déjà indiquées, point de nouvelles.

М О Д Ы.

Моды.—Упренія шляпы рѣдко украшаются цвѣтами, и по весьма легкимъ, кои прикалываются букетомъ внизу шюльи съ боку.

Изъ лентъ дѣлають круглыя баншы, а не съ опдѣльными пеплями или раковинки и соспавляютъ изъ нихъ гирлянды, которыя кладуть напередѣ шюльи. Раковинки должны бытъ не велики.

На цвѣтной апласѣ продолжаютъ класть черныя опдѣлки и черную блонду.

Для вечерняго полунаряда или упреняго полного, дѣлають очень красивыя шляпки изъ чернаго бархата.—Снизу поле опдѣлываютъ бѣлою блондою, перемѣшенною съ черными газовыми баншами, что соспавляетъ родъ чепчика; два плоскія бѣлыя наклоненныя пера.

Красивая шляпка изъ Магазина Госпожи *Руссле-Волу (Roussetet-Vaulout)* въ улицѣ Ришелье, была сдѣлана изъ зеленаго море (moire). Ленты апласныя зеленыя съ чернымъ, съ песпрой бахромкою также зеленою, съ черными завитыми концами, приколоны съ лѣвой спороны и черезъ шюлью упадають на право.

Для вечера дѣлають берповѣ гораздо меньше.—Ихъ замѣнили шляпки съ поднятыми полями и съ перьями.—Поле почти также велико, какъ у шляпъ, закрывающихъ уши. Съ правой спороны подяшо оно нѣсколько болѣе, нежели съ лѣвой,—украшать можно различнымъ образомъ, — но трудно чѣмъ нибудь, кромѣ перьевъ.—Два большіе плоскіе пера наклоняющіеся по ту спорону, которая ниже къ уху, или два букета изъ коронкихъ перьевъ.—Г-жи *Руссле-Волу* заслуживаетъ бытъ описана.—Она изъ чернаго бархата, сзади баншъ изъ розовыхъ лентъ—пятыя концевъ розовыхъ перьевъ—приколоны снизу поля на правой споронѣ.—Сверху три длинныя пера упадають на лѣво на самой край поля.

Хорошо дѣлають такіе-же шляпки изъ розоваго апласа съ бѣлыми перьями.

У шляпокъ изъ крепа, на спорона поля, которая подяша, сдѣлана иногда пшубочками; если перья плоскія: то накалываютъ только два; на споронѣ, гдѣ нѣтъ перьевъ прикалывается баншъ изъ газа.

Нарядный блондовый чепчикъ, опдѣланъ слѣдующимъ образомъ.—Съ каждой спороны два крыла изъ бархата небесно-голуба-

го цвѣта, подложенныя апласомъ—въ срединѣ райская пшичка, къ которой прикрѣпленъ бѣлой висячій султанчикъ (aigrette).

Изъ шелковой печашной съ золотомъ кисей дѣлаютъ тюрбаны. — Верхъ гладкій, одинъ разъ обернула кругомъ головы—спереди.

Платья.—Ничего, совсѣмъ ничего новаго. Все еще продолжаютъ носить рединготы безъ опдѣлокъ, заспегнутые въ срединѣ, иногда спереди лифа кладущся крестообразно складки подъ поясъ.

Потомъ все то что мы уже описывали, новаго ничего.

пер. *Издатель.*

В С Я К А Я В С Я Ч И Н А.

Овліяніи кофе на здоровье и довольство народа.

Жители Дарликарліи до исхода послѣдняго столѣтія, почитались самымъ сильнымъ, красивымъ народомъ въ Швеціи; въ сіе время замѣчено, что множество болѣзней, дополъ неизвѣстныхъ, значительно измѣнили крѣпкое сложеніе сего народа и бѣдность заснупила мѣсто общаго изобилія: тогдаже найдено, что въкопорья часты сей провинціи не испытывали никакой перемѣны; что жители оныхъ наслаждались полнымъ здоровьемъ и благосостояніемъ. Попечительное правительство поручало изсѣдовать причины неблагопріятныхъ перемѣнъ, коимъ подверглась одна часть провинціи, и выводъ изъ сего слѣдствія былъ напечатанъ. По сдѣланнымъ наблюденіямъ открылось, что привычка пить кофе есть единственная причина бѣдности одной части жителей и потерю ихъ здоровья: ибо прочія части провинціи, коихъ благосостояніе не подверглось ни малѣйшему ущербу, ни за что не хотѣли промѣнять обыкновенной своей пищи на кофе. Впрочемъ, надобно прочесть донесеніе слѣдственной комиссіи, чтобы удостовериться, какія спаранія употребляла она къ

открытію истинныхъ причинъ сихъ неблагопріятныхъ перемѣнъ, и съ какою почтностью были оныя изсѣдованы. Если бы сдѣланы то же въ Швейцаріи, для открытія причины преждевременнаго увяданія красоты женской; желпаго, синяго или блѣднаго цвѣта ихъ лицъ, ихъ здоровья, вообще слабаго, и безпрестанно возрастающей бѣдности; тогда увидѣли бы, что сіи печальныя слѣдствія должно приписать единственно ежегодному потребленію въ Швейцаріи 2 миліонъ фуншовъ кофе.

Напрасно такъ часто швердятъ, что красота можетъ обойтись безъ уборовъ; и Поэты слишкомъ безразсудно выхваляютъ Героинь, украшенныхъ одними своими прелестями. Самая совершенная красота получаетъ новый блескъ опъ умѣнла одѣваться со вкусомъ. Къ безобразію—еще можно привыкнуть; но къ неопрятности, — никогда.

Красота есть первое изъ благъ: кто одаренъ ею, для того спановиися какъ бы долготю сохраняешь и поддерживаешь ее.

Молодость и здоровье есть необходимое условіе красоты; никакое искусство не въ силахъ замѣнить одно и продолжишь другую.

Красота есть условное преимущество; характеръ ея измѣняется, смотря по мѣсту и времени; но она всегда соединяется съ понятіемъ о пріятности и гармоніи: опъ сего при видѣ пригожаго челоуѣка мы думаемъ, что у него доброе сердце и рѣдкія качества.

Пользоваться преимуществами, копорья зависяшь опъ одного случая, есть признакъ слабаго ума. Чѣмъ болѣе одаренъ кто природными совершенствами: тѣмъ необходимѣе для него бытъ свисходительнымъ къ недостаткамъ другихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 12.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Февраля 11 дня, 1851 года.

Полмѣривый пуце всѣхъ боится умереть.

Дмитріевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ШВЕЙЦАРСКАЯ МЕЛУЗИНА.

Сказка.

(Изъ путевыхъ записокъ).

Былъ душный лѣтній день; упомянутый странникъ благодарилъ Бога за всякій съни-стый пріютъ, гдѣ бы онъ ему ни предспа-вился. Посему, два путешественника въ пол-день уже оспановились въ бѣдной деревуш-кѣ Канпона Сенъ-Галлена, и сидя на скамьѣ передъ хижиною, дожидались скуднаго обѣда. Вскорѣ явилась спарушка и подала имъ мо-лока съ хлѣбомъ, но сперва изъ каждой крын-ки зачерпнула ложку и съ молипповою разли-ла по полу.

Путешественники спросили, что значить сей странный обычай.

— «Эпо нашимъ маленькимъ домовымъ!» — отвѣчала она: — «мы должны съ ними ладить; ибо они не любятъ шумить и если мы, за-завпракомъ или обѣдомъ, не удѣлимъ чего нибудь и на ихъ часъ: то они поднимаютъ адскую шревогу, бросаютъ и разбиваютъ все въ дребезги.»

Путешественники не приготовлены были къ такому отвѣту, и смотря на спаруху, объяснявшую имъ эпо съ робкимъ видомъ, не могли воздержаться отъ улыбки. Но по-селлца симъ крайне обидѣлась. —

— «То-по и еспь,» вскричала она — «вошь какъ думаютъ люди, которые не родились въ Воскресный день; еслибъ вы увидѣли то, что видѣлъ мой прадѣдъ, васъ бы подрало по кожѣ, когда бы при васъ заговорили о домовыхъ.» —

— Чшожь такое видѣлъ швой прадѣдъ? — спросилъ одинъ изъ прохожихъ.

«Что онъ видѣлъ! — Духовъ! Однажды, ког-да онъ разсыпалъ овецъ своихъ по лугу, то они подняли на нѣсколько сажень спадо его на воздухъ и поставили оное на ноги не прежде, какъ онъ тысячу разъ сошворилъ молиппу.» —

Да развѣ вы не слышали про Фею, кото-рая рыскаетъ въ нашемъ околдкѣ. Если бытъ урожайному году, то она является на двухъ бѣлыхъ козахъ; при неурожаѣ же, или опустошеніи градомъ, при засухѣ или дру-гихъ бѣдахъ, она къ несчастію нашему ска-четъ къ намъ на двухъ козлахъ. Спало бытъ вы ничего не слышали про змѣй, которыя прилипаютъ къ вымя нашихъ коровъ и высасываютъ все молоко, и отъ которыхъ мы избавляемся только шѣмъ, что прого-няемъ бѣлаго пѣпуха черезъ паспбище. Спало бытъ, вы не знаете также про черныхъ Эльфовъ въ пещерахъ высочайшихъ горъ, гдѣ они сперегутъ хруспали Сенъ-Готтарда.

— «А когда швой прадѣдъ видѣлъ всѣ эпи диковинки?» —

— «Давнымъ давно! Тогда, на нашихъ Аль-пахъ не было еще столько снѣгу и льду, какъ

пеперь; тогда было еще болѣе луговъ съ сочною, здоровою правою, и дѣды наши были увѣрены, что коровы ихъ не набѣдятся молочая или приграда.»

— Неужь-шо и Священники ваши вѣрують въ волшебницъ, змѣй, горныхъ духовъ и бѣлыхъ козъ?

— «Старики конечно вѣрують, а молодые умничаютъ, но когда нибудь образумятся.»—

Она побѣжала въ хижину, опшерла спаринный шкафъ, и вынувъ спарую запылывшуюся книгу, принесла прохожимъ.

— «Угодно ли вамъ послушать, что случилось съ моимъ прадедомъ, и о чемъ онъ тысячу разъ рассказывалъ своимъ дѣшамъ, внукамъ и правнукамъ. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ передалъ намъ эту исторію въ сей книгѣ.»

Путешественники были очень рады послушать, и спаруха начала читать:

«На Валорбегскомъ желѣзномъ заводѣ работалъ осмнадцатилѣтній подмастерье, по имени Донашъ, пригожій, проворный, веселый дѣпина,—смѣлый, какъ дикая коза, гордый какъ навалинъ, болтливый какъ сорока. Надъ Валорбегомъ, подъ илесомъ Юры, находилась огромная пещера; никто не опваживался войти въ нее, ибо въ ней обитали Феи, которыя жестоко наказали бы дерзкого. Одна изъ сихъ Фей являлась каждый годъ въ Троицынъ день. Если бытъ урожайному году,—она вела съ собою на голубой лентѣ бѣлоснѣжнаго ягненка; если же бытъ неурожайному, шо держала на веревкѣ черного, какъ вороново крыло, козла. Другая Фея въ полночь купалась въ свѣплыхъ спруяхъ ближайшаго озера. Два волка охраняли уединенное мѣсто, гдѣ она купалась. Въ зимнее время, когда работники уже выходили изъ машиерской, сіи Феи приходили къ горну, грѣться. Тогда на кровль сидѣлъ красивый пѣшухъ, который поднималъ спрашнй крикъ, какъ скоро подходилъ какой нибудь незваный работникъ и заранѣе давалъ знать Фелмъ, дабы онѣ могли ускользнуть, не бывъ никѣмъ замѣчены. Сіи Феи, какъ говорятъ, были прекрасны, высокаго росла, спройны; но спранно одѣвались. Платье на нихъ было серебристаго цвѣта съ длиннымъ хво-

спомъ, копорый пащился по земаѣ. Волосы ихъ были такъ густы и длинны, что онѣ совершенно завертывались въ нихъ, какъ въ епанчу. Голосъ ихъ уподоблялся сладкимъ звукамъ арфы. Красавецъ Донашъ, (это былъ мой прадедъ), копорый на 18-мъ году своего возраста съ жадностью слушалъ рассказы о всѣхъ сихъ чудесахъ, не могъ долѣе пропивиться желанію, войти въ волшебную пещеру.— Однажды въ Воскресенье, рано поспру, онъ опсправился шуда, нарядясь въ лучшее праздничное платье. Онъ взбирается на ущесы, грудью пробивается сквозь терновый куспарникъ и вдругъ видитъ себя посреди пресловутой обители Фей, но не находить ничего, совершенно ничего — и готовъ было уже идти назадъ, но ему вздумалось снова все хорошенько осмотрѣть и, къ удивленію своему, онъ открываетъ въ скалѣ узкую щрещину, въ которую съ трудомъ можно пролѣзть человѣку.

Донашъ, какъ я вамъ сказывала, былъ крайне любопыщенъ. И такъ онъ опсправился пролѣзть въ разсѣлину и вдругъ очутился въ пещерѣ, гдѣ нашель пышную постель изъ моху.—Онъ сълъ на нее и уснулъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ пробудился: о чудо! вся пещера была въ огняхъ; всѣ спѣны; украшенныя раковинами, горѣли и сверкали, и всѣ раковины, самыя драгоценнѣйшія, оправлены были самороднымъ золотомъ; да и вся пещера слита была изъ чистаго серебра и золота, съ разноцвѣтными драгоценными камнями. Но все это было еще бездѣлица. Главное чудо находилось подлѣ него, чудо, копорое Донашъ, пораженный необыкновеннымъ блескомъ, примѣпилъ не прежде, какъ обратилъ ослѣпленный взоръ на мягкую мшистую постель: подлѣ него лежала снящая дѣва, ангельской красоты; ея длинныя, русыя косы и кудри покрывали грудь и плечи, длинная серебристая одежда у падала съ постели и доспавала почти до ближайшей спѣны. Красавица проснулась, посмотрѣла съ изумленіемъ на Донаша, и пропинувъ къ нему свою прелестную ручку, сказала нѣжнымъ голосомъ: «Донашъ! нравился ли тебѣ здѣсь и желаешь ли опспаться у меня? Я сдѣлаю тебѣ счастливымъ. Я на-

учу тебя распознавать камни и распения и их сокровенныя силы, шакъ что ты въ состоянїи будешь исцѣлять недуги твоихъ спраждающихъ собратьевъ; потомъ посвящу тебя во многія другія шайны, сокрытыя отъ прочихъ смертныхъ, и извѣсныя мнѣ подругамъ, обитательницамъ соседственныхъ пещеръ; онѣ помогутъ мнѣ наснавить тебя въ сихъ наукахъ и черезъ то доставятъ тебѣ неизяснимое удовольствіе. Въ обществѣ нашемъ забудешь всѣ земныя работы и шруды со всѣми земными радостями и наслажденїями, и, если нѣкогда возвратишь тебя смертнымъ, то ты, самъ счастливецъ, осчастливишь другихъ.» —

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Донашъ — останусь у тебя, хоть и не узнаю никакихъ шайнъ и не сдѣлаюсь докшоромъ.

«Увидимъ, — улыбулась красавица — однакожь ты долженъ покорнїться нѣкошорымъ условїямъ.»

— Какимъ, моя милая? — спросилъ счастливецъ-кузнецъ.

«Ты долженъ видѣть меня не иначе, какъ тогда, когда мнѣ самой угодно будетъ показаться тебѣ; если хотя разъ случится, что я буду въ другомъ покоѣ, и ты безъ моего позволенїя ко мнѣ войдешь, то мы на всегда распанемся.»

— А всѣ ли швои покои пакъ красивы, какъ эшопъ? — спросилъ молодой человекъ.

«Еще гораздо лучше;» — отвѣчала она — «но ты не долженъ любопытствовать. Да и болтать тебѣ запрещается. Вотъ тебѣ два кошелька: каждый день я спану класть въ одинъ кошелекъ по золотой монетѣ, а въ другой по жемчужинѣ. Если когда нибудь возвратишься къ своимъ роднымъ, то будешь богатѣйшимъ человекомъ, пока не проболтаешься, откуда взялось швое богатство; въ противномъ случаѣ оно мгновенно исчезнетъ.»

— Все, все готовъ исполнять, чего ты ни потребуешь, — воскликнулъ счастливецъ и съ восторгомъ обнялъ благодѣтельную Фею.

Она отвѣчала ему: «пусть сперва погаснетъ свѣтъ, и тогда буду швоею.» — Она дунула и пещера вдругъ покрылась мракомъ. Все великолѣпіе исчезло и Донашъ почелъ бы

все видѣнное имъ за обманъ чувствъ, еслибъ его милая подруга собою неувѣрила его, что все это происходило наяву, а не во снѣ.—

Когда Донашъ наконецъ уснулъ и потомъ опять пробудился, то въ пещерѣ было еще темно, и подлѣ него не было его возлюбленной Феи. — Опять показалось ему, что онъ все сіе видѣлъ во снѣ, но схватясь за карманы, увѣрился въ противномъ: въ одномъ кошелькѣ нашелъ онъ золотую монету, въ другомъ огромную жемчужину — Вскорѣ потомъ услышалъ онъ, что на башнѣ Валорбегской церкви пробило шесть часовъ. Опять вошла Фея и вмѣстѣ съ нею пещера опять озарилась прежнимъ чудеснымъ свѣтомъ. Она подошла къ нему и начала открывать ему цѣлебныя свойства и силу распенїй и камней. Онъ слушалъ внимательно, и лишь только получилъ первоначальныя свѣденїя въ сихъ наукахъ, какъ уже почувствовалъ въ себѣ сильнѣйшую жажду познанїй и неупомимо внималъ прелестной наснавицѣ. Тупъ блѣдный лучъ, проникшїй сквозь отверстїе въ срединѣ свода, возвѣспилъ полдень; ибо только въ это время входилъ въ пещеру дневной свѣтъ, который хотя и былъ слабѣе, нежели яркїй блескъ золота и драгоценныхъ камней, но вѣрнымъ сіяніемъ своимъ доказывалъ, что онъ имѣетъ источникъ солнце. Тогда урокъ обыкновенно прекращался и чета садилась за столъ, обильно ушавленнїй винами, плодами, молокомъ, медомъ, виноградомъ, дичиною и рыбою, и милая собесѣдница въ это время рассказывала своему гостю разныя занимательныя, волшебныя сказки про Фею, пѣла ему пѣсни и баллады. После объѣда посѣщали они подругъ ея, которые всѣ ласкались къ молодому красавцу и рассказывали ему чудеса о шайнственныхъ пещерахъ во внутренности земли, и про коралловые дворцы на глубочайшемъ днѣ морскомъ. Фея убѣждала своего возлюбленнаго, умѣряя свое любопытство, но спрашивать сія въ немъ уже пересилила всѣ прочїя чувства.

Такимъ образомъ для счастливаго кузнецнаго подмастерья протекло двадцать дней, и любовница — Фея никогда почти отъ него не отходила, кромѣ немногихъ часовъ ночи, которые Донашъ обыкновенно просы-

паль. Каждое утро находилъ онъ въ одномъ кошелькѣ жемчужину, въ другомъ золотую монету. Наспаль наконецъ двадцать первый день, въ который его возлюбленная объявила, что она не можетъ у него остаться, а должна провести сей день уединенно въ своей пещерѣ. Донашъ сидѣлъ одинъ, поскуя по возлюбленной; сія краткая разлука показала ему столь несносною, что онъ внутренно проклиналъ минушу, въ которую вошелъ въ пещеру. Онъ счелъ свои золотыя монеты, свои двадцать огромныхъ жемчужинъ, но все это не могло его утѣшить. Наконецъ повторилъ онъ въ памяти все то, чему научился у своей возлюбленной, и шутливо пробудилась въ немъ жажда познаній и поспека по прелестной учительницѣ. Онъ самъ еще не зналъ, кошора изъ сихъ спрашеій была въ немъ сильнѣе, какъ къ несчастію замѣтилъ, что дверь, ведущая въ спальню его возлюбленной, была несомнѣнно пришворена. — Онъ приложилъ ухо, онъ услышалъ ея тихое дыханіе. — Потомъ опшворилъ дверь столько, чтобы можно было бросить одинъ только взглядъ въ комнату. — Тутъ покоилась его прелестная любовница въ обляпяхъ пихаго сна. По ея ланипамъ разливался нѣжный румянецъ; русыя кудри колыхались на пихо волнующейся груди. Никогда еще она не казалась Донашу столь прелестною, и чѣмъ болѣе онъ ее размапиривалъ, тѣмъ менѣе могъ наглядѣться на сіе зрѣлище. — Наконецъ онъ распворилъ дверь столько, чтобы можно было непримѣнно войти. — «Что за тайна, открытіе коей навсегда разлучитъ меня съ возлюбленною?» — подумалъ самъ въ себѣ Донашъ. — Въ эту минушу красавица пошевелилась во снѣ, и изъ подъ одежды показался кончикъ ея ножки. — Донашъ блѣднѣетъ; нога ея совершенно походила на пичьи когти. Въ безпамятствѣ онъ громко вскрикнулъ. Фея просыпается, угадываетъ случившееся, и говоритъ: «Злополучный! что ты сдѣлалъ? Еслибъ ты еще нѣсколько часовъ выдержалъ испытаніе, то я освободиласьбы отъ ужасной уродливости, и ты былъ бы счастливъ на всю жизнь. Спасайся! и горе тебѣ, если хотя одно слово разгласишь о тайнѣ

этой пещеры.» — Она въ гнѣвѣ своемъ казалась столь величественною и грозною, что Донашъ безъ чувствъ упалъ къ ея ногамъ.

Очнувшись, онъ опять лежалъ на той самой мишистой постелѣ, на кошорой заснулъ при недѣли тому назадъ. Онъ пропираетъ глаза, и слыша, что на церковной башнѣ бѣетъ восемь часовъ, спышипъ на желѣзный заводъ.

— Что такъ поздно? — спрашиваютъ его поварищи. — «Конечно позднееко, — отвѣчаетъ онъ — я при недѣли былъ въ опешу. «спыи; вы конечно считали меня пропа. «шимъ безъ вѣсти!» — Кузнецы хохочутъ. — «Вчера только поупру въ то часовъ ты пошелъ отъ насъ въ праздничномъ платьѣ въ церковь, какъ ты сказывалъ.» — Донашъ задумался. «Можетъ спашься, что я былъ въ опешуспыи только одинъ день, но для меня это время показалось за при недѣли; какимъ же образомъ могъ я въ такое короткое время пріобрѣсти столько познаній въ цѣлебныхъ силахъ распеній, и свойствахъ минераловъ.»

Помомъ рассказываетъ онъ свое похождение съ Фею; кузнецы надъ нимъ смѣются, называютъ его сумасбродомъ, лгуномъ. — «Погодите, вопъ вамъ доказательство,» — восклицаетъ онъ, какъ бы внезапно восхищенный счастливою мыслию «это золото, эпопъ жемчугъ увѣряетъ васъ въ справедливости моего разсказа.» — Онъ поспышно вынимаетъ изъ кармановъ оба кошелька и шутливо кузнецы подняли громкій хохотъ; ибо кошельки набиты были черемуховыми листьями и можжевельными ягодами. — Донашъ въ опчалннн ударилъ себя въ лобъ. — «Какой я глупецъ! къ чему мнѣ было открывать испочникъ моего богашества. Смѣйтесь надо мною» — продолжалъ онъ — я эпо заслуживаю. — Думайте, что хотайте! знаю только то, что хотя я и обмануть, но ни мало не хотѣлъ васъ морочить сказкою. Я брошу молотъ и наковальню, не хочу быть болѣе кузнецомъ; ибо я научился испѣлять болѣзни людей и животныхъ.

Тутъ спаруха закрыла книгу.

Но прадѣт пивой навѣрно бредилъ, — замѣтили путешественники.

— «Вы говорите также какъ кузнецы,» — отвѣчала спаруха: — «но они вскорѣ возымѣли высокое мнѣніе о моемъ прадѣдѣ, который съ того времени не только въ нашемъ окологдѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, своимъ искусствомъ въ врачеваніи недуговъ, приносила великую пользу спраждущему человечеству. — Но юношеская безпечность, открытый, веселый нравъ навсегда его покинули. Онъ изрѣдка посѣщалъ еще свою пещеру, но Феи, по словамъ его, навсегда покинули сіе жилище съ шѣхъ поръ, какъ оно содѣлалось извѣстно смертнымъ.»

— Да развѣ самъ прадѣдъ до того времени не зналъ нравъ и ихъ цѣлебныхъ силъ? —

«Почему вы это спрашиваете?» —

Мнѣ кажется, что вся сія сказка вымышлена имъ только для того, что онъ, наскучивъ битъ молодежомъ по наковальнѣ, принялся за другое благороднѣйшее ремесло, которое обѣщало ему болѣе славы.

«Такъ вы скорѣе хотите считать людей обманщиками, нежели вѣрить явленію духовъ.»

— Это вѣроятнѣе и сообразнѣе съ нашими понятіями.

Спаруха схватила книгу и положила ее оная въ шкафъ, не удостоивъ прохожихъ опивѣта, ибо она, въ лицѣ своего прадѣда, считала себя крайне обиженною. Между шѣхъ путешестввенники вынули свою записную книжку, и написали въ ней слѣдующее замѣчаніе.

«Умственное образованіе жителей кантона Ури не сдѣлало большихъ успѣховъ; подобно какъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, тамъ вѣряли еще Феямъ, домовымъ и волшебникамъ. Нѣкоторые семейства заражены самымъ смѣшнымъ суевѣріемъ, и горе тому иностранцу, который вздумаетъ вооружаться проотивъ онаго здравымъ разсудкомъ. Тому, что сказали предки ихъ, надобно также вѣрить, какъ на слово Парижанину, который во всякое время готовъ съ вами рзыаться за малѣйшее сомнѣніе на счетъ его: parole d'honneur. Это еще гораздо извинительнѣе, нежели слѣпо вѣрить словамъ давно умершаго прадѣда; ибо въ семьѣ не безъ урода, и са-

мый лучший человекъ въ свѣтѣ можетъ имѣть въ числѣ предковъ своихъ обманщика.

Съ Нем. В. Тило.

К Р И Т И К А.

СОЧИНЕНІЯ, ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ ВЪ СТИХАХЪ КОНСТАНТИНА МАСАЛЬСКАГО.

Многіе Журналы всегда готовы разбранишь все то, что похваляютъ другіе; цѣль изданія Литературныхъ прибавленій не такова; здѣсь Рецензенты хвалятъ все хорошее, по ихъ мнѣнію, и замѣчаютъ криптически все дурное. Одни лишь произведенія болѣе или менѣе примѣчательныя подвергаются здѣсь разбору, а *Скиталоціеся странички*, *Лиры*, *Чертополохи* и пр. и пр. и пр. оспаваются, какъ недоспойные Литературной критики, въ жертву лишь юмористическимъ, по правдѣ сказать, иногда весьма оспроумнымъ, — насмѣшкамъ *Съвернаго Меркурія*. — Книжечка *К. П. Масальскаго* заслуживаетъ того, чтобы о ней было говорено въ Газетѣ, имѣющей цѣлью разборъ хорошихъ или довольно удачныхъ произведеній на опечиспвенномъ языкѣ. — Здѣсь 16 сочиненій, и сполько же переводныхъ и подражательныхъ спатей. Первыя, по нашему мнѣнію, выше вторыхъ; въ особенности нравятся прекрасныя, оспроумныя басни: *Угольщикъ и Трубогистъ*, *Орлянка*, *Осель и Слонъ*, *Вареный чай*, и завлекая собою чипапелля, который думаетъ, что онъ принадлежитъ Россійскому Лафонпену, заспавляютъ съпывать на непростительную лѣнь Г-на *Масальскаго*, нехотящаго чаще дарить насъ такими милыми басенками; изъ которыхъ на примѣръ: *Вареный чай*, такъ хороша, что бывъ три раза напечатана (въ Сынѣ О-ва 1829 г., въ разбираемой нами брошюркѣ, и въ 3-мъ Но *Съвернаго Меркурія* на 1831 годъ, гдѣ помещенъ разборъ сихъ стихоспвореній), — могла бы выдержатъ крипику нѣсколько разъ съ яду, — не потерявъ своего достоинства. — *Орлянка* также носитъ на себѣ оппечатокъ народности и тонкости ума. — Переводы равномѣрно очень не дурны, особенно басни съ Лапінскаго, Испанскаго, равно какъ и под-

ражанія Анакреонтичeskія древнимъ. Говоря о знаніи Г-на *Масальскаго* въ Испанскомъ языкѣ, мы оному вовсе не дивимся, подобно издашелоу Свв. Меркуріи (см. No 3): ибо Г. *Масальскій* знаетъ Французскій, Латинскій и Италіанскій языки, а съ ними Испанскому выучишься спольже легко, какъ и зная Русскій, Славянскій и Польскій, можно выучишься Украинскому нарѣчію.—Въ стихотвореніи *Дорожные* замѣчена нами на стр. 44, одна ошибочка, указаніе коей докажетъ Г-ну *Масальскому*, съ какимъ вниманіемъ чипана была въ одномъ миломъ кругу его книжечка; это замѣчаніе одной молоденькой дѣвушки. Дѣло въ томъ, что 1-ое Іюля все спремился въ Пенергофъ черезъ Калинкинъ мостъ и путь

Кареть, *возковъ*, шлепгъ, колясокъ, дрожекъ рядъ

И безъ конца и безъ начала

Къ заспавъ тянется. и пр.

какъ же *возки* то поѣдутъ по пыльной и песчавой дорогѣ?—Не претендуя на право возглашать съ примѣсю ученыхъ шерминовъ, пожелаемъ, для пользы нашей юной Липерапуры, чшобъ Г. *Масальскій* не льнился, а писалъ бы почаще въ родѣ своихъ басенъ и своего стихотворнаго Нравонаблюдательнаго Романа. Пускай жужжитъ личность: паланцу не спрашна улыбка ядовитая несправедливыхъ Крипиковъ.

Вл. Б—въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ первой пѣсни Поэмы: *Лсбеди*.

Гдѣ Одеръ волны раздѣливъ,
Тремя широкими рѣками
Съ береговъ упалъ въ морской заливъ;
Тамъ, возлѣяннйи въками,
Подъ кровомъ масковыхъ небесъ
Былъ въ старину дремучій лѣсъ.
Еще въ него не проникали
Славянъ бездомные сыны;
Ни пѣсни мира, ни войны
Пустыни ной не оглашали.
Въ глуши, въ пещерѣ подъ скалой,

Волнами озера кропимой,
Жилъ съ давнихъ лѣтъ старикъ съдой.
За чѣмъ, покинувъ край родимой,
Забрелъ въ сей лѣсъ? о томъ онъ самъ
Когда нибудь расскажетъ намъ.
Не обернешь вкругъ пальца дѣла?
А сказку долго ли сказашь?
Она въ одно ушко влѣтѣла,
Въ другое вылетитъ опять.
Что жъ, мой чипашель, продолжай?....
И такъ, въ пещерѣ, подъ скалою
Кропимой озера волною,
Жилъ-былъ пустынный. Онъ всегда,
Любя свой бытъ однообразной,
Такъ удалялся лѣни празднои
Какъ мы чуждаемся шруда.
За то душистыми цвѣтами
Песчрьлъ его пустынный садъ,
За то въ немъ сочный виноградъ
Горѣлъ румяными кистями;
Онъ въ шаромъ дерева дуплѣ,
Давалъ заботливой пчелѣ
Пріютъ для сладостной работы;
То воскъ попилъ, то рѣзалъ сопы,
Готовя на зиму запасъ.
Природу любитъ всякъ изъ насъ?
Я самъ поклонникъ неприпворный
Ея роскошной красоты;
Но жипъ въ лѣсу: слуга покорный!
Пустынный! не скучалъ ли ты
Въ своей темницѣ произвольной,
Одишь, средь безотвѣтныхъ скалъ?
Нѣтъ; онъ, веселый и довольный,
Полепа дней не замѣчалъ.
Не омрачалось пляжкой думой,
Печатью старости угрюмой,
Его спокойное лицо;
Садясь на чистое крыльцо,
У двери гроша распворенной,
Онъ часто пѣсню оживленной
Холмы и роци оглашалъ.
О чемъ онъ пѣлъ? молчалъ преданья;
Но трудъ догадки не великъ;
О чемъ всегда поешъ старикъ:
Онъ пѣлъ свои воспоминаья!

Однажды старецъ у огня,
 Окончивъ шрудъ веселый дня
 Готовилъ ужинъ свой убогой;
 Какой-то въщею шревогой
 Его душа была полна.
 Льсовъ окрестныхъ пишина,
 Чуть въшромъ зыблемыя воды,
 Небесь темнѣющіе своды
 И безмятежная луна,
 Ночныхъ цвѣповъ благоуханья,
 Все наводило тихій сонъ:
 Но старецъ полный ожиданья
 Забылъ о снѣ.

В. Вердеревскій.

С H A R A D E.

J'aimais une fille adorable,
 Blancheur de lis étoit sur son premier;
 Mais par un destin déplorable,
 En dépit des serments, qu'emportoit mon dernier,
 Bientôt un père inexorable,
 La dérobe à l'amour au fond de mon entier.

Въ № 11 помѣщенная шарада значить: *Воз-духъ.*

M O D E S.

Nouveautés.—Les étoffes aussi ont toutes paru au commencement de l'hiver.—Parmi celles qui ont été adoptées, le satin et les étoffes de laine sont celles qui continuent à être le mieux portées.

Jusqu'à ce moment le cachemire français était toujours uni.—On vient de faire quelques robes dont le fond est uni, et au bas un semé de palmettes haut de l'ourlet.—Au-dessus, une petite bordure de palmes hautes de deux doigts.

Les gazes à dessins de soie brillans, imitant la blonde, font de très-jolis bonnets et fichus.—En les garnissant de petites blondes.—Elles sont d'un tel effet qu'à côté l'une de l'autre, la différence n'est pas choquante.

Pour une toilette habillée, un bouquet est presque de rigueur.—Simplement des violettes.—Ou mieux encore des fleurs mêlées.—Personne n'ignore en ce genre la supériorité de Madame Prévost, fleuriste, Palais-Royal.

Ils se portent aussi en fleurs artificielles.

Bijoux. On fait de jolies boucles de ceintures, boucles de bracelets, et épingles de cou en écaille incrustée-d'or.—Ces boucles sont bien avec des rubans de velours.

Ensemble de Toilette.—Une robe de satin gros vert, corsage plat.—Au cou un collier de velours vert bordé en haut et en bas d'un rang de blonde noire. Aux poignets de même.—Un chapeau de gros des Indes vert pâle doublé de crêpe lilas.—Des rubans de gaze verte passés en demi-guirlande, un bouquet de fleurs de safran.—Cloches lilas.—Posé de côté.—Un châle long de cachemire blanc, un boa et un manchon de martre.

Une robe de velours noir.—Un rouleau de chinchilla au-dessus de l'ourlet.—Chapeau de velours noir deux plumes blanches.—Manteau de satin et pélerine de velours violet.—Des brodequins de velours noir avec de la fourrure.

Une robe de velours gros bleu.—Une petite blonde noire au-dessus de l'ourlet.—Corsage décolleté, drapé croisé.—Manches de blonde blanche.—Chapeau relevé en satin rose, deux plumes blanches.—Une agraffe, des bracelets de perles.—Un boa de martre.—Des brodequins de satin blanc.—Bouquet de fleurs.

Toilette de Bal.—Une robe de tulle rose brodée en soie plate, blanche, à dessins hauts d'un tiers.—Des branches de lilas avec feuillage.—Corsage à la Sévigné mantille de blonde aux épaules.—Dans les cheveux du lilas blanc.—Bijoux d'or émaillé vert et gros bleu.—Dans le milieu de chaque plaque une perle.—Manches courtes a berrets.—Des souliers de satin blanc.

M O D Ы.

Новости.—Изъ всѣхъ матерій показавшихся съ начала зимы, атласы и шерстяныя матеріи носятся предпочтительнѣно.

Доселѣ — Французскій кашемиръ дѣлали одноцвѣтный.—Теперь показались нѣсколько платьевъ, у которыхъ середина гладкая, а на юбокѣ съ низу до конца рубца разбросаны мѣлкія пальмы—въ верху каемки, шириною въ два пальца съ такими же каемками.

Изъ газа, затканнаго шелковыми узорами, въ подражаніе блондѣ, дѣлають очень красивыя чепчики и косынки—обшивая ихъ узенькою блондою.—Газы сіи шакъ хороши, чпо не перяють виду и при блондѣ.

При полномъ нарядѣ, букетъ цвѣповъ необходимъ,—просто изъ фіалокъ.—Или еще лучше изъ разныхъ цвѣповъ.—Всѣмъ из-

вѣстно превосходство въ семь родѣ Г-жи Прево, цвѣточницы, въ Пале-роллѣ.

Носятъ букены сіи и изъ дѣланныхъ цвѣт-повъ.

Вещи.—Дѣлаютъ очень красивыя пряжки для поясовъ, для браслетовъ и булабочки для галстучковъ изъ черепахи, обдѣланной въ золото. Сіи пряжки очень приличны на бархатѣ.

Полный нарядъ.—Платье изъ темно-зеленаго апласа, лифъ гладкой.—На шеѣ зелёный бархатный галстукъ, обшитый сверху и снизу черною блондою—обшивки у рукавовъ такія же.—Шляпка изъ gros des—Indes блѣдно-зелёнаго цвѣта, подложена лиловымъ крепомъ, полу-гирланда изъ газovýchъ лентъ, съ боку приколонъ букетъ изъ цвѣт-повъ шафрана (saffran) и лиловыхъ колокольчиковъ.—Длинная бѣлая шурецкая шаль, хвосты и соболя муфта.

Платье изъ чернаго бархата, на юбкѣ руло изъ мѣха chinchilla.—Черная бархатная шляпка съ двумя бѣлыми перьями.—Апласный плащъ, пелеринка бархатная фиолетоваго цвѣта.—Черныя бархатныя ботинки обшиты мѣхомъ.

Платье изъ темно-синяго бархата.—Опдѣлано узенькою черною блондою.—Лифъ открытый, крестообразно складки.—Рукава бѣлые блондовые.—Шляпка розовая апласная съ подмышымъ полемъ и двумя бѣлыми перьями.—Пряжка, браслеты жемчужные.—Соболи хвосты.—Ботинки бѣлыя апласныя.—Букетъ цвѣт-повъ.

Бальный нарядъ.—Платье розовое пестинетовое, вышитое гладью бѣлымъ шелкомъ, вышками сирени съ листьями.—Лифъ à la Sévigné, на плечахъ широкая блонда.—На головѣ бѣлая сирень.—Золотыя вещи съ эмалью свѣтло-зеленаго и темно-синяго цвѣта.—Въ срединѣ каждой бляшки (plaque) жемчужина.—Короткіе рукава берепами.—Бѣлые апласные башмаки.

пер. *Издатель.*

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

О новомъ родѣ индиго.

Въ *Registro mercantil* Манила находится, изданное Экономическимъ обществомъ описаніе новаго рода индиго, открытаго на семь островъ. Онъ съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ былъ туземцамъ, которые дѣлали изъ него превосходную голубую краску, особливо въ провинціяхъ Камаринской и Албайской. Но сей родъ индиго оставался неизвѣстнымъ для ученыхъ до 1728 года. Тогда оный обратилъ на себя вниманіе отца *Матисы*, корреспондента Экономическаго общества въ провинціи Самарѣ. Онъ производилъ надъ онымъ разные опыты и красилъ имъ разныя бумажныя и шерстяныя ткани, также полотна. Удивленный красотою и прочностію сей краски, прислалъ онъ нѣсколько образцовъ оной обществу, которое повторяло его опыты. Комитетъ негодично собирался для изслѣдованія, достаточно ли одного сходства сего растѣнія съ индиго, дабы ввести оное въ число стипендіи торговли подъ тѣмъ же наименованіемъ, и слѣдуетъ ли продавать оное по той же цѣнѣ. Вопросы сіи разрешены утвердительно.

О разномъ цвѣтѣ рѣчной воды.

Рейнъ, начиная отъ Альпійскихъ горъ до Констанскаго озера, синеватаго цвѣта; далѣе сего озера, муравчатого цвѣта, а принимая въ себя воды Шварцвальда и Альзаса, становится желто-зеленымъ. Майнъ, протекая по каменистому краю Франконіи, состоящему изъ краснаго песчаника, принимаетъ желто-красноватый цвѣтъ, но во время большаго холода становится сине-зеленымъ, отъ осадки желѣзной окиси; но по желтѣвѣ, отъ продолжительныхъ дождей, принимаетъ сѣрый цвѣтъ амбры. Въ рѣкѣ спарой Баваріи зимою бываютъ зелено-синеватаго цвѣта, весною муравчатого, а осенью блѣдно-зеленаго,

пер. *В. Соколовъ.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 13.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 14 дня, 1851 года.

Вотъ по-то дѣтки: . . . .

Имъ балъ, а бабюшка паскайся на поклонъ,
Танцовщики ужасно стали рѣдки! . . .

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СЪРАЯ КОВЫЛА

или

Всѣ на одинъ покрѣй.

Молодой *Боксманъ*, женатый на богатой красавицѣ *Бетти*, въ короткое время испыталъ ея надменный и своевольный характеръ. Она хотѣла всегда брать верхъ надъ мужемъ и быть главою всей его фамиліи. *Боксманъ*, лишаась наконецъ терпѣнія, пришелъ къ своему тещиню и просилъ его, взять свою дочь къ себѣ обратно со всѣмъ ея приданымъ: ибо онъ съ нею жить болѣе не можеть.

Отецъ, узнавъ о причинѣ неудовольствія своего зятя, и о желаніи развестись съ его дочерью, спарался оповѣстить его опъ іпакого намѣренія. Твоя участь, сказалъ онъ, естъ общее ярмо женатыхъ, опъ чего же ты безпокоишься болѣе другихъ? Или думаешь ты, что я менѣе терплю опъ моей жены, а швоей тещи? Это необходимое зло въ мѣрѣ; ты, будучи холостымъ, не могъ не знать эшаго.—За чемъ же ты женился? — Повѣрь мнѣ, что всѣ жены на одинъ покрѣй, съ шюю только разницею, что однѣ

дѣйствують явно, какъ на примѣръ швоя жена; другія же скрытно, желая казаться въ обществѣ благодравными. Зятъ опровергалъ доводы тещи, увѣряя, что они противны здравому разуму и доказывалъ, какъ неприлично быть управляему женою; мою же, говорилъ онъ, ни что не перемѣнитъ.

«Выслушай, дорогой зятъ, возразилъ спарикъ, ты видно мало знаешь съ швѣгомъ, не знаешь еще, что вездѣ и всегда повелѣвають жены мужьями; хотя, можеть быть, и не всѣ управляются шакимъ образомъ, какъ швоя съ шобою. Иная ласками, другая хипроспью, а шта сварливымъ характеромъ; словомъ, шакъ или иначе, но жены всегда дѣлають изъ насъ, что имъ угодно.—Чтобъ кончить нашъ споръ и доказать тебѣ мною сказанное, я предлагаю тебѣ слѣдующее испытаніе: возьми съ моей конюшни чепыре лошади, запряги ихъ въ повозку, въ копорую поставлю я корзину съ сонною лицъ: объѣзжай по всему нашему околку и развѣдывай о справедливости мною сказаннаго. У каждаго мужа, копорый управляетъ женою, ты осмавишь лошадь, а шамъ, гдѣ жена повелѣваетъ мужемъ дашь яйцо. Ты увидишь, что розданы будутъ шобою спо лицъ прежде, нежели тебѣ удастся осмавить хотя одну лошадь. Тогда, увѣрять опшомъ, что поло-

женіе пвое есть самое обыкновенное, вопиися домой, и живи по прежнему съ своею женою: она, право, не свосравнѣе своихъ сестрокъ. — Ежели же напропивъ, ты опидашь лошадей прежде лицъ, по я обязываюсь взять дочь мою обратно. и уступинишь небѣ все ее приданое.»

Сноль выгодное предложеніе понравилось молодому мужу—и онъ съ радостію пустился сбывать лошадей, а съ ними вмѣстѣ и жену, какъ онъ думалъ.

Едва хотѣлъ онъ войти въ первый домъ, куда прѣѣхалъ, какъ услышалъ сердитый, визгливый голосъ женщины, грозно зовущей своего мужа. Входя въ комнату было не за чемъ, спрашивашь о томъ, кпо повелѣваешь въ домъ, еще того менѣе; — и шакъ, положи аяцо на порогъ, наблюдатель нашъ пустился далѣе. Послѣдующія встрѣчи были подобны первой съ маленькою разницею, шакъ, что *Боксманъ* началъ опичаваться: ибо почти все лица были израсходованы, а лошади на лицо оставались. Наконецъ, увидѣлъ онъ красивый помѣщичій домъ и поѣхалъ къ нему. На вопросъ: дома-ли господинъ, слуга опвѣчалъ, что онъ еще не всавалъ, но ежели ему угодно, по можешь видѣть госпожу его.

Хозяйка дома ласково припала прѣѣжаго и хотѣла разбудить мужа, если это угодно госпно

«За чемъ безноконить супруга вашего? опвѣчалъ *Боксманъ*, пѣмъ болѣе, что вы, шакже какъ онъ, въ соспояннн разрѣшитъ мое недоумѣніе. Вопросъ мой можешь вамъ, Милоспивая Государыня, показаться страннымъ; но какъ дѣло идетъ о значительномъ для меня закладѣ, въ копоромъ и вы будете имѣть участіе: по, я надѣюсь, что вы не опкажешь удовольворить меня. Скажишье мнѣ опкровенно, вы-ли управляете вашимъ мужемъ, или онъ вами повелѣваешь?»

Испинно, Государь мой, опвѣчала хозяйка, вопросъ вашъ нѣсколько страненъ; но, не считая за спыдъ исполняшье мою обязанность, я рѣшительно скажу вамъ, что вмѣняю себя за честь во всемъ повиноваться моему мужу; а чтобы вы не подозрѣвали спра-

ведливости моихъ словъ, по пусть опдвердитъ опья вамъ мужъ мой.

Въ шо же время вошелъ въ комнату хозяинъ дома и, послѣ обыкновенныхъ учтивостей, узнавъ о причинѣ посѣщенія своего госпя, онъ опдвердилъ сказанное женою.

И шакъ я сбуду съ рукъ жену, думалъ *Боксманъ* — и въ шо же время, рассказавъ хозяевамъ распорядженіе своего псепя, предложили имъ выборъ лошадей.

Вороной меринъ понравился хозяину, жена же просила его выбрать струю кобылу. — Но душенька, вороная шерсть красивѣе, да и спани мерина лучше. — «Мнѣ правншья сѣрая кобыла.»—Но... «Она годится мнѣ опдверхъ.»—Увѣряю себя, что ты опшибашься. — «Я шакъ хочу!»—сказала грозно жена. Бышь по пвоему! опвѣчалъ униженно мужъ.

— Не бывашь повашему, сказалъ тогда *Боксманъ*, и вы должны взять не лошадь, а аяцо; я же взявъ лошадей, опправляюсь домой, и перпѣливо сносить мою судьбу, узнавъ општомъ, что *вы все на одинъ покрой*.

Съ Англійскаго пер. *А. Бутаковъ*.

Изъ (Ladis' monthly museum.)

ДИКОВИНКИ.

Въ Литтературномъ мирѣ,

или

Образцы слога Г. Полеваго.

Издателя Московскаго Телеграфа и проч.

Въ Московскомъ Альманахѣ *Денница*, вышедшемъ на 1850 годъ, блеснула повѣсть сочиненія Г. Полеваго, копоруую кпо-то изъ журналистовъ расхваливалъ съ великимъ усердіемъ:

Повѣсть сія называется *Сохатый*. Содержаніе ея нелѣпо, но еще болѣе слогъ, о копоромъ могушь судить читатели послѣдующимъ выпискамъ. Указываемъ спраницы. —

На стр. 273 найдуть: «*бархатные* луга и цвѣтущія поля, согрѣваемые солнцемъ, распешряемыя *радугами* цвѣтовъ и *пожираемыя* зависпавнымъ человекомъ.» *Пожираемые бархатные луга и поля!*

Спр. 275. «Нигдѣ нѣтъ, нигдѣ уже не волновалась шакъ душа моя, не билось шакъ сильно сердце мое, *не горѣла такъ пламенно голова моя, какъ шамъ, въ дикой моей родинѣ.*»—Далѣе, авшоръ говоритъ о своей родинѣ: Спр. 279—«Болѣе гоо лѣтъ шому, какъ *пѣна порока и преступленія осѣдаетъ на сшени и лѣса Сибири.*»

Великолѣпное зрѣлище! *пѣна остѣдаетъ на лѣса!*—Сшени въ продолженіе сполѣшій покрывались *пѣною порока!* . . .

Уже выше чшашатели видѣли, что Г. Полевой выразился: *нигдѣ не горѣла такъ пламенно голова моя* (спр. 275.) Эта горящая пламенная голова появляется въ небольшой повѣсти Сохашій *множество разъ*, и вопш доказательсшва:

Спр. 195. — «Амалія, тихое, крошкое созданіе, съ голубыми, *всегда опущенными въ землю или поднятыми къ небу-глазками*, и розовыми *щечками*, не смѣвши сказать дядѣ своему пяти словъ съ ряду — скрывала въ груди своей *сердце великана (!)*, а голова ея была—*пламенная голова жшпельницы сѣвера.*»

Какова крошкая Амалія съ *сердцемъ великана* и съ *пламенного головою*? Вопш и розовыя щечки, вопш и голубые глазки! —

Хороши и глаза *опущенные въ землю, или поднятые къ небу?* Мудрено ли, что въ повѣсти Г. Полеваго *фигуры дымятся!*

Спр. 203. «дымящейся безпрестанно, флегматической фигурѣ.

Замѣшимъ еще *пламенную голову!* «Амалія видѣла его при или чешыре раза, сказала ему нѣсколько словъ; и въ *пламенной головѣ ея* Флакманъ поселился среди блестящихъ *идеаловъ.*»

Кшашаи объ идеалахъ. — На спр. 195 въ повѣсти Г. Полеваго читаемъ: «милая созданія дѣвушки, и особливо съ *идеальными головами!!*»

На спр. 194. Мы найдемъ: «*живопись на спеклѣ—огромную (!)*, свѣдую, озаряемую солнцемъ» —

Но вѣнецъ сей повѣсти, перло неслышанной красопы — есть слѣдующій отпрывокъ:

Спр. 202: «*холодность* Флакмана *подталяла* опш шихаго огня любви, но она *держалась* еще когда Флакманъ оставилъ Крымъ,

держалась какъ гора *Швейцарская, подмытая горными потоками.*»

Прелесшно! Холодность держалась, какъ подмышная Швейцарская гора! Эшаго мало; чшайше далѣе:

«Но когда онъ пріѣхалъ въ *гранитный Пешербургъ*, когда шоска одиночсшва среди многолюдсшва начала грызшъ его сердце — *холодность* Флакмана *рухнула* вдругъ, будшпо тяжкая *лавина Швейцарскихъ горъ*, которая рушитъ горы, засыпаетъ долины, губитъ все, и сворачиваетъ рѣки въ ихъ шеченіи. *Хаосъ* души Флакмановой *слышалъ* небесную гормонію любви, и юноша почувсшвовалъ *сильно и пламенно*, что шолько любовь Амаліи, шолько сердце ея—укропштъ бурю его сердца, и проч. и проч.»

Хаосъ слышалъ! Холодность рухнула какъ лавина! лавина горъ рушитъ горы! . . . Что изъ эшаго поймушъ чшашатели?

Вопш какъ выражается Г. Полевой, когда надобно ему описать, что какой-шо Флакманъ былъ прежде равнодушень и хладнокровень, но пріѣхавъ въ Пешербургъ увидѣлъ Амалію, полюбилъ и почувсшвовалъ, что безъ ея любви не можетъ бышъ шасшлывъ.— Но эшо очень просто, обыкновенно, надобно было разсвѣшшть, расшсшришъ эшу мысль—и вопш Г. Полевой взмошлся на подмосшкш *пламеннаго* воображенія и *рухнулъ.*

Побратшшшш.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУГЪ ЛОРДА БАЙРОНА ИЛИ ЖЕРТВЫ ПРЕДРАЗСУДКА.

Близъ Реджіо въ 1822 году жила въ крайней бѣдности одна дама, еще пригожая собою, съ молодою дѣвицею, которую называла она своею дочерью, и чершы лица коей были очаровашельно прелесшны и миловидны. Нѣкоторыя странности сихъ дамъ, и въ особености одежда ихъ возбуждали любопытсштво сосѣдей и служили поводомъ къ разнымъ шолкамъ. Черныя съ длинными рукавами шунки, достававшія до подбородка, и черныя же покрывала, на длинные кудри наброшенныя, сосшавляли нарядъ, который

хотя и мало соотвѣтствовало наружнымъ прелестямъ, но довольно выказывало ихъ благородныя черты лица и изящныя плѣсеныя формы. Въ младшей выраженіе дѣвственней скромности и стыдливости еще болѣе увеличивало блескъ красоты. Старшая называлась Рейна, младшая Терезина. Убогое жилище ихъ заключало въ себѣ только одно достопримѣчательное, иѣчто похожее на алтарь, задернутый широкимъ шелковымъ занавѣсомъ; то былъ, украшенный вѣнками сосудъ съ святою водою, передъ которымъ стояло большое Распятіе.

Онѣ бѣдныхъ люди скорѣе удаляются, нежели стараются проникать въ ихъ тайны: ибо знакомство съ ними требуетъ нѣкоторыхъ жертвъ, и потому никто ничего достовернаго не зналъ о семейныхъ отношеніяхъ Рейны и Терезины; но, при всемъ томъ, недоброжелательство и злоба распускали о нихъ неблагопріятныя слухи, и сосѣди, не зная ничего достовернаго, испощались въ разныхъ обидныхъ догадкахъ. Я повѣрю: Рейна была очень хороша собою, а Терезина восхищенно прелестна. Какъ онѣ жили въ стращайшемъ уединеніи и никогда не принимали къ себѣ гостей: то клевета не смѣла посягнуть на ихъ нравственность. Но Рейна и молодая подруга ея никогда не ходили въ церковь Каза-Альпскую, (*) и потому говорили: въ нихъ нѣтъ ни вѣры, ни Бога.— На упреки зарѣ и нерѣдко вечеромъ, когда уже шемѣло, Рейна и ея молодая подруга, возвращаясь съ съестными припасами и цвѣтами, часто приходили къ алтарю пустыни *Дльвы утесовъ*—и благоговѣнно украшали его вѣнками; но какъ онѣ собирали также цѣлебныя травы противъ различныхъ недуговъ, то народъ говорилъ про нихъ: sono streghe. (**). Скоро повѣрили сей молвъ, почему люди дерзкіе спали безжалостно разорили и опустошали окрестности дома молодыхъ пустышницъ. Сія послѣдняя, желая сократить долгіе часы уединенно пропекающей юности, усупомимо ухаживала за своимъ маленькимъ садикомъ.

(*) Мѣстечко близъ Реджіо, на берегу морскомъ.

(**) Онѣ колдуньи. Простой народъ въ Италіи еще понынь въ высочайшей степени суевѣренъ

Однажды вечеромъ, это было въ Апрель 1822 года, Терезина вѣбжала въ хижину; въ чертахъ лица ея, всегда крошкнхъ и нѣжныхъ, выражалось живѣйшее негодованіе; она, бросивъ на полъ оспашки опустошеннаго цвѣтника, воскликнула: «Вопъ небѣ, другъ мой, новое доказательство, что ни одинъ уголокъ земли не зацѣпнть отъ проклятія. Смотри какъ уважаютъ единственное благо, единственное достоиніе двухъ страдалцевъ, не имѣющихъ ни подпоры, ни защитника. Ахъ! я плачу не объ однихъ цвѣтахъ, похищенныхъ у меня адекою злобою—плачу не о томъ, что ихъ сорвали и разбросали;—Рейна, бѣдная моя подруга, смоковницы, виноградныя лозы, гранатовыя деревья,—все разорено, все пало подъ шопорами причѣснителей беззащитной бѣдности!—Ахъ, Рейна, уста мои роптали единственно потому, что такая злоба тебя опечалила! И такъ Небу угодно наслаждаться муками безвинныхъ, карая преступленія прародителей въ чадахъ ихъ чадъ!»—Испощенная сильнымъ душевнымъ движеніемъ Терезина, пала на колѣни передъ алтаремъ и Рейна только что хотѣла присоединить свою молитву къ ея молитвѣ, какъ въ дверяхъ показался незнакомецъ. Онѣ объ въ одно время вскочили въ испугъ. Глухой вопль вырвался изъ устъ пришлеца, встревожившаго ихъ уединеніе; онѣ безмолвно вперилъ свой взоръ на Терезину, которая прежде оправилась и сказала: «если суешное любопытство привело васъ въ сію обитель слезъ, то удалитесь: ибо взоры ваши осквернятъ наше уединеніе. Если заблудились вы на берегу и ищете проводника, то Рейна проводитъ васъ въ Реджію; если же вы несчастливы и ищете у насъ помощи и утѣшенія, то можемъ только раздѣлять вашу горестъ, ибо мы болѣе не въ состояніи ничего для васъ сдѣлать. Еще въ прошедшую ночь гнусные злодѣи лишили насъ удовольствія, предлагать сочныя плоды и питательное молоко упомянутому страннику, дряхлой старости, беспомощному младенчеству. Слезы и голодъ, вопъ единственное имущество, которое осшавили намъ люди.»— Въ продолженіе сей рѣчи Терезина подошла къ двери, и незнакомецъ сказалъ: «если правда,

что рука Судьбы споль опягощѣла на нѣжнѣйшихъ сущесвахъ: по почишаю счастливейшимъ днемъ моей жизни пощѣ, въ который мнѣ суждено, поправить ея ошибку и сдѣлать для васъ все, что можетъ мнѣ внушить живѣйшее участіе. Не говорите мнѣ, кто вы: ибо не вижу ли въ васъ землаго совершенства, когда либо созданнаго изъ земли? но позвольте извлечь васъ изъ положенія, вамъ споль неприличнаго.» —

Намѣреніе ваше очень свойственно благородному сердцу и мы это глубоко чувствуемъ, отвѣщивала Терезина — но участъ наша неизбѣжна. Мы должны жить въ неизвѣстности. Ахъ! еслибъ по крайней мѣрѣ спокойствіе было наградою за лишеніе всего того, что окружаетъ на землѣ счастливцевъ! Но недоброжелательство бодрствуетъ; ужасъ и страхъ ознаменовываютъ наши горестные дни. Удалишесь, великодушный незнакомецъ, вы видите: горестъ, опущеніе окружаютъ насъ. — Удадитесь! несчастіе заразительно, ахъ! можетъ бытъ.» — При сихъ словахъ обѣ дамы, казалось, хотѣли удалишесь, но незнакомецъ сказалъ: «нѣтъ, клянусь Небомъ! Участіе, которое принимаю въ васъ, не должно кончиться безполезнымъ предложеніемъ; я буду вамъ служить, и даже противъ вашей воли.» —

Берегитесь! — отвѣчала Рейна, которая до сихъ поръ сохраняла глубокое молчаніе, кто бы вы ни были, берегитесь и не вмѣшивайтесь въ распоряженія Судьбы много дней, мѣсяцевъ, даже лѣтъ прошекло; но ни дни, ни мѣсяцы, ни даже столѣтія не могутъ испребитъ позоръ занятнаго имени. Онъ шагопѣнетъ надъ безвиннымъ, которому свѣтъ даетъ чувствовать свое презрѣніе. Одна шолько вѣчноспъ его за то вознаграждаетъ; она ждетъ насъ. Могутъ ли превозжигъ человекъ спраданія, прешертвѣнныя имъ на пуши, когда онъ знаетъ, что близка прешащъ? —

Тутъ Рейна схватила Терезину за руку, и онѣ скрылись вмѣстѣ съ нею за деревьями, освѣявшими ихъ дикое убѣжище.

О Байронъ! Какой это былъ бы предметъ для твоей шворческой кисти! — Сей незнако-

мецъ былъ Шеллей, Англійскій поэтъ и другъ Лорда Байрона, съ которымъ сей послѣдній познакомился въ Италіи. Шеллей еще не предчувствовалъ, въ какихъ отношеніяхъ обѣ сіи дамы, которыхъ почиталъ онѣ споль способными воспламенить поэтической жаръ авнора Чильдъ-Гарольда, находящая къ его собственнымъ стихотворческимъ воспоргамъ, и сколь чудесно судьба вознамѣрилась изумить его въ сію минушу. — Шеллей былъ истинный поэтъ; но его необузданное воображеніе и раздражительное, спрастямъ покорное сердце, навели на большую часть его швореній споль мрачныя шѣни, что картины его превращаются почти въ чудовищные образы. Такова его трагедія: *Ченги* (*). Судя по словамъ Рейны, Шеллей опасался, что бы онѣ не покинули своего убѣжища и пошому удалился, но на шакое разстояніе, что могъ наблюдать хижину и ея жительницъ. Едва успѣлъ онѣ скрытсь, какъ онѣ опять показались, въ сопровожденіи почтеннаго спарца. Рейна говорила съ необыкновеннымъ жаромъ; Терезина шла впереди въ нѣсколькихъ шагахъ, съ поникшимъ взоромъ и шихо плакала.

Какъ скоро онѣ возвратились въ хижину, Шеллей подошелъ къ ней, и ему послышались тяжелье вздохи. Онѣ приподнялся на цѣпочкахъ, посмоптрѣлъ сквозь древесную сѣнь и увидѣлъ двухъ дамъ, колѣнопреклоненныхъ: Рейну, державшую урну съ пепломъ, и Терезину, вперившую взоръ на женскій портретъ, который изображалъ молодую дѣвицу, красоты восхищительной. Портретъ сей не походилъ на Терезину, а болѣе на Рейну, когда сѣ было 12 или 14 лѣтъ.

«О Беатриса! возлюбленная преступница!» воскликнула Рейна, устремляя полные слезъ глаза на изображение и судорожно прижимая урну къ своему сердцу: «ваши молитвы облег-

(*) Беатриса Ченчи, молодая Римлянка, которая была обезчещена ея роднымъ опцемъ, и за то опометшила опцеубійствомъ, въ слѣдствіе чего она въ самомъ нѣжномъ возрастѣ прешертила мучительную казнь. Беатриса Ченчи была предшествующая дѣвица своего вѣка, и черты лица ея были споль очаровательны, что палачи, пораженные ея красоною, нѣсколько разъ роили изъ рукъ орудія казни.

чилиль свои спраданія? долгая кара преступленія, не нами совершеннаго, вознеслась ли къ престолу вѣчнаго милосердія? близокъ ли конецъ нашего мучительнаго, горестнаго странствія? Или суждено намъ сдѣлаться жерпвою новыхъ гоненій?»

Спарецъ-опшельникъ схватилъ портретъ, и завернувъ его, послѣ краткаго увѣщанія, пригласилъ обѣихъ дамъ на другой день прийти въ его пустыню, откуда, какъ увѣрялъ, намѣренъ отправить ихъ на корабль въ Левантъ. Онъ совершенно покорился его волѣ. Пустынникъ пошелъ, сопровождаемый благодареніями обѣихъ спраданъ.

Тутъ Шеллей, вышедъ изъ за деревьевъ, остановилъ спарца, объявилъ свое имя, и попросилъ его, склонить несчастныхъ къ принятію помощи отъ руки друга. — «Я знаю ихъ, святой отецъ!» сказалъ Шеллей — «я видѣлъ образъ Беатрисы Ченчи. Ахъ! я увѣковѣчилъ ея несчастіе! Я изобразилъ въ спихахъ преступленіе отца ея!»

«Вмѣстѣ и ея преступленіе!» возразилъ спарецъ. Беатриса Ченчи казнена справедливо. Увы! шебъ не извѣстно, какимъ спыдомъ она покрыла свою фамилію. Рейна отъ нея происходитъ, и изъ рода въ родъ позоръ, несчастіе и ужасъ преслѣдующъ опрасли сего, Богомъ проклятаго древа. Чужестранецъ! ты ничего не можешь для нихъ сдѣлать; даже святыя увѣщанія неохотно ихъ принимаютъ. Вдали отъ людей и съ опчаяніемъ въ сердцѣ бродить по свѣпу, — вотъ участь, къ коей осуждены родственницы опщеубійцы.»

Шеллей былъ человекъ опытный; онъ зналъ, что всякая попытка испребинъ столь глубоко вкоренившійся предразсудокъ есть напрасный шрудъ; но какъ онъ твердо рѣшился облегчить участь сихъ несчастныхъ, то взялъ только съ добраго опшельника обѣщаніе, уговорилъ ихъ, чпобы онъ выѣхали изъ опчеспива не прежде, какъ по впоричномъ съ нимъ свиданіи. Онъ подкрѣпилъ свою просьбу подаркомъ на содержаніе пустыни, и добрый инокъ согласился, благословляя щедрую руку великодушнаго иноземца. — «Prophero la Madonna per lei

egli soni,» — (*) сказалъ опшельникъ, и сіи проспши слова въ устахъ осьмидесятилѣтнаго спарца, голосъ его и прогашельное несчасіе двухъ прелестныхъ существъ по дѣйствовали на Шеллея такъ сильно, что онъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенную силу исполнить свое намѣреніе.

Онъ немедленно опсправился въ Реджію, занялся тамъ обезпеченіемъ участи пѣхъ особъ, копорымъ намѣренъ былъ оказать услугу, увѣдомилъ добраго опшельника о своемъ скоромъ къ нимъ пріѣздѣ, прося его, извѣстить о томъ Рейну и ея молодую подругу. Онъ приложилъ слѣдующія къ нимъ спроки:

«Рейна и Терезина! Ваше несчасіе скоро кончится. Вашъ преспарельный другъ познакомилъ васъ съ чистотою моихъ намѣреній — онъ можетъ вамъ служить замѣня порукою. Вѣрьте мнѣ вашу судьбу. Какъ другъ Лорда Байрона, мужа знаменитаго, слава коего вѣрно дошла до вашего слуха, я предлагаю вамъ сіе имя въ поруку. Опшавъше спрацу, васъ опвергающую и, подъ свободнымъ чистымъ небомъ, наслаждайтесь спокойною жизнью и брапскою дружбою, копорая опспавляетъ все свое благополучіе въ вашемъ обоюдномъ счасіи. Черезъ нѣсколько часовъ я буду у васъ, чпобы никогда болѣе съ вами не разлучаться.

Шеллей,
другъ Лорда Байрона.»

Опшельникъ дѣйствительно уговорилъ потомиць Беатрисинныхъ, оставилъ опчеспиво, ихъ опвергавице. «E dotto, è savio, ed amico di quel bel genio, amico di Lord Byron» говорилъ добрый спарецъ. Рейна опвѣчала: «спыдъ не будетъ насъ болѣе преслѣдовать» а Терезина говорила болѣе нѣжно, нежели распроганно, болѣе спрастно, нежели гордо: «онъ добръ, онъ уменъ; чпю мнѣ до его друга? черезъ него, шолько черезъ него я опянь полюблю жизнь.»

Нѣсколько дней прошло для Рейны и Терезины въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ пришло извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Шел-

(*) Я буду молиться Преспятой Дѣвѣ за васъ и за вашихъ родныхъ,

лея; оно назначено было къ 8 Августа 1823 года. Онъ написалъ только слѣдующія спрокъ: «я буду, чтобы весь принадлежать вамъ. Ждите меня.»

День едва начался, а Терезина и Рейна сидѣли уже на берегу морскомъ. Онъ, казалось, считали волны и упрекали въ медленности шъ, которые доводили до ихъ слуха однообразное бушеваніе моря. Горе имъ! вскорѣ коварная стихія покараетъ ихъ за ихъ жалобы. .... «Рейна!—сказала Терезина, невольно содрогаясь—милая Терезина, видишь ли предметъ, который не борется болѣе съ волнами, но неподвижно слѣдуетъ ихъ направленію къ берегу? Милая Рейна, нынѣшній день нашъ другъ, великодушный Шеллей, хотѣлъ сѣсть въ лодку, а громы гремѣли и буря свирѣпствовала на морѣ. Ахъ, Рейна, Рейна! Если наша судьба разразилась бѣдою надъ защитникомъ нашего *проклятаго* рода!»—Рейна вперила взоръ на море; предметъ ея заботливости подплылъ ближе; она содрогнулась, она не хотѣла вѣрять своимъ глазамъ. Одна волна, играя, принесла его къ берегу и положила къ ногамъ Терезины; то былъ трупъ несчастнаго Шеллея. Терезина лишилась чувствъ.

Жители окрестностей спѣшили съ преспарьлымъ опшельникомъ на берегъ, чтобы помочь претерпѣвшимъ кораблекрушеніе. Рейна, коей длинные волосы развѣвались по вѣтру, а дикій взоръ, казалось, ропталъ на Небо за незаслуженное несчастіе, въ эту минуточку уподоблялась Дельфійской жрицѣ, проклинающей земнородныхъ и возвѣщающей имъ бѣдственную будущность. «Ты дерзнулъ за насъ вступиться!» воскликнула она увидя опшельника — «твои уста объявили насъ невинными, и мы дѣйствительно невинны; но предразсудки и Небо насъ преслѣдуютъ. Ты видишь, Оно губитъ даже шъхъ, которые дерзаютъ чувствовать соспраданіе къ судьбѣ двухъ проклятыхъ спрадалищъ. Доспойный старецъ, береги несчастную, которую тебѣ вѣрлю. Я разспашоюсь съ міромъ, дабы по крайней мѣрѣ собою насыпшишь небесное мщеніе.»

Едва она произнесла сіи слова, какъ съ утеса низверглась въ волны и мгновенно ис-

чезла. О ея спасеніи нельзя было и подумать, и даже не могли опшескать Рейнину трупъ. Тѣло несчастнаго Шеллея почтили пышнымъ погребеніемъ, а Терезина, испощенная спраданіями и слезами, черезъ мѣсяць скончалась. Имена Рейны и Шеллея замерли въ ея послѣднемъ вздохѣ. Прекрасное изображеніе Беширисы Ченчи опшельникъ подарилъ потомку Сальвашора-Розы въ Болоніи. Нынѣ оно украшаетъ галерею дворца Беншиволио.

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

На отъѣздъ Силлова въ дѣйствующую Армію.

Тамъ, мой другъ, въ краю далѣкомъ,
Гдѣ Ошесства сыны
Торжествуютъ съ грознымъ рокомъ
Сапуриалии войны —
Тамъ, въ пылу враждебныхъ схватокъ,
Мой Силловъ удалой,
Не забудь веселыхъ святокъ
Нашей дружбы молодой!
Воротись въ мои объятія —
Я любить тебя привыкъ!
Вновь спекутся въ свѣтлый ликъ
Наши доблестные братья. —
Все, что было, будетъ вновь:
Вина, пѣсни и любовь. —
Опшируемъ вѣкъ свой крапкій,
Какъ опспраждовали святки! . . .

Баронъ Розенъ.

Ш А Р А Д А.

„Я царь, я червь, я прахъ, я Богъ!“
Вамъ можетъ о себѣ сказать мой *первый* слогъ.
Второй же Дѣвломъ лишь можетъ называться
И дѣломъ Сашаны считаться.
А все есть имя; имъ
Попы младенца нарекаютъ;
И именемъ такимъ
Его всю жизнь зовутъ и величаютъ.

Кобузева.

Въ № 12 помѣщенная шарада значитъ: *Сон-vent.*

M O D E S.

Nous avons remarqué avec plaisir, pour le bal de l'Opéra, des dispositions qui ont donné un peu de vie à Paris.—Les magasins sont plus fréquentés.—On retrouve de l'action, de l'empressement.—Cet exemple encouragera sans doute à ne s'en pas tenir là, et nous reverrons, sinon de ces grandes fêtes, au moins les bals particuliers, qui sont si loin d'être inutiles au pauvre.—On ne saurait assez arrêter à cette idée, l'esprit de ceux qui ne voient dans les dépenses que la dépense même, et qui ne sentent pas qu'elle est le seul moyen de sortir l'ouvrier de la misère. Il y a certainement de grandes fortunes en France.—Il y a peu de grandes maisons.—Dans un tems, bien voisin du nôtre, Paris était riche et gai.—La cour était brillante.—Que ce fût politique ou philanthropie, ou même frivolité, c'était mieux.—N'importe.—Alors, on ne voyait pas de mendiants.—On avait de l'ouvrage.—Aujourd'hui, vous rencontrez un homme de 30 ans qui vous demande, ne le repoussez pas en l'humiliant. Alors, on entendait parler de fortunes rapides, comme aujourd'hui on parle de banqueroutes. Non, le luxe de l'empire n'était pas folie.—Puisque Paris était heureux.

A la suite de ces réflexions, qui ne sont pas toutes étrangères à notre sujet, nous nous trouvons ramenés à parler de ce que nous avons observé, spécialement pour le bal des pauvres, et nous nous bornerons aujourd'hui à quelques particularités les plus saillantes.—Une robe de crêpe jaune, garnie de deux petits rang de blonde à la hauteur de l'ourlet;—entre chaque, trois petits rouleaux de satin jaune, gros comme la moitié du petit doigt.—Corsage à la Sévigné, mantille de blonde dans le dos.—Manches bouffantes, manchettes de blonde.

Une robe de crêpe rose; corsage décolleté, un peu en coeur, garni de deux rangs de tulle uni, tombent à tuyaux.—Manches très-bouffantes courtes;—Au bas, un rang de tulle uni, faisant doubles coquilles; dans chaque creux, un noeud de satin rose.

Planche No 4. Robe parée.

M O D Ы.

Мы съ удовольствіемъ замѣтили, что приговоренія къ маскараду, (bal de l'opéra) оживили нѣсколько Парижъ.—Чаще посѣщаютъ

магазины.—Появляется дѣятельность.—Безъ сомнѣнія, на эпомъ не остановавшись, и мы увидимъ, если не огромныя празднества, то по крайней мѣрѣ частыя балы, весьма не безполезныя для бѣдныхъ.—Нельзя достаточно внушить мысль сію шѣмъ, которые въ издержкахъ ничего не видятъ, кромѣ самыхъ издержекъ, и не чувствуютъ, что онѣ суть способы доставить ремесленникамъ пропитаніе.—Во Франціи есть конечно много богатыхъ людей, — но мало открытых домовъ.—Весьма недавно Парижъ былъ богатъ и веселъ.—Дворъ былъ блистательный.—Полишика ли то была, филантропія, или—легкомысліе: до эпаго нѣтъ никому надобности.—Тогда не видно было нищихъ.—Всѣ имѣли работу.—Нынѣ же, если встрѣтитесь вамъ челоуѣкъ лѣтъ тридцати, просящій пособіе: не унижите его грубымъ отказомъ. Тогда слышали мы о поспѣшныхъ обогащеніяхъ, а теперь—о банкротствахъ. Нѣтъ, роскошь Королевства не была глупостью.—Парижъ былъ счастливъ.

Въ слѣдъ за этими размышленіями, не все чуждыми нашего предмета, расскажемъ, что замѣчено въ особенностяхи на балѣ, данномъ въ пользу бѣдныхъ, и ограничимся только шѣмъ, что показалось намъ болѣе достойнаго вниманія.—Платье изъ желтаго крепа, отдѣланное въ два ряда узенькою блондою, выше рубца; между ними при руло изъ желтаго апласа, не толще мизинца.—Лифъ à la Sévigné, сзади широкая блонда.—Рукава пышные; блондовыя манжеты.

Платье изъ розоваго крепа; лифъ открытый, нѣсколько угломъ, на подобіе сердца; обшитъ въ два ряда пемпинетомъ, сложеннымъ въ прубочки.—Рукава очень пышные, короткіе;—внизу изъ гладкаго пемпинета сдѣланы двойныя раковинки; въ каждой пушопѣ бантъ изъ розоваго апласа.

Карпинка No 4. Нарядное платье.

пер. Издатель.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 14.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю каршиками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сважкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 18 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Коль подлинно не плохъ пастухъ:
Такъ онъ плохихъ собакъ держашъ не спанешъ.
Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ БЫТЬ НѢКОТОРЫХЪ РУССКИХЪ
ПОМѢЩИКОВЪ.

Въ семьѣ не безъ урода.

Пословица.

Весною 1829 года я очень спрдалъ рюма-
низмомъ; врачи закушали меня фланелью и
уложили въ постель, впредь до приказанія.
Пріѣхель мой *Ивнлговъ* часто навѣщалъ ме-
ня, просиживалъ долго, и смѣшилъ и прогалъ
меня своими пріятными разговорами. Я пере-
дамъ вамъ, мои чинпашели, нѣсколько любо-
пытныхъ случаевъ изъ его жизни, передамъ,
какъ умѣю: будьте снисходительны.

«Шести лѣтъ имѣлъ я несчастіе поте-
рять отца,» — рассказывалъ мнѣ *Ивнлговъ*,
«обстоятельства заснавила мать мою пере-
селищся въ Пешербургъ. Меня отдали въ
Университетскій Благородный Пансіонъ, я
учился прилежно; но не доучился. Насталъ
1812 годъ, я изорвалъ свой ученическія пепі-
ради, надѣлъ мундиръ и полешѣлъ, а не по-
ѣхалъ къ полку своему, которъй нашель въ
Дорогобужъ. Русская армія опешунала, Фран-
цузская наступала. Я, въ рангъ Поршупей-
Прапорщика, маршировалъ бодро. Первый де-
бюшъ мой былъ подъ Бородинымъ. Глупо
было бы, еслибъ я новичекъ — ундеръ, взду-
малъ описывашъ шебъ эшу бипву, въ кошо-

рой одни Русаки цѣлые супки спояли про-
пивъ двадцати народовъ, пропивъ *Наполео-
на* — и успояли. Скажу шебъ одно: я дрался
подъ Люценомъ, подъ Кульмомъ, подъ Лейп-
цигомъ, и сіи сраженія казались мнѣ игруш-
кою въ сравненіи съ Бородинскимъ. За него
произвели меня въ Офицеры; я два раза
сходилъ въ Парижъ и, возвращаясь въ оше-
чество, никогда не выѣзжалъ изъ Пешербур-
га далѣ Краснаго села и Пешергофа. Русскій
быть былъ для меня споль же мало извѣ-
стенъ, какъ Кипайскій. Я судиль о Россіи по
Пешербургу и грубо ошибся.

Въ 1817 году необходимость заснавила меня
взять опсшавку. Зиму провелъ я въ Москвѣ.
1 Маія прямо съ гулянья, пустился я въ Ря-
занскую деревню, нашель шамъ полуразва-
лившіяся хоромы отца моего, прошивъ нихъ
древнія липовыя алей, по скату горы къ
озеру, заглохшій малиною плодовиный садъ,
умнаго Бурмиспра, крешьянъ въ довольствѣ,
презвухъ и прудолобивухъ. Мѣсположе-
ніе живописное, богатыя воды, сѣнисщія ро-
щи, благовонныя луга, тучныя нивы очаро-
вали меня. Я сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ
съ сосѣдами: сдружился съ папріархальнымъ
семействомъ княгини *Чигжинской*, съ домомъ
Павла Николаевича *Зимина*. Послѣдній жилъ
опъ меня въ полушорѣ верспѣ — и я цѣлые
дни проводиль у него: *Зиминъ* человекъ обра-

зованный, тихий, хороший хозяин и хлебо-соль. Скоро мы съѣлись неразлучны. Онъ, съ бѣлокуренькою на Испанскій манеръ, женочкою, собирався въ Тамбовскую Губернію погоспити къ свояку своему *Пароситъ-еу*, куда пригласилъ и меня.

На другой день послѣ завтрака, мы отправились въ путь; ночевали въ сипарой Рязни у знакомаго всѣмъ намъ помѣщика *Елистева*, а на другой день вечеромъ прѣхали въ село *Парфентьевыхъ*, которые чрезвычайно намъ обрадовались.

Въ огромномъ каменномъ домѣ *Парфентьева* не стыдно жить Германскому Герцогу: онъ въ два яруса съ мезониною, балконами и бельведеромъ. Обширный дворъ съ цвѣтникомъ посрединѣ и съ осмью двухъ-ярусными изыщной архитектурѣ флигелями. Другая лицевая сторона дома обращена къ Англійскому саду, разсаженному по легкому скату горы къ широкому озеру, за которыми опять садъ, примыкающій къ рощѣ. Въ саду насстроено множество храмовъ, башенъ, навильновъ, бесѣдокъ; бьютъ водомѣты, гремятъ водоскапы. Вездѣ къ услугамъ гуляющихъ качели, уды, лодочки, лѣтнія горы. Въ домѣ мѣбель пышная, зеркала во всю стѣну, полы парке, въ передней двадцать офиціантовъ и лакеевъ въ богатой ливреѣ, дворецкій съ важною осанкою и откупщичьимъ брюхомъ, въ щегольскомъ черномъ фракѣ, башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ. Напившись чаю, мы прошли по саду, переѣзжали въ шлюбокъ на другую сторону широкаго пруда при сіяніи полной луны... Здѣсь мой пріятель, страстный охотникъ до хорошихъ стиховъ, приводилъ стихи *Жуковскаго*;—я вамъ повторю ихъ:

Въ зеркало ровнаго пруда

Глядѣлось мирное свѣтло;

И въ лонѣ чистыхъ водъ тогда

Другое небо видно было

Съ такой же ясною луной,

Съ такой же тихой красотой;

Но иногда—едва бродящій

Крыломъ неслышнымъ вътерокъ

Слегка наморщивалъ пошокъ:—

Луна звѣздами разсыпалась;

И смущенно во глубинѣ

Тогда краса небесъ являлась,
Толь мирная на вышинѣ!

Возвратясь домой, мы нашли готовый ужинъ. Пасъ съѣло за столомъ 28 особъ. Хозяинъ съ хозяйкою, шестеро ихъ дѣтнокъ, учитель изъ пѣвчихъ Французскихъ Офицеровъ, дядька Лифлидець, надзирательница за дѣтьми Англичанка; мы четверо, племянникъ хозяевъ *Одувангиковъ* съ женою и пятерыми дѣтьми, прѣхавшій за 80 верстъ къ любезной тѣпушкѣ, семейство *Прыщиковыхъ*, состоящее изъ четырехъ пожилыхъ дѣвицъ и двѣ бѣдныя барышни, живущія въ домѣ изъ милости. За каждымъ стуломъ стоялъ лакей съ шарелкою, ножомъ, вилкою и ложкою. Послѣ каждого блюда подавали разныя вина, портеръ и Англійское пиво по очереди, эликсиромъ предписанной. Во весь ужинъ продолжался разговоръ между двумя сволками о винныхъ заводахъ, откупахъ и винной поставкѣ. Дамы молчали, барышни между собою перешептывались; дѣти кричали до того, что заглушили и музыку, и разговоры двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Подъ столомъ и около стола бродили собаки разной породы, пола и возраста. Датскія, Англійскія, борзые, пудели, москвы рычали и грызлись.

Послѣ ужина мы посидѣли съ полчаса и разошлись по своимъ комнатамъ. Хотя отведенный мнѣ для жительства флигель отстоялъ отъ главнаго корпуса не болѣе пятидесяти сажень, и хотя ночь была ясна и теплая, но меня посадили въ крышныя дрожки—и повезли. Тамъ ожидали меня мой слуга и хозяйскій, при которомъ находился еще одѣтый въ черкесское платье дворовый мальчикъ. Пожелавъ покойной ночи, хозяйскіе слуги ушли. Но видно распростили у моего Петра, рано-ли я вспаю и чай пью по утру; потому что въ 4 часа утра оба они явились; одинъ несъ серебряный чайный приборъ, другой полную корзину кренделей, крендельковъ и кренделечковъ. Надѣвъ серпукъ, я пошелъ прогуливался, въ 9 часовъ возвратился въ свои комнаты: мнѣ подали кофе. Я попросилъ лакея достать какую нибудь книжку. Онъ принесъ мнѣ Московскія газеты и сказалъ, что Баринъ не держитъ никакихъ

книгъ, кромѣ расходныхъ. Вскорѣ явился Павелъ Николаевичъ, и подтвердилъ мнѣ, что почто у свояка его нѣтъ книгъ, что и дочери его не смѣли завести у себя модныхъ альманаховъ, и что онъ увидѣвъ у одной изъ нихъ въ Москвѣ Сѣверныя цвѣты, бросилъ ихъ въ печь. Мы пошли къ хозяйкамъ. Тамъ уже собралась вся честная компанія — и гоповъ былъ изобильный завтракъ: копченые полошки, сухія куры, грибы въ укусу, рыжики, Голандскія сельди, масло, жареный карпфель, бѣлая говядина, яйца, сыръ Пармезанъ, Швейцарскій, Голандскій, зеленый, домашній, рыба подъ желе, булочки, комплеты въ панильопкахъ и безъ панильопокъ. Я изумился; опивъ-давъ того, другаго, преняго — и сдѣлался шакъ сытъ, что могъ бы не ѣсть цѣлыя супки. Хозяинъ повелъ насъ на конскій заводъ, куда парочно пригнали лошадей съ луга. У него 100 мапокъ; жеребцы выписные Англійскіе, естъ Арабскіе и Персидскіе. За недѣлю предъ нами прѣзжали сюда Гвардейскіе ремоншеры и купили на 16 тысячъ; недавно шакже одинъ охошникъ, за воронаго двухъ-лѣшняго жеребенка заплашилъ 2 п. рублей. Налюбовавшись спашными конями, пошли мы на коровій дворъ: тамъ видѣли мы красивыхъ Холмогорскихъ, Швейцарскихъ и Англійскихъ быковъ и коровъ, и нашли, что родившіеся въ Россіи не уступаютъ имъ ни ростомъ, ни дородствомъ, ни живописными пѣжинами. Эпо еще не отборный скотъ; его держатъ на фермѣ, куда мы поѣдемъ сегодня послѣ обѣда. Въ 3 часа возвратились мы въ гостиную, вышла хозяйка, подала мнѣ руку: мы пошли въ столовую. Обѣдъ былъ роскошный, прекрасно изгопвленный; плодовъ горы, вареньевъ множество. Послѣ обѣда подали кофе и, не много погодя, мороженое. Между тѣмъ подвезли экипажи; мы поѣхали на ферму; дорога шла просѣкою черезъ дремучіе господскіе лѣса нашего хозяина. Добродушный Швейцарецъ, завѣдывающій фермою, принялъ насъ ласково и повелъ въ комнаты. И шупъ надлежало ѣсть. На покрышомъ бѣлою какъ снѣгъ скапершью сполъ, споялъ прекрасный фаянсовый сервисъ и въ двадцати чашахъ молочныя блюда, различно пригопвленные. Это здѣсь называется *Луте*. Дома ожидалъ

насъ чудовой арбузъ и душистая дыня. Когда жаръ схлынулъ: по хозяйнѣ предложилъ намъ прогулку водою. Мы съѣли въ шлюбку, на другой, плившей въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи, находилась духовая музыка и рожечники. И первыя хорошо играли, но послѣднихъ я заслушался. Ихъ рожки пѣли и самыми пріятными голосами. Прокапавшись вересы двѣ по пруду, который право, не грѣхъ бы назвать озеромъ, мы вплыли въ рѣку, пекущую по дубовому и березовому лѣсу. На лужайкѣ разбило было нѣсколько палатокъ: тамъ ждалъ насъ чай, а по возвращеніи домой роскошный ужинъ. И того, въ супки ѣли мы по 10 разъ!!! Мы прожили тамъ при недѣли — и каждый день были угощаемы одинакимъ образомъ.

На другой день хозяйка пригласила насъ осмотрѣть ея заведенія: кружевныя, вышивныя, шкапцкія. Мы нашли все въ чрезвычайномъ порядкѣ: кружева, блонды, шитье по канвѣ и гладью; полошна, каленкоры и башиспы не уступали самымъ тонкимъ иностранымъ.

Ознакомившись съ мѣстностію, я безъ проводника ходилъ по окрестностямъ и по цѣлымъ часамъ просиживалъ на берегу рѣваго ручья, или подъ тѣнью дуба. Въ праздники сосѣды гурьбою съѣзжались къ нашему хозяину — и по вечерамъ бывали танцы; молодыя дѣвицы и кавалеры играли въ горѣлки, въ верѣвочку; спарики занимались вистомъ, или глазѣли на нихъ и полько! Въ двадцать одинъ день ни разу не зашелъ разговоръ ни о полишкѣ, ни о просвѣщеніи, ни даже о войнѣ 1812 года, любимомъ предметѣ сельскихъ помѣщиковъ. Но бывали назидательныя бесѣды о томъ, какъ опкармливать каплуновъ, какъ варить самую вкусную уху, на какомъ году опъ рожденія у курицы филе имѣеть самый сладкій вкусъ, и проч. и проч. Иногда болре углублялись въ медицину и сообщали другъ другу, какъ лѣчить у лошадей сапъ, какъ вырѣзывать васцу, какъ уберечь лошадь опъ подсѣдинъ и пр. и пр. При *Екатеринѣ II* нашъ хозяинъ еще въ пелѣнкахъ записанъ былъ вахмистромъ; ему доставалось въ корнешы; по Императорѣ *Павелѣ I*, немедленно по восшествіи на престолъ, вызвалъ всѣхъ уншерь-Офицеровъ Гвардіи въ дѣйствительную служ-

бу: ихъ считалось болѣе 4 тысячи! Не многіе осмались дожидаться Офицерскихъ Чиновъ въ Гвардіи. Всѣ недоросли, нѣженки, баловни или взяли опснавку, или вышли въ армію. И *Паронтьевъ*, копорого мать въ Пешровки укушывала въ лисью шубу, возила въ карешъ съ подпяшыми спеклами, воспишывала на бульѣнѣ, и копорый, въ слѣдствіе сей меподы воспишанія, не могъ сносить сквознаго вѣтра, выпущенъ Корнешомъ въ одинъ изъ Драгунскихъ полковъ. Однакоже и шамъ служба показала ему пажела; онъ подалъ въ опснавку. Съ пѣхъ поръ онъ нигдѣ не служилъ. Главное заніише въ жизни его—винный заводъ и опкупа, опъ коихъ получаетъ онъ огромные доходы; въ деревнѣ онъ играетъ въ боспонъ по гривнѣ мѣдю, въгъжаетъ рысаковъ, обжираетъ. Въ Москвѣ—онъ дѣлаетъ визиты, принимаетъ гостей, обжираетъ. До войны 1812 года, онъ не вѣдалъ, что на свѣпѣ сущеспвуютъ Баварцы, Виртембергцы, Ганноверцы, да и о Парижѣ чипалъ на номадныхъ банкахъ; ибо онъ спрашнй врагъ просвѣщенія и ученыхъ людей.—Изреченія: «*Онъ настолицій Профессоръ! Онъ смотритъ Академикомъ! Опъ него пахнетъ книгам!*» употребляетъ онъ, какъ самыя язвипельныя и синонимы: дураку, невѣждѣ, Якобинцу. Каждый человекъ нѣскольکو начипанный, еспъ уже, по его мнѣнію, Франкъ—Масонъ, человекъ зловредный.

Дѣшки обучающа болпашъ по Французки, свистать по Англійски, панцовали, рисовали и музыкѣ. Спаршая, 14 лѣтняя дочь уже порядочно рисуешъ головки, средняя помарываетъ носики, а меньшая начинаешъ глазки. За то всѣ при бѣгло говорятъ по Французски и панцуютъ Французскую кадрилъ не хуже Колосовой.

Пріятель мой *Ивняговъ* имѣетъ привычку ежедневно записывать то, что съ нимъ случается. Живучи въ деревнѣ у *Паронтьева*, онъ опвыкъ опъ эшаго, и уже возвращаясь къ мирнымъ своимъ Пенатамъ, опмѣшилъ крупными словами: «*пять недѣль съ 18-го Іюля по 27 Августа въ деревнѣ у Паронтьева: пилъ, пѣлъ и спалъ.*»

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

О ТИЦΙΑНОВОЙ КАРТИНѢ

Андромеда.

Любителямъ изящныхъ искусствъ; безъ сомнѣнія, весьма будетъ пріятно узнать, что Императорскій Эрмитажъ пріобрѣлъ изъ галлерей покойнаго Князя Алексѣя Борисовича *Куракина*—единственную по достоинству картину *Тициана*, изображающую *Андромеду*, *Персеемъ* опъ морскаго чудовища освобожденную.

Въ *Андромедѣ* въ первый разъ увидѣлъ я пѣ достоинства *Тициана*, о копорыхъ столько читалъ, столько слышалъ опъ путешествовавшихъ по Европѣ знатоковъ и художниковъ. Въ нашей, теперь Русской *Андромедѣ*, нашелъ я его неподражаемый колоритъ, (копорый у *Тициана* вѣренъ въ высочайшей степени и поставляетъ его выше самыхъ славныхъ живописцевъ) и изящество рисунка Греческихъ статуи. Съ перваго взгляда я почелъ *Андромеду* родною сестрою *Венеры Таврической* (*). Знаменитый художникъ не списывалъ съ *Венеры*, но Гениемъ постигъ (проспите мнѣ дерзоспѣ выраженія!) испорію исполнительной чисти *Фидіаса*; онъ произвелъ свою красоту.

Андромеда (**), прикованная къ скалѣ, увидѣвъ чудовище, въ испугъ бросилась опъ него—и симъ движеніемъ произвела прекрасную позу; лучше сей позы никакой Греческй Ваятель не избралъ бы. Опъ порыва несчастной Царевны цѣпи впились въ мягкое ея пѣло, и глубже въ сильно повернувшуюся лѣвую руку; впились, но красоты не повредили. Еслибъ я посмѣлъ, чего нибудь пожелалъ для усовершенствованія *Андромеды*, можешъ быль, что пожелалъ бы ей руки нѣскольکو полегче; лѣвое колѣно починкою и чисткою попорчено, а голова, вышедъ изъ рукъ знаменитаго *Тициана*, была въ рукахъ у человека безголоватаго.

(*) Въ Таврическомъ Дворцѣ находящейся статуи.—Ц.—

(**) Въ собраніи эстамповъ галлерей Герцога *Орлеанскаго* находится эстампъ (плохой) съ сей картины, съ какою-то перемною перваго плана. Должно думать, что *Тицианъ* повторалъ сію картину.—Ц.—

Впрочемъ, сія драгоцѣнная картина столь хорошо сохранена, что можно рѣшитель-но сказать: немногія изъ древнихъ въ па-комъ состояніи дошли до насъ. Видно, къ сча-стію ея, что она не часто попадала въ руки охотниковъ холишь изящныя произведенія кисти.

Въ сей картинѣ Императорскій Эрмитажъ приобрѣлъ *Тициана!*

— Ц. —

ГЛУХОЙ ПОСТИЛІОНЪ.

Всѣ тѣ, коимъ случалось проѣзжая по Свѣрной части Англии, знаютъ *Джоя Дудлея*, стараго глухаго постильона, на послѣдней предъ Грипна-Гринамъ станціи.

28-го Іюня 1829 года, въ девять часовъ утра показалась почтовая коляска въ четы-ре лошади, которая быспро неслась къ почтовому дому, содержимому хозяиномъ *Джоя*. Не успѣла она остано-виться у воротъ, какъ постильоны по обыкновенію своему закричали: скорѣй четверку лошадей! Къ несчастію, у содержателя почтоваго дома на этотъ разъ оставался одинъ только *Джоя* съ парой лошадей, которыхъ онъ вывелъ со двора. Коляска сія занята была молодымъ щеголемъ и дѣвицею, коей черты скрива-лись подъ покрываломъ. «Какъ это досадно!» воскликнулъ молодой человѣкъ; «я увѣренъ, что за нами гонятся по пятамъ.»

Смѣю увѣрить васъ, Милостивый Госу-дарь, возразилъ содержатель яма, что эта пара доведетъ васъ скорѣе, нежели шестер-ка обыкновенныхъ почтовыхъ клячъ. Ни у кого нѣтъ такихъ лихихъ лошадей, какъ у меня. Впрочемъ, если вамъ угодно минуть десять или, уже навѣрно, не болѣе полчаса обождать, то я могу пославить вамъ дру-гихъ.— «Десять минуть! полчаса!» вскричалъ молодой человѣкъ, съ живѣйшимъ безпокой-ствомъ: «я надѣюсь, что ваши лошади оправдаютъ ваши похвалы. Постильонъ, про-ворнѣй закладывай!»

Не успѣлъ онъ договорить сихъ словъ, какъ *Джоя* заложилъ лошадей и по первому знаку гонимъ былъ мчался во всю прысь. Для

сега онъ не сводилъ глазъ съ хозяина, кото-рый какъ обыкновенно, мановеніемъ руки подалъ знакъ. Лошади *Джоя Дудлея*, по примѣру всѣхъ почтовыхъ, въ первый де-сять минуть спускали пихимъ мѣрнымъ шагомъ; но на сей разъ эта пара, которою правилъ *Джоя*, поддержала честь хозяина; молодой человѣкъ скоро увидѣлъ, что и на самой лихой четверкѣ трудно будетъ до-гнать ихъ. Надежда его возрасшала по мѣрѣ того, какъ они далѣе и далѣе оставляли за собою первый сполбъ, показывавшій мило; онъ переспалъ уже чрезъ каждыя пять ми-нуть высовывая голову изъ повозки и ки-далъ безпокойные взоры на дорогу. Онъ заранѣе шоржестивовалъ, какъ вдругъ раздавшійся прескъ, вопль его прелеетной соупницы, сильный полчекъ, попомъ пишина и совер-шенная остановка экипажа, послѣдовали одно за другимъ такъ быспро, что въ первый мину-ты испуга онъ совсѣмъ потерялъ присущствіе духа. Отъ сега пошрясенія повозка нечаян-но соскочила съ передка. *Джоя Дудлей*, за-нятый лошадьми, и за глухой неслыхав-шій позади себя преска, произведеннаго па-деніемъ повозки, продолжалъ неспись еще скорѣе: попому что лошади его, почувство-вавъ уменьшеніе тяжести, сами прибавили рыси.

Въ чрезвычайной досадѣ на постильона, молодой человѣкъ кричалъ ему остано-виться; но хопя *Жоя* отъѣхалъ еще недалеко, однакожь ничего не слышалъ и продолжалъ ѣхать, внутренно благодаря своихъ скоповъ за ихъ послушность. Онъ гордился мыслию, что погоня не удалось наспигнуть моло-дую особу, и ожидалъ награды, соразмѣрной важности, оказанной по мнѣнію его услуги, ибо не смотря на глухоту свою, онъ былъ столько смѣшливъ, чптобы понять, въ чемъ заключается дѣло, хопя ему и не объ-ясняли этого. Такимъ образомъ, съ шорже-ственнымъ лицомъ прискакалъ онъ на почто-вой дворъ, гдѣ надлежало остано-виться, пре-слѣдуемый крикомъ и хохотомъ мальчишекъ того мѣстечка.

Соскочивъ уже съ козелъ *Джоя* открылъ бѣду свою; ничто не могло сравниться съ изумленіемъ, изобразившимся на его лицѣ.

Онъ вышелъ на улицу посмотрѣть, не оспался ли его путешественники позади съ возкою; не найдя ихъ нигдѣ, онъ пробѣжалъ около полумили пѣшкомъ, чтобы найти ихъ. Съ одного возвышенія, лежащаго разсѣпаніемъ около мили опъ мѣстечка, онъ не открылъ никакихъ слѣдовъ своихъ путешественниковъ. Впослѣдствіи узнали, что, они попались въ руки друзьямъ похищенной дѣвицы. Бѣдный *Джой* опъ спыда скрывался шрое супокъ и когда его нашли, то хозяинъ его, у котораго онъ былъ въ большомъ уваженіи, едва могъ уговорить его взяться опяшь за бичъ и сѣсть на козлы.

(изъ *Revue Britan.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ ПОЭМЫ:
ИСКУСТВА И НАУКИ.

(1818.)

Великій *Александръ*, будь мнѣ путеводитель!
Пѣлъ передъ *Августомъ Виргилій*, мой учитель.
Передъ Тобою пѣлъ *Делмъ* наставникъ мой:
Иди за ними въ слѣдъ, пою передъ Тобой
Благодѣянья Музъ—Искусства и Науки.
Роднаго языка Ты здѣсь услышишь звуки!
Животворящій Твой внимая Царскій гласъ,
Я новую пробую дорогу на Парнасъ.

Игдѣ приличіе предметъ сей, какъ не въ славной
Пальмирѣ Севтра, гдѣ зрѣли мы недавно
Рыбачьи шалаши, болоша и лѣса;
И гдѣ теперъ, что взоръ, что шагъ, то чудеса;
Въ копорой не одно лишь мѣсто для жилища;
Но самая земля, но воздухъ, небо, пища,
Все завоевано искусствомъ и умомъ,
И шрудолубіемъ—всѣхъ доблестей опцомъ.

Тогда какъ населялъ Творецъ небесъ пустыни,
И солнца зажигалъ и разливалъ пучиннй:
Предѣлъ онъ положилъ планетамъ и звѣздамъ,
Кругъ двйспвій силъ бурь и шрусамъ и громамъ;
Спихнн обуздалъ въ полезномъ ихъ раздорѣ,
И солнце западъ свой и брегъ познало море....
Неограниченнымъ оспался человекъ!
Творецъ, вруча ему ума свѣщильникъ, рекъ:
«Спрямись къ высокому, шебъ дана свобода;
«Онверсты небеса, открыта вся природа!»
И человекъ кругомъ окинувъ быстрый взглядъ,

Узрѣлъ зеленый лѣсъ, алмазный водопадъ,
И море синее и свѣплые озера,
И разноцвѣтные холмы, лужайки, горы;
Орма парящаго, огромнаго слона,
Быка тяжелаго и легкаго коня;
Сводъ неба голубой, шаръ солнца лучезарный—
И гимнъ Творцу воспѣтъ—и гимнъ сей благодарный.

Умъ сила смершнаго: опъ, крѣпкій имъ однимъ,
Взялъ въ руки власть—и спалъ владыкою земнымъ.
Мы не обязаны ничѣмъ правамъ наслѣдства,
Намъ при рожденіи достались гордость, бѣдства
И слабости; но умъ—орла, кипа и льва,
И грозный бунтъ спихнй, и грубость вещества.
Искусвомъ покорилъ: дубъ твердый согнулъ кущей,
Кедръ вспыхнулъ подъ рукой обѣ древо древомъ шрусей;
Покрылъ шалашъ травой и лѣшьемъ опъ дождей,
А ложе мягкимъ мхомъ и кожами звѣрей;
Изъ тыквы вырѣзанъ сосудъ широкобокой.
И лукъ жужжащую спрѣлу послалъ высоко;
Льву черепъ палицей корнистой раздробленъ,
Путь сернй копіемъ свитящимъ прегражденъ,
Лѣсъ темный частыми обшавленъ шенетами,
Грозилъ силками кустъ, а глубъ рѣки сѣтями.
И пас пырь-человѣкъ знакомится съ конемъ,
Даетъ покровъ овцѣ, дружится съ вѣрнымъ псомъ,
Ночнымъ шоварищемъ и шпражемъ спадъ надежнымъ.
Уже кочуетъ онъ по пустынямъ безбрежнымъ,
Гдѣ долгая шрава подъ шажкимъ шумомъ буръ
Переливается, какъ влажная лазуръ,
Гдѣ всѣ спези песокъ, волнуясь, засыпаютъ—
И паспырь по звѣздамъ свой пущъ располагаетъ.

И самородные металлы найдены:
И въ пользу смершными ужс обращены:
Спуча разъ въ разъ бѣютъ по наковальнѣ млаты,
И образуютъ плугъ кривой и серпъ зубчатый,
Рветъ ниву борона, цѣпляясь пила
Визжитъ, влзъ на доски широкія дѣля;
Колеса мѣдныя гремятъ подъ колесницей,
И мчитъ на конѣ ретивомъ всадникъ шпичей.
Изъ кожи тигровой, на коей кровь видна
Одежда брошена: кудрявая волна
И волокистный ленъ теперъ для одѣяній....
И благородный червь шкамъ скоро будетъ шкани!
Врешена легкя, вершится! лешай,
Челнокъ проворный, пы, изъ края стана въ край,
И крѣпко съ шпью шпль вяжи перевивалъ!
Лешай, придушъ тѣ дни, когда изображалъ
Тобой, какъ кипшю шкачь, карпину и узоръ,
На шкани удивилъ и очаруешь взоръ.

Воейковъ.

C H A R A D E.

Rarement mon premier se voit sur mon dernier,
Mais c'est sur mon dernier que l'on voit mon
entier.

Въ No 13 помѣщеная шарада значить: Я-ковъ.

M O D E S.

Une robe de gaze d'Orient, rayée d'argent, au bas, une blonde assez haute, est relevée de distance en distance par une agraffe en passémenterie, soie et argent.—Une mantille de blonde; au milieu, devant, une agraffe de diamans et turquoises, doit relever la blonde.

Une robe de tulle rose, garnie de deux rangs de dents de satin arrondies et bordées d'une petite blonde. Elles sont posées de manière que les extrémités sont toutes en dedans; le rang d'en haut qui tombe, a les pointes dans le creux des dents du second rang qui relève.—Une petite blonde sur le bord supérieur.—Manches courtes, enchâssées dans un double rang de pointes, bordées comme la garniture.—Corsage à la Sévigné.

Robe de tulle blanc, garnie à la hauteur de l'ourlet, de têtes de plumes d'autruche, blanches.—Elles rentrent assez l'une dans l'autre pour ne pas laisser de vides.—Corsage drapé, garni de blonde. Manches courtes, rayées en biais d'une petite blonde.

Une robe de crêpe blanc, brodée d'une guirlande de lilas, en soie plate nuancée; corsage à la grecque, brodé sur les bords.—Manches courtes, brodées de même.

Une robe de gaze dona Maria, rose, garnie de rubans de gaze rose, à filets d'argent.—Ces rubans sont posés plats, trois rangs à la hauteur des genoux, un noeud attaché de côté, tient à une traverse, qui prend sous la ceinture.—Les manches, qui sont très-bouffantes, sont attachées de distance en distance, par des noeuds pareils.—Corsage drapé, deux petits rangs de blonde, qui sortent de l'intérieur sans retomber.

Bijoux.—Une jolie parure de rubis est des plaques d'or, ciselées longues comme le pouce.—Au milieu, le rubis est posé élevé, entouré d'une petite cise lure, qui représente une guirlande de fleurs.—En bosse.—Le collier est formé de plusieurs plaques qui vont en diminuant, et sont liées entre elles par de simples anneaux.—Les boucles d'oreille ont à l'anneau une plaque, et pour pendant, une poire plate.—Sur des plaques d'or bruni, une améthiste ronde; chaque plaque

liée par deux chaînons du Mexique. Pour boucles d'oreilles, une améthiste en poire, sur une plaque d'or uni.

Sur des plaques émaillées de plusieurs couleurs, en pierres variées,—taillées, arrondies, sans facettes. Entre chaque plaque, une poire de pierres de couleur, taillées de même.—Les boucles d'oreilles, une plaque d'émail avec une pierre, trois poires, dont une longue.—L'agraffe du corsage pareille.—

Un joli bijou, élégant et simple, est une branche de fleurs, or émaillé.—Le feuillage est de plusieurs verts.—Chaque fleur est imitée exactement et d'un travail extraordinaire.—Le bouquet se compose d'épis jaunes.—Trois marguerites, une rose des champs, un bouton peu ouvert.—Il doit se poser sur le côté de la tête, se mêlant un peu à la touffe de papilottes à gauche.—

Des plaques de ceinture.—Carrées, pleines.—Or émaillé des pierres de couleur.

Sur les plaques où sont encadrées les pierres.— Pour les parures, on place quelquefois de petites fleurs en relief émaillées.

M O Д Ы.

Платье изъ восточнаго газа съ серебряными полосами; внизу довольно широкая блонда, подхваченная мѣспами пряжками изъ галуна серебрянаго съ шелкомъ.—Вверху лифа широкая блонда; по срединѣ—спереди приподнята она пряжкой съ брилліантами и бирюзами.

Платье изъ розоваго пепинета, опдѣланное въ два ряда округленными зубцами изъ апласа, обшитыми узенькою блондою. Зубцы нашипы пакъ, что кончики всѣ обращены внутрь; зубцы верхняго ряда опущены въ промежутки зубцевъ нижняго ряда.—Къ верхнему ряду пришипа узенькая блонда.—Рукава коропкіе, обшитые въ проймахъ зубцами въ два ряда, опдѣланными какъ накладка.—Лифъ à la Sévigné.

Платье изъ бѣлаго пепинета; опдѣлано надъ рубцемъ концами бѣлыхъ спрусовыхъ перьевъ.—Перья наложены одно на другое такъ, что между ними нѣтъ промежутковъ.—Лифъ drapé, опдѣланъ блондою.—Рукава коропкіе, съ нашипою вкось узенькою блондою въ нѣкоторомъ разспояніи одна отъ другой.

Платье изъ бѣлаго крепа, вышитое гирландою изъ сирени, гладью, цвѣтными шелкомъ; лифъ à la Grecque, по краямъ вышитъ. Рукава короткіе, также вышиты.

Платье изъ розоваго газа Dona Maria, отдѣлано газовыми розовыми лентами, серебряными полосками. — Ленты нашиты вгладь, въ при ряда вровень съ колѣнами; сбоку бантъ, опъ коего идетъ лента подъ поясъ. — Рукава очень пышныя, перехвачены мѣстами шакими же бантами. — Лифъ drapé, обшитъ въ два ряда узенькою блондою, которая сполитъ къверху.

Вещи. — Очень красивый уборъ изъ яхонтовъ. На золотыхъ бляхахъ съ насѣчкою, величиною въ дюймъ, вдѣланъ въ срединѣ яхонтъ, окруженный выпуклою насѣченною гирляндочкою. — Ожерелье составлено изъ нѣсколькихъ бляхъ, постепенно уменьшающихся; онъ соединены между собою простыми кольцами. — У серегъ въ колечкѣ — бляшка и подвѣска плоская груша. — На бляхъ изъ тѣмнаго золота, круглый аметистъ; бляхи соединены между собою двумя тонкими цѣпочками (chainons de Mexique). — Серги, груша изъ аметиста на золотой гладкой бляхѣ. — Бляхи, осыпанныя разноцвѣтными камнями гладкой грани. — Между двумя бляхами груши такой же грани. — Серги изъ эмалевой бляхи съ однимъ камнемъ — подвѣски при груши, средняя длиннѣе — заспешка лифа такая же.

Весьма красиво дѣлаются изъ золота съ эмалью вѣпки цвѣтовъ, листья изъ разноцвѣтной зелени. — Всякой цвѣтокъ раздражаетъ въ совершенствѣ природѣ и превосходной работы. — Букекъ составленъ изъ желтыхъ и зеленыхъ колосьевъ. — Трѣхъ маргаритокъ, одной развернувшейся, одной еще неразвернувшейся и одной полевой розы. — Пришпиливается съ лѣвой стороны нѣсколько смѣшанно съ пуклями волосъ.

Бляхи для поясовъ. — Четвероугольныя цѣльныя. — Изъ золота съ эмалью и цвѣтными камнями.

Такия же бляхи для наряда дѣлаются съ выпуклыми цвѣточками (en relief) изъ эмали.

В С Я К А Я В С Я Ч И Н А.

Актеру нужно быть постояннымъ наблюдателемъ. Онъ долженъ представлять всѣ сословія и всѣ характеры людей: совершенная точность въ костюмахъ и ухваткахъ, умѣнье перемѣнять лице: вопъ что можетъ поддержать очарованіе, легко исчезающее, особливо когда мы видимъ въ одинъ день одного и погоже актѣра въ роляхъ Полковника и Водовоза, двадцатилѣтняго Молчалина и спараго острияка.

Часто твердятъ, и не въ попадъ, будно для хорошаго актѣра умъ есть необходимая вещь. На каждомъ театрѣ мы найдемъ множество исключеній, опровергающихъ сіе мнѣніе.

Умный актѣръ прежде сойдетъ со сцены, нежели потеряетъ опъ спароссти дарованія. Съ публикою надобно обходиться, какъ съ легкомысленною и разсѣяною любовницею, которую лучше заспать жалтъю о себѣ, нежели подвергнуть себя ея холодности.

Чтобъ быть актеромъ, надобно родиться имъ, подобно поэту. Кпо не чувствуетъ въ себѣ рѣшительной къ тому склонности съ младенчества, шомъ навсегда останется холоднымъ и посредственнымъ артистомъ.

Синеващій цвѣтъ лица, впалые глаза, распрѣпанная прическа, пляжелая и неловкая походка, простонародныя ухватки, безъ смѣнія произведутъ отвращеніе, или по крайней мѣрѣ холодность, хотябы кпо имѣлъ тысячу хорошихъ качествъ; никогда не надобно забывашъ, что любовь входитъ *глазами*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средаъ и

Субботамаъ.

№ 15.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 21 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Корова все шагаетъ,
А рыси, хошь убей,
Такъ пѣшь у пей.
Хелмищерь.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

БЕЗПРІЮТНАЯ.

Часто самыя прекрасныя вещи бывають причиною великихъ золъ. Въ примѣръ сему прелестныя произведенія нашего славнаго поэта А. С. *Пушкина*: они породили толпу несчастныхъ подражапелей, или правильнѣе сказать, смерщныхъ охотниковъ писать, и на бѣду нашу — стихами. Какърачи угощають больныхъ своихъ горькими микстурами, давая черезъ часть, или черезъ два по ложкѣ: такъ безпріютныя стихопворцы начали подчивашь насъ повѣстями въ стихахъ и поэмами. Чпо мѣсяць, по новая книжечка; чпо недѣля, по новѣйшее произведеніе. Музы ихъ такъ плодовицы! Нищій *Г. Николая Волина* собралъ съ публики милосщныю; Разбойникъ *Петра Машкова* безжалосщно убивалъ время своихъ чпшательей; выучилъ насъ долгоперпѣнію. Каждая изъ сихъ жалкихъ книжекъ приправлена стихами *Жуковского*, *Пушкина*, *Баратынскаго*, перифразированными и изуродованными. Недавно въ семь же родѣ явилась повѣсть Безпріютная, соч. *Прова Максимовича*. Не уже ли въ стихахъ? — Нѣшь никакого сомнѣнія! названіе сіе нѣкоторымъ образомъ дано ей весьма кешати: ибо врядъ ли кто пріотпншь

сіе безпріютную въ свою библіотеку. — Чпшатель не долженъ искапъ смысла въ сей повѣсти: его нѣшь! Повѣсть сія есть ничпо иное, какъ множество несвязныхъ, бессмысленныхъ, и не совсѣмъ благоприспощныхъ виршей.

Авторъ начинаешъ оную описаніемъ погоды осенью на берегахъ Невы, и въ своемъ поэщическомъ воспоргѣ говоришь:

Нѣшь солнца; небо слезы льешъ

Съ утира до вечера. . . . .

Какъ пирогащельно должно бышь плачущее небо.

Въ шакую-шо несносную пору, когда небо плакало, а въ Пепербургѣ кой-гдѣ зажглись огни, шель юноша.

Желашельно, чпобы Авторъ не описывалъ намъ походъ сего юноши, погда одною дурною повѣстью было-бы менѣе на Руси; но дѣлашь нѣчего, повѣсть написана, на бѣду напечатана, къ несчастію нами прочпшана; и такъ, раздѣлимъ же пощношу нашу съ чпшателями:

Шель юноша. . .

«Онъ слышншь шорохъ, шлжкій вздохъ....»

Ему вздумалось и онъ пустился въ размышленія:

«Еще страдалецъ! сердцу больно.

. . . . .

.....
Но время еспь, когда невольно
Благодаримъ врага-судьбу
За страшную съ людьми борьбу.

Чего съ шоски не наскажешь, не наболша-
еще? юноша

«Обратилъ свой взоръ унымый
Назадъ, о Боже! молода!
Прекрасна и несчастье знаетъ!

Что-то будешь съ юношею? скажешь чина-
пель. Онъ какъ видно былъ вѣжливый ка-
валеръ, попому что подошелъ къ Незнаком-
кѣ и безъ дальнихъ церемоній молвилъ ей:

«Давноль знакомы вы съ шоской?
Скажите мнѣ! я шакже спражду,
И передать печаль свою
Другому сердцу сердцемъ жажду.»

На сей комплиментъ вѣжливаго юноши, дѣва
опвѣчала:

«Давно надъ бездною я спюю!»

.....
Умолкла. Грудь приподнялась
И снова тихо опустилась,
И полилась слеза изъ глазъ
И на груди остановилась.

Юноша былъ смѣшленъ,

«Онъ понималъ и слезъ причину,
И смыслъ немногихъ дѣвы словъ.

Вопшь что значилъ бытъ догадливымъ, ра-
зомъ понималъ; а мы, бѣдные, не можемъ по-
нять: ни слезъ, ни словъ, ни смысла спи-
ховъ; ежели можно назвать спихами, напи-
санное Авпоромъ.

Какъ ни догадливъ, какъ ни воспѣръ былъ
юноша, однакоже и его взяло раздумье, онъ
покачалъ буйною головушкою и усиливался
опгадать:

«Какой недугъ ее терзалъ,
И отъ кого души страдаля.»

.....
А тамъ и другое кое что полезло ему въ
голову насчетъ Незнакомки. Мы не находимъ
за нужное описывать то, что пришло въ
голову юношѣ, ибо въ числѣ чинапелей Ли-
тературныхъ Прибавлений могутъ случить-
ся и чинапельницы. —

Между тѣмъ юноша, со всею возможною
вѣжливостію и шопопомъ выспрашивалъ то,
о чемъ думалъ.

«Къ чему жь послужилъ вамъ всезнанье?»
опвѣтствовала дѣва.—А намъ кажепся, что
всезнаніе Авпора послужило бы къ удоволь-
ствію чинапелей: ибо, знал все, онъ вѣро-
ятно не написалъ-бы подобной нелѣпицы, а
итѣмъ болѣе не имѣлъ-бы духу ее напеча-
тать.

Рыдающая и вздыхающая дѣва оканчиваетъ
свой монологъ слѣдующими виршами:

Привыкла я мой крестъ нести;
Терпѣнье все преодолѣю,
Все испребило, по *одно*
Еще опъ бури уцѣлѣю,
Оно мнѣ не землей дапо,
Я берегу его, какъ друга,
Ему коварный свѣтъ узнать
Досель не далъ Богъ досуга.

Пускай чинапель самъ опгадываетъ это
одно; мы увѣрены, что у него на умъ бу-
детъ *и два, и три!*

Поснавивъ два ряда почекъ и знакъ вос-
клицанія, Авпоръ продолжаетъ:

Луна свершивъ свой скромный пушь,
Спѣшитъ спокойно отдохнуть.
Давно, Леонъ, такъ нмъ было
Тому, кто дѣву *проводжалъ*,
Проспился съ незнакомкой *милой*,
Давно, по сонъ не посыналъ
Своихъ цвѣшовъ ему на вѣжди.

Причиною сей безсонницы была любовь
юноши къ Незнакомкѣ. . . .

И такъ, объ ней мечпалъ Леонъ!
О комъ же больше? Въ свѣтъ много
Красавицъ пышныхъ видѣлъ онъ,
Но разбирая (можетъ спрого)
Поступки, правы и дѣла,
Онъ находилъ, что у прелестныхъ
И сажя иногда бѣла.

Каковыже должны бытъ красавицы, кото-
рыхъ прежде разбиралъ Леонъ, ежели встрѣ-
тившаяся ночью на улицѣ дѣва предпочте-
на имъ? И въ добавокъ, Леонъ, по увѣренію
Авпора, не зналъ ни имени, ни мѣстопребы-
ванія сей дѣвы—Незнакомки.

Въ продолженіе безсонницы Леонъ рѣшилъ, что кромѣ Незнакомки, онъ ни съ кѣмъ не можетъ быть счастливъ; но вспомнивъ, что онъ не знаетъ *гдѣ она*, онъ обрекаетъ себя спрдашь до гроба.—

Пусть Леонъ страдаетъ за глупую любовь свою; да мы чѣмъ передъ нимъ провинились? за что должны мы спрдашь, чистая скрипучіе стихи?

Изобразивъ опчальніе Лсона, Авторъ описываетъ весну на Сѣверѣ; двѣ спраницы кругомъ занимаютъ сіе скучное описаніе; не доконча онаго, вдругъ заговорилъ онъ о какой-то Надеждѣ (должно думать, что это имя Незнакомки.)

Mademoiselle *Надежда* также проводитъ ночи безъ сна отъ любви своей къ *Леону* и также, какъ онъ, не надѣялся быть его женою.

Какимъ образомъ влюбились юноша и дѣва, отъ чего не надѣялся быть соединены, о помъ знаетъ одинъ Авторъ, это его пайна; а мы нашимъ чипапелямъ донесли ничего не можемъ.

Изъ длинныхъ, длинныхъ, очень длинныхъ и несвязныхъ стиховъ, мы догадываемся, что *Леонъ* опыскалъ Незнакомку и спалъ пощщать ее. Въ слѣдующихъ стихахъ Авторъ списываетъ для насъ ея поршпретъ:

Ревнивая, густая дымка
Лобзаетъ спанъ сестры Харитъ,
И на плечахъ ея косынка
Младья перси сторожитъ.
И вьются локоны небрежно;
Лице покрытъ румянецъ пѣжной,
Воспоминанія полна
Глаза потушила она.

вѣроятно ей спало спыдно за Автора сей повѣсти. Какого-же воспоминанія полна дѣва? подумае те вы, чипапели. Того, какъ *Леонъ* спросилъ ее, давноли она знакома съ поскою; сей нескромный вопросъ причиною ея вздоховъ, которые какимъ-то образомъ подслушалъ ея возлюбленный и безъ дальнихъ словъ проситъ ее разказаъ ему

Ее нерадостную повѣсть.

Чу! она пустилась въ разказъ *нерадостной повѣсти*:

Надежда родилась въ Москвѣ, въ дѣтствѣ еще лишилась матери и отецъ ея женился на другой.—Мачиха вынудила мужа опдашь *Надежду* въ Маринскій Инспитупъ, и вскорѣ попомъ, паже злая мачиха была причиною смерти отца ея.—По окончаніи курса, *Надежда* взята изъ Инспитупа въ домъ къ дядѣ своему.—Тутъ спали пошлатъ ее на работу; она тихонько свѣдала, что домъ, въ кошоромъ она жила, принадлежалъ ей прежде, но дядя завладѣлъ онымъ. Описывая жеспокоспи дяди *Надежда* говоритъ:

Ахъ! еще онъ свѣлалъ боль,
Онъ жестокий! . . . . но къ чему?
Возвратишь не въ нашей воля;
Будетъ Богъ судьей ему.

И симъ кончился разказъ нерадостной повѣсти.

Спρασный любовникъ бѣснуется отъ гнѣва и намѣреваетъ опмстить злодѣю, но успокоивается:

Умолкъ и руку сироты
Съ устами чистыми сближаетъ . . . .
Поцѣловалъ . . . . ужель *летитъ*?
Надежда пѣмъ же опвѣчаетъ.

Послѣ сихъ поцѣлуевъ, Авторъ спрашиваетъ

Гдѣ же скромность? . . .

Мы, чипапели, должны спросить объ этомъ? За симъ слѣдуетъ мученіе совѣспи *Надеждина* дяди, кошорый

Лишилъ Надежду-сироту
Всего, что дано ей въ наслѣдство,
Едва прикрывши наготу
Дѣвицы, брошенной на бѣдство.

Нельзя не согласиться съ Авторомъ, что густая дымка, хопя и *ревнива*, но совершенно прикрывъ наготы не можетъ.

Во время шерзанія совѣспи дяди, къ нему вошла *Надежда* и

За чѣмъ пришла она?—онъ знаетъ.

Но мы этого право, не вѣдаемъ! *Надежда*, говоритъ Авторъ, что видя печальнымъ своего дядю, сочла его больнымъ, пѣмъ болѣе, что наканунѣ у него пробылъ Докторъ цѣлилъ супки.

И совершенно справедливо; въ здоровомъ разсудкѣ не скажешь того, что наговорилъ ей дядя; мы увидимъ это сей часъ:

Ты бѣдна,

Конечно не твоя вина;
Однакожь свѣтскіе законы
Велятъ, чтобъ съ ангельской душой,
Съ невнимательностью и красотой
И деньги приносили жёны.

До ушей почтеннаго дядюшки дошло что Monsieur *Леонъ* пришелъ по сердцу его племянницѣ, и потому онъ согласенъ соединить законнымъ бракомъ:

Сиропою

Тебѣ оспалось жить при дни,
А тамъ . . . поздравимъ васъ женою,
И вы ужь не одни. . . . .
. . . . .
И къ сватьбѣ все ей приговорилъ.
Надежда! радуйся со мной! . . .
Но вотъ что самому мнѣ ново:
Я вздумалъ . . . пусть меня бранятъ,
Намъ время ѣхать . . . все готово . . .
И подвѣничный твой парадъ
Не описать! языкъ нѣмѣетъ!

Поблагодаря дядюшку за гостинецъ, невѣста отправилась рядиться. . . Все было пошло на ладъ, еслибъ Авшору не вздумалось поугагать насъ:

Невѣста! спрашай твой парадъ!
Не надѣвай его, *Надежда!*
То не въпичальная одежда,
Не надѣвай! . . . Увы! . . . велятъ . . .
Погибла! (?)

Души всѣ

Подобья Божьяго въ нихъ нѣтъ,
Видъ жалкій принялъ бѣдный свѣтъ
Но небеса не измѣнились.

Что угодно было сказать семи виршами *Г. Максимовичу*, пускай чипапель самъ догадается, въ насъ же таковой прозорливости не достаесть.—

Три крапы скрыпный путь луна
По небу звѣдному свершила,

Или, попросту сказать, при ночи влюбленный *Леонъ* мучился безсонницею опъ разлуки съ своею *Надеждою*, и наконецъ

Радостный *Леонъ*,

Сложивъ съ груди шерстяныя бремя,
Лепитъ любовью окрыленъ.

Куда, спросятъ, лепитъ *Леонъ*? ей, ей, не знаемъ; это тайна Авшора. На какомъ-то челнокѣ долго плавалъ *Леонъ* и только успѣлъ приснаться къ берегу:

«Куда идете?»

Сказалъ слуга: здѣсь нѣтъ ея,
Здѣсь вы *Надежды* не найдете;
Прочтите! это опъ нея . . . .

И такъ,

По грозной влагѣ бурей взрытой
изволилъ плавать *Леонъ*, дабы опыткашь свою *Надежду*, какъ по бабюшкѣ, не знаемъ. Что содержало въ себѣ посланіе *Надежды*, Авшоромъ не объяснено; и подлинно, за чѣмъ разглашашъ чужія тайны? получа оное

Женихъ пренецетъ и блѣднѣетъ,
Глаза блуждаютъ по строкамъ,
Уста недвижны, взоръ спускаетъ.
Проси вънець и Божій храмъ!
«Спарикъ!» *Леонъ* вдругъ восклицаетъ:
Одну минуточку! . . . не спиши! . . .
Я слабъ, но Богъ за зло караетъ,
Не тяготи грѣхомъ души!
То злой обманъ, то искушенье,
То безъ убійства—убіенье!

За симъ слѣдуетъ еще нѣсколько десляшковъ стиховъ, столь же понятныхъ, какъ и предыдущіе; и въ концѣ оныхъ *Леонъ* говоритъ:

«Спарикъ, ты долженъ быть со мною.
Молчи! не прашъ своихъ рѣчей!»

А бѣдный спарикъ и рта не разѣвалъ.

Спарикъ отправился съ *Леономъ* опыткашь *Надежду*. Они прибыли въ домъ *Сумасшедшихъ* (куда давно было пора посадить Monsieur *Леона*). Спорожь объявилъ, что *Надежда* въ больницѣ и *Леонъ* полетѣлъ туда. Описаніе сего лазарета неподобно, вотъ оно:

Вошли въ обитель спона, плача.
Здѣсь межъ людей особый полкъ:

Конецъ расчепамъ и отдача
 Всего, что смертный забралъ въ долгъ,
 Какъ началъ жить.—Одна прелещень
 Другая—спрашно взоры мещень,
 Та съ воплемъ: «Боже не пора!»
 Межь пѣмъ у каждаго одра—
 Коса губительная блещень.

Надежда дожидалась прибытія своего любовника, чтобы умереть, а сочинилъ, чтобы окончить повѣсть, въ которой завязка и развязка непонятны. — Мы оставили *Надежду* за туалетомъ, занимающуюся свадебными нарядами—и нашли ее въ больницѣ дома Сумасшедшихъ. Какъ, и за чѣмъ она туда попала, про-ано извѣстно одному Автору. По всему вышесказанному, приличнѣе было бы Автору назвать свою повѣсть: не безпріютною, а безумною.

Э.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРЛОСЪ И АНИТА (*).

Еще ощутительно было благодатное вліяніе Южнаго неба: прехмачшовый корабль *Санъ-Пабло* показался на высотѣ Гибралтарскаго пролива. Находясь подъ слабымъ вѣтромъ, паруса его едва надувались. Онъ плылъ изъ Перу, возвращаясь въ Лиссабонъ подъ Англійскимъ флагомъ: ибо экипажу его неизвѣстно было о разрывѣ Франціи съ Англіею.

Въ каютѣ Капитана помѣщался Донъ Карлосъ Тоскано съ своею женою, богатый купецъ изъ Лимы, который нанялъ корабль сей въ Колао.

Нельзя было узнать каюты, съ такимъ вкусомъ и роскошью убранъ ее Карлосъ. Голыя стѣны ея обшпаны были богатою тканью, которая надъ окнами образуя занавѣсы, падала по обѣимъ сторонамъ оныхъ волнистыми складками; полъ устланъ былъ Лимскими дорожками, плешеными изъ тонкой, бѣлой соломы съ широкими яркаго цвѣ-

та разводами. Длинные, краснаго дерева полированные ящики наполнены были арисомъ, Мексиканскими жасминами и кактусомъ съ широкими листьями. Далѣе въ прекрасной кѣпкѣ изъ лимоннаго дерева, покрытой серебреною сѣткою, порхали Бенгалскіе зяблики съ зелеными головками и красными съ золотымъ отливомъ перьями, и прелестныя попугайчики изъ Порто-Рико, съ сизыми перьями, желтыми хохолками и черными, какъ смоль, носиками.

Погода была теплая; воздухъ накурень былъ бальзамическими испареніями; на небѣ не сизло ни одного облачка, море казалось необозримымъ спекломъ; опившите легкое колебаніе корабля, производимое зыбью моря, и можно было подумать, что споншь на твердой землѣ.

Сидя на богатомъ диванѣ, Карлосъ весело смотрѣлъ на свою супругу, которая держала въ рукахъ гитару.

—«Браво! Браво! милая Аниита, вскричалъ онъ, никто шакъ хорошо не умѣлъ воспѣшь любовь.»

—Опъ того, что никто живѣе не чувствовалъ ее, мой Ангель. —

«Да, и это чувство сохранился навсегда?» . . . сказалъ Карлосъ.

—Пока жизнь цвѣпешъ!.. примолвила Аниита. И успа ихъ вспрѣпились, и онъ крѣпко прижалъ ее къ сердцу.

И гитара, падая къ ногамъ ихъ, издала тихіе, сладкогласныя тоны, подобно послѣднимъ звукамъ органа.

Карлосъ кинулъ на свою подругу шаккой взглядъ, который доходитъ до сердца, приводишь въ содроганіе, причиняешъ боль.

И она, очарованная симъ проницапельнымъ, симъ пылкимъ взглядомъ, закрывъ шомные глаза, неволью произнесла: пощади меня, мой Карлосъ!

Потомъ, схвативъ руки его, она непримѣтно очутилась у ногъ страстно ею любимаго супруга и склонила голову къ нему на колѣни; ея блѣдное лице, словно покрываломъ, задернушо было черными длинными волосами: одни только глаза ея сіяли сквозь сію завѣсу, подобно звѣздамъ, свѣпящимся съ темнаго небснаго свода.

(*) Эта морская сцена взята изъ *Plik et Plok*, новаго романа Евгенія Сю; сей романъ ставитъ автора царяду съ отличными романистами нашего времени.

«И все это для меня, подумалъ Карлосъ; для меня одного въ свѣтѣ, и на вѣки! насъ вмѣстѣ посѣпипъ спаросъ, и сіе цвѣтущее, полное лице покрываютъ морщины! сіи роскошныя, черныя кудри превращающіяся въ серебряныя кольца, сказалъ онъ, играя шелковыми волосами Анипы; потомъ въ одинъ изъ прекрасныхъ осеннихъ вечеровъ, окруженная внуками и правнуками, она угаснетъ и послѣднія слова ея будутъ: я опихожу къ тебѣ, Карлосъ!

«Да, я умру прежде ея... Но между тѣмъ какая будущность передъ нами открываеся! сколько прекрасныхъ дней ожидаетъ насъ. Въ полномъ цвѣтѣ молодосиы и силы, счастливые числою совѣстью и воспоминаніемъ добрыхъ дѣлъ, мы увидимъ опять нашу Андалузію, Кордову съ ея пышными зданіями, блистающими золотомъ, свѣтлыми поршиками, воздушною архитектурою, увидимъ нашъ прекрасный родной городъ съ его душистыми померанцовыми роцями и мраморными водоѣмами, въ которыхъ дремлетъ ясная влага.»

— Увижу моего родителя... и домъ, гдѣ я родилась... и зеленую занавѣску, которую я такъ часто опдергивала, когда ты проходилъ мимо нашихъ оконъ, и спарую церковь Санъ-Жуанскую, гдѣ во время молишвы, я въ первый разъ услышала шопопъ швой:— Анипа, я люблю тебѣ!.. не услышала ли святая Заспуница мою молишву!— Въ эту минуту, какъ ты произнесъ признаніе, я молила о любви швоей и положила обѣщъ, десять дней молишья за свое счастье; при молвила Анипа, видя, что супругъ ея поцѣрялся въ мечпахъ и воспоргъ.

Послушай, Карлосъ, сказала она глубоко вздохнувъ, кланисъ мнѣ, чрезъ 20 лѣтъ совершишь снова сей обѣщъ Пречистой Дѣвѣ, за то, что она благословила союзъ нашъ.

«Клянусь, душа жизни моей! ибо чрезъ 20 лѣтъ, ни любовь, ни молодосъ намъ не измѣнятъ.»

О, наша будущность такъ прекрасна, такъ безоблачна, что...

Она не кончила: ибо въ эпопъ мигъ цѣпное ядро съ свистомъ пробило корму, раздробило голову мечпательницъ, надвое перер-

вало Карлоса, разбило ящики съ цвѣтами и кльпку.

Какое счастье для Бенгальскихъ зблнковъ и поугасв!.. Они вылетѣли изъ оконъ и, видя себя на волѣ, радоспно захлопали легкими крылышками.

(изъ *Furet.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СКАЖИ, ЕЩЕ ЛИ Я ЛЮБИМЪ!

Когда неясная тоска

Внезапно овладѣетъ мною,

Въ топъ часъ, какъ я сижу съ побою—

Скажи: за чѣмъ швая рука

Мнѣ руку жметъ, меня ласкаетъ,

И чувства жаръ въ меня вливаетъ

Прикосновеніемъ своимъ?

Скажи, еще ли я любимъ?

Скажи— когда идя, порой,

Въ часъ упра, берегами моря,

Я скрышь не въ силахъ шайны горя,

И плачу, другъ, передъ побой,

Предчувствуя часы разлуки:—

За чѣмъ, такъ крѣпко сжавъ мнѣ руки,

Ты безопвѣшно смотришь въ даль?

Скажи: по радость, иль печаль?

Скажи— когда настанетъ срокъ,

Что мой корабль, несомъ волною,

Изчезнетъ въ моръ предъ побою,

И я въ немъ буду одинокъ—

Скажи мнѣ, раздѣляя горе,

Помчишься ли за мною въ море;

Иль ждя возврата моего,

Ты скажешь ли: мнѣ жаль его?

Скажи... но сжели сказать

Не хочешь ты, или не смѣешь;

Когда любишь ты не умѣешь;

Когда меня не будешь ждатьъ;

Когда, въ дни горестной разлуки,

Другому будешь жатьъ пы руки,

Какъ мнѣ, въ часъ упреншей зари—

Тогда... О, цѣтъ!... Не говори!..

Н. Стаселось.

Ш А Р А Д А.

Какъ будто нѣкому богу,

Опцемъ и матерью, и жизнью и трудомъ
Первоначальною моей шарады слогу
Всѣ жерпвуютъ. И въ ночь, и вечеромъ, и днёмъ
Хлопочуть для него, о нёмъ;

Пируютъ, пьянствуютъ, смиряются, поспяшя, ел,
Летаютъ, плаваютъ, идутъ, въ каретъ мчатся :
Все для него! Все для него!

Второй мой слогъ коварно спавятъ
Собрату, ближнему; хипрятъ, леспятъ, лука-
вятъ ;

И все для перваго проказятъ :
Все для него! Все для него!

Мой третій—Африки въ пустыняхъ жаркихъ ры-
щентъ —

И добычи себѣ кровавой ищентъ.
А цѣлое — Гроза кулисъ,
Миносъ акшѣровъ и акприсъ —
Журипъ ихъ, учипъ, поправлентъ;
И часто Комиковъ самихъ небрежно въ пось
Щелкаетъ —
До слѣзь.

Кобузевь.

Въ No 14 помѣщенная шарада значитъ: *Bat-eau.*

М О Д Е С.

Nouveautés.—Les ceintures brochées soie ou argent, les rubans de gaze satinée ou à filet. — Des écharpes de gaze satinée imitant la blonde. — D'autres en gaze ou crêpe, brodées de soie plate.—Plus riches en or ou en argent.

Les éventails d'écaille à petits dessins d'or incrustés sont très-recherchés.—Plus simples et bien.—Application. — Imité des éventails chinois. — Ivoire uni. — Peau d'âne.—Soie peinte.—Bois odorant.

Nous désignerons quelques jolis ensembles de toilette que nous avons été à même de connaître et qui se retrouveront à des femmes dont le bon goût n'est pas mis en doute.

Une robe de tulle rose, dessous de satin.—Garnie d'une guirlande de cloches de haies, blanches variées de violet.—Dans les cheveux un bouquet de cloches.—Une parure de perles.

Une robe de satin ponceau garnie de deux rangs de blonde.—Une parure de diamans.—Un bouquet de

plumes blanches.—Cette toilette est portée par une femme qui ne danse pas.

Mode d'hommes. — M. Saissy, rue de Richelieu, No 62, un des plus élégans parfumeurs de Paris, en même tems qu'il est chimiste savant, a préparé le secret d'une eau dont l'avantage, après avoir fumé, est de ne laisser aucun souvenir de l'odeur de la pipe. Cette préparation utile, qui ne peut manquer d'être vivement appréciée par les lecteurs de *la Mode*, a reçu le nom simple d'*Eau des Fumeurs*. Une brochure, rédigée avec esprit, accompagne chaque flacon.

Nous ne quitterons pas les magasins de M. Saissy, sans recommander une pâte qui porte son nom, et qui dispense les femmes élégantes de l'ennui de charger leurs mains de gants gras pendant plusieurs heures, puisque la *Pate-Saissy* conserve à la peau la même finesse et la même blancheur.

L'*Huile florale* est encore une préparation de M. Saissy, qui ne mérite pas une mention moins honorable. Jamais de beaux cheveux n'ont pu être parfumés par une odeur plus simple, plus douce et plus fraîche.—C'est le parfum de la violette, sans préparation d'*ambre*.

Modes d'hommes.—Les modes d'hommes au bal de l'Opéra étaient les mêmes à peu près que celles de l'année passée.

Les habits ouverts à revers de velours.—Habits bleus très-ouverts.—Gilets de drap de soie noir.—Gilets de satin noir à châle, revers de satin blanc.—Pantalons demi-justes courts.—Quelques cravates de satin blanc.—Mieux portées et plus nombreuses en satin noir nouées.—Mousseline brochée, blanche, noeud américain.—Mousseline claire, noeud jeté.—Beaucoup de cols anglais ronds.

Les lorgnons d'écaille carrés.—Tenus par des cordons ronds de soie noire.—Claques ronds.

Les culottes courtes seulement aux uniformes. Peu de pantalons de casimir blancs justes.—Quelques gilets drap d'or.—Recherche affectée.

Puis, pour dernière remarque, des pantalons d'été avec des bottes crottées.—Tenue citoyenne.

Planche, Modes d'hommes.

М О Д Ы.

Новости.—Пояса замканные изъ шелка съ серебромъ.—Ленпы газовыя (gase satinée) съ полосками и клѣпками.—Шарфы изъ такого же газа, подражающіе блондѣ.—Есть также креповые и газовые, плоско вышитые шелкомъ.—Нарядные шипые золотомъ или серебромъ.

Опахала черепаховыя съ узорами изъ золопа—весьма во вкусѣ.—И проспо и хорошо.—Дѣлаются также въ подражаніе Китайскихъ опыхаль.—Изъ гладкой слоновой кости.—Изъ ослиной кожи.—Рисованныя по шелковой шкани.—Изъ душистаго дерева.

Опишемъ здѣсь нѣсколько полныхъ нарядовъ, замѣченныхъ нами на такихъ дамахъ, у которыхъ, конечно, никакъ оспаривать не станемъ изящнаго вкуса.

Платье изъ розоваго пепинета, внизу апласное.—Опдѣлано гирляндю изъ пестрыхъ полевыхъ колокольчиковъ, бѣлыхъ съ фиолетовыми.—Въ волосахъ букетъ колокольчиковъ.—Уборъ изъ жемчуга.

Платье пунцовое апласное, опдѣлано блондою.—Уборъ изъ бриліантовъ.—Букетъ бѣлыхъ перьевъ.—Такъ одѣта была особа, которая не танцуетъ.

Мужскія Моды.—Г. Сесси, въ улицѣ Ришелье No 62, одинъ изъ отличнѣйшихъ Парижскихъ торговцевъ духами и весьма ученый химикъ, изобрѣлъ воду, которая послѣ куренья табаку испребляетъ совершенно всю запахъ онаго.—Сіе полезное изобрѣченіе, безъ сомнѣній весьма хорошо будетъ принято Публикою.—Вода сія называется проспо водою курипелей табаку (eau des fumeurs).—При каждой сткляночкѣ приложено умно написанное изъясненіе.

Совѣстно оставимъ магазинъ Г. Сесси не упомянувъ о помадѣ для рукъ, извѣстной подъ его именемъ, избавляющей дамъ отъ скуки надѣвать на нѣсколько часовъ сдѣланныя для того нарочно перчатки; потому что помада сія придаетъ кожѣ точно такую же нѣжность и бѣлизну.

Цвѣточное масло (huile florale) также изобрѣтенія Г. Сесси, не менѣ заслуживаетъ одобреніе. Никогда волосы красавицъ не были умащены споль проспымъ, пріятнымъ и свѣжимъ благовоніемъ.—Это ароматъ фіалки, безъ примѣси амбры.

Мужскія Моды.—Моды муштинъ въ Маскерадѣ (bal de l'opéra) были почти точно такія же какъ въ прошломъ годѣ.

Фраки открытыя съ бархатными отворотами.—Синіе фраки чрезвычайно открытыя.—Жилеты изъ чернаго шелковаго сукна.—Жилеты черныя апласныя съ шалью, отворотъ бѣлый апласный.—Панталоны короткіе, не совсѣмъ въ обпашку.—Нѣсколько бѣлыхъ апласныхъ галстуковъ.—Однако лучше и употребительнѣе изъ чернаго апласа завязанные проспо.—Или изъ бѣлой зашканной кисеи завязаны по Американски.—Изъ прозрачной кисеи завязаны небрежно.—Много—круглыхъ галстуковъ на Англинской манеръ.

Лорнеты чешвероугольные въ черепахѣ.—Ихъ носятъ на круглыхъ черныхъ снуркахъ.—Шляпы круглыя расплющенные (clagues).

Короткія исподнія платья надѣваютъ только при мундирахъ.

Бѣлыхъ казимировыхъ панталонъ въ обпашку весьма немного.—Нѣсколько жилетовъ изъ золотого глазета.—Слишкомъ жеманное щегольство.

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе, лѣтнія панталоны съ грязными сапогами.—Одѣжда, означающая гражданина.

При семъ No. каршинка Мужскихъ Парижскихъ Модъ.

С М Ъ С Ъ.

Голосъ есть сильнѣйшее оружіе женщины; переливаясь попеременно изъ легкаго въ нѣжный, мелодическій, колкій, припворный, повелительный, умоляющій, онъ рѣдко оспается безъ дѣйствія, когда искусно умѣютъ измѣнять его. Чувство слуха иногда возвращаетъ любовь, которую удаляетъ зрѣніе.

Человѣку опредѣлено жить больше съ разумомъ, нежели съ чувствами, и потому, гораздо благоразумнѣе искать удовольствій въ первомъ, чѣмъ въ другихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 16.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 55 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 25 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Повѣрь, заботишься объ исправленіи свѣта,
Безумства крайняго целожналъ примѣша.
Колошкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СЧАСТЛИВѢЙШІЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ.

Во всякомъ родѣ есть безумцы и буяны.

Дмитріевъ.

Въ 1818 году 3 Января вечеромъ, семеро Чиновниковъ города — ска, съѣхались у пріятеля своего *Вышегородскаго* праздновать пожалованіе его въ Коллежскіе Ассесоры. — Донское сдѣлало ихъ краснорѣчивыми — и самый чиспый Французскій языкъ, приправленный Парижскимъ произношеніемъ; полился съ успѣ ихъ, увлажненныхъ пѣниспымъ сокомъ опчизны *Дидерота*, *Шольё* и *Ниноны*. Попавъ совсѣмъ нечаянно на эту шумную пирушку, я передаю здѣсь разговоры ихъ въ переводѣ.

«Выпьемъ, друзья, еще по покалу! Вишь вы у меня празднуете счастливѣйшій день моей жизни, 1 Января насшупившаго года. Въ этотъ день совершились всѣ мои ожиданія; мнѣ даны средства исполнить давнишній планъ мой, осуществившій любимыя мечты мои!» — вскричалъ новопожалованный холзинъ. — «Счастливѣйшій день пшвоей жизни!» подхватилъ элегическій поэмъ *Прозогкинъ*, богатый памощній помѣщикъ, наслѣдникъ прехъ богатыхъ бабушекъ, двухъ безбрачныхъ пѣшушекъ и новопреспавленнаго богача холоспяги — дяди. «Эпо любопышно. Раз-

скажи намъ, почему ты шакъ высоко цѣнишь свое пожалованіе въ Коллежскіе Ассесоры? Вишь эпо званіе не приноситъ дворянину съ собою никакого особеннаго преимущества. Вопъ я, на примѣръ, такъ эпо совсѣмъ иное дѣло: мой счастливый день былъ день кончины дяди моего: онъ принёсъ мнѣ 200 душъ и 50 п. рублей наличныхъ денегъ. Я пѣмъ радостнѣе встрѣпилъ его, что онъ пришелъ совсѣмъ неожиданно. Дядюшкѣ было не болѣе сорока двухъ лѣтъ опъ роду; онъ хаживалъ по 20 верстѣ пѣшкомъ безъ успали — и былъ здоровъ, какъ дубовый кряжъ.»

— «И я могу похвалиться днемъ, который въ тысячу разъ болѣе принёсъ мнѣ существенныхъ благъ,» подхватилъ молодой Чиновникъ *Дитъпровъ*. «Эпо день, въ который покойница мамушка... вѣчная ей память!... нахватавъ, подъ предлогомъ покупки деревень, изрядную сумму денегъ на заемныя письма, объявила себя несостоятельною. Эпимъ масперскимъ финансовымъ оборотомъ, она обезпечила намъ съ брашомъ по 10 п. рублей дохода. Воспоминаніе объ этомъ блаженномъ днѣ соединено у меня въ сердцѣ съ воспоминаніемъ о безпредѣльности машеринской любви, пожертвовавшей дѣшпамъ своимъ чешью и добрымъ именемъ.» — «Правда, правда пшоя, почпешнѣйшій *Дитъпровъ!* Какъ сравнять подарокъ 10 п. годового до-

хода съ чиномъ, который не приноситъ никакихъ существенныхъ выгодъ!» пропыхпѣлъ громогласно пучный Баронъ Фауль — и задремалъ въ Волперскихъ креслахъ, раскинувъ по ручкамъ жирныя ручищи свои, какъ орлиныя крылья. — «Я съ своей стороны могу высказать, какъ счастливейшій день — день моей свадьбы;» — скромно замѣпилъ опешавной Маіоръ Разорёновъ. — «Прослужа 13 лѣтъ, я прослужилъ все свое родовое имѣніе; ш. е., по совѣси говоря, промошалъ 80 душъ на содержаніе танцовщицы Оленьки, да прогнулъ поншируя. Долги наросли, какъ полипы и, когда досталось мнѣ въ Роммиспры: по замодавцы пронюхавъ, что полкъ, въ кошпый былъ я переведенъ, расположенъ за 1,500 вёрстъ отъ прежняго, нахлынули ко мнѣ на дворъ, какъ спая гончихъ, боясь, чтобы я не ускользнулъ изъ Сапанинскихъ ихъ кохпей. Напрасно деньщики мои бранили ихъ, выпалкивали въ шею, закрывали въ передней печь съ головнями: ихъ головы не боялись чаду! Моему Благородію приходило весьма плохо. Разнощики, извощики, портные, сапожники, собирались ко мнѣ, какъ будпо въ Ремесленную Управу и, почши въ глаза, бранили меня. Тестъ мой, Коммерціи Совѣшникъ Проболталовъ, которому спраспно хопѣлось имѣть зятемъ Гусарскаго Офицера, вручилъ меня изъ бѣды. Тотчасъ послѣ помолвки, онъ спросилъ у меня рэестръ долгамъ моимъ, заплашилъ ихъ и, на другой день послѣ моей женитьбы, подарилъ мнѣ надодранныя заёмныя письма. Кромѣ этаго, я получилъ на 30 ш. рублей приданаго, каменный домъ въ Москвѣ и глупенькую дѣвчонку, которая и шеперь еще приподнимаетъ морду, когда величаютъ её Высокоблагородною Маіоршею. Правда, что на свадебныхъ пирахъ, мое Благородіе опускалось до точки униженія, когда мнѣ надлежало цѣловаться съ бородастыми своими родственниками и съ жеманными бабами, сватьями и золовками жены моей!» — «А я такого мнѣнія, что другъ нашъ Вышегородскій правъ, починая счастливейшимъ днемъ своимъ шопъ, въ который сдѣланъ онъ Коллежскимъ Ассесоромъ. Я сужу о немъ по себѣ;» заржалъ во все горло Сорвиголовинъ, лихачъ,

хвартъ, сорванецъ и пр. и пр. — «Моемъ блаженнейшимъ и преблаженнейшимъ днемъ, былъ день производства моего въ Офицеры. И для всякаго это большая радость, а для меня въ особенности. Отецъ мой былъ 9 лѣтъ Городничимъ, онъ привезъ меня въ городъ, ввѣренный его управленію, по девашпому году. Вы не живали въ Уѣздныхъ городахъ и не имѣете понятія о томъ, какъ низость, пошаканье и угодливость портятъ самыхъ лучшихъ Городничихъ. — Въ Столицахъ и Губернскихъ городахъ этому съ шрудомъ повѣрятъ.

Мой отецъ былъ человекъ грамотный, прямой, но до чрезмѣрности высокомерный и любившій безпрекословное повиновение. Купцы и мѣщане, увидя его, за версту снимали шапки. Онъ заславилъ цѣлый городъ уважать себя за правосудіе и бояться за спросость. Въ послѣдствіи, то и другое перешло у него въ самоуправство. Ежели кто давалъ ему объѣдъ: то долженствовалъ брать его поваровъ для спряпанья, нащплывать печи до извѣстной степени и курить комнапы свои любимыми благовоиіями опца моего, заранее подавать ему списокъ гостей, коихъ намѣревался онъ пригласить къ себѣ. Отецъ мой хладнокровно вымарывалъ изъ списка или жену Секретаря Земскаго Суда, которая осмѣлилась посмѣяться на счетъ его съ своею кумою; или Засѣдателя, который отважился пошевелишь губами, когда Городничій нарубалъ ему на носъ проповѣдь о презвостии и смиренномудріи. И мнѣ, сыночку высоконовеличелнаго Начальника города, оказывали такія почести; подчиненные опца моего исполняли мои ребяческія прихоти съ такимъ раболѣпствомъ, что мудрено, какъ я не сдѣлался совершеннымъ негодлемъ. Въ Церкви кварпальный очищаль для меня мѣсто; въ экоsezaxъ становился я въ первой парѣ; срывалъ крючками въ театрѣ щепцы съ пожилыхъ дамъ; разбрасывалъ по полу хлопущи въ благородномъ собраніи; рыскал по городу на лихомъ иноходцѣ, спегаль бичемъ по лицу вспрѣчныхъ и поперечныхъ. Друзья! изъ этаго-то состоянія безсудности, однимъ прыжкомъ попалъ я подъ спросіе законы

дисциплины. У меня только начиналъ пробиваться пушокъ на бородѣ, когда отецъ мой былъ отпущенъ отъ службы за самоуправство. Онъ поселился въ Москвѣ. На зиму съѣхалось гнуда множество Офицеровъ пофранцишь, поплясать, поволочиться и, если удастся, составить выгодную паршю. Мнѣ до безумія понравился гусарскій мундиръ: и на лву и во снѣ мечшались мнѣ доламанъ и меншикъ; я безпрестанно расправлялъ усы, которыхъ почти не было — и пакъ надоѣлъ отцу и матери, что они отпустили меня въ Петербургъ, гдѣ я вступилъ въ Гусары. Представьте себѣ, милые друзья, каково мнѣ было дѣлать фронтъ каждому Офицеру; мнѣ, передъ которымъ всѣ жители нашего города снимали шапки! что чувствовалъ я, долженъ будучи иногда вставать въ 3 часа утра; я, который въ Москвѣ возвращался съ бала позднѣй этого! Не понимаю, какъ не отморозилъ я себѣ ногъ, бѣгая по гололедицѣ пѣшкомъ, когда я у башюшки имѣлъ 5-ть собственныхъ ѣзжалыхъ лошадей на конюшнѣ и употреблялъ ноги только для панцовъ! Какъ завидовалъ я, смотря на бойрыхъ воспитанниковъ Военныхъ заведеній, съ колыбельныхъ лѣтъ приученныхъ къ солдатской жизни!... Не спану продолжать болѣе; вы видите, что можно обрадоваться чину, какъ величайшему благополучію.» —

«Чинъ получилъ всегда пріятно;» — сказалъ отставной Уланскій Подполковникъ *Горлякинъ*, разглаживая черные усы, которые какъ крылья ворона осыпали половину лица его: «но въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, онъ точно составляетъ счастье. Въ молодости своей я былъ щеславенъ, мнѣ хотѣлось отличиться; хотѣлось, чтобъ мои сослуживцы называли меня молодцомъ, брешеромъ, которому смерть копѣйка, голова живное дѣло. А пакъ какъ не всегда есть случай блеснуть хорошимъ: то спросилъ завлекла меня въ дурное. Я имѣлъ въ полку 14 дуэлей; былъ изрубленъ, прослѣвленъ, но мнѣ все это казалось мало. И, по пословицѣ: l'arrétit vient en mangeant, сдѣлалъ грубость своему Полковому Командиру. Меня арестовали, отдали подъ военный судъ и, черезъ восемь

мѣсяцевъ, которые провелъ я на гауптвахтѣ, отвезли въ крѣпость. Тамъ просидѣлъ я шесть мѣсяцевъ, а потомъ переведенъ въ —скій Драгунскій полкъ рядовымъ. До моей несчастной испорціи, я уже былъ Майоромъ, имѣлъ Владимірскій крестъ съ банпомъ, Прускій pour le mérite, золотую саблю за храбрость, и сдѣлалъ походы 1805, 1806 и 1807 годовъ. Хотя Офицеры обращались со мною учтиво, хотя изъ состраданія не наряжали меня въ караулъ, не ставили на часы; однако червь грызъ мое сердце. Я прослужилъ рядовымъ 5 лѣтъ, 3 мѣсяца, 2 дня и 13 часовъ, и, еслибъ всеблагое Провидѣніе не послало для спасенія моего Ангела-хранителя: то, можетъ быть, пропаянулъ бы еще лѣтъ пять ламку. Мнѣ исходатайствовали прощенье у *Александра* благословеннаго. О друзья мои! еслибъ вы видѣли мой восторгъ, мои горячіе слезы, въ ту минушу, когда призвалъ меня къ себѣ нашъ Полковникъ и объявилъ мнѣ прощенье... Это былъ счастливейшій день моей жизни!» — «Не менѣе своею имѣю право радоваться чину;» подхватилъ *Вышегородскій*: «онъ возвращаетъ мнѣ независимость...»

Le premier des biens — la noble indépendence!

Теперь уже не останусь я Начальникомъ Отдѣленія; мнѣ наскучило каждый день сидѣть отъ 9 часовъ утра до 4 по полудни у моего Начальника; получаютъ отъ него замѣчанія и видѣть, какъ онъ предпочитаетъ моего поварича, выскочку изъ дворянцевъ, мнѣ, природному дворянину!

«Опредѣлюсь къ комунибудь изъ знатныхъ господъ по особымъ порученіямъ, спану жить половину года въ деревнѣ, а другую въ Москвѣ проводить въ театрахъ и на балахъ. Я же никому вреда не сдѣлаю, ни у кого дороги не перебью. У меня всегда вертѣлось въ головѣ нравуоченіе одного нашего поэта:

Сорвемъ цвѣшны украдкой

Подъ лезвіемъ косы,

И лѣбно — жизни крапкой

Продлимъ, продлимъ часы.» — —

Молорослый стихопворецъ *Прозогкинъ*, при чпснн снхъ поучнтельныхъ стиховъ,

... Не могъ сползать болваномъ;

Онъ самъ развѣжился—и въ радости души,
приподнялся на цыпочки, поправилъ очки,
выпяпилъ брюхо, закинулъ назадъ голову и
нараспѣвъ произнесъ:

„Лѣнись, мой полсый Аристипъ!
Лѣнись, люблю швои бесѣды,
Твой милый нравъ, швои милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды!....“

* * *

... „Видь ты дидя не шѣхъ угрюмыхъ школъ,
Гдѣ напоцакъ воспитанный разсудокъ
Къ успѣхамъ шель черезъ пусшой желудокъ,
Но лучшихъ школъ прилежный ученикъ,
Ты ревностный послѣдникъ *Эпикуру!*“

подхватилъ Маіоръ *Разорѣновъ*, который, не
умѣя прочесть ни одного списка *Державина*
и *Жуковскаго*, попому зашвердилъ наизусть
вышеприведенные, чпо ими оправдывалъ
свое обжорство.

«Такъ, почтеннѣйшій!»—прибавилъ *Дитль-
провъ*:

„Разсѣваепъ грусть веселый шумъ пировъ.
За чашей полной круговою,
Въ семействѣ дружескомъ любезныхъ шалуновъ
Ты уповай ожить душою!“ . . . .

— «Лѣнись, обжирайся; кпо знаешь до
живемъ ли мы до завтра?»

„Не время мило, наслажденье;
Одно счастливое мгновець

Не лучше-ль многихъ скучныхъ лѣтъ? “
проревѣлъ *Сорвиголдвинъ*. Всѣ съ нимъ со-
гласились. Подали ужинашь...Я взялъ шляпу-
и, никѣмъ незамѣченный, убрался домой.

* * *

Что спалось бы съ свяпою Русью, ес-
либъ въ ней было много подобныхъ мысли-
пелей между знапными дворянами, кои дол-
жны быль сполпами Вѣры, щипомъ Опе-
чества, опоромъ Пресподла Императорскаго?

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ СТОЛИЧНОЙ ЖИЗНИ,

и

ПЕРВЫЙ НОЧЛЕГЪ ВЪ ПОХОДѢ.

Послѣдній день столичной жизни и пер-
вый ночлегъ въ походѣ, супъ шакія *крайно-*
сти въ быпу Офицерскомъ, которыя, вопре-
ки Французской пословицѣ, вѣрно никогда
между собою не сполкнулся.

Время, со дня объявленія похода и до по-
слѣдней минупы предъ выступленіемъ, ле-
пипгъ быстрѣе молніи. Приготовленія къ
походу, покупки, сборы, прощальные ви-
зипы похицають всѣ досуги остающіеся
оптъ службы, и не успѣешь оглянупься,
какъ наступипгъ послѣдній день столичной
жизни. — Чѣмъ менѣе оспаеися челоуьку
жипъ, пѣмъ онъ болѣе поропится *пожить*;
эпо испьшалъ я надъ собою. Дать два кон-
ца, въ продолженіе одного упра, оптъ Таври-
ческаго въ Коломну, изъ Коломны на Василь-
евскій Оспровъ, оппуда къ Семеновскому
моспу, для меня ничего не значило; кромѣ
шого я успѣлъ захватъ позавпракать къ
Вульффу; прочесть свѣжіе листки газетъ въ
Справочноль мѣстл: и не опоздалъ явиться
на прощальный обѣдъ къ почтенному Графу
**** шу, у котораго вопъ уже нѣсколько лѣтъ
сраду, какъ я провожу обыкновенно всякое
Воскресенье, въ кругу любезнаго его семей-
ства и, эпо золотое время никогда не из-
гладипся изъ моей памяти. . . . .

О память сердца, ты сильнѣй

Разсудка памяти печальной!

Въ 7-мъ часовъ я опсправился въ Театръ,
чтобъ попрощашься съ онымъ, быпъ мо-
жешъ надолго, но не дождавпсь окончанія
пѣсы, поскакалъ къ почтенному нашему Ли-
ператору В — ву, у котораго мы согласи-
лись провеспи послѣдній вечеръ. Тамъ я за-
спалъ небольшой кружокъ образованныхъ
друзей и нѣсколькихъ Липераторовъ. Пред-
споящая разлука не омрачила нашей бесѣ-
ды скорбію и уныніемъ—напрошивъ въ на-
деждѣ *Славы и Добра*, мы украшали бу-
дущее самыми пріятными мечпями; а вре-

мя, неумолимое время, какъ бы наперекоръ намъ, летѣло быспрѣе обыкновеннаго. Вырвавшись наконецъ изъ объятій друзей—я возвратился домой уже въ полночь. Не раздѣваясь бросился я на кровать,—которая оиъ всего домашняго скарбу одна осталась въ моихъ осирошѣвшихъ комнапахъ—и заснулъ, какъ говорится, мертвымъ сномъ. Но эиоиъ сонъ былъ непродолжителенъ; ибо въ 7-мъ часовъ барабанный бой пробудилъ меня. Препоясавшись мечемъ, я поклонился въ послѣднй разъ своимъ домашнимъ Пенатамъ и побрелъ на бапаліонный дворъ, копорый наполненъ былъ плачущими солдатскими женами, *родственницами*, земляками и *благоприятелями*. Вскликиванія, дружескія объясненія и лобызанія раздавались со всѣхъ сторонъ.

«Не забудь братъ, Афанасій Гавриловичъ, сказать Миронъчу, кричалъ одинъ изъ усапыхъ Гренадеровъ, чшобъ онъ получилъ за меня съ Филипа Ивановича 5 рублей денегъ.»

«Пишите къ намъ почаще, Арпамонъ Алексѣвичъ,» повпоряла сквозь слезы его *родственница*.

«Безпремѣнно будемъ писать.»

«Прощайте, служивые!» кричали со всѣхъ сторонъ земляки и *благоприятели*.

«Просимъ прощенья!» отвѣчало имъ нѣсколько голосовъ изъ фронпа. Но вопиъ выѣхалъ Полковникъ; скомандовалъ по отдѣленіямъ на право маршъ—и бапаліонъ пошянулся на сборное мѣсто.

Къ 9-ти часамъ упра полкъ собрался на большой улицѣ, не доходя Нарвской заспавы; а въ началѣ 11-го выступилъ изъ Пешербурга.

До Краснаго кабачка, гдѣ обыкновенно дѣлаюиъ привалъ, за полкомъ шянутся въ нѣсколько рядовъ сани и карешы, наполненные провожающими родственниками и знакомыми.—Привалъ есть богатая жапва для поддержания практира; этого дня онъ ожидаетъ съ такимъ же неперпѣнiемъ, какъ Акперъ *зынлаго* бенефиса. Не успѣюиъ ударить *отбой*—и практиръ въ одно мгновение наполняется Офицерами, родственниками ихъ и знакомыми—словомъ, за каждымъ сполникомъ вы увидите человѣкъ по 5-ти и болѣе. Одни спрашиваютъ бифшпексу, другіе

вафель; кто чаю, кто кофе: служивели только успѣвай поворачиваться. Но вопиъ бьютъ *подъель*, раздаются послѣднія лобызанія и полкъ ошправляется далѣе.

Простите балы, театры, и всѣ разнообразныя столичныя удовольствіа! — Чесиъ Опечества призываетъ насъ на поле брани, и мы бодро идемъ впередъ, съ швердымъ упованіемъ на Бога. Онъ нашъ защитникъ за дѣло правое!

Первый ночлегъ назначенъ былъ полку въ *Стрѣльниъ* и по окрестнымъ деревнямъ. Мнѣ съ ротою доспалось спояиъ въ 1½ верспѣ опъ шпаба въ Чухонской деревнѣ.

Упомянутый 20-ти верспнымъ переходомъ, всступилъ я въ свою кварширу, обипель пишины и паракановъ. Хозяйка, суешившался съ ухватомъ подлѣ печки, въ копорой жарилась яшница и хозяйиъ, храпѣвшій прислонясь къ спѣнѣ—были первыми предметами, бросившимися мнѣ въ глаза. Моя комната, заспаленная кадками съ капустной, имѣла свободного мѣспа не болѣе 3-хъ шаговъ въ длину и 2½ въ ширину. Какъ перемѣнивъ образъ жизни человека военнаго! подумалъ я. Не болѣе супокъ шому назадъ, я сидѣлъ въ раззолоченной госпоиной, въ общеспвѣ прекраснаго пола, услаждая вкусъ роскошнымъ обѣдомъ. А сегодня очутился вдругъ въ Чухонской хатѣ! вмѣсто прихопей Французской кухни передъ мною спояиъ на столѣ яшница и жареной каршофель! *sic transit gloria mundi*, повпорялъ я принимаясь за скудную свою прапезу. Только не смопря на шогдашнее грустное расположеніе моего духа! въ нѣсколько минутъ яшницы и каршофеля, какъ будшо не бывало: велико дѣло голодъ! Онъ самый искусный поваръ: швердятъ издавна; а я прибавлю, немаловажная вещь и его помощникъ: *прогулка* 20-ти верспѣ пѣшкомъ.

«Еще вчерашнй вечеръ я провелъ самымъ пріятнымъ образомъ въ кругу друзей умныхъ и образованныхъ; а шеперь—какая разишельная прошивуположность—старый Чухонецъ, мой хозяйиъ, на всѣ мои вопросы отвѣчаетъ только сквозь сонъ *Еймойста рякитъ* (незнаю говоришь).—Эиоиъ быспрый переходъ изъ прелеспно-убраннѣхъ госпоиныхъ въ грязное

обипалище Чухонца, опть разнообразныхъ сполчныхъ удовольствій къ единообразной походной жизни, могъ бы показаться ужаснымъ для всякаго другаго, кромѣ чловѣка военнаго.

Воинъ, обрехшій себя на благородное дѣло подвизаться на полѣ брани за честь и безопасность своего Отечества, долженъ приучить себя ко всѣмъ походнымъ трудностямъ и перпѣливо сносить всѣ измѣненія въ образѣ его жизни. Самоопроверженіе въ высшей степени должно бытъ его девизомъ.

Н. Л. — г.

Деревня въ 1½ верстахъ опть Стрѣльны.
1831 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БЕЗСМЕРТІЕ КРАСОТЫ.

За чѣмъ грустишь? мой другъ! Окакъ прелестна ты—

Свѣплый небесъ пивон сіяють очи!

Гдѣ ты, памъ небеса! памъ жизнь моя безъ ночи,

Тамъ свѣжій рай небесной красоты!

Съ побою счастья розы,

Всѣ боги юныхъ лѣтъ . . . .

Съ побою жизнь и свѣшь

И радостныя слезы!

* * *

«Прекрасна я еще! увы, лепяшь часы . . .

Они мою уже умчали радость!

Смотри, мой добрый другъ, какъ протекаетъ младость,

Весна земли и торжество красоты . . . .

Какъ земнородныхъ племя

Съ лица земли спѣшишь,

Какъ помню *смерть* сидишь

Тамъ, гдѣ промчалось время!

* * *

«Такъ и моя краса»... Нѣтъ, нѣтъ: безсмертна ты!

Ты выше слезъ, скорбей и сокрушенія!

Я облеку шебя порфирною неплънѣя,

Умчу къ себѣ—въ опчизну красоты . . . .

Высоко надъ могилой,

На алыхъ облакахъ

И въ радужныхъ лучахъ
Мы понесемся съ милдой! . . .

Баронъ Розенъ.

CHARADE.

Mon premier est vert,
Mon second est bleu,
Et mon tout est précieux.

Въ No 15 помѣщенная шарада значитъ: Я-ков-левъ.

MODES.

Objet nouveaux.—visite à la porte Chinoise.

Vis-à-vis la colonnade de la Bourse, près du théâtre des Nouveautés, un vaste et riche magasin, qui n'occupe pas moins de trois étages, et à la porte duquel viennent chaque jour stationner des équipages nombreux, attire la curiosité du public. Il est connu généralement sous le nom de *Porte-Chinoise* à cause des dessins et des moulures bizarres qui décorent son entrée sur le trottoir de la place. Dans les vastes salons de ce bazar sont rangés avec symétrie mille objets de curiosité, d'art, d'utilité, de fantaisie, et nombre de ces jolies bagatelles dont la Chine et l'Angleterre ont mis les formes à la mode.

Les amateurs d'histoires à la Walter Scott, curieux avant tout de détails techniques et de monumens qui redisent des usages locaux, se feront présenter, par le maître du lieu, la coupe dont le modèle sert aux rois d'Angleterre le jour de leur couronnement, et plus d'un roturier voudra profaner, par le contact de ses lèvres bourgeoises, un rouge-bord imaginé tout exprès pour des lèvres royales. Sous le rapport de l'émulation industrielle, nous ne sommes pas fâchés que ces objets, importés de Pékin et de Londres, excitent nos artistes à obtenir cette pureté de coloris et ce brillant si pur de l'émail qui distinguent les porcelaines de ce magasin. Dans ce genre, sans doute, les Anglais n'ont rien à opposer à nos produits pour l'élégance et la grâce des formes: mais nous avons encore quelques progrès à demander à la science pour rivaliser avec l'émail inaltérable et sans rayures des fabricans Anglais et surtout avec la richesse des tons carminés de leurs peintres. Des fleurs en relief, avec leurs pétales délicats, leurs feuilles transparentes et presque à jour, ont particulièrement appelé notre intérêt. Ces productions viennent de Saxe: on a peine à croire qu'un si frêle travail ait une si grande solidité: c'est un chef-d'oeuvre d'adresse et de patience. Cela forme de jo

lis cartels pour les pendules, et les ornemens qui doivent être mis en regard ont quelque chose de fantastique. Comme dans ce pèlerinage à travers un pélemêle d'objets confondus, on va d'une chose à l'autre, ce ne sera pas un contraste trop brusque de parler des toilettes en acajou massif, des énormes cuvettes dont M. Brongniart a dit lui-même qu'on ne saurait en faire d'aussi fortes à la manufacture de Sèvres, qu'il dirige. Après cela, de droite, de gauche, par tout vous trouverez cent sortes de meubles dont la sèche nomenclature ne saurait figurer ici, fauteuils à ressort avec coussins de cuir, écrans à rouleaux ou en éventails, stores en joncs avec sujets variés, tables de jeu, pupitres, etc., etc., le tout entremêlé, avec un artifice très-pittoresque, des vases d'une hauteur vraiment extraordinaire, où les modes et les figures Chinoises sont dessinées avec cette raideur caractéristique et cette absence d'entre dans la disposition des effets qui est le stigmat national des artistes de la Chine. Une remarque que l'on ne manquera pas de faire sur une foule de petits objets de second ordre, qui fourmillent également dans ce magasin, c'est que les Anglais entendent mieux que nous les petites délicatesses de la vie. Le génie de l'utile brille dans un luxe de jolis riens, d'acquisition réellement peu coûteuse, et qui servent à compléter ce qui chez nos voisins d'outremer se nomme énergiquement *confortable*.

М О Д Ы.

Новые предметы, обзор Магазины называемаго Китайская дверь (Porte Chinoise).

Противъ биржевой колоннады, близъ шапра des nouveautés, сей обширный, богатый Магазинъ, занимающій при экипажа, у дверей котораго оспанавливаема всякой день множество экипажей, привлекаетъ любопытство Парижской публики. Онъ извѣстенъ намъ всѣмъ подъ именемъ *Китайской двери* (porte Chinoise). Сие названіе дано ему по причинѣ странной лѣпной работы и рисунковъ, украшающихъ входъ въ него съ пропугара площади. Въ обширныхъ залахъ сего базара (basar) симметрически разспавлены тысячи любопытныхъ предметовъ, художественныхъ, полезныхъ, прихотливыхъ, и множество тѣхъ красивыхъ мѣлочей, вкусъ къ которымъ получили мы Французы отъ Англичанъ и Китайцевъ.

Любители Исторій въ родѣ *Валтеръ Скоттовыхъ*, всему предпочитающіе техничес-

кія подробности и вещи, напоминающія о мѣстныхъ обычаяхъ, увидятъ намъ кубокъ, сдѣланный по образцу употребляемаго Англическими Королями въ день ихъ коронаванія и другія рѣдкости. Относительно же къ соревнованію въ художествахъ, мы желаемъ чпобы предметы сіи, вывезенные изъ Пекина и Лондона, возбудили въ нашихъ художникахъ рвеніе, достигнуть до яркости цвѣтовъ и до блестящей полировки, опличающей фарфоръ сего Магазины. Чпю касается до красоты и легкости формъ, то Англичане, безъ сомнѣнія, не могутъ ничего намъ пропивопоставить въ семъ родѣ. Но мы должны еще нѣсколько прудиться, чпобъ сравнаться съ ними въ гладкой и блестящей полировкѣ, и особенно въ богатствѣ тоновъ краски кармина на ихъ карпинахъ. Выпуклые цвѣты (en relief) почти сквозные (à jour) нѣжные ихъ листки, особенно привлекли наше вниманіе. Это издѣлія Саксонскаго фарфороваго завода. Трудно вѣрить, чпобы столь бременная работа, имѣла такую прочность: это образцовое швореніе искусства и перпѣнія. Все сіе (cartels) есть фушлары для споловыхъ часовъ, и всѣ украшенія, принадлежащія къ оному, имѣютъ нѣчто идеальное. Какъ въ семъ обзорѣ модныхъ издѣлій, между разнообразными предметами мы переходимъ отъ одного къ другому: то не покажется страннѣмъ, если упомянемъ о шуалеплахъ изъ цѣльнаго краснаго дерева, и объ огромныхъ чашахъ, о которыхъ сказалъ самъ Г. *Броньяръ* (Brongniart), управляющій Севрскою фабрикою, что на оной не могутъ сдѣлать чашъ подобной величины. Послѣ сего на право, на лѣво, вездѣ вы найдете множество различныхъ мебели, которыхъ простое наименованіе было бы здѣсь не у мѣста; кресла съ пружинами, съ сафьянными подушками, экраны на подобіе споръ, или опахаловъ, споры изъ тростника съ различными рисунками, сполки рабочіе, сполки ломберные, пюпитры и проч. и проч. Все сіе живописно разложено и разспавлено между необычайной высоты вазами, на коихъ Китайскія одежды и фигуры нарисованы съ пою жесткостью и совершеннѣмъ опсупствиемъ вкуса, которыя рѣзко опличаютъ

произведенія Кипайскихъ Художниковъ. Всякой сдѣлаешь замѣчаніе, увидѣвъ множество вещей, копорыми наполненъ сей магазинъ, что Англичане понимаютъ лучше насъ, все относящееся къ ушонченнымъ удовольствіямъ жизни. Ихъ сила изобрѣшенія отражается во множествѣ красивыхъ мѣлочей, весьма недорогой цѣны, и между тѣмъ служащихъ пополненіемъ къ тому, что наши заморскіе сосѣди такъ значительнo выражаютъ словомъ comfortable.

С М Ъ С Ъ.

Замѣчательная травля.

Одинъ водчикъ медвѣдей проходилъ съ медвѣдемъ и обезьяною чрезъ Ворчесперъ. Какой-то мясникъ предложилъ ему выпустить на правлю свою собаку, изъ крупной породы бульдоговъ, пропивъ медвѣдя. Первый согласился, и собака опличилась въ сей правлѣ смѣлостью и оспервненіемъ. Обезьяна, бывшая зрительницею на плечахъ хозяина въ продолженіе правли, захопѣла пособить своему поварищу, и вскочила на спину медвѣдя, что-бы зацѣпить его; но водчикъ снялъ ее—и бой кончился. «Жаль, вскричалъ мясникъ, что онъ успѣлъ убраться обезьяну; мой бульдогъ разомъ проглотилъ бы ее!» Водчикъ медвѣдя, вступая за честь своей обезьяны, отвѣчалъ: «не угодно ли спустишь ихъ?» —

—«Съ швоей обезьяною! Я держу при гиней пропивъ одного пенса, что въ 6 минутъ одни клочки опъ нее останутся.» Побились объ закладъ, но съ условіемъ, что-бы обезьяна вооружена была палкою въ полъ-аршина длины.

На другой день назначенъ часъ и мѣсто для правли; множество любопытныхъ спе-клось изъ города и его окрестностей, что-бы посмощрѣть на эшо сшпанное зрѣлище. Собака явилась первая съ своимъ хозяиномъ; всѣ думали, что водчикъ медвѣдей спросилъ,

но онъ показался съ своимъ маленькимъ бойцемъ. Онъ посадилъ обезьяну на маленькую скамейку посреди круга зрителией. Надобно сказать; что обезьяна принадлежала не къ крупной породѣ и была впрое меньше собаки, такъ что всѣ заклады были, какъ дѣлать къ одному, въ пользу бульдога. Мясникъ спросилъ еще, не попотребуется ли водчикъ вознагражденія, если обезьяна будетъ заѣдена, но послѣдній согласился не претовашъ за сіе ничего; водчикъ вынулъ изъ кармана палочку изъ крѣпкаго дерева, и подавая ее обезьянѣ сказалъ. «Держи крѣпче, Жако! видишь ли эшу собаку? сшопри, берегись, мой другъ!» Мясникъ едва могъ удержашъ свою собаку, копорая рвалась опъ неперпнѣя; наконецъ онъ спустилъ ее, вскричавъ: «возьми ее!»

Никогда шигръ не успремялся на свою жертву съ такою яростью: собака пустилась спрѣлою на своего пропивника, обезьяна съ невѣроятною ловкостью припрыгнула вверхъ, только что собака хопѣла схватить ее и, упавъ на нее, вцѣпилась такъ, что-бы она не могла укусить ее. Пошомъ Жако вонзилъ зубы въ шею бульдога, лѣвою рукою крѣпко схватилъ его за ухо и, опвернувъ голову его въ спорону, опнималъ у него свободу дѣйствовать, а между тѣмъ началъ колопитъ палкою по мордѣ бѣдную собаку, копорая подняла пронзительный визгъ. Черезъ нѣсколько минутъ, еслибы мясникъ не попросилъ пощады, бульдогъ его оспался бы на мѣстѣ; онъ до шого былъ избитъ, что хозяинъ, заплашивъ закладъ, принужденъ былъ нести его на плечахъ, сопровождаемый насмѣшками и свистомъ черни.

(изъ Mentor.)

П о п р а в к а.

Въ Но XIV Литературныхъ Прибавленій, на стр. 108, строка 10-ая ошибкою напечатано Корнетоль, а надобно читать Прапорщиколь.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ:

№ 17.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сважкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 28 ДНЯ, 1831 ГОДА.

..... позабытъ человекъ бываетъ
Скоро невидимый, и мало жалуетъ
Книю объ немъ, когда черный день приходитъ.
Князь Каптелицъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РУДОКОПЪ.

Преданіе. Соч. *Шиллинга.*

Въ концѣ тридцатилѣтней войны, въ одномъ мѣстечкѣ жилъ рудокопъ Даніиль съ женою и тремя дѣтьми. Тяжелая рудокопная работа доставляла ему хлѣбъ насущный; руководъная Маргарита была для него вѣрною помощницею въ домашнемъ быту, а Слово Божіе и сердечная преданность святой воли Создателя, облегчали участь ихъ, и супруги съ терпѣніемъ несли тяжкій крестъ. Нервенецъ ихъ, цвѣтущій юноша, во время непріятельскаго нашествія, убитъ Голькскими стрѣлками; шестилѣтняя дочь Кристина лишилась употребленія рукъ и ногъ отъ громоваго удара; наконецъ, родившіеся двойни довершили картину спраждающаго семейства и привели Маргариту на край могилы.

Разсвѣтало; звукъ колокола сзывалъ рудокоповъ на работу. Даніиль поспѣшно всталъ съ соломеннаго ложа; пробужденіе его снова напомнило ему о нищетѣ, которую онъ снарадился забыть во снѣ; дрожя отъ холода, онъ накинута на себя сырой балахонъ, поспомръдъ испытующимъ взоромъ на малю-

покъ забывшихся сномъ, который болѣе походилъ на оцѣпненіе спрадалцевъ, нежели на успокоеніе; потомъ взглянулъ на блѣдное лице родильницы. Она молилась.

— «Не молись!» сказалъ онъ съ ропотомъ отчаянія. — «Господь насъ забылъ. Онъ слышитъ только богатыхъ и знатныхъ, да развѣ еще нашихъ Начальниковъ, которые впрочемъ мало о Немъ заботятся, и шоргаша Вонифатія, живущаго подлѣ мѣльницы; его дѣти играютъ звонкими шалерами, а нашимъ перекусить нѣчего.»

Набожная Маргарита пожурила своего мужа за такія безумныя рѣчи, и рассказала ему свой утѣшительный сонъ, который по словамъ ея, означалъ великое счастье. Въ глубокою ночь, такъ снилось ей, она сидѣла на горѣ позади плавильни; не могли пронуться съ мѣста, она почувствовала мучительный страхъ и спала молишься. Вдругъ черныя тучи раздвоились, проглянула темносиняя пивердь небесная, звѣздами усѣянная; одна звѣзда за другою, падали къ ногамъ ея золотыми гильденами.

«А мнѣ такъ снилось совсѣмъ иное,» отвѣчалъ Даніиль: «ко мнѣ приходилъ Лукавый и сожалѣлъ обо мнѣ. Развѣ ты не видишь, говорилъ онъ, какая кучерья на землѣ? Богъ покинулъ землю и я опять сдѣлаюсь

на ней полнымъ власпелиномъ. Сколько льтъ уже свирѣпствуетъ война! чего мечь не пожалъ, по гибнетъ опъ чумы; скоро все покорится Евреямъ, которые хопятъ распиятъ вѣхъ Христіанъ. Будь разсудивеленъ, уступи мнѣ своихъ близнецовъ и пы выдешъ въ люди, а женѣ пвоей подарю серьги съ двумя преогромными рубинами, сирѣчь, по рубину за каждаго младенца.» — Мать сотворила молишву и освѣтила крестномъ дѣшей своихъ. —

«Меня проняла дрожь;» продолжалъ мужъ: «я внупренно призывалъ къ себѣ на помощь нашего духовника и Г. Оберштейгера Мартина, вшораго Мартина Люпера, и усердно молился. Тупъ весело раздался звонъ колокода и разбудилъ меня.» —

Помилуй насъ, Господи! молвила Маргарипа, приложивъ руку къ сердцу; Даниль сказавъ унылое *прости*, пошелъ на работу.

Рудоконья, въ которой работалъ Даниль, находилась въ лѣсу, разспояніемъ на одну мило опъ его хижины. Двадцать льтъ уже каждый день ходилъ онъ по сей дорогѣ и каждую ночь возвращался домой одинъ съ своимъ горемъ и нуждою; но Ангелъ надежды, который прежде никогда не опступалъ опъ него и усмѣрялъ сихъ безпокойныхъ спутниковъ, внезапно удался опъ него; на сей разъ вожатымъ его былъ злобный искуситель, являвшійся ему во снѣ. «Ахъ! со вздохомъ промолвилъ Даниль, и возвелъ гореспный взоръ къ угасающимъ звѣздамъ. «Падайте, падайте, небесные гильдены! сквозъ щели развалившейся кровли моей лачуги на бѣдныхъ малюпюкъ.» — Но гильдены не падали, и Даниль, въ нѣмомъ опчаяніи, думалъ самъ съ собою: —

«Къ чему шеперь пвоя вѣрность и усердіе? Твои шруды и терпѣніе? Твоя вѣра и упованіе на Бога? Рудникъ нашъ съ каждымъ днемъ изсякаетъ, — скоро скажутъ тебѣ, умирай съ голоду или принимайся за воровство. Такъ чтоже? не я первымъ, не я послѣднимъ буду воромъ! Развѣ толстый барышникъ Вонифатій не такой же плутъ, какъ и другіе; однакожь его всѣ уважаютъ и онъ съзываютъ самымъ набожнымъ Христіаниномъ.

А Ропшенмейстеры, эти пѣвицы, которые высасываютъ кровь у бѣдныхъ и, какъ волки рыскаютъ по селеніямъ, попираютъ ногами справедливость, безчинствуютъ, защищаютъ послѣднее наше достояніе, развѣ они не носятъ на себѣ личины добросовѣстныхъ людей? Развѣ ихъ не прославляютъ въ льтописяхъ и не обвѣшиваютъ золотыми цѣпами и медалями, какъ будто зажигапельство и грабежь есть похвальное, Богоудное дѣло? Каковы времена, таковы и люди: глупецъ топъ, кто съ волками не хочетъ по волчью выпть. Чшо ни говори, а пришлось каждому заботиться о самомъ себѣ.» Такъ, мало по малу, — возрастало въ немъ преступное желаніе; но о средствахъ, ведущихъ къ цѣли, онъ имѣлъ еще смущное помяніе. Послѣ долгихъ размышлений, онъ невольно обратился къ мѣлочному шорашу; сей послѣдній, по случаю приближенія неприятелей, просилъ Данила приготовить потаенное мѣстечко въ погребѣ, дабы скрыть свои сокровища. Послѣ шого корыстоплюбивые Швецы и хищные Кроаты не разъ посѣщали богатаго шораша, но не могли доискашья его сокровищъ; однако Вонифатій былъ сполько неблагодаренъ, что съ бранью прогналъ опъ себя бѣднаго Данила, когда сей, послѣ разрѣшенія жены, своей опъ бремени двойнями, просилъ у него въ займы нѣсколько гильденовъ. Оскорбленіе сіе шѣмъ сильнее опзывалось въ шпревоженной душѣ нещаснаго, чѣмъ неизбѣжнѣ казалась ему въ сію мрачную минушу гибель его семейства. Полунагіе двойни лежали на соломѣ; жизнь Маргарипина походила на угасающій свѣтъ въ рудоконнѣ; никто не пользовалъ больную; ибо нѣчемъ было заплашпть лѣкарю; прежніе благодѣтели Данила въ это смущное время одни разсѣялись въ разные шпороны, а другіе сдѣлались жертвою повальныхъ болѣзней. Таково было положеніе Данила, всѣми обманнаго, безъ надежды на шспраданіе ближнихъ, безъ упования на милое сердіе Божіе, угнѣтаемаго бѣдшвіемъ, которое могла прекранпть одна смерть. Звонкіе шалеры шораша, какъ магнішъ, приковали къ себѣ всѣ думы Данила; онъ воображалъ уже видѣть богашую добычу, и придумывалъ

шолько средства, обмануть на счетъ исповника сего богатства свою жену, съ ужасомъ отвергавшую всякую мысль о беззаконномъ приобрѣтеніи; какъ вдругъ карканье ворона разрушило обаяніе искусителя. Даниль поднялъ глаза и увидѣлъ себя подь самую висѣлицю, на которой нѣсколько лѣтъ уже висѣлъ въ оковахъ осповъ Іоны, прозваннаго *высокимъ*. Иона былъ его родственникъ и поварищъ юности; въ послѣдствіи, онъ попалъ въ дурное общество, и повѣшенъ за поже самое, что шеперь замышлялъ Даниль, доведенный до опчаянія бѣдливеннымъ положеніемъ своего семейства. Онъ вздрогнулъ; совѣсь его, какъ исполнѣ, воспрянула опъ мертваго сна; воображеніе представляло уже ему топъ гвоздь, на которомъ онъ будетъ висѣть съ своимъ поварищемъ юности, а на опуникъ ближайшаго лѣса жену, лишенную ума и въ опчаяніи простирающую руки къ небу. Онъ спремглавъ побѣжалъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ доспигъ спорожеваго домика рудокони. Товарищи его, усѣвшіеся въ кружокъ для прочтенія обычной молитвы, на эпопъ разъ показались ему благочестивымъ пружениками; онъ не смѣлъ сѣсть между ними и занялъ мѣсто у самыхъ дверей между учениками. Тупъ вошелъ кумъ его Маршинъ, почтенный Оберштейгеръ; его ласковое привѣтствіе ободрило унылаго; Маршинъ запѣлъ гимнъ Создателю и Даниль, разспроенный внупреннымъ волненіемъ, едва могъ впоришь ему шихимъ, дрожащимъ голосомъ. Послѣ сего Оберштейгеръ спалъ читать молитву, и бѣдный рудоконъ нашъ съ душевною опрадою почувшвовалъ, какъ удаллѣя опъ него искуситель; какъ Ангелъ хранишель снова вселлся въ его сердце; и онъ усердно помолился, какъ за часъ передъ тѣмъ молилась Маргарита. Тупъ освѣтились штольны; Даниль спалъ уже одной ногою на лѣстницу, какъ обратился къ нему Маршинъ, и освѣдомясь о Маргаритиномъ здоровьѣ, замѣнилъ куму, что онъ кажется очень разспроенъ и блѣденъ. «Я знаю швое горе,» — продолжалъ онъ: «и пошому сегодня же замѣлваю за шебя словечко Господину Бергмейстеру. Впрочемъ, Даниль, уповай

на Бога; Ему извѣстны всѣ наши помышленія. Онъ пишаетъ и пишѣтъ поднебесныхъ и пресмыкающихся въ прахъ червей; еще одно л забылъ тебѣ сказать: будь оспороженъ на днѣ рудокони; одна спѣна оной кажется совѣмъ нависла, и скоро увлечетъ за собою весь мешаллъ. — Что спасете, по ваше!» Даниль опъ сердца благодарилъ своего Начальника за доброе къ нему расположение, называлъ его своимъ благодѣтелемъ и ушѣшицедемъ, наконецъ примолвилъ, что онъ ввѣряетъ учаспъ свою милосердію небесному; ибо швердо увѣренъ, что если обрушится спѣна, онъ найдетъ себѣ и опшуда пупъ къ Царствію небесному. Оберштейгеръ произнесъ: «счастливый пупъ!» и рудоконъ началъ спускашья по шрудной, почти опвѣсно висящей лѣстницѣ.

Никогда еще не чувшвовалъ Даниль пакого опвращенія опъ своего ремесла. Ноги его подгибались; спущенямъ, казалось, не было конца; наконецъ сойдя съ послѣдней, онъ нашель дно рудника ярко освѣщеннымъ. Даниль изумился; его подрало по кожѣ, какъ за полчаса передъ тѣмъ подъ висѣлицю, — и какъ было не изумиться? на мѣстѣ его работалъ крошечный рудоконъ; какого вѣрно никогда не видали ни въ одномъ рудникѣ тамошнихъ горъ. Онъ былъ ростомъ съ локоть, спашенъ собою, одѣтъ шегольски, не хуже всякаго знашнаго горнаго Чиновника въ праздничный день. Саксонскій, шипный золотомъ вѣнокъ, блеспѣлъ на свѣтлозеленой его шапкѣ. Нарядный колпачекъ съ кружевами закрывалъ часть шеи; сафьянный лоснящійся запанъ, и черный, какъ смоль, наклѣнникъ, еще болѣе выказывали близну чулокъ его съ серебряными спрѣлками: самая колошущка и долопо, коими онъ пакъ шворно дѣйшвовалъ, уподоблялись полированной спали, и первобышный гранишь, при каждомъ ударѣ, сыпалъ яркія искры. Къ довершенію всего, огромная хрушальная лоспра разливала такой тонкій, эирный свѣтъ въ подземельѣ, что Даниль очень яшвенно могъ разсмотрѣшь весь его нарядъ.

— «Эпо вѣрно горный духъ!» — говоритъ онъ самъ себѣ, и хочетъ шихонько усколь-

знуть, чтобы привести своих поварищей; но страх оковал его, и рвзкій порывъ въпра погасилъ его фонарь. Волосы его спавнятся дыбомъ; блѣдный, какъ полопно, онъ прислоняется къ скаль; карликъ неупомимо продолжаетъ свою работу, и глухое подземелье начинаетъ сверкать. Даниль не сводитъ съ него глазъ; онъ оживаетъ при видѣ новаго, богатаго прииска, мысленно оцѣниваетъ открывающіяся передъ нимъ сокровища, и вооружается мужесивомъ. «Развѣ ты не исполняешь своей обязанности? Развѣ ты не искрещь? Чегожъ боишься! съ Богомъ на свое мѣсто! Ангелы Его охраняютъ тебя.»

Сказано, сдѣлано. Онъ пошелъ скорыми шагами.—«Богъ въ пом...» сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, и послѣдній слогъ замеръ на губахъ его; ибо нарядный карликъ вдругъ оборотился въ блуждающій огонѣкъ, конорый, прыгая, прижды обѣжалъ его, и потомъ исчезъ въ глубинѣ подземелья.—Въ отвѣтъ на привѣтствіе Данила раздался громкій, извншнелый хохотъ, который рвзко отозвался въ земной упробѣ.

—«Провались ты въ адъ!»—молвилъ Даниль и высккъ себѣ огня. Онъ посмотрѣлъ вверхъ и не хошѣлъ вѣрншъ своимъ глазамъ. Всѣ стѣны рудоконни, покрытны драгоценными металлами, сверкали, какъ шронъ великаго Могола. Тупъ повисла гряда самороднаго золота, тамъ огромная щетка красной серебряной руды чудной формы; по всему своду тянулись необьяшныя жилы серебра и золота.

Даниль, ползая на чепверенькахъ, по хохопалъ, по плакахъ отъ радости. Онъ сперва подумалъ, что все это видншъ во снѣ, но ошупавъ свою голову, удостоверился, что видѣнное Маргаритою превращеніе звѣздъ въ золотыя гильдены осуществилось; онъ раньше почиталъ себя нервнымъ счастливецомъ; но только что успѣлъ собраться въ кучу разбланныя груды подземныхъ сокровищъ, какъ пробудилась въ немъ гореспная мысль, что не можешъ назвать своею ни одну пылинку сего неисчерпаемаго богатства.

«Не болѣе, какъ эту малѣйшую частицу!» сказалъ онъ, обративъ вверхъ умоляющіе

взоры, и спряпалъ въ карманъ небольшо слипокъ серебра, услышавъ шаги спускающагося къ нему Унперштейгера. Шпейгеръ Гильдебрандъ, человекъ жестокій и бездушный, совершенно другихъ правилъ, нежели честный Маринъ, былъ ужасомъ рудокоповъ, и тѣмъ болѣе припѣснялъ Данила, что сей послѣдній, по своей бѣдности, ни съ чѣмъ не могъ ходитъ къ нему на поклонъ, да и скромная Маргарита неоднократно съ презрѣніемъ отвергала навязчиваго Гильдебранда, привыкшаго пользоваться нѣкоторыми мнимыми правами, сопряженными съ его званіемъ.

—«Что онъ скажетъ?»—подумалъ самъ въ себѣ Даниль, заохалъ при его приближеніи, какъ будто до упада упомянутый тяжелюю работою, полагая навѣрное, что послѣ такого богатаго прииска, по крайней мѣрѣ опустятъ его домой. Но Шпейгеръ по своему обыкновенію швердилъ только о пустыхъ мѣшкахъ, да о лѣнивыхъ рудокопахъ; осмотрѣлъ рудникъ и не найдя ничего, кромѣ колчедана и слюды, за кои почелъ онъ богатую находку, пошелъ своею дорогою.—Даниль посмотрѣлъ ему вслѣдъ испышующимъ взоромъ. «Возможно ли?» воскликнулъ онъ, и далеко бросилъ отъ себя молотъ: «Шпейгеръ Гильдебрандъ или помѣшался въ умъ, или ослѣпъ! Неужь-то карликъ-рудоконъ мнѣ одному назначилъ весь богатый приискъ?—Тебѣ одному!» увѣрялъ онъ самъ себѣ: «да, сіи богатства тебѣ ниспосланы!» продолжалъ онъ, зарылъ нѣсколько кусковъ драгоценной руды въ ближайшую яму, и оставивъ у себя въ карманѣ первый найденный слипокъ серебра, старался всѣми силами проникнуть далѣе въ рудоконню, но огромныя кучи глиммера и бленды, повсюду загоразивали ему путь, какъ и Гильдебрандъ замѣшилъ. Когда сверху поданъ знакъ шабаша, Даниль поспѣшно вспалъ, схватилъ хлѣбъ, данный ему благодарнымъ Мартиномъ, и оспорожно выбрался изъ шахты. Но страхъ и радость, тяжелая работа и душевное безпокойство подѣйствоввали на него такъ сильно, что онъ, въ крайнемъ изнеможеніи повалился у подошвы холма.

Онъ легъ подъ кустъ и черезъ нѣсколько минутъ заснулъ мершвымъ сномъ.

Въ глухую полночь холодная роса и мучитель-голодь разбудили Данила. Онъ вскочилъ и досадуя на свою сонливоспъ, скорыми шагами пошелъ домой. Слипокъ серебра, при каждомъ шагѣ, ударялъ о пустой его желудокъ; эта богатая находка заспавила его на минуту забытъ гореспъ, въ которой должна была находисья Маргарита, по причинѣ долгаго его отсутствія; при всемъ помѣ воспоргъ его оправдился упреками совѣспи, копорая называла его воромъ и упорно наспавила на помѣ, чпобы онъ обо всемъ подробно донесъ Начальспву и не ушпвалъ бы найденной руды.

«Дуракъ бы я былъ!» проворчалъ Даниль, спараясь заглушитъ внушрешнй голосъ; въ эту минуту на колокольнѣ пробило двѣнадцать. Въспви дикаго кустарника, качаемыя бурнымъ вѣспромъ, съ шумомъ ударялись о висѣлицу; спрашно гремѣли цѣпи колыхающагося оспова, копорый при свѣспѣ молнй казался ему лешящимъ посланникомъ преисподней.

Даниль хопѣлъ молишья, но не могъ произнеспъ ни одного слова. Назадъ! воцпала совѣспъ: еще время! Разбуди Обершпейгера и вручи ему ушпенное сокровище.

«Завтра, чѣмъ свѣспѣ!» Даниль мысленно далъ себѣ слово: «да, завтра, чѣмъ свѣспѣ, непременно!» воскликнулъ онъ, успокоенный сею рѣшимоспью: «а теперь посиѣшю къ женѣ; она умретъ съ шоски, если я еще буду медлитъ. Въспѣ съ свѣспомъ однакожъ возраспала въ немъ бодроспъ, исчезалъ страхъ, и въ спукѣ Юиныхъ оковъ, и въ завыванн бури онъ видѣлъ одно шолько еспешвенное дѣйспвие грозы. —

Маргарита въ самомъ дѣлѣ находилась въ опчальнн, полагая навѣрное, что мужъ ея или погибъ въ рудокопнѣ, или, приняшй за шпона, схваченъ и уведенъ Кроашами. Положеніе ея, часть опъ часу, спановилось хуже. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, возвратился Даниль ушпалый и блѣдный, но

веселый и на упреки Маргаритины опвѣчалъ:

«Успокойся, моя милая! Твой сонъ исполнился: звѣзды гульденами посылались съ неба; добрый духъ, копорый ихъ вычеканилъ, до сихъ поръ меня задержалъ. На первой разѣ присылаешъ онъ тебѣ и Кристинѣ хлѣба, велѣвъ мнѣ, опять распашья съ тобою часа на два, дабы шѣмъ богаче возвратишья.»—Большая улыбунулась душевно, но сомнишельно. —«Какъ?» спросила она: «неужпшо Богъ вялъ моимъ молишвамъ?»—И вопросы помились рѣкою. Но Даниль успокоилъ ее увѣреніемъ, чпю ему некогда рассказывашъ, и чпю по возвращенн его она все опъ него узнаешъ. Тупъ Маргарита опашъ опуспила голову на солому, слава Бога, и Ангель сна осѣнилъ се своими крылами.

Опещъ несчастнаго Юны, родспвенникъ и сосѣдъ Данила, былъ еще живъ.

—«Дядюшка!»—сказалъ сей посѣднй, вошедъ къ нему рано поуспру: «я пришелъ къ тебѣ съ просѣбою. Богъ послалъ мнѣ друга, копорый велѣлъ мнѣ сегодня придти къ себѣ, но вмѣспѣ съ шѣмъ запретилъ опкрывашъ его ими. Мой праздничнй кафпанъ съ штого самаго дня, какъ моя Маргарита родила двойней, заложенъ у шможенного сборщика, а въ эпомѣ, шы знаешъ, нельзя показашья въ городѣ.»

— Въ умѣ ли шы, Даниль? — опвѣчалъ спарикъ: я весь изсохъ опъ позора и горя; шы вдвое меня дородитѣ; годится ли тебѣ мое плашье? —

«Не сердись, Дядюшка!» прервалъ его рѣчь Даниль: «вѣдъ я шолько спрашиваю. Намедни, помнишся мнѣ, видѣлъ я у васъ кафпанъ, копорый мнѣ будетъ въ пору.»

Спарикъ опворотился и спячко вздохнувъ, сказалъ въ полголоса: знаешъ ли, кому онъ принадлежалъ? —

«Богъ да проспипшъ его!» опвѣчалъ Даниль: «мы все грѣшники; я право не посшпжусь надѣспъ его плашье, одолжите шолько.»

— Возьми, я тебѣ дарю его! Но какъ скоро кончишъ дѣла свои въ городѣ, шю спспрайся промѣняшъ эшопъ кафпанъ на другое плашье; я не хочу его болѣе видѣспъ. —

Даніилъ съ благодарностью пожалъ руку шарика, обѣщая непремѣнно исполнить его волю; не безъ внупреннаго волненія надѣлъ онъ на себя бывшее праздничное платье пресупника, и посѣлилъ въ городъ. —

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ОТЛЕТНЫМЪ.

Какъ громко спадо ихъ курлычешъ:

Куда, оплѣшныя, куда вы, журавли!

Мы повинемся . . . насъ тайный голосъ кличетъ

Подъ небо дальнѣе . . . искашь иной земли! . . .

Ө. Глинка.

Э Л Е Г І Я.

И печали и спрданья

Позабыты съ давнихъ дней. —

Живо въ памяти моей —

Сердцу милое преданье. . . .

Лучшій мигъ существованья. . . .

День, въ который, встрѣтясь съ ней,

Видѣлъ все въ соединеньѣ,

Что жизнь красивѣе, духъ живишь,

Что въ мечтахъ дунѣ сулишь

Юное воображенье.

Встрѣчи день! шебѣ вослѣдъ

Пронеслося двадцать лѣтъ,

Не изгладивъ впечатлѣнь!

Подъ одною кровлей съ ней

Жилъ я. Дневное свѣшало

Тупѣ въ красѣ весеннихъ дней

Мнѣ на радость восходило.

Блескомъ два пробуждена,

Появилася она

Увлекательнѣе, свѣжѣ

Баснословной шой Гебенъ,

Что мнѣ древній обожалъ —

Юности Богиней звалъ.

О, какъ время украшаетъ

Все, чего не испребляеть!

Мнѣ-жь, какъ долгобы ни живишь,

Никогда не позабыть:

Красоты ланишь стыдливыхъ,

Часто въ розовомъ огнѣ;

На завѣтной близинѣ —

Злашо локоновъ счастливыхъ;

Голубой огонь очей. . . .

И безхитростныхъ рѣчей

Потрясающаго звука. . . .

И всего, что было въ ней

Мнѣ и радостью и мукой.

Взоръ люблю останавливать

На надеждахъ сладко-льспившихъ,

И цвѣтами осыпавъ

Урну радости погнившихъ. . . .

Говоришь душѣ своей:

Срокъ проходишь ожидающимъ. . . .

Грустный мракъ осеннихъ дней

Проясни воспоминаемъ,

На знакомый путь лети. . . .

Къ лучшей встрѣченной въ пути. . .

Поселись въ приютъ веселый —

И мечтою, часъ тяжелей

Въ часъ опираднѣе преврати.

Л.

Ш А Р А Д А.

На *первомъ* не увезъ *Хлгстова* сочиненій:

Въ шести изданіяхъ повѣснѣ двѣсти пудъ.

Другой въ балладахъ—братъ названный привидѣній:

Его и Ангеломъ и Дьяволомъ зовушь.

Все—пелена земли, имъ ипвари всѣ живутъ —

Отъ челоуька до расшнѣи.

Кобузовъ.

Въ No 16 помѣщенная шарада значить: *Pré-cieux*.

М О Д Е С.

Les modes remarquées au bal de l'Opéra avaient peu d'originalité et de nouveauté.—Il y avait quelques belles et brillantes parures, mais le grand nombre était plutôt élégantes et simples.—Cependant quelques-unes que nous citerons, sortaient un peu des modes connues, sans être extraordinaires.—Ce bal, comme tous ceux de ce genre, offrait le mélange de bon et de mauvais goût, mais il y a toujours pour nous, qui savons et voulons le distinguer, un cachet qui ne trompe pas.—Aussi, ne nous arrêterons-nous pas à quelques particularités, signalées peut-être par d'autres journaux, mais qui nous ont paru ridicules et sans grâce.

La reine portait une robe klas maure, très-claire brochée d'argent.—Un berret pareil, relevé par des chaînons de petits diamans.—Sur le devant, était un diadème de diamans.—Trois plumes blanches.—Une parure de magnifiques diamans.

La princesse Louise et la princesse Marie, portaient des robes de satin blanc, des parures d'émeraudes, entourées de diamans. La princesse Louise avait une espèce de guirlande des mêmes pierreries qui entourait ses cheveux blonds.—La princesse Marie, coiffée en bandeau, avait sur le front une petite chaîne de diamans et des épis de diamans dans les cheveux.

Les dames patronnesses n'avaient pas d'uniforme. Les robes blanches dominaient parmi elles.—Entre autres les robes de crêpe ou gaze *dona Maria*, brodées d'argent sur les ourlets.—Les coiffures de plumes y étaient aussi en majorité, particulièrement celles de plumes toutes blanches ou toutes rouges.

Il y avait aussi des fleurs, des berrets et même des chapeaux.

Les dames patronnesses portaient sur l'épaule gauche un noeud tricolore, formé de trois rubans, gros bleu, gros rouge et blanc.—Ces noeuds, faits par madame Bannes, Palais-Royal, leur avaient été envoyés par la reine.

Généralement. les toilettes étaient simples.—Toujours les jupes sans garnitures bouffantes.—Des chefs d'or ou d'argent, des bouquets jetés brodés en soie, et en or ou argent.—Les coiffures de marabouts et d'oiseaux étaient nombreuses.—Les corsages garnis de blondes en mantille.—Une grande blonde, tombant sur les manches courtes, comme une double manche, qui ne serait point assujettie.

Au grand bal donné le 24 au Palais-Royal, les toilettes, également simples, étaient seulement plus fraîches. On y remarquait que le plus grand nombre des robes étaient ridiculement courtes, dans un tems pourtant où les femmes mettent presque de l'affectation à paraître ne pas savoir danser.

Modes.—Les chapeaux du matin, qui sont le plus et le mieux portés, sont en satin bleu ou rose, avec des petits noeuds.

Ceux de velours sont une élégance de simplicité et une simplicité d'élégance, qui se place dans toutes les toilettes.—Ils sont adoptés depuis bien des années, et bien des années probablement encore, ils appartiendront à une mise de bon goût, quoiqu'ils soient portés par tout le monde.

Le gros des Indes fait encore de jolis chapeaux peu habillés, ou des capotes.—Cette étoffe ne serait pas bien jointe à une étoffe de différente couleur.

Quelques chapeaux de satin se doublent de peluche à l'intérieur.—C'est moins bien que le satin.

Planche No 5. Différentes manières d'arranger les cheveux.

М О Д Ы.

Моды, замѣченныя въ маскарадѣ имѣли мало оригинальнаго и новаго.—Многія дамы были одѣшты прекрасно и богато, но большая часть съ щеголеватую простотою.—Въ одеждѣ нѣкоторыхъ, однакоже, о коихъ мы упомянемъ, было нѣчто отличное отъ извѣстныхъ модъ, хотя и не странное.—Баль сей, какъ и всѣ такого рода, представлялъ смѣсь хорошаго и дурнаго вкуса, но для насъ, желающихъ и умѣющихъ дѣлать различія, есть оппечашокъ, который никогда не обманываетъ.—Посему не войдемъ въ подробности, описанныя можетъ быть уже въ другихъ журналахъ, которыя показались намъ смѣшны и безъ вкуса.

На Королевѣ было красновапо-лиловое (lilas maure) платье, зашканное серебряными цѣпочками.—Береть такой же приподнятый цѣпочками изъ мѣлкихъ брилліаншовъ.—Спереди брилліаншовая діадема.—Три бѣлыя пера.—Великолѣпный уборъ изъ брилліаншовъ.

Принцесса Луиза и Принцесса Марія, были въ бѣлыхъ апласныхъ платьяхъ, уборы изъ изумрудовъ, осыпанныхъ брилліаншами. Въ бѣлокурьихъ волосахъ Принцессы Луизы была гирланда изъ такихъ же каменьевъ.—Принцесса Марія, причесанная повязкою, (en bandeau) имѣла на лбу брилліаншовую цѣпочку, а въ волосахъ такіе же колосья.

Директрисы бала не имѣли единообразія въ одѣяніи.—Большая часть изъ нихъ были въ бѣлыхъ платьяхъ.—Также въ креповыхъ или изъ газа *dona Maria*, вышитыхъ серебромъ сверхъ рубца.—Головы убраны были перьями, особенно одноцвѣтными, бѣлыми или красными.

Также были въ цвѣнахъ, берешахъ и даже шляпахъ.

Директрисы бала имѣли на лѣвомъ плечѣ прехъ—цвѣтные баншы, соспавленные изъ прехъ ленивъ, темно-синей, темно-красной и бѣлой.—Баншы сѣи, сдѣланныя Г-жею Боннъ,

(Bonnes) въ Пале-Рояль, присланы были имъ Королевою.

Вообще наряды были просты.—Юбки всё безъ пышныхъ накладокъ.—Полоски, зашканные золотомъ или серебромъ, разбросанные букеты, вышитые шелкомъ, и золотомъ или серебромъ.—Много было уборовъ изъ марабу и райскихъ пшичекъ.—Лифы обширы широкою блондою.—Сверхъ коропкихъ рукавовъ широкая висящая блонда, какъбы двойной неприкрѣпленный рукавъ.

На большомъ балѣ въ Пале-Рояль 24 числа, наряды были также просты, но нѣсколько новѣе. Замѣчено что большая часть платьевъ были спраннымъ образомъ коропки, и въ такое время, когда женщины спараются показавъ, будишо онѣ и танцовать не умѣютъ.

Моды.—Упренія шляпки, болѣе всего дѣлаютъ, голубыя и розовыя апласныя, съ небольшими баншами.

Бархатныя шляпки дѣлаются съ пою щеголеватую просипоною, которая замѣтна нынѣ во всѣхъ нарядахъ.—Нѣсколько лѣтъ уже ихъ носятъ, и вѣроятно еще нѣсколько лѣтъ будутъ онѣ принадлежать къ опличной уборкѣ, хотя и во всеобщемъ употребленіи.

Продолжаютъ дѣлать красивыя простыя шляпки и капоты изъ gros des Indes.—Къ сей шкани неприлично примѣшивать другую какую нибудь различнаго цвѣта.

Иногда подкладываютъ плюшемъ поля апласныхъ шляпокъ.—Но это хуже, нежели апласомъ.

Каршинка No 5. Разнаго фасона модныя прически.

С М Ъ С Б.

Иностранцы - воспитатели.

Никогда Иностранецъ не пойметъ нашего естественнаго, или народнаго характера, и слѣдственно не можетъ сообразоваться съ нимъ въ воспитаніи; никогда онъ съ чув-

ствомъ не скажетъ слова о Россіи, о ея герояхъ, народной чести и не воспалитъ въ ученикѣ искры папріотизма.

Карамзинъ.

Актерамъ надобно, сколько можно, если уже нѣтъ рѣшимельнаго расположенія къ плому или другому амплуа, избирать такіе, которые лучше соотвѣтствуютъ росту и лицу актера: на пр. мущина въ 2 ар. 4 вершка не долженъ принимать на себя первыхъ трагическихъ ролей, также какъ гигантъ ростомъ въ 2 ар. 10 верш. хорошо сдѣлаетъ, если предоспавитъ другимъ разсыпаться въ любовныхъ нѣжностяхъ.

Изъ всѣхъ пяти чувствъ, вкусъ есть самый бесполезный для любви; за то онъ болѣе всѣхъ и перпитъ.

Женщинѣ никогда не должно было бы прыскиваться духами; развѣ въ необходимыхъ случаяхъ; но и тогда не надобно ей избирать слишкомъ раздражающія нервы обонянія.

Мы знали одного любовника, котораго цѣлые два года не могли излѣчить опцовскія проповѣди, а запахъ жонкили исцѣлилъ ошъ любви въ двѣ минуты.

Хорошая память, послѣ правильнаго расположенія шѣла, есть самый неоцѣненный даръ природы для актера. Нельзя хорошо чувствовать и выдержать всѣ оппѣнки роли, когда умъ безпрестанно занятъ шѣмъ, чтооь не забыть, что говоришь надобно.

Не можемъ мы дѣлать своимъ даръ лучшаго воспитанія, какъ впередъ въ нихъ съ самыхъ младенческихъ лѣтъ, при подобострапномъ почитаніи Всевышняго Сущаго, пламенную любовь къ Ошечеству.

пер. *Соколовъ.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 18.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №, съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 4 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Суть, иже глаголюще уязвляютъ аки мечи;
языцы же премудрыхъ исцѣляютъ.

Соломонъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ДИКОВИНКИ.

А.

ГЕОГРАФІЯ Г. ПОЛЕВАГО.

Въ Исторіи Русскаго народа (Томъ II, стр. 36), узнаемъ, что Нижній Новгородъ сползъ къ югу отъ Ладожскаго озера.—Какъ? спросящъ чинашела, Нижній Новгородъ въ соединеніи съ Ладожскимъ озеромъ? Не вѣриши, прочтите слѣдующія строки: «главное *гнѣздо* (*) Руссовъ, пишець Г. Полевой, утвердилось на Двѣрѣ и боролось съ Греціею. Другая опрасль Руссовъ, являешся *къ югу отъ Ладожскаго озера*, на мысъ земли, образуемомъ Волгою и Окою.»

Мысъ земли, образуемый Волгою и Окою, есть то самое мѣсто, гдѣ сползъ Нижній Новгородъ.— Вотъ куда Г. Полевой переноситъ Руссовъ, и считаешъ, что эшо къ югу отъ Ладожскаго озера.

Б.

НѢЧТО О ВЕНГРИИ И ГРЕЦИИ.

Изъ Исторіи Русскаго народа, соч. Г. Полевымъ.

Томъ II, стр. 29. *Венгерія* представила собою смѣшеніе *всѣхъ стихій* борьбы *средоточія* Европы.

(*) Говорилъ: гнѣздо пшичье, гнѣздо разбойниковъ... но гнѣздо Руссовъ?

Томъ II, стр. 31. *Греція* исчезла, *задушенная* не-свойственною ей *атмосферою* новыхъ измѣненій.

В.

АРИФМЕТИКА Г. ПОЛЕВАГО.

Въ Исторіи Русскаго народа (Томъ II, стр. 20, примѣч. II) Г. Полевой чрезвычайно распространился о *Карлѣ Великомъ*.

Онъ сравниваетъ его съ Александромъ Македонскимъ, съ Петромъ Великимъ, съ Наполеономъ, и пр. и пр.— Все это очень прилично въ Исторіи Русскаго народа.

Но вотъ бѣда: желая похвалиться многоученостію, Г. Полевой обнаруживаетъ много свою неосмотрительность.

«*Карлъ Великій*, пишець онъ, совершилъ пятьдесятъ три кампаніи.»

Свѣдѣніе для любителей Русской Исторіи!... Но Историкъ Русскаго народа не удовольствовался простымъ исчисленіемъ кампаній Карла Великаго, онъ подводитъ имъ подробный арифметическій счетъ такимъ образомъ:

«Исчисленіе ихъ (т. е. пятидесяти трехъ кампаній), показываешъ обширный театръ дѣлъ его:

18 разъ ходилъ онъ прошивъ Саксоновъ.

5 разъ прошивъ Лонгобардовъ.

- 7 противъ Испанскихъ Сарациновъ.
- 4 противъ Аваровъ.
- 4 противъ Славянъ за Эльбою.
- 5 противъ Сарациновъ въ Италію.
- 3 противъ Нормановъ.
- 2 противъ Грековъ
- 1 походъ совершилъ въ Аквипанію.
- 1 въ Тюрингенъ.
- 1 въ Баварію.

И шого по исчисленію Г. *Полеваго*, пятьдесятъ три, а по арифметикѣ, пятьдесятъ одинъ;—недочтено *двухъ!* *Историческій счетъ!*
Нобрякушкинъ.

В.

И *Телескопъ*, журналъ, издаваемый съ нынѣшняго года въ Москвѣ Г. *Надеждинымъ*, опозвался объ *Альманахъ Анекдотовъ* столь же неблагопріятно, какъ и С. Петербургскіе журналы. А его нельзя упрекнуть ни личною Литературною неприязнью къ Г. *Карлу Зейделю*, Издашелю сего Альманаха и газетны *Лабетки*, ни недосмотромъ вкуса.

Просимъ покорно нашихъ читателей пробъжашъ мнѣніе Г. *Надеждина* и составишь себѣ идею: каковъ долженъ бытъ журналъ, временно порученный Г. *Зейделю* отъ насшоящаго его Издашеля.

«*Альманахъ Анекдотовъ*. 1831. С. П. б. (*) вѣкто Г. *Зейдель* увѣдомляетъ въ крашкомъ предисловіи въ эпоій нодлинной книжечкѣ, что «благосклонный пріемъ публикою Альманаха Анекдотовъ на 1830 годъ, поощрилъ его къ изданію онаго и на 1831 годъ.» Если эпо правда, то почтенному Г. *Зейделю* слѣдовало бы за шаковое поощреніе опблагодаришь се, какъ слѣдуетъ. Но онъ, кажешся, о шомъ не позаботишся.

«Его книжка, которой все достоинство должно заключатъся въ новосши и занимательности, оснавлена безъ всякаго разбора и вниманія къ публикѣ. Весьма немногіе—дѣйствительно забавные и остроумные Анекдоты, завалены вздоромъ и дрянью: пошлыми шутками, прѣвными каламбурами, беззубыми оспроптами. Также очень нерѣдко спарая вешонъ, истерпая уже давно, и дешъ за ново. Издашель не посовѣспидся ворошить

*) *Телескопъ*. № 2, стр. 237.

костями покойнаго *Курганова* Письмовника и Веселаго Разскащика. Между пѣмъ, у него же самаго помѣщень слѣдующій Анекдотъ (15—16): «*Рейналь*, извѣстный сочинишель Философической Исторіи торговли Европейцевъ въ Индіи и другихъ превосходныхъ швореній, имѣлъ слабосшъ всегда въ общешвѣ веспи первый голосъ, и часто надѣдалъ слушателямъ разсказами повѣстей, уже неоднократно имъ повторенныхъ. Во время пребыванія его при дворѣ Принцесы Ф.... въ Фриденфельдѣ, Принцесса сія выдумала средешво избавишься отъ упоминательныхъ разсказовъ его. «Знаете ли вы, любезный Аббанъ, сказала она однажды, что съ вами хотишь сыграть шутку!» «Какъ? со мною? осмѣливаюсь спросишь, Ваше Высочество, кто и какимъ образомъ?»—«Мой Камергеръ Графъ *Неаль* принялъ намѣреніе записывашъ все разсказы ваши, ежедневно повѣспивуемые и вешши онымъ журналъ. Я сму говорила, что эпо будешъ синоишь великаго шруда. Отъ миъ опшвѣспивоваль: что конечно въ первые дни буешъ ему шрудно; но въ слѣдующіе привешся шолько къ болъшой частпи повѣстей дѣлать примѣчаніе: во шпшой или въ прешій разъ, а небольшое число повѣстей, еще неразсказанныхъ, непрудно написашъ.» — *Рейналь* понялъ упрекъ и вскорѣ послѣ сего уѣхалъ въ Берлинъ.—Почему не шпакже поняшливъ и Г. *Зейдель*? А опшмѣтки могъ бы онъ сдѣлать еще короче—цифрами!»

Издашель Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду не имѣешъ ничего отъ себя прибавишь къ справедливому, хоща и шпшому приговору оспроумнаго издашеля *Телескопа*.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РУДОКОПЪ.

(*Оконганіе.*)

Въ эпомъ городкѣ жилъ спарый скряга, копорый обыкновенно слѣдовалъ за войсками, и послѣ каждаго грабежа скупалъ у солдатъ за бездѣнокъ золотыя цѣпочки, серебряную ушварь церковную, часы, перешни и разныя

дорогія вещи. Къ сему ремеслу присоединялъ онъ другія, не менѣе безчестныя: онъ былъ ворожеею, обманщикомъ, росшовникомъ, изобрѣшателемъ чудесныхъ пилюль, дѣлавателемъ плюшевыхъ игральныхъ костей, а подчасъ служилъ лазутчикомъ, повѣреннымъ продажныхъ предсказницъ. Случай свелъ его съ Даніиломъ: и однажды вечеромъ, когда спарикъ скряга, преслѣдуемый Кроашами, сбился съ дороги и былъ недалеко отъ рудокопни, сошелся съ нимъ Даніиль, и проводилъ его въ городъ до самаго мѣста его жительства. Чинашели опшадуютъ, что нашъ рудокопъ къ нему обратился съ своимъ слипкомъ. Онъ прокрался черезъ сады къ уединенному домику, и постучался въ дверь, крѣпко запертую.

Спаричинка Крисплибъ вскочилъ съ постели, посмотрѣлъ сперва сквозь узкій провѣтъ двери на ранняго незнакомаго посетителя, спросилъ кпо онъ шакое, чего онъ хочетъ, и для чего шакъ рано его беспокоишь?

Даніиль, снявъ шляпу, объявилъ тихимъ и робкимъ голосомъ, что онъ оловяничникъ изъ одного пограничнаго городка, кошорый, какъ извѣстно, при нашествіи непріятеля сожженъ Богемскими рейпарами; что и его домикъ вмѣстѣ съ прочими сгорѣлъ до праха; что все серебро, какое у него въ домѣ было, спюнилось въ слипкомъ, кошорый онъ успѣлъ спасти; а какъ ему теперь нужны деньги для постройкы новаго дома: шо онъ желалъ бы промѣнить его на звонкую монету. При сихъ словахъ, Даніиль приставилъ самую блестящую спорону самороднаго серебра къ просвѣту, у котораго спюль въпрошатель; гнусный скряга оскалилъ зубы на богатый шоваръ; униженность и робость мнимаго оловяничника не ускользнули отъ его рыскающихъ глазъ; онъ явно обнаруживали незаконную принадлежность вещи. Онъ попросилъ его войши, крѣпко заперъ за собою дверь, опыскалъ вѣски и осадокъ, и какъ опыщный росшовникъ, при первомъ взглядѣ опыкрылъ, что въ рукахъ его находился самородное произведение царства ископаемыхъ.

У Даніила, кошорый робко, съ попушенными глазами осшановился у порога, сильно трепетало сердце во время сего испытанія; онъ дрожалъ; съ усилиемъ поднялъ глаза и

ужаснулся, увидя въ зеркаль повѣшеннаго Іону. Его страхъ, блѣдность, внутреннее волненіе и плашь казненнаго были причиною сего ужаснаго обмана чувствъ. Спарикъ, замѣчавшій каждое сердечное движеніе ближняго, взглянувъ на него, спросилъ, что съ нимъ сдѣлалось, и не подверженъ ли онъ какимъ нибудь припадкамъ? «Да-съ!» ошвѣчалъ Даніиль, обрадованный сею сшасливою догадкою: «бѣдшвенный пожаръ до шого перепуталъ меня, что я съ шѣхъ самыхъ поръ безпрестанно чувствую дрожь и судороги.»

— Этому можно пособить! — подхватилъ шопъ, опшеръ свою подвижную аптечку, и навязалъ ему капли, коими, какъ увѣрялъ Крисплибъ, вылѣчилъ онъ въ нѣсколько дней отъ сихъ припадковъ всѣхъ жителей одного Имперскаго города. Попомъ обратился къ слипку, началъ шереть, скоблишь взвѣшивашъ и осмашривашъ его совсѣхъ споронъ; послѣ сего, опшдавалъ серебро Даніилу, сказалъ: не хорошо, милостивецъ! что ты продаешь мнѣ за серебро, перешоленное олово! Спупай съ Богомъ; упошреблай мои крѣпительныя капли, какъ сказано; не забывай шолько, что послѣ каждаяго пріема ихъ, надобно бѣгашъ до усшала; иначе это дѣкарство хватить за сердце.

Это взервало Даніила; онъ спюль, какъ вкопанный; увѣрялъ съ жаромъ, что это первой пробы серебро; но спарикъ сурово ошвѣчалъ ему: я, братъ, не просшакъ, меня не проведешь; давно ужъ научился я опылчашъ бѣлое отъ чернаго. — Послѣ долгихъ споровъ и перекоровъ, онъ предложилъ ему пяшь гульденовъ. Даніиль ужаснулся сего гнусаго плюшества; корыстолюбіе наглаго лихоимца его возмушило; униженность внезапно превратилась въ ярость, и пальцы его судорожно сжимались въ кулаки. —

— На шебя, кажешся, ошашъ находятъ припадки! сказалъ Крисплибъ съ пришворнымъ участіемъ. мнѣ очень жаль тебя, другъ мой; человекъ въ такомъ положеніи, бывашъ самъ себѣ убійца. Не думаешь ли, что я хочу покорыстовашъя этою дрянью, обмануть тебя, или умаслишь сладкими словами? Сохрани меня, Господи! Я свяшно исполняю десшную заповѣдь; чшсная совѣсть дороже

мнѣ всѣхъ сокровищъ Великаго Могола. Это мнимое серебро останешся пивоею собственностью, и надѣюсь, благопріобрѣтенною.—

Даніиль измѣнился въ лицѣ и запинаясь опивчалъ: — «Серебро мое конечно нажино честными трудами; но какъ я теперь нуждаюсь въ деньгахъ, то готовъ усшупишь его за десять гульденовъ.» —

—Пяць гульденовъ и дѣло въ шляпѣ! небрежно опивчалъ Криспилибъ: коли хочешь, возьми въ прибавку еще эту спкляночку съ цѣлебными для души и шѣла каплями.

«Десять гульденовъ! говорю я» —

—Пяць гульденовъ! повторилъ шопъ съ желѣзнымъ равнодушіемъ, побрякивая звонкою монетою въ кошелькѣ. Даніиль съ своей стороны увѣрялъ, что серебро сіе стоишь болѣе десяти гульденовъ, спараясь усовершеншишь обманщика, чтобы онъ не обижалъ бѣдныхъ людей, и разсудилъ бы, что ему когда нибудь умирать надобно. Это взбѣсило Криспилиба, который непремѣнно хотѣлъ идти съ Даніиломъ къ присяжному пробному мастеру, говоря, что эшошь человекъ вѣрно не покривишь душою и объявишь настоящую цѣну слитка.

Тутъ Даніиль попалъ въ пеплю; онъ вспомнилъ большую жену, свое бѣдственное положеніе, близкій часъ работы, открытіе проскупка его и гибельныя послѣдствія онаго, и — скрѣпя сердце, сунуль въ карманъ пяць гульденовъ. —

— Другъ мой! кричалъ ему вслѣдъ поргашъ: если сегодня или завтра, опъ чего Боже сохрани! небо опять посылишь тебя пожаромъ; но приходи опять съ новымъ слиткомъ спасеннаго серебра; я твоя вѣрный покупатель!

Надъ кровлею Даніиловой хижины опять закурился дымъ изъ трубы; бѣдная вдова, спарушка Анна, пособлявшая иногда женѣ рудокопца въ хозяйствѣ, получила свой заработокъ, снова спала прислуживать больной и ея дѣтямъ. Она варила для Маргариты крѣпительную похлебку и жарила кусокъ говядины для хозяина, который обѣщалъ скоро возвратишься изъ рудокопни, чтобы послѣ сегодняшняго спраха и вчерашняго

поспнаго обѣда подкрѣпишь себя здоровою пищею.

Надобно знать, что Даніиль, пришедъ домой изъ города, заспалъ Маргариту еще спящею; она, по уходъ его упромъ, не пробуждалась. Не перая времени, съ помощію своихъ гульденовъ и добрыхъ словъ, какъ уже выше было сказано, онъ опять приманилъ работницу, заплапиль самые необходимые долги, снабдилъ кухню съѣстными припасами, расцѣловалъ своихъ близнецовъ, обѣщалъ накормишь убогую Криспину превкусною молочною кашицей, и побѣжалъ въ рудокопню.

Погода была шихая и прекрасная; Иона не шевелился на висѣлицѣ. Даніиль прошель мимо, не взглянувъ на него; онъ силился въ самомъ началѣ заглушишь голосъ совѣспи, увѣряя самъ себя, что въ сравненіи съ поргашемъ Вонифатіемъ и лихоимцемъ Криспилибомъ, онъ все еще примѣрный человекъ. «Какъ обрадуется Маргарита,» продолжалъ онъ: «когда опять увидишь у себя столь нужную ей прислужницу, когда бѣдная Криспина спашетъ бѣсть да похваливать кашицу, и наши двойни не будутъ кричать уже взапуски съ голодными воронами.»

Молишва была уже кончена, когда Даніиль вошелъ въ спорожевой домикъ; онъ извинился домашними дѣлами и, только что хотѣлъ спускаться въ рудокопню, какъ Шпейгеръ Маршинъ схватилъ его за руку и ошвелъ въ спорону.

— Даніиль! сказалъ онъ съ торжественною важноспью и такимъ голосомъ, опъ кошораго вздрогнулъ виновный: я спрашиваю шѣбя передъ Богомъ и совѣспью: не имѣешь ли ты чего нибудь открышь мнѣ?

«Открышь? Не знаю ничего! опивчалъ рудокопъ, заикаясь: ровно ничего, Сударь! но я забылъ поблагодаришь васъ опъ имени жены за неподобный хлѣбъ, вами присланный. Право, во всемъ околдкѣ нѣтъ шакото вкуснаго, какъ у вашей милоспи.

— Когда ты въ послѣдній разъ работалъ въ рудокопнѣ, не случилось ли шамъ чего замѣчательнаго?

«Что вы изволиете разумѣть?»

— Ты ничего не видалъ и ничего не находилъ?

«Я? Г. Оберштейгеръ!»

— Да, да, ты!

«Конечно, Сударь! я видѣлъ удивительныя, пречудныя вещи; но когда я вышелъ изъ рудокони, — вы были въ шолчѣ, а я шоропился домой. Вамъ, благодѣтелю моему, можно повѣришь подобныя вещи, но шолько вамъ! Если объ этомъ узнаюшъ мои шоварищи, рудокобы, то они испугаюшся, бросаюшъ работу или будушъ мнѣ завидовашъ, а это къ добру не поведешъ. Однимъ словомъ, я видѣлъ горнаго духа, Г. Оберштейгеръ!»

— Сатану! воскликнулъ насмѣшливо Оберштейгеръ: не онъ ли тебѣ морочилъ! Я спрашиваю о мепаллахъ, Данииль!

«Дай Богъ, чшобы мы добрались до нихъ! Но глиммеру и бленды все такая куча, чшо хощь брось работу; Штейгеръ Гильдебрандъ это можетъ засвидѣтельствовать.» —

— Но я свидѣтельствую прошивъ тебѣ. Въ помѣ мѣснѣ, гдѣ ты работалъ, нашелъ я эту стекловатую руду, эшоптъ кусокъ самороднаго серебра и множество разбросанныхъ иверней, блестящихъ дорогимъ мепаломъ. —

«Спадо бытъ Шенеманъ, смѣнивъ меня, сдѣлалъ новый приискъ.» —

— Данииль, подумай хорошенько! Ты не годишься въ лжецы; ты спутаешься при первомъ допросѣ. Думай о послѣдствіяхъ; о шюрмѣ и цѣпяхъ; не погуби своей бѣдной жены и безвинныхъ малютокъ! —

Краснорѣчивые глаза Мартина при сихъ словахъ сверкали, какъ взоръ Ангела-карашеля; они обезоружили упорство виновнаго; онъ кинулся Мартину въ ноги; онъ признался, онъ умолялъ тяжко оскорбленнаго благодѣтеля, защитишь его, ради Маргариты, отъ послѣдствій, какія влечетъ за собою преступная ушайка мепаломъ. Онъ говорилъ, чшо нужда вовлекла его въ эту бѣду, чшо самъ Сатана явмо его попушалъ; чшо если Мартину угодно спустишься вмѣстѣ съ нимъ къ новому прииску, то онъ готовъ передать ему до послѣдней шпифы богатую, въ яму зарышую, находку, и помаленьку

уплашишь изъ жалованья за похищенный имъ кусокъ самороднаго серебра.

Въ сердцѣ Оберштейгера, готовомъ предаться ярости, которая овладѣвала имъ довольно часто, пробудилось сожалѣніе. Очень хорошо зналъ онъ ужасное могущество нищеты и голода, зналъ, чшо Маргарита не переживетъ позора своего мужа, и могъ смѣло предположить, чшо самое небо умилосердилось надъ заблудшимъ; но къ несчастію Даниила, Оберштейгеръ почелъ его разсказъ о горномъ духѣ и другихъ чудесахъ за выдумку гнуснаго обманщика и лицебра. Умный Маршинъ, какъ рѣдкое исключеніе, былъ чуждъ суевѣрія своихъ современниковъ и рѣшительно опровергалъ существованіе духовъ и привидѣній; онъ видѣлъ въ роль, которую Данииль приписывалъ карлику-духу, одну шолько нелѣпую сказку, видѣлъ въ виновномъ, доселѣ имъ уважаемомъ, искуснаго лжеца, который хотя уже обличенъ, не хочетъ снятъ съ себя личину — однимъ словомъ, видѣлъ въ немъ закоренѣлаго преступника.

— Мы спустимся вмѣстѣ! сказалъ Маршинъ спрогимъ голосомъ и снялъ съ крючка фонарь. — Горе тебѣ, присовокупилъ онъ, возвысивъ голосъ: если карликъ швой между тѣмъ выпаскалъ руду изъ ямы! Тогда ты переселишь къ Юнѣ, клянусь тебѣ чешью!

Сии грозныя слова встревожили сердце бѣднаго Даниила. «Чшо, если горный духъ превратилъ руду въ негодный камень?» говорилъ онъ самъ себѣ: «вѣдь духи обманчивы и злобны; или, если онъ заперъ пещеру, или коварный Унтерштейгеръ открылъ и выпаскалъ мой кладъ — Боже милосердый! погга меня повѣсяшъ: такъ поклялся Оберштейгеръ; а сколько я знаю Мартина, то онъ скорѣе десятъ разъ сломитъ мнѣ шею, нежели разъ не сдержитъ своего слова.» —

— Чшо ты мѣшкаешь? вскричалъ Оберштейгеръ, когда Данииль, съ шрудомъ переводя духъ, остановился на срединѣ опивѣнной почши лѣстницы: вѣрно тебѣ не пускаетъ щегольски разряженный карликъ; счастливъ шопъ, кто имѣетъ чистую совѣсть, вися надъ пропастью! —

«Ваша правда!» отвѣчалъ Данилъ, заикаясь; голова у него закружилась; руки его судорожно обхватили спускни: «мнѣ что-то дурно!» продолжалъ онъ, и просилъ повременить, но Маршинъ почелъ сей внезапный припадокъ за страхъ наказанія или за новыя запяты, какъ нѣудь отдѣлаться. — Если не можешь самъ спускашься, я позову работниковъ, которые спускають пѣсбл въ бочкѣ. Я непременно хочу видѣть съ пѣбою пріискъ хотя бы ты умеръ дорогою!

Тутъ Данилъ собрался съ силами, и началъ спускашься, тревожимый надеждою и сомнѣніемъ; но когда послѣднее снова стѣснило ему сердце, онъ мысленно пожелалъ, чтобы лѣстница поль нимъ обрушилась и низвергла бы его въ подземную пропасть. — Наконецъ спустился на дно рудника.

Маршинъ хранилъ глубокое молчаніе. Могильная тишина, царствовавшая въ пустынной, мрачной глубинѣ рудокони, опть времени прерывалась только глухимъ шумомъ капель, падавшихъ съ сыраго свода въ колодезь, у котораго вчера при Данилѣ горный духъ исчезъ въ видѣ блуждающаго огня.

«Вонъ яма, про которую я говорилъ!» сказала Данилъ, волнуемый страхомъ: «если спавеше на сей опломокъ, по легко можете осмотрѣть и вынуть всю находку».

Маршинъ посмотрѣлъ ему приспально въ лице; поспѣшно взошелъ, освѣтилъ въ яму, выпасилъ кучу неодныхъ камнѣвъ, но не нашелъ ни крошки обѣщанной богатой добычи. Ужасный, необузданный въ гнѣвъ, онъ свирѣно спрыгнулъ съ опломка, подаль знакъ опасности, чтобы собрать рудокоповъ, по близости работавшихъ, и схватилъ Данила за грудь. Бѣдный рудокопъ нашъ былъ въ опчаяніи; шпетно клялся всѣми Святыми въ справедливости своего показанія, шпетно обнималъ колѣна Оберштейгера, который не переставалъ бить тревогу. Тутъ искуситель овладѣлъ Опчаяннымъ: онъ уже видѣлъ себя посмѣшищемъ своихъ сотоварищей, видѣлъ жену и дѣтей своихъ поверженными въ крайнее бѣдствіе, и въ скорой гибели Маршина единственное средство къ освобожденію себя опть позорной казни. «Одинъ изъ насъ долженъ погиб-

нуть!» вскричалъ онъ страшнымъ голосомъ, и бросился, какъ безумный, на Маршина, шпетя его къ бѣднѣ. Маршинъ съ ужасомъ усмотрѣлъ всю опасность; онъ съ гигантскою силою боролся за жизнь свою, и попертъ уже свирѣпаго противника, но попертъ въ борьбѣ съ нимъ равнолѣсіе, опрокинулся за край шахты въ неизбѣжную гибель. Въ паденіи своемъ Маршинъ схватилъ руку Данила; шпетно пропавился несчастный, съ воплемъ опчаянія; крѣкія мышцы сильнѣшаго увлекли его въ глубину, опкуда раздался вчерашній пронзительный хохотъ.

Тутъ прибѣжали рудоконы, желая узнать, что случилось; они нашли два зажженныхъ фонаря, и все происшествіе, кругомъ, покрытымъ ивернями и мусоромъ; услышали послѣдній опшолоскъ страшнаго хохота, и полагая, что горный духъ по обычаю своему опашъ ихъ дразнить, сообщали другъ другу опчасти опасенія, опчасти надежды свои на богатые пріиски, кои обыкновенно сопровождались подобными проказами Гнома.

— Чу! вскричалъ одинъ изъ нихъ. Изъ бездны послышался знакомый голосъ Оберштейгера.

— Скорѣ канантъ! — кричалъ невидимый; я провалился слышнымъ на пять сажень и чуть держусь на гниломъ бревнѣ, которое пошчасъ обрушится. —

Одинъ изъ работниковъ имѣлъ при себѣ канантъ. Маршинъ въ семъ опасномъ положеніи не попертъ присутствія духа, и съ помощію работниковъ, дѣйствовавшихъ по его наставленіямъ, выпасентъ изъ ямы, хотя съ нѣсколькими ушибами, впрочемъ здоровымъ и бодрымъ. Изумленные рудоконы только что начали спрашивать его о причинѣ сего несчастія, о его здоровьи и не случилось ли шуть какого нибудь чуда, — какъ та самая спѣна; опть паденія коей вчера еще предостерегалъ Маршинъ, съ оглушительнымъ громомъ рухнула въ пропасть, и навѣки завалила могилу несчастнаго рудокона. Работники блѣднѣя, скрылись подъ защиту недавно выстроенаго свода. Когда первыи испугъ миновалъ, Оберштейгеръ повелъ ихъ къ началу шахты, и велѣлъ имъ помолиться за упокой души бѣднаго погнѣ-

шаго Данила, утѣривъ ихъ, что сей послѣдній, опустившись, провалился въ бездну, и что когда онъ Маршинъ протрянулъ руку, чтобы подать ему помощь, то несчастный, объятый смертельнымъ страхомъ, увлекъ его съ собою въ паденіе. —

Старушка Анна отъ времени до времени съ безпокойствомъ посмащивала на большую Маргариту, которая, казалось, почивала глубокимъ сномъ; ворча сквозь зубы, Анна по свивала съ очага, то спавила опять на очагъ пригопведенный для хозяина обѣдъ, но Данилъ все не возвращался, а Маргарита не шевелилась.

Наконецъ, вмѣсто ожидаемаго хозяина, тихо вошелъ Маршинъ; старуха подала ему знакъ, чтобы онъ безъ шума зашворилъ дверь. —

Мнѣ что-то спрашно, сказала она: больная съ самаго утра спитъ мертвымъ сномъ. Часа два тому назадъ, она вдругъ вскрикнула громко и жалобно, и вся, какъ полошно, поблѣнѣла. —

«Два часа тому назадъ?» - спросилъ Маршинъ дрожащимъ голосомъ и пляжко вздохнулъ. Пошомъ наклонился онъ къ соломенному одру снарадалицы, пошопрѣлъ ей въ лице, схватилъ ея охладѣвшую руку, и, расшоганный до глубины сердца, сказалъ: «Она счастлива! такъ будетъ она покопшсь до воскресенія мертвыхъ.»

Старушка Анна громко вскрикнула, но Обершпейгеръ взялъ къ себѣ на руки бѣдную безногую Кристиину и сказалъ работницѣ — «носи за мною близнецовъ: теперь я имъ буду отецъ.» —

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОРТРЕТЪ МОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ.

Нельзя глядѣшь безъ восхищенья

На прелести и красоты,

Которыми шакъ щедро, ты

Надѣлена отъ Провидѣнья!

Люблю коралловый твой носъ;

Люблю твой хриплый голосъ, грубый,

Огнистый цвѣтъ твоихъ волосъ

И алебастровыя губы.

Люблю наморщенный твой лобъ,

Рубиновъ кучею блестящій;

Люблю твой снѣговый зубъ,

Огромнымъ пузыремъ висящій.

Люблю твой правый глазъ косою,

Твои писченныя ланины;

Люблю горбатый осповъ твой,

Сухимъ пергаменомъ обшитый.

Люблю большой, кривой твой ротъ,

Сиротку-зубъ въ немъ одинокій:

По братьямъ, кончившимъ живощъ,

Одѣлся въ трауръ онъ глубокій!

Сильновъ.

CHARADE.

Mon premier est latin,

Mon second est français,

Et mon tout est italien.

Въ No 17 помѣщенная шарада значитъ: *Воздухъ.*

MODES.

Nous avons vu, à Paris le bal de l'Opéra pour les pauvres, et déjà Versailles vient de l'imiter. Nous apprendrions avec plaisir et sans jalousie que nos souscripteurs de provinces ont suivi le même exemple; avec encore plus de succès.

Le bal du 22 procurera sans doute des secours momentanés, mais en calmant le mal, il n'a pas attaqué sa source; il n'a pas réveillé ce goût raisonné de dépenses raisonnables que nous voudrions rappeler. — Il semble que l'on rivalise de parcimonie, chacun se fait gloire d'économiser mesquinement. — Rien heureusement cet hiver est moins rigoureux que les précédens; mais une considération importante est la diminution des secours. — A Paris, tout est *mode*. L'année passée, il était *de mode* d'être dame de charité. — Il était *de mode* de quêter pour les pauvres. Tel curé qui recevait pour sa paroisse quarante mille francs, cette année n'en a pas cinq.

Le bien fait par esprit de calcul, est petit et sans mérite, aussi n'est-ce pas par imitation que nous conseillons ces retours sur les années passées: c'est à d'autres sentimens que nous nous adressons. — Ce qui se faisait par *mode*, comme nous l'avons dit, faisons-le

par raisonnement.—Il y a toujours des pauvres à secourir. Si l'on ne cherche plus à afficher des idées religieuses, si telle femme ne fait plus le sacrifice d'un chapeau, d'un bijou pour satisfaire la petite vanité de voir son nom sur une liste d'aumône connue et vantée, la pitié la plus modeste et la plus simple ne peut-elle la remplacer.

Si on le veut, substituons au mot *charité* celui de *bienfaisance*; — retranchons les bourses de velours brodées d'or, qui rappellent les quêtes pour les établissemens religieux, les séminaires—qui ne doivent jamais se faire au détriment des indigens.—Donnons aux mairies, si ce n'est plus à l'église, et surtout, et par-dessus tout donnons de l'ouvrage.

Quand il y aura une cour, le monde élégant se réglera sur elle.—Jusque-là qui nous sortira de l'anarchie où nous sommes.—La mode ne peut donner ses lois qu'après qu'elles sont décidées, et partout on a honte de s'occuper d'elle.

М О Д Ы.

Въ Парижѣ былъ маскарадъ въ пользу бѣдныхъ, и въ Версали щощася подражали пому. Мы узнали бы съ удовольствіемъ и безъ зависти, что наши подписчики въ провинціяхъ послѣдовали сему примѣру, и еще съ большимъ успѣхомъ.

Балъ 22-го (10) Января доставилъ конечно временное вспоможеніе бѣднымъ; но временно отшрпала зло, онъ его не искоренилъ; онъ не возбудилъ той обдуманной наклонности къ разсудительнымъ издержкамъ, которую желали бы мы возобновить между Парижанъ.—Кажется, что они наперерывъ стараются превзойти одинъ другаго въ скупости, и всѣ щещславятся мѣлочною бережливостію.—По счастію нынѣшняя зима не такъ жестока, какъ прошедшая; но уменьшеніе вспоможеній не менѣ заслуживаетъ обратити на себя вниманіе.—Въ Парижѣ, на все *Мода*. Въ прошедшемъ году было въ *модѣ* принадлежать къ числу дамъ милосердія; было въ *модѣ* собирать для бѣдныхъ.—Священники, прежде получавшіе до сорока

тысячъ франковъ для нсимущихъ своего прихода, не собрали нынѣ и пяти.

Добро, сдѣланное по расчету, ничтожно и не имѣетъ цѣны, и мы совѣинуемъ возвратити ся къ привычкамъ предыдущихъ годовъ не изъ подражанія:—Но относимся къ другимъ чувствіямъ.—Есть всегда бѣдные, которымъ надо помогать. Теперь не стараются уже казаться набожными; не жертвуютъ болѣе шляпкою, или драгоценною бездѣлкой щещславію видѣти имя свое внесеннымъ,—въ какую нибудь извѣстную подписку для бѣдныхъ: по развѣ нельзя замѣнить сего чувства самымъ скромнымъ и проспымъ соспраданіемъ?

Замѣспимъ, если уже такъ угодно, слово *милостыня* словомъ *благотвореніе*; отпмѣнимъ бархатные кошельки, шипые золотомъ, напоминающіе о сборахъ, дѣланыхъ для духовныхъ заведеній, семинарій—которыя не должны существовать на счетъ бѣдныхъ.—Если не въ церковь, то спанемъ отпсызать къ Мерамъ, къ Префектамъ свой деньги; но особливо, но болѣе всего, спанемъ доставлять бѣднымъ работу.

Когда будетъ Дворъ: тогда модный свѣтъ спанешъ подражать ему.—До тѣхъ поръ, кто извлечетъ насъ изъ теперешняго нашего въ модахъ безначалія? — Мода тамъ только даетъ законы, гдѣ признаютъ власть ея; а теперъ Французы спыдлится занимающа ея.

С М Ъ С Б.

Въ старину Русское воспитаніе состояло въ одномъ правилѣ, говоритъ *Стародумъ* въ Недорослѣ: отецъ мой швердилъ мнѣ безреспанно одно и то же: «имѣй сердце, имѣй душу и будешъ человекъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки и пуговицы.»

Тишина и спокойствіе соспавляютъ лучшее наслажденіе жизни.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 19.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до- ставкою и пересылкою 55 рублей.

СУББОТА, МАРТА 7 ДНЯ, 1851 ГОДА.

На чпо и время трапнть намъ!

На младшихъ не найдѣшь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по поламъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРОЗАИЧЕСКІЙ БРАКЪ ПОЭТА.

Диковникаль въ упряжкѣ бышь одной,
А розно жить душой!

В. Пушкинъ.

Поэтъ *Высокосердоеъ*, выпянувъ походы 1812, 1813 и 1814 годовъ, побывавъ въ Парижѣ, подивовавшись на великолѣпіе горъ Швейцарскихъ, поживъ въ Дрезденѣ и Берлинѣ, взявъ ониспавку и поселился въ Москвѣ, въ маленькомъ домикѣ, при которомъ былъ садикъ, а въ садикѣ билъ ключъ холодной воды. Въ службѣ получилъ онъ двѣ легкія раны, три кресты и медаль на голубой лентѣ; за службу награжденъ онъ Маіорскимъ чиномъ и получилъ небольшой пенсіонъ. Матери его, которую нашъ поэтъ-воннъ любилъ благоговѣнно, и у которой былъ онъ сынъ единственный, чрезвычайно хотѣлось женишь его. И онъ женился на Московской барышнѣ, пригоженькой, проспенъкой и хорошей хозяйкѣ: достоинство, которое съ свѣчею ищущъ въ сподичныхъ невѣспяхъ и не всегда находятъ. Онъ взялъ за нею 500 душъ, полдюжины бранчивыхъ бабушекъ, дюжину сплетницъ пѣпущекъ, тещу, тещу, пару свояковъ, двѣ пары свояченицъ, прехъ шурьевъ и 50 п. наличными

деньгами, сверхъ пряпя, называемаго приданнымъ. Свадьба сыграна великолѣпная. Такъ какъ у *молодаго* не было въ Москвѣ никого родныхъ, кромѣ матери, да и та чувспво-вала себя нездоровою: по у него и былъ полько одинъ обѣдъ на другой день свадьбы. Родспвенники же *молодой* въ продолженіи шести недѣль давали черезъ день балы.

Послѣ обѣда у родительницы новобрачныхъ, спепенные старички и спарушки съли за карпы, а молодыя дамы и дѣвицы ушли въ щегольской кабинетъ къ *молодой*; тамъ онѣ долго любовались новомодною мебелью изъ Карельской берѣзы, обитой бѣлою кожею, по которой проведены золопомъ узорныя каймы. Онѣ усѣлись за круглымъ столомъ и принялись за работу, которая нарочно была хозяйкою приготовлена; одна начала вышивать ковѣръ, другая низать бисеръ для экрана, третья обрубать бапш-сповый плапокъ; четвертая, найдя на каминѣ томъ спихопвореній *Жуковского*, предложила пригласить въ ихъ бесѣду *Сладкопльвова*, объ искусномъ чпеніи котораго она наслышалась—и попросить его прочесть нѣсколько спихопвореній. Всѣ согласились; чпеца усадили въ кресла и съ столика, спю-ящаго въ углу съ шахматами, сняли свѣчи и поставили на средній, дабы читать бы-

ло свѣплѣе. Онъ съ чувствомъ, но безъ коверканья и не надуваясь, прочишалъ *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ и Свѣтлану*, и хотѣлъ было чипанъ Балладу *Ахиллъ*; но едва произнесъ онъ имя сего Героя, какъ новобрачная вскочила съ бержерки и побѣжала къ мужу, которъй сидѣлъ въ госпиной за каршами: за чѣмъ бы вы думали?...спросить у него: кто такой былъ *Ахиллъ*? Поэтъ-супругъ игралъ на шестъ въ сюрсахъ и, будучи въ рукъ, собирався козырять, когда милая подруга его подбѣжала къ нему съ своимъ простодушнымъ вопросомъ. Онъ, ни мало не смущаясь, козырнулъ съ Туза приговаривая: «*Ахиллъ* былъ сынъ Царя *Пелел* и богини *Оетиды!*» взявъ взяпку, пошелъ съ Короля и продолжалъ важнымъ тономъ: «онъ былъ сильнѣйшій и храбрѣйшій изъ Греческихъ Князей, осаждавшихъ городъ Троию за 1156 лѣтъ до Рождества Христова;» — собралъ карты, положилъ взяпку на взяпку, козырнулъ съ Дамы и сказалъ: «*Ахиллъ* убилъ въ единоборствѣ *Гектора*, самага сильнаго изъ защитниковъ *Приалова* прона. Ссора съ Главнокомандующимъ союзною арміею *Эллиновъ*, воснѣша древнѣйшимъ пѣснопѣвцемъ *Гомеромъ* въ эпической поэмѣ, называсмой *Илліадою*.» — Эпюго было довольно для миленькой невѣжды. Она съ торжественнымъ лицемъ возвратилась къ подругамъ и просила извиненія, что своимъ уходомъ прервала ихъ удовольствіе.

Молодая *Высокосердова* любила спектакли, п. е. водевили, балеты и волшебныя оперы. Мужу ея вздумалось вести ее смотрѣть *Дмитрія Донскаго*, трагедію *Озерова*. Чшо-жъ бы вы думали?... При представленіи перваго дѣйствія начала она зѣвать, во внопромъ задремала, а въ антрактѣ прислонилась къ спѣнѣ и такъ захрапѣла, что зрители оборотились къ ихъ ложѣ и захопали. Бѣднякъ *Великосердовъ*, не смотря на твердость души, былъ приведенъ въ опчяніе, вспалъ и уѣхалъ домой. Дорогою, онъ былъ погруженъ въ глубокую думу; спыдъ, какъ камень налегъ на нѣжную грудь его, придавилъ его сердце. Ничшо не могло его ни разсѣять, ни утѣшить.

Бранчивая госпожа, хлопотливая хозяйка, спрогая исполнительница мѣлочныхъ свѣп-

скихъ приличій, вѣрнал жена, Марфа Ивановна, никогда не могла возвыситься сердцемъ до Лирическихъ воспорговъ любви, опчдѣляющихъ насъ опъ земли, опъ неба, опъ мірскихъ связей. Случалось, что въ самыхъ пламенныхъ порывахъ спраспи, когда поэтъ-супругъ осыпалъ ее ноцѣлуями, она холоднокровно считала бой часовъ, или, прислушиваясь къ клокопанію самовара, вырывалась изъ его объпній и спѣшила накрыть его крышкою. Случалось, что перервавъ мужа, чипающего ей свой переводъ чувствительной повѣспи *Клаурена*, *Тика* или *Циоке*, съ глазами полными слезъ, начинала она бранишь горничную за то, что съ панелсеі не обметена пыль.

Марфа Ивановна была искусная музыкантша: я разумью подъ онымъ, что она бѣло разбирала ноты, разыгрывала ихъ часто и скоро; но бездушно. Мнѣ случилось быть у нихъ въ пощъ самый вечеръ, когда *Высокосердовъ*, спраспный любитель музыки, упросилъ жену сыграть *сель словъ Христовыхъ*. Она была въ пощъ день въ добромъ расположеніи, играла превосходно и притѣвала въ полголоса; каждый звукъ ея доходилъ до сердца. Она сама, казалось, исполнена была высокихъ думъ, священнаго благоговѣнія, какъ вдругъ переспала играть и, оборотясь къ мужу, спросила у него: «что прикажешь, душенька, изготвишь себѣ къ ужину?» Сей пошлый вопросъ оледѣнилъ сердца наши; онъ попрясъ всю нервную спстему чувствительнаго *Высокосердова*, которъй, закрывъ глаза обѣими руками, упалъ на диванъ и зарыдалъ горько. Бѣднякъ видѣлъ бездну, раздѣляющую душу его опъ души *Марфы Ивановны*; видѣлъ, что время не закроетъ оной, а разширитъ; что она никогда не исправится опъ низкихъ своихъ привычекъ: опъ сплепней, карптъ, лото и сварливости; что узкія опверспія сердца ея и промзглый мозгъ останушся навсегда непроницаемы для нѣжныхъ, для глубокихъ впечатлѣній, и что она никогда не будетъ умѣть ни понимать, ни любить его.

О, какъ счастливъ человекъ съ возвышенною душою, вступающій въ супружество

съ подругою, которая будетъ внимать изъ устъ его высокія истинны нравственныя или астрономическія, не спалкивая его какимъ нибудь грубымъ словомъ, какимъ нибудь студенымъ выраженіемъ въ грязь буднишной земной жизни, не напоминая ему не о заштопанномъ чулкѣ, ни о солѣныхъ огурцахъ. Такое счастье рѣдко; но благополученъ и тѣмъ смершнѣй, которому Провидѣніе послало жену, хотя съ ограниченнымъ умомъ, но способную возвышаться съ его умомъ до нѣкоторой степени; жену, которой глаза и сердце, созерцалъ звѣздное небо, высокій боръ или водопадъ, съ успеха низвергающійся, не оспанавливались бы на мѣлочныхъ подробностяхъ, а наполнялись благоговѣніемъ; жену, которая бы въ бѣломъ свѣтѣ искала чего нибудь еще, сверхъ кухоннаго очага, амбара, дѣшской комнашы и маскарадной залы; которой бы горячее сердце, свѣтлый умъ, набожная душа, непрерывно споспѣшествовали къ содѣланію лучшимъ, блаженнѣйшимъ — человека, съ коимъ соединила она свою участь.

Великосердову не суждено было получить ни шого, ни другаго. Слѣдствіемъ сего неравнаго брака было то, что онъ самъ одревенѣлъ. До женишбы, онъ писалъ прекрасныя стихи (хотя и не печаталъ); послѣ женишбы пересталъ писать и прозою. До женишбы, онъ перпѣтъ не могъ каршъ; а женись, до того къ нимъ приспирасился, что ни одинъ вечеръ не можетъ пробыть безъ виста, боспона, или пикеша. Всегда ненавидя разсѣланіе, теперь съ утра до ночи рыскаетъ по гостиному двору, по магазинамъ, съ визитами; вечера проводитъ въ Англійскомъ клубѣ. У него четверо дѣшей: такіе шолстенькіе, такіе глупенькіе, такіе краснощекенъкіе . . . . .

А. Кораблинскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ДИКОВИНКИ

или

Историческія свѣдѣнія Г. Полеваго.

Въ Исторіи Русскаго народа, Томъ II, стр. 42. Г. *Полевой* пишетъ:

«Область Вяпичей находилась между владѣніемъ Кіевскимъ и городками: *Муроломъ* и *Ростоломъ*.

А на стр. 46-й того же тома глаголетъ: Данники не соспавляли совершенныхъ владѣній Руссовъ: таковы были между *Муроломъ* и *Черниговоломъ Вяпичи*. »

На стр. 458 читаемъ:

«Кіевскій бояринъ оспановился почевашъ близъ Галича. Въ раннее *курортнѣ* прискакалъ къ нему воинъ Княжескій . . . »

То есть—Историкъ хочетъ сказать, что предъ разсѣшомъ прискакалъ воинъ . . . . Но и забылъ, что поюпъ не куры, а пѣшухи!

Если же можно допустить это слово, то признаемся: что вся Исторія Г. *Полеваго* кажется намъ *раннимъ курортнѣмъ*.

«*Святополкъ*, убійца братьевъ своихъ» — по словамъ Г. *Полеваго*: «доспонтъ сожалѣнія, а не проклятія; потому что онъ былъ свирѣпаго нрава!!!»

Это извиненіе пригодилось бы *Калигулѣ*, *Нерону* и *Геліогабалу*! . . .

Но гдѣ шуть логика?

«*Георгій*» пишетъ Г. *Полевой*, — «не смотря на спароспъ, все еще былъ здоровъ и любилъ гулять.»

Слогъ приличный Исторіи! — Французъ переведетъ это: il aimoit à se promener. И очень ошибется! Г. *Полевой* здѣсь поставилъ сіе слово не въ Историческомъ, а въ пѣнспвенномъ значеніи. —

Погрелушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИМПЕРАТОРЪ НАПОЛЕОНЪ И ПОЭТЪ ЛОРМИОНЪ.

Второе предспавленіе трагедіи *Омазисъ*, данное въ Сентъ-Клу $\frac{1}{4}$ -го Сентября 1806 года, имѣло большой успѣхъ: слезы Императрицы *Жозефины* заспавили самыхъ холодныхъ людей прослезинься. Послѣ спектакля *Наполеонъ* хотѣлъ видѣшь автора. Тщепно искали его въ полцѣ: ибо онъ оспавался въ Парижѣ. На другой день Адьютаншъ принесъ къ нему записку, которою приглашали его въ Сентъ-Клу въ 8 часовъ утра. Г. *Лормионъ* предспавился Императору въ назначенный часъ.

«Здравствуйте, Г. Бардъ, сказалъ Наполеонъ, который подъ симъ разумѣль спихотворенія Г. Лормиона, въ коихъ онъ съ пакимъ вкусомъ и пакъ удачно подражалъ Оссиану; пакъ вы пишете и драматическія сочиненія? претяго дня я видѣлъ вашу пьесу, и посылаю за вами: за чѣмъ вы не были въ спектакль?»

— За пѣмъ, В. В., что меня не пригласили. Сей откровенный отвѣтъ, казалось, понравился Наполеону, который продолжалъ:

«Я видѣлъ вашу трагедію, но она никуда не годится; любовь введена некстати, разговоръ смѣшенъ, познанія мѣстности вовсе невидно. . . . Были ли вы въ Египтѣ?»

— Нѣтъ, Государь. —

«Это и видно. Вы избирали костюмы?»

— Эпощъ прудъ я предоставилъ Тальми. —

«Тальма ошибся; вмѣсто цѣпи, занялъ евъ и Египетской одежды, приличныхъ Юсифу, Тальма явился на сценѣ въ костюмъ Герона. Вашъ Рамнесъ никуда не годится; когда запѣваешь что нибудь великое, хопя на театрѣ: то надобно вполне успѣшь, или лучше не брашься за дѣло. . . . Голубая шаль очень къ лицу Г-жѣ Марсъ. Но какъ она играетъ въ однихъ только комедіяхъ, шо для чего вы дали ей роль Веніамина?»

— Я нашелъ въ ней одной качества, нужная для сей роли. —

«Вы хорошо сдѣлали. . . . Вашъ Симеонъ долженъ бы бытъ кочевымъ жипелемъ пустыни, а вы сдѣлали изъ него что-шо двуличное. . . . Надобно было свести его съ проданнымъ имъ брапомъ. . . . Эшого не достаешь въ трагедіи. Знаю, что это прудно, но это ваше дѣло. Вашъ Иаковъ плакса. . . . Юсифъ щеголяетъ жеманными фразами.»

Всѣ сіи колкія, опривистыя слова, какими обыкновенно выражался Наполеонъ, сперва сопроводили бѣднаго автора, который спрашивалъ самъ себя, не за пѣмъ ли призвали его, чтобъ только одурачить. Наполеонъ внутренно забавлялся, наказывая Г. Лормиона за его непомѣрное самолюбіе, и продолжалъ еще нѣсколько времени колоть его сатирою. Но вдругъ переѣнилъ видъ и понъ.

«Ну, Г. Бардъ, я довольно васъ помучилъ; ваша трагедія, конечно, имѣетъ свои недо-

спатки; но и необыкновенныя красоты: изложеніе, сцена Веніамина, конецъ 4-го дѣйствія, особливо 5-е, превосходны; слогъ чудесный: эшо музыка Чимарозы. Вопъ удачный опытъ, надобно продолжать. — Имѣтели вы состояніе?»

— Никакого, Государь! —

«Ни одинъ поэтъ не имѣетъ ни гроша.»

— Щедрость Вашего Величества поправитъ ошибку Форпуны. —

Наполеонъ улыбнулся и примолвилъ:

«Трудишься, я васъ не забуду. Вашъ Оссианъ удивителенъ: я знаю наизустъ пѣснь Артура. Эпа книга хорошо разоцлася; сдѣлайте пышное изданіе; я вамъ помогу.»

Наполеонъ вспалъ изъ за стола, ибо онъ завтракалъ во все время эпаго разговора; при семъ находились Герцогъ Фриульскій и Графъ Люсай. Наполеонъ отвелъ Г. Лормиона къ окну и сказалъ ему:

«Когда вы напишете новую пьесу, шо прочтите ее мнѣ; я очень люблю трагедіи. Назначоу вамъ изъ моей казны въ пенсіонъ по 6,000 франковъ; со временемъ вы получите болѣе; эшо опъ васъ зависиптъ. . . . Прощайте и не помните зла.»

На другой день Г. Лормионъ получилъ отъ Наполеона золотую табакерку съ его вензелемъ: въ ней нашелъ поэтъ восемь тысячъ франковъ банковыми билетами.

пер. В. Соколовъ.

ПРИЗНАТЕЛЬНАЯ КОШКА.

Одна молодая сельская красавица въ Монше-Орсано, селеніи, лежащемъ въ Южной Италіи, часто спирадала припадками падучей болѣзни. Ни лѣкарства, ни набожные обѣщанія не могли спасти ее; и здоровье ея ни мало не поправлялось. У Клементины, пакъ называлась молодая дѣвушка, была подруга, коей бдищность никогда не была обманута; эпа подруга была ея кошка, которая раздѣляла съ нею постель и пищу; она никогда не оставляла молодой дѣвушки во время ея прогулокъ; и, какъ скоро случался съ нею припадокъ, шо она примѣтно посковала. Наконецъ, она пакъ привыкла узнавать возобновленіе припадковъ болѣзни, что угадывала

ихъ по лицу Клементины и поспѣшъ кидалась домой, чтобы предваришь о семъ родственниковъ и подругъ бѣдной своей хозяйки, царая ихъ за плашь и жалобно мляка. Когда удавалось ей обратишь на себя ихъ вниманіе, тогда она приводила ихъ къ пому мѣсту, гдѣ оставила *Клементину*. Молодая дѣвушка кончила жизнь на пятнадцатомъ году, и кошка шла за гробовою колесницею, на которой везли тѣло ея хозяйки, по Италіанскому обычаю. Она не сводила влязъ съ бранныхъ оспашковъ *Клементины* и провожала тѣло ея до самой могилы; когда спали зарывають оное, то она хотѣла туда кинутъся. Надобно было нѣсколько разъ выпаскивать ее и, послѣ похоронъ, ее принесли на рукахъ домой. Послѣ того каждый день она ходила на кладбище, царала землю на могилѣ, или свернувшись комкомъ лежала на ней. Нѣсколько времени продолжались сіи посѣщенія; наконецъ нашли ее мертвою на могилѣ. Кошка не могла пережить своей печали.

(изъ *Morning-Journal.*)

ПОЕДИНОКЪ НА СМЕРТЬ.

Что можетъ испробить обычай лютой сей?

Чья кисть изобразить кровавый бой друзей?

Докторъ *Смитъ* Юня 1-го 1830 года прислалъ вызовъ къ Доктору *Жефріесу*, и послѣдній принялъ оный. 17-го числа назначенъ поединокъ въ условленномъ мѣстѣ, въ 8-ми шагахъ другъ отъ друга. Въ опредѣленный часъ съѣхались противники, заняли свои мѣста и помѣнялись пулями, не ранивъ одинъ другаго. Секунданты испощали всѣ убѣжденія, чтобы помирить ихъ; но Докторъ *Жефріесъ* объявилъ, что онъ не сойдемъ съ мѣста, пока самъ не будетъ убитъ, или не убьетъ своего противника. Писпослесты снова заряжены и розданы поединщикамъ; еще два выстрѣла и одинъ изъ нихъ раздробилъ Доктору *Смиту* правое плѣчо. Случай сей заставилъ на нѣсколько минушь прекратишь бой, пока Докторъ *Смитъ*, собравшись съ силами, не объявилъ, что ему не много жить оставается, но что онъ готовъ еще стрѣляться. Писпослесты заряжены въ претпій разъ. Док-

торъ *Смитъ* держалъ свой лѣвою рукою, спустилъ курокъ и ранилъ *Жефріеса* въ бедро. Бой опять остановился; но скоро *Жефріесъ* почувствовался послѣ обморока, причиненнаго поперею крови. Противники пребують опять боя, и соглашающся уменьшишь разсполніе. Покрытые кровью, они спановяются на 6 шаговъ другъ отъ друга.

Знакомъ къ стрѣльбѣ назначены грамогласно произнесенныя: отъ одного до пяти; соперники выстрѣлили по первому слову и оба упали. *Смитъ*, коему пуля попала въ сердце, пушь же умеръ; а *Жефріесъ* получилъ ударъ въ грудь на вылетъ; сей послѣдній жилъ чепыре часа.

Докторъ *Жефріесъ*, видя паденіе своего врага, спросилъ, умеръ ли онъ, и получивъ упвердительный отвѣтъ, объявилъ, что умираеть безъ сожалѣнія. Передъ смертію своею сказывалъ онъ, что оба они вмѣстѣ воспитывались и въ продолженіи пятнадцати лѣтъ были искренними друзьями; онъ прибавилъ, что *Смитъ* отличался ученостью и благородствомъ характера. Незадолго до сего поединка, *Жефріесъ* сговоренъ былъ съ одною молодою, любезною и извѣсною въ Миссисипи особою. Обстоятельство сіе, кажется, имѣло связь съ симъ поединкомъ. Невѣста успѣла только приняшь послѣдній вздохъ своего любезнаго. Трудно изобразить ея горестъ, вопли ея опчаянія и описать дѣйствіе, произведенное симъ зрѣлищемъ, на всѣхъ бывшихъ свидѣтелями онаго.

(изъ *Courier des Etats-Unis.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪКЪ БАСНОСЛОВІЯ.

(изъ *Шиллера.*)

Все тогда иначе было —

Въ баснословныхъ шѣхъ вѣкахъ,

Въ кои длань боговъ водила

Жизнь на легкихъ помочахъ.

Жизнь на радость разцвѣтала

Тамъ давнишнимъ племенамъ,

Гдѣ гирланда окружала

Идалиды свѣшлый храмъ.

И поэзія съ цвѣтами
 Возлѣ истины вилась;
 Населяла міръ мечтами
 И божественной звалась.
 Смотрявъ чувствомъ восхищеннымъ
 Люди на возникшіи свѣтъ....
 Все являло просвѣщеннымъ
 Божества прекрасный слѣдъ.

* * *

Гдѣ вершился непримѣнно
 Огненный, бездушный шаръ:
 Геліосъ великолѣпно
 Разливалъ лучистый жаръ.
 Холмъ украшенъ—Ореадой,
 Лѣсъ—убѣжище Дріадъ....
 И изъ урны билъ прохладой
 Сребровидный ключъ Наядъ.

* * *

Дафна дышетъ подѣ корою
 Лавра злачнаго: предѣ ней
 Юный богъ съ своею поскою....
 Спонетъ въ сумракъ въшвей
 Филомела молодая....
 У сафирнаго ручья
 Съ Флорою Зефиръ игралъ,
 Разбросалъ цвѣты ея.

* * *

И мелькали привидѣнья
 Нестрашившія людей,
 Лишь будили вдохновенъе
 Въ сердцаъ Фебовыхъ друзей.
 Не грустишь ваятель страстный:
 Мраморъ чувствомъ воспалѣвъ....
 Иль богиней ночи лсной
 Овладешь Эдидіонъ.

* * *

Богъ Пафосскій не былъ злобенъ,
 Лишь лукавъ бывалъ порой:
 И Аякидъ женоподобенъ—
 Близъ Омфалы дорогой.
 Успремляжь на прелестъ взоры,
 Хоть годами угнетѣвъ,
 Близъ младыхъ красотиъ Авроры
 Не спарѣшься Типонъ.

* * *

Предѣ алтарь Харитъ являлась
 Дѣва храма.... имъ цвѣты
 Приносилъ, уподоблялась
 Блеску радосиной мечпы....
 Иль въ святилицѣ томъ кроясь,
 Гдѣ Тинскій спарецъ былъ,
 Сперегла томъ дивный прясъ,
 Чпо онца боговъ смирилъ.

* * *

Смертный, на боговъ надежный,
 Ихъ вокругъ себя встрѣчалъ....
 Подѣ дугой Ирисы гѣжной
 Зелене мугъ блисталъ....
 И съ богиней денница
 Разливалась живѣй....
 Бога-наспыря цѣвница
 Пѣла слаще-и звучѣй!..

* * *

Краше лоность улыбалась
 Въ Ганимедовыхъ чертахъ;
 Смѣлость пламенный являлась
 Подѣ эгидою въ боляхъ.
 Гдѣ Гимена призывали:
 Былъ сердець союзъ милѣй....
 Гдѣ дни жизни Парки прали:
 Шли дни жизни веселѣй.

* * *

Вотъ! эвое раздаеися:
 Вакха возвыщася ходъ....
 Вотъ! Менадъ его песеня,
 Изступленный хороводъ!..
 И Сименъ, старикъ румяный
 Милъ Вакханкъ молодой....
 И ланиты бога рданы:
 Маняшь къ чашѣ родовой.

* * *

Вмѣспѣ съ смертными пируя —
 Богъ вкушалъ свои дары.
 Благодарность знаменуя—
 Въ посвященные пиры—
 Колесницы ихъ лешали
 На Испмическихъ играхъ....
 И вѣнцы побѣдъ блистали
 На душепныхъ ихъ кудряхъ.

* * *

Остовъ страшный и огромный
 Къ ложу вдругъ не приступалъ:

Геній грустный и безмолвный
Тихо факель опускаль.
Замородный шивн судниль
Среди Орковыхъ полей....
Жалось лирою возбудиль—
И въ Эриидяхъ—Орфей.

* * *

Первыхъ розъ весны свѣжѣ
И числа какъ свѣтъ холмовъ—
На Олимпъ лепишь Психея
Отъ шанищенныхъ садовъ.
Волны кораблёмъ играютъ:
Справа пѣшь для васъ, площади!
Боги-кормищики сверкають
Вамъ съ Олимпа—близнецы.

* * *

Миръ прекрасный! О, какъ пѣсень
Топъ, кошорымъ ты смѣишь!
Лишь въ справѣ волшебной пѣсень
Слѣдъ къ тебѣ памъ сохранёнъ.
Но не зрѣшь существъ чудесныхъ,
Ни въ дубравахъ, ни въ струяхъ....
И отъ образовъ прелестныхъ
Лишь одинъ скелеть въ глазахъ.

* * *

На униженномъ престоля —
Не страшна красой своей,
Нечувствительная боль
Къ благодарности дѣшей:
Что напура? Въ оцѣмень,
Вѣчный малпникъ часовъ,
Подъ закономъ шлягошья
Учывасшь безъ боговъ.

Л.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЪ РОССІЮ.

Опять тебя я вижу, край родной,
Страна сѣдовъ великая, святая,
Уже войны тревожной шумъ за мной;
Уже за мной быгутъ струи Дуная.
Нѣтъ, нѣтъ—смѣшно ли я мою просую ель,
И благовоющую, развѣсистую иву,
И хлѣбомъ услащанную иву,
И смѣю выощійся по тыну хмель —
На шѣ роскошныя, но грустныя равнины,
Гдѣ крупный, сочный виноградъ;

Гдѣ льсъ кизилевый и попопы шумяшь . . . .
Пусть памъ чудесныя картины
Взоръ наблюдательный маянть:
Я не вздохну о блескъ Юга
На хладномъ Сѣверѣ моемъ . . .
Здѣсь я живу вдвоёмъ—
Какой же Югъ замѣнитъ друга?

1828.

Карлеофъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первой*,—слогъ одинъ двойной
И ничего не означаель;
Во Франціи же братъ родной
Не слогъ, а городъ представляель.
Второе, на полъ распель
И Русскимъ вѣсьмъ необходимо;
Когдажъ букварь кто развернеть
То трепіе имъ будетъ зримо.
Теперь о цѣломъ вы узнашь
Конечно также захопите?
Его не прудно ошыскашь,
Подише пошько и купите.
Оно на сѣверѣ у насъ
Распель и зрѣеть и ведель,
И чтобъ полакомниль имъ васъ,
Въ Милотиныхъ здѣсь продаетъ:
Когда въ варепи сварено,
То съ нимъ не хочеться разстаться,
А цѣвомъ — золопо оно:
Теперь не прудно догадашь!

В. Шелиховъ.

Въ No 18 помѣщенная шарада значить: *Ita-lien.*

M O D E S.

Les coiffures restent moins hautes que lorsque les chinoises se sont établies.—Les cheveux de devant sont encore portés par quelques femmes, relevés, sans papillotes ni même de bandeau.—Cette coiffure est un écueil pour beaucoup de personnes.—Elle ne convient qu'à de très-jeunes femmes à la figure douce, à la physionomie calme et enfant,—autrement elle est choquante et sied mal.

Loin d'être faite seulement pour le négligé, elle est au contraire bien en toilette, avec quelque chose qui surmonte et accompagne le visage.

Lorsqu'on met des papillottes, elles doivent faire deux touffes égales, légères, peu tombantes sur les joues.—Au lieu de les séparer dans le milieu par une raie droite, on peut laisser les cheveux de derrière venir en pointe jusque sur le devant;—le dessus de la tête se trouve dégagé.

Par derrière, les cheveux doivent être attachés au sommet de la tête.—Des coques mêlées à des nattes—ou des nattes tournées les unes au-dessus des autres, et formant une petite couronne, du milieu de quoi sort un noeud de gaze, ou des bouts de ruban découpés en pointes.

Cette coiffure bien droite au milieu de la tête est toute dépourvue de grâce, et donne de la ressemblance avec les poupées qu'on voit dans les montres de coiffeurs; mais elle devient tout de suite élégante lorsqu'on l'incline légèrement, et que les rubans sont un peu de côté.

Une petite natte qui descend sur le front, et bordant une touffe des boucles de devant, est aussi d'un joli effet.

Les plumes se placent et entourent la coiffure de derrière, ou en bouquet de côté.—Lorsque ce sont des marabouts, ils peuvent faire une demi-guirlande, en plaçant au bas une bandelette ou un bandeau de bijouterie.

М О Д Ы.

Уборка волосъ не такъ высока, какъ во время введенія Китайскихъ причесокъ.—Нѣкоторыя дамы все еще носятъ передніе волосы, зачесанные назадъ, безъ локоновъ и bandeau. — Эта прическа для многихъ есть камень преткновенія.— Она приспала только къ самымъ молоденькимъ дамамъ, съ смиреннымъ личикомъ и физиогноміею спокойною, такъ сказать, дѣвскою.— Къ другимъ же она совсѣмъ не приспала.

Не только запросно такъ причесываются, но даже и въ нарядъ, съ нѣкоторыми украшеніями, прикрывающими немного лице.

Когда завиваютъ волосы, по дѣлаютъ, на обѣихъ сторонахъ поровну, локоны прозрачные и не закрываютъ щекъ.—Проборъ спереди дѣлаютъ не по срединѣ, но отбира-

ютъ мыскомъ до самаго лба; верхъ головы открываютъ.

Задніе волосы завязываютъ на темѣ.— Пешли, перемѣшанные съ косами—или косы, наложенныя одна на другую на подобіе короны, въ срединѣ бантъ изъ газа, или изъ концевъ, вырѣзанныхъ зубцами лентъ.

Если сія прическа совершенно пряма по срединѣ головы: то весьма некрасива, и придаетъ женщинамъ сходство съ куклами, выставленными у парикмахеровъ на показъ; но дѣлается щеголеватою, когда слегка наклонена и ленты немного на сторону.

Косичка, положенная по лбу, и окружающая одну сторону локоновъ, также очень красива.

Перья накалываются сзади прически, или съ боку, букетомъ.—Марабу можно прикалывать гирляндю, а снизу повязка изъ драгоценныхъ камней.

С М Ъ С Ъ.

Какъ жестоко удостоверитьсь въ пѣхъ случаяхъ, когда имѣешь нужду въ друзьяхъ, что все они были ложные. Уже поздно тогда отдавать предпочтеніе челоуѣку вѣрному и посполняному предъ вѣроломнымъ и легкомысленнымъ. Есть друзья, подобные слѣпцу золота, котораго доброму должно извѣдать прежде употребленія, а не въ поспѣхъ, когда предстанетъ въ немъ надобность. Такъ и съ ласкашелями: ихъ надобно испытать прежде, нежели коснется до нихъ надобность. Минуетъ время опыту, когда мы узнаемъ ихъ по вреду, которій они причиняютъ намъ.

«Семь осьмихъ часшей нашего народа,»—сказалъ въ 1711 году *Аддисонъ*, славный Англійскій писатель: «не имѣетъ ни участковъ земли, ни домовъ, никакой движимой собственности, а должны питаться подѣнщиною»

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 20.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками моды, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 11 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанъа пѣтъ.

Хелициерь.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВРАЧЬ НА СЛАВУ И ВРАЧЬ ПО ЧУВСТВУ.

(Кабинетъ моднаго врача въ Парижѣ.)

Докторъ, копорый находися въ ходу, или въ модѣ, и конораго только что одѣлъ камердинеръ его.—*Эрнестъ*, молодой медикъ, роется въ книгахъ, сидя за письменнымъ столомъ.

Докторъ (своему камердинеру).—Часы! па-бакерку! не шу.

Камердинеръ. Съ поршретомъ Импера-тора Наполеона?

Докторъ.—Нѣтъ, съ поршретомъ Авст-рійскаго Императора.—Сегодня я завспракаю у Посланника, Господина *Аппона*. Подай мнѣ списокъ больнымъ.

Камердинеръ. Сегодня вамъ нужно сдѣлать очень много визитовъ.

Докторъ. Какая мнѣ въ эшомъ нужда, я сдѣлаю только половину визитовъ, и по послѣ завспрака.

Камердинеръ. А больные, копорые ожида-ютъ васъ нынѣшнимъ упромъ?

Докторъ. Я посвящу ихъ вечеромъ. . . Не-большая бѣда, если врачъ опоздаетъ. Заспа-вляя ждашь себя, я вошелъ въ славу. Все заговорили: эшомъ молодой врачъ слишкомъ

заняшь, человекъ съ глубокими свѣдѣніями: у него не достасяшь времени бытъ почтымъ; и черезъ каждую четверть часа я получалъ новыя приглашенія. Теперь ты видишь, что. . . .

Камердинеръ. Число ихъ непомѣрно умно-жается.

Докторъ. Видишь, что я умѣю пользо-ваться своею славою. Вели подавай низень-кую мою одномѣспную карету; да не забудь послать въ нее медвѣжье одѣяло для согрѣ-ванія ногъ. Въ нынѣшнемъ году, благодаря Бога, просудная лихорадка очень свирѣп-ствуетъ.—Эрнестъ, что вы дѣлаете?

Эрнестъ.—Работаю, сударь, учусь.

Докторъ (про себя).—Не глупецъ ли онъ? Три года корпимъ надъ книгами, и никуда не выходимъ изъ моего кабинета, развѣ въ больницу навѣдашься о моихъ больныхъ. Не думаетъ ли онъ эшимъ прославиться. . . . *(вслухъ)* Чѣмъ же вы занимаетесь?

Эрнестъ.—Я изыскиваю начало и причину, столю распротранившихся нынѣ воспали-тельныхъ болѣзней; ихъ, кажется, легко было бы опврапить.

Докторъ. Опврапить, прекрасная мысль! Эшо однѣ только и есть модныя болѣзни. Спрашиваю васъ, что вамъ стога лѣчить останешся. Узнайте, молодой другъ мой, что болѣзней очень мало, что же будетъ,

если вы и шѣ у насъ опнимете?... Видите ли вы, молодые фанатики, куда заводите васъ неисшова спрашивъ къ изысканіямъ и опкрѣпціямъ (*расхаживая и говоря самъ съ собою*). Спопри пожалуй; дай только имъ волю, они сдѣлаются умѣе насъ. Правда, что эпошъ воспитанникъ мой шрудился собственно для меня, и я безъ опасности могу позволить ему... (*вслухъ*). Хорошо, хорошо, продолжайте заниматься. Я ѣду на завтракъ. Если придутъ мои пациенты, примите ихъ.

Эрнестъ.—Но вы не читали еще полученныхъ на ваше имя писемъ (*вручая ихъ*).

Докторъ. Такъ, эпо неопвязчивые больные! увидимъ завтра.

Эрнестъ.—А если они помрутъ сегодня.

Докторъ (съ нетерпѣніемъ).—Если они умрутъ, если умрутъ!..... шакъ чтожь? не ужъ по я долженъ для нихъ убивать себя! Прежде я могъ дорожить эпошъ... (*распечатывая письма*). Генералъ Девальеръ, опставленный съ полупенсіономъ, — изрядный подарокъ. — Живописецъ... Артистъ... Чиновникъ... все сволочь, все въ пятомъ эшажѣ. — Мнѣ некогда взбираться на такую вышину.

Эрнестъ. Я пошелъ бы, еслибъ вы мнѣ позволили.

Докторъ. — Очень радъ. — Г. Командоръ Большаго Креста дѣ *Ферретъ*, Баденскій Посланникъ! Одного только Баденскаго Ордена я не имѣю; цѣпъ ленты бросается въ глаза и крестъ очень красивъ въ пеплицѣ!... нельзя опказать (*развертывая другія письма*). Прусскій Банкиръ. — Англійскій миліонщикъ. — Вы правы, надобно увидѣть, что такое (*распечатывая новое письмо*). Ахъ, Богъ мой, Посланникъ *Донъ Мигуэля* опрокинулъ лошадями; какое несчастіе! Поешшу, чтобы не предупредилъ меня кто либо другой!

Эрнестъ. Боже мой! какое приспрашніе къ иностранцамъ!

Докторъ. Для Медицины нѣтъ иностранцевъ. Всѣ люди для меня равны; я уважаю одно человѣчество.... (*развертывая еще письмо*). Ахъ! Маркиза дѣ Нанжи, у которой я сегодня обѣдаю.

Эрнестъ (съ чувствомъ).— Г-жа дѣ Нанжи! *Докторъ.* — Супругъ ея Депутатъ, често-вѣкъ спрогихъ правилъ, глубокомысленный; онъ никогда не произноситъ рѣчей въ Палатѣ, но голосъ его всегда имѣетъ вѣсъ и онъ можетъ мнѣ бытъ очень полезенъ. Недавно при Королевскомъ Дворѣ упряднилось мѣсто Лейбъ-Медика, которое онъ въ силахъ мнѣ доставить, если захочетъ.

Эрнестъ.—Мнѣ спо! у васъ и безъ того нѣтъ множество.

Докторъ.—Тѣмъ лучше! эпо служишь доказательствомъ заслугъ, талантовъ и общаго довѣрія. Я говорилъ уже объ эпошъ съ Г-жею Нанжи, прелестною женщиною, добродѣтельною и опщеславною. Сін два качества много значатъ; опъ того-то ее такъ много въ свѣтѣ и уважаютъ. Она одна была бы въ состояніи сдѣлать меня извѣстнымъ, еслибъ я не имѣлъ уже извѣстности. Недавно я возвратилъ ей здоровье послѣ болѣзни, опъ которой вы ее пользовали.

Эрнестъ.—(*вздыхая*)— Да, сударь, я провель пять дней и пять ночей у ея постели.

Докторъ.—Эпо правда! я совершенно забылъ объ эпошъ. Она хотя совсѣмъ выздоровѣла и, по видимому, теперь не подвержена никакимъ недугамъ, однакоже она спирадаетъ.

Эрнестъ. — О Небо!

Докторъ. — Три дня пому назадъ, какъ я общалъ ей написать свое мнѣніе о ея болѣзни; но совсѣмъ о томъ забылъ.

Эрнестъ.—Вы могли забыть.

Докторъ.—Мудрено ли при такомъ множествѣ больныхъ; но пока не подали мою коляску, я успѣю написать что нибудь.

Эрнестъ. Въ чемъ состоитъ ея болѣзнь?

Докторъ (пишетъ).—Ничего нѣтъ опаснаго! напрощивъ, въ ней слишкомъ много здоровья, жизни! Въ двадцать пять лѣтъ, не смотря на ея кокетство, она такъ нечувствительна, холодна, даже къ своему супругу, который часто на то жалуется. Эпо обидя; я хочу напугать ее, предписать ей....

Эрнестъ.—Что такое?

Докторъ (продолжая писать). Совсѣмъ правильное правило, подъ опасеніемъ лишиться красоты, свѣжести!.... Ужасная угроза для

пригожей женщины. (*улыбаясь*) Маркизь вѣрно поблагодаришь меня.

Эрнестъ. Конечно!

Докторъ.—Маркизь, которъй мепишетъ въ Пьеры и желалбы имѣть послѣ себя наследника...

Эрнестъ (*про себя съ колкостью*). Тотъ, которъй заживо уже похороненъ!

Докторъ (*запечатавъ письмо и написавъ адресъ*). — Теперь все кончено . . . пора мнѣ ѣхать! — Не забудьте сегодня ушромъ обойти мой госпиталь.

Эрнестъ. Какъ, вы туда не будете?

Докторъ.—Я не могу всего сдѣлать одинъ. Сегодня мнѣ нужно еще получить жалованье отъ Генераль-Шпабъ-Доктора.

Эрнестъ — Моженъ спашься надобно будетъ произвешъ важныя операци, и если онѣ будутъ неудачны. . . .

Докторъ. Тѣмъ хуже для васъ; эшо послушать къ спыду вашему.

Эрнестъ.—А если онѣ будутъ удачны: то всю славу припишутъ вамъ.

Докторъ.—Что эшо значить. . . ?

Эрнестъ.—То, сударь, о чемъ уже давно я хотѣлъ объяснитьсь съ вами откровенно. Три года уже нахожусь я при васъ; я не щадилъ ни времени, ни трудовъ; занятія мои часто были вамъ полезны; но вмѣсто ободренія, покровительства, вы, кажется нарочно, скрываете меня подъ снудомъ.

Докторъ.— Не моя вина, а ваша, когда вы не имѣете нѣхъ качествъ, кои нужны къ доспуженію извѣстности. Вы слишкомъ молоды, слишкомъ робки; не имѣете рѣшимости; пренещаете отъ бездѣлки. На пр. при послѣдней болѣзни Г-жи Нанжи, когда я велѣлъ ей пускить кровь, у васъ рука дрожала. Я предвидѣлъ несчастіе, которое едва не случилось отъ вашей вины; и когда я предписалъ употребить спасительное средство, которое возвратило жизнь больной, я видѣлъ, какъ вы поблѣднѣли и не могли взяться за дѣло. . . . Вы не въ состояніи сами собою ни на что рѣшиться.

Эрнестъ.—Позвольте вамъ сказать, Милостивый Государь, что вы ошибаетесь: средство сіе больной спило бы жизни. —

Докторъ. (*съ насмѣшкою*) — Право! кто вамъ эшо сказалъ?

Эрнестъ. — Самый опытъ; ибо я нимало не слѣдовалъ вашему совѣту: я употребилъ совѣтъ прошивное средство, и Маркиза живешъ еще.

Докторъ (*съ бѣшенствомъ*). — Государь мой, такое неуваженіе . . . такое злоупотребленіе довѣренности. . . .

Эрнестъ.—Вы только одни объ эшомъ знаете; но если я скрываю шо, что моженъ повредить вашей славы, то не скрывайте по крайней мѣрѣ того, что моженъ послужить къ моей чести. Будьте столько же добры, сколько вы опличны своими дорованіями; и идя впередъ, не отказывайтесь поддерживать нѣхъ, которыя за вами слѣдуютъ!

Докторъ.—Завтра, сударь, вы свободны; намъ должно разстаться. (*Обращаясь къ Вильгельму, который только что вошелъ въ комнату*). Ну, коляска подана. . . .

Вильгельмъ.—Готова, сударь.

Докторъ.—Хорошо! Опнеси сей часъ эшо письмо въ домъ Г. Нанжи. Опдай его Маркизь... Слышишь ли, самой Маркизь! (*къ Эрнесту*) Прощайте, сударь (*про себя*). Эшотъ молодой человекъ мнѣ обязанъ всѣмъ... Я обрадовалъ его . . . . какая неблагодарность! (*уходитъ*).

(изъ *Скриба*.)

ВЫБОРЪ ЖЕНИХА.

Что есть женихъба?

Таинство, опвѣчаетъ Духовный.

Законное соединеніе мужчины съ женщиною для сожитія, говоритъ Секретарь Гражданской Палаты.

Нравственное и политическое устанавленіе, возражаетъ Профессоръ Государственнаго хозяйства.

Кандалы, шепчетъ женатый.

Они всѣ четверо правы.

Женясь, надобно отказать отъ независимой, замѣшной жизни молодого повѣсы, отъ сей разнообразной, испещренной цвѣтами, черезъ край пѣнущейся жизни, шо забавной, шо важной, половину которой составляютъ драма и парады, сладостная жизнь быспрыхъ сраженій, побѣдъ и безконечныхъ праздни-

ковъ: вопль почему такъ долго пугаетъ насъ женишба!

Но что значитъ замужство для женщины? Перемена платья и ленивъ: она простое платье дѣвицы мѣняетъ на кружевное; зеленую ленту на жемчужный поясъ. Для нее замужство — балъ послѣ спектакля; прежде она смотрѣла на жизнь только въ профиль, а тогда видитъ ее въ лице. Женишба дѣлаетъ мужчинъ рабами, а женщинамъ даритъ свободу. Мы спарѣемъ, а женщины молодѣютъ; онъ обогащается нашими упратами; супружество доставляетъ имъ послѣдніе остатки нашихъ земныхъ радостей.

Госпожа Букешина не разъ твердила Анетѣ, что пора ей выйти замужъ, и Анета съ покорностью опускала глаза въ землю. Сослуживіе и мать ея позволяли ей выбирать любого жениха; молва возвѣстила, что прелестная и богатая наследница отдастъ свою руку тому, кто ей понравится; за женихами дѣло не шло. Чудно было видѣть ихъ неопычивоеть, стараніе любезничать; заботливость, съ какою они вели наблюдательную и малую войну: жалкіе проспаки!

Каждый изъ нихъ хотѣлъ удивить Анету своими талантами: одинъ живописецъ, другой поэтъ, третій музыкантъ, четвертый лихой наѣздникъ, и прочая, и прочая. Споеило только оплечившись, чѣмъ бы по ни было; ибо часно шарлатанство ведетъ гораздо далѣе, нежели скромное поведеніе. Если бы острое слово заставило ее улыбнуться: то на другой же день всѣ женихи поскакали къ Князю В—му, брашь уроки; если бы она промолвилась, что желала бы имѣть мужемъ Генерала: то многіе Превосходительные прискакали бы въ Питеръ, блеснувъ передъ нею большими эполепами и звѣздами на груди и на плечахъ.

Но Анета не показывала особеннаго приспрасія ни къ оспроумію, ни къ храбрости, ни къ чинамъ.

Коротко сказать, много было званыхъ, да ни одного избраннаго.

Впрочемъ, между искашелями были такіе, которые заслуживали предпочтеніе и могли бы найши путь къ сердцу женщины.

Первый, представившійся нашей красавицѣ, былъ военный, имѣлъ пріятную, но печальную наружность; его черные волосы небрежно разбросаны были по блѣдному челу; взоръ мрачный, черты правильныя и явжныя; физіономія его выражала мечтательность. Но Анета не захопѣла соединиться бракомъ съ Элегіею въ конноегерскомъ мундирѣ.

Потомъ явился прекрасный и ловкій молодой человекъ, служащій въ одномъ изъ Министерскихъ Департаментовъ; онъ явился въ большой свѣтъ такимъ, какимъ его создалъ Занфлебенъ: вывѣскою послѣдней моды; на лицѣ его написано самодовольствіе и счастье. Узелъ шейнаго платка споеилъ ему такихъ же усилій воображенія, какихъ требуетъ сочиненіе классической трагедіи или мадригала въ восемь стиховъ. Анета подумала, что подъ сею щегольскою оболочкою скрывается пустой человекъ съ мѣлкимъ умомъ.

Вопъ и третій женихъ, совсѣмъ въяго разбора, съ шайнственною улыбкою: онъ съ дамами говоритъ на ухо, споеиритъ не видя, и видитъ не смотря; пальцы его унизаны бриллантовыми перстнями, а шея волосною цѣпочкою. Онъ до крайности учтивъ и просподушенъ; слова его подсахарены, носовой платокъ напысканъ духами. Это былъ записной волокита, одинъ изъ тѣхъ баловней Фортуны, которые имѣютъ весьма широкое и укладистое, какъ чемоданъ, сердце. Въ немъ есть уголокъ для сильной спраси и мѣсто для минутныхъ впечатлѣній; въ одномъ уголкѣ его свѣтскія женщины, въ другомъ горнишныя; однимъ словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые живутъ и много и мало, и споевляють послѣ себя наследникамъ кипу любовныхъ писемъ и миниатюрныхъ дамскихъ порпретовъ.

Наша Анета не понимала счастья быть любимою человекомъ, у котораго сердце, какъ рѣпа; которое все изранено спрѣлами любви и все еще цѣло.

Мы никогда бы не кончили своего разсказа, если бы споеали исчислять всѣхъ жениховъ, представлявшихъ нашей причудницѣ.

Одинъ изъ нихъ былъ поэтъ: тяжелый и нескладный въ разговорахъ, но живой и остроумный въ стихахъ.

Анепа судила о пыломъ поэтъ по его вялому разговору.

За нимъ искалъ руки нашей красавицы какой-то Сватскій Совѣтникъ. — Хотѣли ли знать, почему онъ получилъ отказъ? попому, что онъ всѣ чины свои, начиная съ Коллежскаго Регистратора, получалъ за выслугу законами положенныхъ лѣтъ—а ни одного за опличіе. *Анепа* взяла аспидную доску—и вычислила, что нашему претенденту, по крайней мѣрѣ 47 лѣтъ.

Вслѣдъ за Сватскимъ Совѣтникомъ началъ ѣздить въ домъ къ Анепиной матери Графъ *Пустодоловъ*. Сколько нашлось бы на Руси Коммерціи Совѣтниковъ, которые почли бы за превеликое благополучіе видѣть дочерей своихъ Графинями; не лѣсно ли видѣть на дверцахъ ея четверомѣстной каресы гербъ съ двуглавымъ орломъ въ верхнемъ полѣ герба, а въ нижнемъ пушки, спрѣлы, башни и ключи крѣпостей; гербъ въ орденской звѣздѣ, опоясанной широкою лентою, намалѣванною цурикомъ.

Но Анепа не считала за большое благополучіе шишула Сіяшельства и величанія Превосходительною; она искала въ мушкетерахъ свѣтлаго ума, сіяющаго сердца, превосходнаго характера, высокоблагородныхъ нравовъ.

Каждый день она думала о новыхъ женихахъ, и цѣлую жизнь продумала.

А. *Кораблинскій*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Эмилія Галлопши, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ и Медея и Язонъ, трагико-пантомимный балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ. Бенефисъ Актрисы Г-жи Каратыгиной стар. на Большомъ театрѣ, 18 Феврала.

Эмилія Галлопши, естъ впрочемъ и лучшая на Нѣмецкой сценѣ Лессингова, такъ называемая, Мѣщанская трагедія (das bürgerliche Trauerspiel). Она была представлена въ первый разъ на Брауншвейгскомъ те-

атрѣ въ 1772 году. Лессингъ, первый изъ Нѣмцевъ, рѣшился сдѣлать попытку, ввести на сцену Мѣщанскую трагедію и написалъ *Миссъ Сарру Салмонъ* (въ 1750—1755 году), которая имѣла въ свое время большой успѣхъ. Талантъ Лессинга не спасъ его отъ зависти, ненависти и клеветы. По смерти сего Автора-Философа, недовольные его рѣзкими, но дѣльными критиками и сочиненіями, въ которыхъ, правда, иногда вмѣшивался эстетическій натурализмъ, прозвали его Нехристію (Unchrist). Трагедія *Эмилія Галотти* естъ одно изъ лучшихъ сценическихъ произведеній Лессинга; мы рѣшительно назвали бы ее лучшимъ Драматическимъ твореніемъ сего Автора, если бы онъ не написалъ Дидактическую драму *Наванъ мудрый* (Nathan der Weise).

Эмилія Галотти переведена на Русскій языкъ въ 1787 году незабвеннымъ Н. М. Карамзинымъ, и тогда же была играна на Московскомъ и, въ послѣдствіи, на С. Петербургскомъ театрахъ. Нынѣ съ нѣкоторыми урѣзками и вырѣзками сыграли ее опять въ первый разъ (по показанію афиши).

Особенно интересующіе характеры въ сей пьесѣ, по нашему мнѣнію, суть: Маркизь Маринели, тонкій Царедворецъ и тонкій злодѣй; Графиня Орсени, благородно-гордая, пламенно-любящая женщина. Чувство оскорбленной любви затмѣваетъ ея рассудокъ и заставляетъ ее рѣшиться на смерть вѣроломнаго, и Одоардо Галлопши, заслуженный воинъ, умерщвляющій дочь свою, для того, чтобъ скрыть въ землѣ ея позоръ. Въ этихъ характерахъ Лессингъ являлся Философомъ, постигшимъ всѣ изгибы сердца человѣческаго.

Эмилія Галотти разыграна была въ нынѣшній разъ, почти можно сказать, дружно-хорошо. Но не смотря на эпоху *ensemble*, она была принята Публикою довольно холодно: причиною этому обширность большаго театра, отнимающая у многихъ слушателей половину словъ дѣствующихъ лицъ.

Роль Эмиліи Галлопши занимала, за болѣзнію Г-жи Каратыгиной сн., Г-жа Семѣнова. Она и сама явилась недавно на сцену послѣ

продолжительной болѣзни. Это обспоялельство и желаніе Г-жи Семёновой, не останавивъ Бенифиса отказомъ участвовать въ этомъ спектаклѣ, охраняющіе ее отъ невыгодныхъ для нее замѣчаній критики.

Приица, жертвующаго благомъ своего народа безразсудной любовью своей, гоповаго поднесши смертннй приговоръ подданному, не чиня онаго, для него только, чшобъ нѣсколькими минушами ранѣ увидѣть предметъ своей спрасни, этого *Приица* сыгралъ Г. Карашыгинъ см. опчеписно; въ порывахъ же безразсудной любви, онъ былъ совершенъ.

Одоардо Галотти (Брянскій), заставилъ принять въ немъ участіе. Оскорбленная честь и родительская любовь къ дочери, выражены были Г. Брянскимъ вѣрно, даже и въ легчайшихъ ихъ опшпнкахъ.

Маркиза Маринели игралъ Г. Борецкій. Эта роль требуетъ умѣнья выразить шончайшую подаость, замаскированную бездушность. Недоспашокъ этого, (къ счастью людей истинно благородныхъ), не многимъ даннаго, шаланца, въ Г. Березкомъ былъ слишкомъ замѣтенъ и *Маркиза Маринели*, вопреки Авшору піесы, явился на сценѣ благороднѣе самаго себя.

Г-жа Брянская изобразила намъ гордую, оскорбленную любовницу (Графиню Орсини) съ искусствомъ весьма, весьма близкимъ къ совершенству.

Медея и Язонъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ балетовъ. Онъ сочиненъ Парижскимъ балетмейстеромъ Новеромъ; на Петербургскую же сцену перенесенъ Г. Огюстомъ.

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаемъ о томъ времени (т. е. десляпка полшора лѣтъ назадъ), когда играли въ этомъ балетѣ *Медею* Г-жа Колосова см. и *Язона* Г. Огюстъ. Ихъ пантомимы, ихъ мимика говорили съ душою зришеля, передавая ей спраданія Медеи и вѣроломство Язона. Нынѣ Г-жа Колосова пожелала явиться опять на сценѣ Медеєю; но отъ желанія до исполненія, есть, какъ говоритъ Полковникъ Скалозубъ, *дистанція огрошнаго разлѣра*. Видѣ Колосовой заставляла насъ невольно упрек-

нуть время въ шомъ, за чѣмъ оно лишило насъ такой пантомимной панцовщицы. *Крежу* представляла Г-жа Испомина, преемница славы Колосовой.

Колоната, разрушающаяся подъ огненнымъ дождемъ, написана Г. Гонзагою. Искусство сего Декорапюра извѣстно уже публикѣ съ весьма хорошей спороны. Насъ удивила было *воздушная* колесница *на колесахъ*, въ которой Медея изволила путешествовать; но фурія и прочіе духи, прыгавшіе, держа въ рукахъ зажженные факелы, до того сгустили дымомъ отъ эшихъ факеловъ воздухъ, что колеса сдѣлались необходимы и для воздушной колесницы.

НВ. О новыхъ Русскихъ піесахъ, сыгранныхъ въ Петербургскихъ театрахъ съ 1 Января по 1 сего Марша, мы представимъ нашимъ читателямъ вѣрный опчепъ въ скоромъ времени.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БОЛѢЗНЬ.

Еще живу . . . еще мой духъ
Остапокъ жизни ачно ловить;
Но скоро пламенный недугъ
Движене сердца останавивъ!
Трепещетъ блѣдная рука;
Моей души ослабли силы;
По чѣмъ-то жаркая пюска
Порой превожинъ умъ опшпмый.
За чѣмъ и я не могъ мелькнуть
Между людьми виднѣемъ яснымъ?
Хоть бы однимъ, я жизни путь,
Означилъ подвигомъ прекраснымъ!
Вошще я зналъ въ живыхъ мечнахъ
Восторговъ сладостныхъ мукъ,
Не опшывалися въ сердцахъ.
Мои затерянные звуки.
Умру — утихнешъ мѣди звонъ —
Я будто не жилъ подъ луною!
Я будто не былъ оживленъ
Сей волканшеской душою! . . .

Баронъ Розетъ.

*Надпись къ долгу, въ которомъ жилъ поэтъ
Баратынскій, въ Гельзенфорстѣ.*

Случайный гостинь пуспыни Финской,
Полушалунь, полумудрецъ,
Полусоданъ, полуивецъ,
Здѣсь жилъ когда-то Баратынскій.
Загорскій.

С Р А В Н Е Н І Е.

Во мракъ влажныя пемницы,
Куда опъ вѣка лучъ дешицы
Съ лучемъ надеждъ не проникалъ, —
Томился, тихо угасалъ
Въ цѣпяхъ, обросшій бородою,
Во взоръ съ дикою шоскою
Страдалецъ многіе года.
Но вопль, наспала череда
Давно оплаканной свободы;
И для чего-жь?—Его очей
Коснулся блескъ дневныхъ лучей. —
И вдругъ всѣ прелести природы
Предъ нимъ затмилась навсегда!
Такъ рокъ суровый иногда
Нашлетъ спрадальну крестъ мученій,
Гвещеть, гвещеть, —и невзначай
Предъ нимъ откроетъ жизни рай:
Но блескъ восторговъ, наслажденій
Счастливица позднѣго слѣпнеть;
Ему блаженство не по силъ,
И ужъ на немъ — такъ какъ въ могилъ —
Перстъ разрушенія лежнть.

Павелъ Чижовъ.

С H A R A D E.

Le nouvel enrichi, porté sur mon premier,
Qui peut refuser à l'indigent mon dernier,
Ne vaut pas l'animal qui mange mon entier.

Въ No 19 помѣщенная шарада значнть: *Мо-рож-ка.*

M O D E S.

Modes. — Les plus jolis bonnets de soirée sont en tulle avec un seul rang de blonde très-haute. — Un bouquet de petites fleurs posées de côté.

Pour deuil ces bonnets sont charmans en blonde noire, un rang très-haut pour garniture, et des brides en blonde. — De petites fleurs noires très-légères posées sur le devant un peu à gauche en dehors.

Quelquefois sur les bonnets les rubans se posent comme une demi-guirlande très-courte. — Les bouts sont tous découpés, sans coques, et placés un peu en montant, de manière à soutenir la garniture. Cette façon est plus gracieuse et plus légère que les bouts qui, faits en rubans larges, sont massifs et lourds au visage.

On double pour les enfans des chapeaux de castor, quelquefois en satin, quelquefois en peluche. — Ceux de castor blanc, doublés de peluche rose sont extrêmement jolis. Un petit nœud en chou posé au milieu, et autour de la forme trois rubans de satin qui tournent. — Au lieu d'un nœud en cocarde, chacun de ces trois rubans peut se fermer par une petite boucle d'or.

Robes. — Les corsages à châle, draperie croisée, pour négligée, sont toujours en grande majorité.

Les manches étroites et non pas justes sans poignet.

Une fort jolie forme de corsage habillé est à draperie croisée, décolété. — Les plis bordés d'une petite blonde doivent être un peu marqués et en petit nombre. — En joignant à ce corsage des manches courtes, rayées en biais par des blondes, la poitrine et le visage se trouvent entourés d'un nuage léger qui sied parfaitement.

Sur une robe d'étoffe de soie ou satin de couleur on peut rapporter les plis. — Les faire de velours noir ou de couleur assortie, et les border de blonde noire.

Les redingotes plates se soutiennent malgré le grand nombre. — Pour le satin. — Négligé, il n'y a pas de forme plus convenable.

Toujours les jupes plates. — Les biais de velours que nous avons annoncés au commencement de l'hiver, sont très-peu portés.

M O D Ы.

Моды. — Весьма красивые вечерніе чепчики дѣлаются изъ пеминема, обшншы въ одинъ рядъ очень широкою блондою. — На споронѣ букетъ изъ мѣлкихъ цвѣтшвъ.

Для траура чепчики сїи очень хороши изъ черной блонды, обшиные также въ одинъ рядъ широкою блондою и лопоспи блондовья. — Спереди прикальвается небольшой букетъ всякихъ черныхъ цвѣтввъ, наклоня немного на лѣвую сторону.

Иногда ленты на чепчики накальваются короткою гирляндюю. — Концы всѣ вырѣзаны, безъ пешель, и положены такъ, чѣобы поддерживать оборку. Сей фасонъ гораздо красивѣе и щеголеватѣе концевъ изъ широкихъ лентъ, которые такъ тяжелы, чѣобы кажешся, будто давятъ голову.

Дѣшскія каспоровья шляпки подкладываютъ атласомъ и плюшемъ. — Бѣлыя, подложенныя розовымъ плюшемъ, чрезвычайно красивы. Въ срединѣ небольшой бантъ редейкомъ, шуль въ три раза обведена атласною лентюю. — Въмѣсто кокарды можно прикрѣпить каждую изъ сихъ лентъ золотюю пражечкою.

Платья. — Запросно всего болѣе употребляются лифы съ шалью и креснообразными складками.

Рукава узкіе, но не въ обпязку, безъ обшивокъ.

Очень красивый покрой лифа, для наряднаго платья, открытый, съ креснообразными складками. — Складки обшины узенькою блондою, ихъ немного, но онѣ довольно глубоки. — Если къ такому лифу сдѣлашь короткіе рукава и нашьшь рдами въось блонду: то грудь и лице будутъ казаться, какъ въ облакѣ. — Это очень красиво.

На лифахъ платьевъ изъ цвѣтныхъ шелковыхъ матерій и атласа, можно дѣлашь складки изъ чернаго бархата или подъ цвѣтъ, и обшивашъ черною блондою.

Рединготы безъ опидѣлокъ все еще въ модѣ, не взирая на общее употребленіе. — Для атласа, запросно, нѣтъ приличнѣе покроя.

Юбки все безъ опидѣлокъ. — Косыя полоски изъ бархата, о коихъ мы упоминали сначала зимы, очень мало употребляются.

С М Ъ С Ъ.

Благовоспитанный умѣетъ обуздывать порывы гнѣва, не вскрикиваетъ отъ удивленія, не хохочетъ, увидя достойное смѣха, не употребляетъ лзвипельныхъ словъ: онъ уважаетъ достоинство человѣка.

Дерзость, вспыльчивость, грубыя хватки, употребленіе укорительныхъ и привѣтливыхъ словъ безъ вѣса, безъ умѣренности: обличаютъ человѣка худо воспитаннаго.

Не помѣть, кто думаетъ только *хорошо*, можетъ сообщать намъ занимательныя наблюденія, а помѣть скорѣе, кто мыслитъ *оригинально*.

Нѣжное обращеніе опличаетъ благовоспитаннаго человѣка, отъ нѣхъ, съ которыми въ дѣтствѣ обращались грубо и у которыхъ чувствованія зачерснѣли.

Люди, называемые умными, говорятъ, что ненадобно ни къ чему привыкать, и что мы гоповимъ себѣ раскаяніе, предаваясь одной склонности. Благоразуміе, которое велишь отказывашся отъ многихъ пріятностей, для того единственно, чѣобы ихъ не лишиться, кажешся мнѣ спраннымъ благоразуміемъ.

Покойный *Коцебу* давалъ нѣкогда Русскимъ презабавный совѣтъ: онъ убѣждалъ ихъ написать на всѣхъ верстахъ въ Россіи нравственныхъ изреченія и списки, которые могли бы съ пользою оспаваться въ памяти проѣзжихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 21.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 14 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Потщися, опложивъ сужденія пустыя,
Чтобъ прямо показати намъреня благія,
Удерживая языкъ, примѣръ давая собой,
Быль дѣломъ добрымъ, не словомъ, не молвой.
Милтоновъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НЕУМѢСТНАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Одна Англичанка, одѣтая въ прауръ, явилась въ Лондонскую Полицію. Ея слезы, рыданія, глубокая печаль, изображавшаяся во всѣхъ чертахъ ея, все показывало, что она намѣрена открыти какое нибудь важное преступленіе. Директоръ Полиціи, оставя другія нужныя дѣла, съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что скажетъ горестная вдова. Всѣ взоры были обращены на нее; но она долго не въ силахъ была говорить. Наконецъ, вынувъ изъ мѣшка окровавленнаго пѣпуха съ опрѣзанною, только чпо, головою, сказала Директору: «посмотрите, сударь, какъ варваръ изуродовалъ это невинное твореніе!» Видъ пернатой жертвы сопавлялъ такую странную противуположность съ шѣмъ явленіемъ, котораго прежде ожидали, что всѣ присутствовавшіе, не исключая и Директора, подняли громкій смѣхъ. Вдова, пораженная симъ безжалостнымъ поспукомъ, едва не упала въ обморокъ, но ободрилась и отвѣчала на вопросы Полиціи: «виновникомъ сего ужаснаго убійства сосѣдъ мой Г. Гласкокъ; это слѣдствіе мщенія его за то, что мой пѣпухъ побѣдилъ его пѣпуха.»—«Какъ,

сударыня, подхватилъ Начальникъ Полиціи, рѣвъ вы занимаешься пѣпухимъ боемъ?»—«Совсѣмъ нѣтъ, сударь, отвѣчала вдова, подавляя слезы, я не споль безчеловѣчна, чтобы видѣти спраданія сихъ бѣдныхъ живошныхъ. Моего пѣпуха, несчастнаго пѣпуха заспавишь бишься изъ денегъ, нѣтъ, никогда! Впрочемъ, покойникъ былъ не прусъ. Не смотря на всѣ мои спаранія держати его въ заперши съ курами, которыхъ я купила для него, чтобы ему не было скучно одному, онъ успѣлъ перелетѣти черезъ заборъ сосѣдняго двора, чтобы наказати другаго пѣпуха за его заносчивость. Хозяинъ сего послѣдняго, злодѣй Гласкокъ, выбѣжалъ съ обнаженною саблею въ рукѣ и невинная жертва пала въ семъ неравномъ бою.»—«Чтожь за бѣда, сказалъ бывшій припомъ молодой писарь, положили въ горшокъ своего пѣпуха, или сдѣлайте изъ него жаркое.»

Вдова отвѣчала, что она скорѣе умретъ съ голоду, нежели спанетъ кушати пѣпуха, доставшагося ей по наслѣдству отъ матери; она прибавила, что спшавишь ему надгробный памятникъ на ппичьемъ дворѣ, но не прежде, какъ развѣдается формою суда съ Г. Гласкокомъ.

Директоръ Полиціи объявилъ, что онъ не властенъ разбирать подобныя дѣла, и что она должна обратиться въ установленное для сего судебное мѣсто съ своею жалобою; оно присудитъ Г. Гласкока заплатить ей, цѣну пѣшука, со всѣми пропорами и убытками.

Приспешница удалась, оставя присущствующихъ въ самомъ веселомъ расположеніи и, между тѣмъ, она снова начала плакать и прижимать къ сердцу бранныя останки пѣшука, приговаривая: «что мнѣ до пропорей и убытковъ, если злодѣй за такое неслыханное пресупленіе не будетъ повѣшенъ? Бѣдный мой дружокъ, прибавила съ болѣею нѣжностью чувствительная вдова, ни я, ни цыплята, дѣни швой, тебя болѣе уже не увидятъ!»

(изъ *Furet.*)

О картинкахъ модѣ, при которыхъ выдаются книжки Московскаго телеграфа, и прочая.

Издаешь Московскаго Телеграфа въ No 20 за 1830 годъ, додаваемого имъ своего журнала, изъясняетъ негодование противъ новыхъ временныхъ изданій, осмѣлившись объявить, что и при нихъ будутъ выдаваемы модныя картинки, да еще и въ болѣемъ количествѣ, нежели при *Телеграфѣ*, да еще и лучшаго качества, нежели при *Телеграфѣ*.—*Еслибъ де мы знали программы новыхъ Журналовъ*; — пишетъ Г. Полевой (No 20, стр. 598): *мы выкинули бы картинку модѣ изъ Телеграфа!*—На сію выходку Издаешь *Молвы* (No 7, стр. 8) отвѣчалъ: «намѣреніе благородное, показывающее великое самоопроверженіе! чтожь мѣшаетъ однако же его выполнить? *Телеграфа* вышелъ еще только одинъ номеръ за нынѣшній годъ, и Издаешь знаетъ уже не только программы новыхъ Журналовъ, но видитъ и самыя ихъ книжки: такъ почему же не отваживается онъ на эпошъ *Дециевскій* подвигъ? Время еще не ушло! Выкиньте, сударь, выкиньте эти дѣпскія побрякушки изъ вашего *Телеграфа* и—подрѣжьте ужь его совершенно, подъ самый корень! Тогда безпристрастное попосиство скажетъ объ немъ по крайней мѣрѣ: онъ позналъ при

дверяхъ гроба тцету своего мнилаго велигія—и положилъ самъ конецъ жизни, сдѣлавшейся для него бременемъ!»

Эпизодъ.

Когда я, нижеподписавшійся, получилъ No 8 *Молвы* и No 20 *Московскаго Телеграфа* и пробѣгалъ вышеприведенное замѣчаніе Г. *Надеждина*, вошелъ ко мнѣ одинъ мой знакомецъ и, увидя, что я помираю со смѣха, взялъ изъ рукъ моихъ *Молву*, прочиталъ и сказалъ мнѣ: «съ 1825 года, по моей должности, обязанъ я былъ объѣзжать при-Донскія и при-Волжскія губерніи, жить въ губернскихъ, и даже иногда въ уѣздныхъ городахъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Должность же моя заставляла меня заводить знакомства съ окружающими тамошними помещиками: ты видишь, что я имѣлъ досуги и способы дѣлать надъ ними свои философическія наблюденія. Повѣрь же мнѣ, брагнецъ, что въ болѣеи части тѣхъ домовъ, гдѣ получается *Московский Телеграфъ*, находилъ я, что только извѣстія о новыхъ Парижскихъ модахъ, да изрѣдка сказочки были читаны, а прочіе листы осматривались совсѣмъ неразрѣзанными.»—«Какъ!» возразилъ я: «не ужели и необыкновенная на Русскомъ языкѣ спашья о новомъ драматическомъ искусствѣ во Франціи, не читается?» «*Не читается!*» хладнокровно возразилъ мнѣ пріѣзжій, раскуривая дванадцатую трубку. «О квасные патриоты!» возопилъ я: «не ужели и тѣ спраницы номера, *Московскаго Телеграфа* на 1831 годъ, гдѣ напечатано слѣдующее мѣсто, осматриваются неразрѣзанными?» Тутъ схватилъ я вышеупомянутую книжку М. Т., развернулъ на спраницѣ 6-й и прочелъ надъ ушами моего знакомаго путешественника, у котораго сердце было ледяное и который принадлежалъ къ поклонникамъ *Карамзина*, опривокъ, по моему крайнему разумѣнію, чудный, исполненный краснорѣчія высокаго, заоблачнаго... но за чѣмъ распространяться въ похвалахъ оному? читайте и оцѣните сами: «Такова была Логика Исторіи, которая «изъ двухъ опытовъ XVI-го и XVII-го вѣка, «соединенныхъ вмѣстѣ и уравненныхъ однимъ «съ другимъ, извлекла смѣлую мысль; общице»

«идя, то есть, основаніе свободы, бывшее «сплицибельнымъ характеромъ XVIII - го столѣтія. Это влекло за собою необходимо «другое. Все что частно, то мѣстно. Та- «кимъ образомъ революція Пропешпанская и «революція Англійская не перешла за предѣ- «лы назначенія, огромныя, но ограниченныя, «которыя занимали онѣ болѣе сплѣтъ, «ибо ихъ существованіе не заключало въ «себѣ общности. Можно привесши ихъ къ «идеѣ общности; но онѣ не представляющъ «намъ самой идеи. Между тѣмъ, только об- «щце всемъ приличествуетъ и, слѣдственно, «можетъ ко всему прилагаться и повсюду «распространяться. *Общность идей* имѣетъ «необходимымъ слѣдствиемъ распространеніе, «растопительность ихъ.» Я остановился— и съ важнымъ видомъ спросилъ: «каково?»— Знакомецъ мой, вмѣсто ожидаемыхъ мною восторговъ, восклицаній, изумленія, сухо оп- «вѣчалъ, что онъ тушь ничего не понималъ. «Какъ!» вскричалъ я тогда въ ярости, «какъ! ты не постигаешь красоты этихъ огром- «ныхъ, ограниченныхъ предѣловъ;— не чувств- «вуешь магической энергіи, сколько часто по- «вторяемаго слова: *общность*, не удивляешься *растопительности*, *мопостству идей!*»— «Это что-то такъ громко, высоко! — Божусь шебѣ честию, что не могу добраться до смысла;» сказалъ онъ.

«Ни я шакже!» — любезные чипатели.

А. Кораблійскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЕМЪ МОЛОДАГО РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Выѣхавъ изъ Праги вечеромъ, мы прибли- «жались упрямъ къ Карлсбаду. По обѣимъ «сторонамъ дороги мелькали деревни; быстро «капились мы по извилистому, но ровному «шоссе—и вдругъ вправо, предъ нами открыл- «ся Engel-Hause. Среди обширной равнины, «окруженной лѣсомъ, возвышается огромный «ушесъ, увѣнчанный сѣдыми развалинами ры- «царскаго замка. Преданіе сохранило о немъ «печальную повѣсть, которую и теперь раз- «сказываютъ жители. Время его разрушенія не

извѣстно; вѣроятно, однакожь, что оно по- «слѣдовало въ 30 лѣтнюю войну, когда боль- «шая часть сихъ убѣжищъ истреблена была «Австрійскимъ Императоромъ. Изъ древнихъ «сплѣтъ замка выглядываютъ новыя развали- «ны сторѣваго дома Графа Цернина. У по- «дошвы ушеса находится небольшая, спа- «ринная шалеваѣ фабрика и голическая цер- «ковь. Сей ушесъ, съ своими руинами, ка- «жется кафедрою природы.

По ту сторону замка, сосновыя лѣса спа- «новятся гуще, а горы возвышеннѣе. Вскорѣ «Нѣмецкій постилонъ, зашормазивъ колеса «нашей кареты, погналъ лошадей во всю рысь, «не смотря на крутизну спуска. Великолѣп- «ное шоссе (укачь), поддерживаемое по бокамъ «крѣпкими сплѣнами, подобно огромному змѣю «обгибаетъ горы; долины соединяются арка- «ми. Прежде была здѣсь дурная мостовая, — и хопи гораздо ближе, но несравненно круче «вела въ плѣсную улицу города; новая дорога «существуетъ съ плѣхъ поръ, какъ жилили онаго «опрокинули Императора Франца. Онъ «былъ здѣсь съ дочерью своею Марією Луизою; «добрыя Карлсбадцы высыпали къ нему на «встрѣчу, изъ усердія выпрягли лошадей и, «спуская тяжелый экипажь по крупной улицѣ, «повалили карету со всемъ грузомъ: Импера- «торъ назвалъ ихъ дураками и построилъ «имъ шоссе.

Прежде, нежели вѣхали мы въ Карлсбадъ, «долго вершѣлись вокругъ него, какъ око- «ло завѣтнаго клада; съ удивленіемъ увидѣли «на днѣ глубокой пропасти разбросанные до- «мы, горы, церкви, мосты, луга и все это «въ дымномъ облакѣ Шпрудели. Быстрая р. «Тѣппель, озаренная полдневнымъ солнцемъ, «блистала въ промежуткахъ, какъ лезвее Ин- «дѣйской шпаги. Наконецъ мы достигли Эгер- «скаго моста, красиво брошеннаго чрезъ Тѣп- «пель. Недалеко отъ паденія ея въ Эгеръ мы «остановились, чпобъ полюбоваться велико- «лѣпными видами: съ обѣихъ сторонъ высо- «кія горы, сближаясь, сплѣняютъ ущеліе, въ «которомъ шайтся Карлсбадъ, перерѣзанный «рѣкою Тѣппель; позади насъ открывалась ши- «рокая равнина, орошаемая Тѣппелемъ и Эге- «ромъ, за нею синѣлись опдаленныя горы. «Бока Гаммера и Крейцберга образуютъ хол-

мы, покрытые полями, лугами и садами; памъ и сямъ бѣлющъ разбросанные домики; берега Эгера, заселены многочисленными деревнями. При первомъ взлядѣ Карлсбадъ удивилъ насъ своею спранною физіогномією: направо, въ густой зелени, мы увидѣли красивую бесѣдку съ Греческимъ порпикомъ; далѣе голый утесъ надъ Тѣпелемъ служилъ подножіемъ спатувъ св. Бернарда; возлѣ него стоилъ храмъ Ионической Архитектуры. Нѣсколько ступеней, изсѣченныхъ въ камнѣ и узкое ущелье ведутъ въ длинную галерею Нейбруна; многочисленныя, стройныя ея колонны, отражающіяся въ водахъ Тѣпеля; пестрыя толпы больныхъ гуляютъ подъ свѣшлыми порпиками въ тѣни каштановъ, вокругъ цѣлебныхъ источниковъ. Намѣво тянется, прислоненный къ утесамъ Крейцберга, длинный рядъ спарыхъ пѣпизажныхъ домовъ, безъ дворовъ, съ яркими вывѣсками, съ шупыми Манзардовыми пестрыми черепичными кровлями, копорыя приводили когда-то въ опчаяніе Винкельмана. Заплавивъ мостовицу, мы прослушали рѣзкій зыкъ трубы изъ замка; обычай древній, прежде гостепріимный, а теперь доходный. Тѣсною и грязною улицею подѣхали мы къ мосту Mühlbrunn.—Дорическая колоннада эпого колдца замѣнила мельницу, копорой онъ сохранилъ названіе. Немного далѣе Карлсбадская площадь, украшенная старинною спатуею Императора Карла V и фонпаномъ; на площади старинный замокъ съ высокою подзорною башнею: эпо здѣсь пристань всей Карлсбадской торговли; сюда же по праздникамъ собирается весь народъ; любой Московской дворъ обширнѣе всей площади.

Съ площади улица, изгибаясь, ведетъ на мостъ св. Непомука, съ копорого представляется вся внутрѣнность и наружность Карлсбада: отсюда видно все печеніе большой рѣки Тѣпеля; обѣ визи; кашпанами усаженные; древнюю двубашенную церковь и куполь Спрудела съ длинною колоннадою; кругомъ скалы, дома, лѣсъ — а на самомъ мосту спатую покровишеля Богеміи св. Непомука. Окреспныя горы, опредѣляющія печеніе эмвистой рѣчки, похожи на опрокинутыя фешоны богатой драцировки. Цологіе

скапы покрыты полями и разбросанными домиками; крупныя скалы поддерживаются каменною улицею визи; многія вершины покрыты густымъ сосновымъ лѣсомъ, иныя обнажены и порчащіе черныя утесы ихъ озвачены освѣщенными крестами: искусство, природа, религія стеклись сюда для больныхъ. Ночь въ Карлсбадъ особенно величественна: едва опустится она мрачный свой покровъ, линіи, формы кругомъ исчезнутъ; разсѣянные огни домовъ, лампы горныхъ часовень, фонари на высокыхъ крестпахъ, чистыя звѣзды ночи и одинокій мѣсяць сверкая освѣчаютъ глубокую бездну, въ копорой водворяется тишина и молчаніе; пропивъ самаго моста замѣпно въ горѣ мѣсто Ф. В., нависнувшее балкономъ надъ самымъ городомъ.

Виза совсѣмъ не лугъ, но шѣсное пространство между скалами и рѣкою, на копоромъ едва помѣщается узкой рядъ домовъ и неширокая улица, заставленная лѣшными лавочками. Надъ домами возвышаются другіе дома, соединяющіеся съ нижними посредствомъ изсѣченныхъ въ скалѣ ступеней. Еще выше скалы и утесы; надъ ними лѣсъ и кресты, водруженные набожными Карлсбадцами. На лѣвомъ берегу новая виза немного ширѣ и пространнѣе первой, но мало привлекаетъ гуляющихъ.

Ничто не можетъ быть очаровательнѣе и семейнѣе Карлсбадскаго ушра: съ первымъ лучемъ зари густая завѣса шумановъ поднимается волнуясь, и поспешенно обнажаетъ и луга и городъ, и лѣса; освѣженные росой горы дымятся пышною жертвою Творцу. Солнце поздно является на горизонтѣ и въ быспромъ лучезарномъ шествіи своемъ по вершинамъ горъ, щедро сыплетъ и золото и пурпуръ и веселье на городъ, на лѣса, и въ сердца безпечныхъ гостней Спрудела. Все воскресаетъ съ ушромъ: колоннады наполняются больными, рынокъ припасами, церковь боготомльцами, гулянья праздными и здоровыми: поуднѣ всѣхъ появляются Докпора. Воды пьютъ въ 5 часовъ, опъ 6 до 16 спакановъ чрезъ каждыя четверть часа; послѣ иного часа гуляютъ и подъ кашпанами визи уже гостовы сполы съ кофеемъ, нетерпѣливо ожидаемымъ. Между тѣмъ, раскрытыя лавы

пріѣзжихъ купцевъ привлекаютъ любопытство шолцы; гулянье продолжается по берегамъ Тѣппеля и по ближнимъ горамъ до самага обѣда, ш. е., до 2 ч.; попомъ разѣзжаются по деревнямъ и живописнымъ окрестностямъ, или собираются въ дружескія бесѣды; или танцуютъ въ Саксонской залѣ: шакова спокойная, вольная, безпечная и здоровая жизнь Карлсбадская, которая болѣе измѣчивается болѣзней, нежели самья (впрочемъ весьма дѣйствительныя)—воды.

Въ концѣ спарой визы находится небольшая площадь предъ Саксонскою залою, гдѣ бываетъ лучшій обѣдъ и по Воскресеньямъ танцуютъ; рядомъ съ нею зала Бегемская съ билиардомъ: наконецъ, городская закупа съ строгимъ запрещеніемъ проситъ милосынню; Карлсбадъ, куда спекается множество богачей со всего свѣта, недосупенъ спраждающимъ болѣзною нищеты!

Слѣдуя по лѣвому берегу Тѣппеля, вы видите на другой ея споронѣ красивую гидравлическую башенку; огромные утесы Принца Фридриха; живописную бесѣдку Доропей, Герцогини Курляндской, и у подошвы холма кислый колодезь холодной воды подъ Греческимъ порпикомъ; вся эта часть составляетъ прелестный Англіійскій садъ. Съ правой, крупная и лѣсистая Гаммербергъ съ разными по ней дорожками. У Карлова моста начинается прекрасная алея пополей, ведущая чрезъ лугъ въ Поспгофъ. Въ Поспгофѣ есть танцовальная зала и угощеніе дается въ колоннадѣ, насупрошивъ высокой Лоренцбергъ. Не оставяя Тѣппеля густыя алеи приводятъ въ Freundschafts-Saal, гдѣ также танцуютъ и обѣдаютъ; далѣе бумажная мельница; наконецъ живописный Гаммеръ, заселенный сполярами и славный своими форелями: всѣ сіи мѣста служатъ ошдохновеніемъ для гуляющихъ.

Отъ Гаммера поворота въправо, вы оставяете Тѣппель и объѣхавъ Гаммербергъ находите древній замокъ: опускной мостъ замѣненъ каменнымъ; рыцарь тракширшикомъ; здѣсь найдете все и древній прекрасный видъ и прежде неизвѣстный кофе и шоколадъ. Отъ Эйха ходятъ пѣшкомъ черезъ гущой лѣсъ къ Ивановской свадьбѣ; паспухъ,

бывшій нашимъ вожакемъ, рассказалъ намъ слѣдующее преданіе. «Однажды нашъ братъ паспухъ пасъ здѣсь свое стадо; это было уже давно. Во время его сна, стадо перебралось за Эгеръ, который внезапно разился паспухъ проснувшись, сильно горевалъ о своемъ стадѣ. Вдругъ изъ закипѣвшихъ волнъ явилась ему прелестная женщина съ зелеными волосами; она общала паспуху спашни его стадо, и сдѣлашь его самага счастливымъ и богатымъ, если онъ ее полюбитъ. Паспухъ недолго думалъ и согласился; пушь, опкуда что взялось, и сосѣди ему завидовали; но его мучила совѣсть. Особенно ему не нравились въ его возлюбленной зеленые волосы. Къ тому же онъ влюбился въ дочь сосѣдки и по совѣту Священника рѣшился разорвать связь съ нечиспымъ духомъ и жениться на сосѣдкѣ. Сказано, сдѣлано: назначенъ день свадьбы; госпи созваны, музыканшы голповы, и Священникъ въ облаченіи ждешъ чешу. Но вдругъ ударилъ громъ, засверкала молнія, закипѣлъ Эгеръ; домъ, церковь рухнули, а госпи, музыканшы, новобрачные, Пастырь превратились въ уродливые камни, нависнувшіе надъ Эгеромъ. Разъяренная Русалка высунулась до половины изъ воды, съ презрѣніемъ взглянула на жертвы своего мщенія, громко захохотала и, махнувъ рукою, исчезла! Изъ Эйха обратный пушь въ Карлсбадъ лежитъ черезъ Эгерской мостъ.

Гора Гаммеръ, которую мы объѣхали почти въ два часа, покрыта еловымъ лѣсомъ, перерѣзана во всѣхъ направленіяхъ дорожками и служить паркомъ Карлсбаду. На самой вершинѣ ея, надъ роскошною долиною, поставленъ прелестный храмъ Финдламера; на ней же пирамида, воздвигнутая сему Англичанину благородными Карлсбадцами. Изгнанный соотечественниками, Финдламеръ былъ обожаемъ Нѣмцами: Саксонія, обыкновенное мѣсто его жительства и Карлсбадъ вездѣ являютъ слѣды его щедрости и вкуса. На скалѣ Гаммер-берга къ Эгеру находится спрѣлецкой домъ, гдѣ хранился *цѣль Петра I.* Его память живо сохранилась въ Карлсбадѣ; жители имъ гордятся и безпрестанно рассказываютъ о немъ новые анекдоты: дошповѣрше всѣхъ шопъ, что онъ побилъ од-

ного каменьчика, который, какъ ему показалось, надъ нимъ смѣлся — но опкрывъ свою ошибку, далъ ему палеръ. Не далеко отъ Спрѣлецкаго дома пракширъ, вѣроятно въ насмѣшку называемый маленькимъ Версалемъ.

Другое мѣсто прогулки называется *Вѣчностъ*. Надобно подняться по Андреевской улицѣ, мимо церкви того же имени; въ ней находится прекрасная картина св. Апостола Андрея Первозваннаго на креслѣ, какъ увѣряютъ, Леонарда-Винчи; крутой Крейцбергъ обгибаетъ шоссе; сперва павильонъ съ камеробскурою; тамъ при крестѣ, со всѣхъ сторонъ видныя, отъ коихъ гора получила названіе; далѣе Грабъ — наконецъ, глухо безъисходное мѣсто: это *Вѣчностъ!*

Горы образующіе пѣсную Карлсбадскую долину сосной изъ граница и покрыты сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. Некопорыя вершины обнажены, другіе спускаются къ рѣкѣ холмами, или поддерживаются крупною спѣною утесовъ. Отъ различной, но всѣ посредственной вышины: Hirsch-sprung выше Гаммерберга; Крейцбергъ выше Гиршпрунга; Грибъ выше Крейцберга; Лоренцбергъ кажется выше всѣхъ. Подошвы ихъ орошаются быспрою, извивистою рѣкою Тѣппель; которая отъ дождей и снѣговъ часто и внезапно разливаеція, причиняя немалый вредъ жишелямъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ИЗОБРАЖЕНІЮ МОЛОДОЙ МАТЕРИ.

О матеръ юная! твоя ликъ
 Божественный съ любовью скромной,
 Обворожая нѣгой томной,
 Глубоко въ душу мнѣ проникъ!
 Какъ сладко бы къ уснамъ пурпурнымъ
 Въ восторгъ пламенномъ прильнулъ,
 И взоръ со взоромъ сливъ лазурнымъ,
 Въ небесной нѣгѣ попоулъ. . . .
 Но взоръ твой материнской, нѣжной
 Въ малюшку милаго вперенъ,
 И дышешь спрасью не мятежной,
 Но часпой, тихою, какъ онъ!

Изъ подъ руки твоей лилейной
 Млекою обильна грудь скользитъ —
 И я смѣрю благоговѣнно. . . .
 Ахъ! эша чаша *жизнь* хранишь!

Благословейна чаша жизни!
 Въ ней сокровенны отъ очей
 И доблести сыновъ отчизны.
 И добродѣтели небесъ.

О какъ умильно положенье
 Малюпки милаго сего!
 Я съ жадностью предназначенье
 Желалъ бы угадать его.

Я-бъ угадамъ — когда-бъ живылъ
 Его черты я видѣшь могъ —
 Кѣмъ былъ бы сей любви залогъ,
 Дельющій сосцы младыя! —

Что, если-бъ новый Прометей
 Одушевилъ чешу вдругъ эшу —
 Какъ сладостно-бъ къ груди моей
 Прижалъ васъ, дорогихъ Поэшу!

В. Романовичъ.

Н О Ч Ь.

Ночь! приди и очаруй
 Одръ мой сномъ, поску забвеньемъ,
 Успокой меня видѣньемъ,
 Отдыхъ сладкій мнѣ даруй!

* * *
 Пусть увижу милый взоръ,
 Пусть услышу милой рѣчи,
 И до новой, лучшей встрѣчи
 Поведу съ ней разговоръ.

* * *
 Но когда блеснетъ опять
 Лучъ завистливой денницы,
 Ты не вдругъ покинь зеницы,
 Погоди покровъ сниматьъ.

* * *
 Замѣля счастья дни,
 Дай видѣньемъ насладиться,
 Дай мечтъ мечшой упиться, —
 Сопъ хошь эшамъ обмани!

Енисейскъ.

И. Петровъ.

Ш. А. Р. А. Д. А.

Слогъ *первой* въ Азбукѣ у насъ
 Между согласными найдешь;
 Но если къ оному у васъ
 Мое *второе* приплетешь,
 То выйдешь буква хоть и ша,
 Но ужъ спаришаго названья;
 Въ другомъ же смыслъ принята:
 Она всѣ прочія созданыя
 Пишашъ, грѣшъ и живишъ,
 И вновь въ себя преобращашъ. —
 Хохошь, (*) слогъ *третій* говоришъ,
 Коль несогласье изъясляешъ;
Послѣдній слогъ опять искашъ
 Въ Гражданской Азбукѣ придеши:
 Теперь, чѣмъ цѣлое узнашъ
 Скажу: съ начала продаешъ
 Оно на блюдечкахъ у насъ,
 А шамъ ужъ цѣлыми лопками,
 И можешъ манивало васъ
 Искать себя и межъ кустами.

В. Шелховъ.

Въ № 20 помѣщенная шарада значить: *Char-don.*

БИБЛИОГРАФІЯ.

Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича. *Санктпетербургъ, печатано въ Типографіи Х. Гинце. 1831. Двѣ части; въ 1-й 316 ст. во 2-й 270 ст. въ 8 д. л. (**)*

Трудолюбивый и ученый изыскатель матеріаловъ для Россійской Исторіи, В. Н. Берхъ, оказалъ Русскимъ вновь истинно большую услугу, предъставъ имъ въ словесной, вѣрной картинѣ Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича: Царя-законодателя; Царя-завоевателя Украйны, Бѣлоруссіи, Липвы. Краски для сей картины почерпнушы Г. Берхоль изъ рукописей, случайно имъ отысканныхъ, рѣдкихъ иностранныхъ книгъ (Латинскихъ, Голландскихъ, Шведскихъ, Польскихъ и другихъ) и изъ первой части полного собранія

(*) Молороссіянинъ.

(**) Продается у самаго Издателя И. В. Сленина и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина по 12 руб. За пересылку предлагается 2 руб.

Государственныхъ законовъ и четвертой части Государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Въ началѣ первой части книги: *Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича*, помѣщенъ взглядъ (бѣглый, но довольно вѣрный) *наполитическое отношеніе Россіи къ прогимъ Державамъ въ началѣ XVII вѣка*. Въ концѣ же сей части находится: повѣствованіе о заключеніи Папскаго Никона и о его кончинѣ, сокращенное обозрѣніе жизни сего Папскаго и снимокъ съ его подлиса.

Вторая часть содержитъ обозрѣніе дѣяній Царя Алексѣя Михайловича, какъ Государя и какъ семьянина; примѣчанія; извѣстіе о кометѣ 1664 года, сообщенное Астрономомъ нашимъ Г. Спашикимъ Совѣтникомъ В. К. Вшивевскимъ; списки Папскаго Никона, дѣяній Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, Боярамъ и проч. Польская хроника, съ 1654 по 1673 годъ, (это любопытный и важный матеріалъ для Исторіи Малой Россіи) и грамоты: къ Кипайскому Бодыхану и жалованья Борису Маркову и Степану Масолву. Кромѣ сего помѣщено во 2-й части описаніе огромнаго серебрянаго паникадила, (во 113 пудовъ) пожертвованнаго въ Успенскій Соборъ Бояриномъ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ. Паникадило сіе, которое блаженной памяти Императоръ Павелъ I-й называлъ *серебрянымъ львомъ*, похищено Французами или ихъ сподвижниками, въ 1812 году.

Книгопродавецъ И. В. Сленинъ изданіемъ книги: *Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича* заслуживаетъ благодарность читающей нашей Публики. Жаль только, что книгу сію напечаталъ онъ въ Типографіи Х. Гинце, извѣстной неисправленіемъ корректуръ. Едва пятая доля опечатокъ показана въ концѣ помянутой книги.

MODÈS.

Lingerie. — Pour le matin avec les robes peu habillées, il n'y a rien de mieux que les petites collerettes à plis et tuyaux. — En mousseline bordée d'une petite dentelle. — Celles plus grandes pour mettre chez soi, sont bien aussi avec deux rangs étagés qui tombent assez bas; le haut doit être formé de trois ou quatre

petites rangs hauts de trois doigts à petits tuyaux. — Les deux rangs tombant, à plis seulement.

Ce même genre de collerette se fait aussi en tulle ou dentelle.

Les manchettes ne se portent plus. — Quelquefois on voit à des robes très-négligées une bande plate, c'est le bas une manche de dessous, en mousseline double, qui passe comme un liseré, ou il relève sur la manche de robe haut comme le doigt.

Quelquefois aussi le bas de cette manche est bordé d'une garniture de batiste, à petits plis, haute de deux doigts.

Nouveautés. — Les ceintures de velours uni sont jolies sur les robes d'étoffes de laine.

On porte fort peu de sautoirs. — Ainsi nous avons peu de nouveau. — Pour le matin ceux qui sont bien, sont en gros de Naples à raies ou carreaux. — Ils sont petits, en pointes, et se mettent en cravates. — On en voit quelques-uns pour le soir en crêpe de Chine à broderies ou dessins d'or. — A broderies ou dessins de couleur.

Les nœuds de cou en velours, ou en rubans de satin, se font comme des rosettes, les bouts en pointes. — L'épingle se place au milieu.

Meubles nouveaux. — Un charmant meuble convenant parfaitement à un petit salon, ou un boudoir, sont des vases de cristal, faits en corne d'abondance reposant sur un socle également en cristal, où ils sont fixés pour ne pas vaciller par une petite figure de bronze doré, représentant une tête ailée, un papillon ou une fleur.

Ces vases se font en cristal blanc ou de couleur.

Planche No 6. Toilette de bal.

М О Д Ы.

Белье. — Утромъ съ простыми плащьями, всего лучше небольшія борочки, перебранныя въ складочки или шрубочками; ихъ дѣлаютъ изъ кисеи и обшиваютъ узенькимъ кружевомъ. — Борочки другаго разбора, которыя носятъ только дома, въ двѣ широкія висющія оборки, одна другой ниже, просто складками; вверху же узенькія оборочки въ три или четыре ряда, не ширѣ трехъ пальцевъ, сдѣланы шрубочками.

Такіе же борочки дѣлаются изъ пюля или кружева.

Манжеть болѣе не носятъ. — Иногда у самыхъ простыхъ плащевъ выставляются рукава нижняго плащья, сдѣланные изъ кисеи вдвое; они видны, какъ рубчикъ, или заворочены на верхъ шириною въ палецъ.

Иногда также книзу рукава пришивается батисповая оборочка, перебранная въ самыя мѣкія складочки, не ширѣ двухъ пальцевъ.

Новости. — Пояса изъ гладкаго бархата очень красивы на плащяхъ изъ шерстяной матеріи.

Маленькіе шарфы (sautoirs) не въ большемъ употребленіи. — Опъ того въ семь родъ и не много новаго. — Для упря довольно красивы изъ клѣпчатаго или полосатаго гроденапля. — Они не велики, съ острыми кончиками и надѣваются галсучкомъ. — Вечерніе же дѣлаютъ иногда изъ Кипайскаго крепа, вышитые золотомъ или шелкомъ. — Также рисованные золотомъ или красками.

Галсучки бархатные или изъ апласныхъ леннъ дѣлаются спереди розеткою съ острыми кончиками. — Въ срединѣ закалываются булавкою.

Новые мебели. — Для украшенія будуаровъ или небольшихъ гостиныхъ, дѣлаютъ прекрасныя хрустальныя вазы, на подобіе рога изобилія; ихъ ставятъ на такомъ же шедеврѣ; къ нимъ прикрѣплены небольшою фигурою изъ вызолоченной бронзы, представляющею крылатую головку, бабочку или цвѣтокъ.

Вазы сіи дѣлаются равно изъ бѣлаго и цвѣтнаго хрустала.

Картинка No 6. Бальный нарядъ.

С М Ъ С Ъ.

Пока новая любовь есть въ насъ упоеніе и спрассъ: до тѣхъ поръ она живешь болѣе въ чувствахъ, нежели въ душѣ.

Два противныя чувства владѣютъ всѣмъ одушевленнымъ: любовь и ненависть. Одна привлекаетъ, другая отпалкиваетъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 22.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 50, съ до-сважкою и пересылкою 55 рублей.

СРЕДА, МАРТА 18 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться;
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СТРАСТНЫЙ ЛЮБОВНИКЪ.

Г-жа Т. . ., одна изъ лучшихъ танцовщицъ театра *Opera*, недавно была на Опевильскомъ балѣ, и подъ пѣнью настаивающихъ деревьевъ, забыла на нѣсколько минутъ пышное однообразіе большой сцены и ежедневныя пруды свои. Къ ней подходитъ одинъ Франтъ; осыпавъ ее отборными учтивостями, онъ осмѣлился сказать ей нѣсколько вѣжностей, и наконецъ срывается у него съ языка любовное признаніе.

Г-жа Т. . ., чувствуя себя оскорбленною, хочетъ удалиться; признаніе его, конечно, было слишкомъ поспѣшно, но виды его чеспяны: онъ намѣкаетъ о супружествѣ. Это перемѣняетъ тонъ разговора.

Корошко сказать, незнакомецъ объявляетъ свое имя: онъ сынъ корабельнаго Капитана, котораго по смерти своей оставилъ ему огромное наследство. Онъ предлагаетъ свое сердце и руку пипомидъ Терпсихоры. Какъ отказать просьбамъ молодаго наследника, любезнаго, пламеннаго, котораго не смотря на состояніе своей возлюбленной, хочеть соединить съ нею судьбу свою, презирая предразсудки черни? Г-жа Т. . . не отвѣчаетъ

ни да ни нѣтъ; разговоръ идетъ своимъ чередомъ;—знакомство связано. Незнакомецъ получаетъ позволеніе проводить свою любезную до ея жилища и посѣщать ее въ ожиданіи отвѣта на его предложеніе.

Нѣсколько дней прошло во взаимныхъ изліяніяхъ вѣжнѣйшей дружбы: незнакомецъ спановишся неперѣливѣе и неопступнѣе. Въ одинъ вечеръ, достопримѣчательный и гибельный вечеръ! онъ является къ горничной Г-жи Т. . .; черны его разстроены; онъ едва не падаетъ. «Бѣгите! вскричалъ онъ; кулиса упала на несчастную госпожу вашу; она при смерти!» И злополучный любовникъ, убитый горестью, падаетъ безъ чувствъ въ кресла.

Испуганная горничная, схватываетъ двѣ подушки, нанимаетъ карету и скачетъ въ Королевскую Академію Музыки, гдѣ находитъ Г-жу Т. . . въ добромъ здоровьи; она не только не была ушибена, но даже и не оцарапана. Между пѣть, ошибка сія кажется чрезвычайною. Г-жа Т. . . снимаетъ свой костюмъ и поспѣшно отправляется домой. Она всходитъ на лѣстницу, открываетъ дверь и видитъ. . . горестная картина для вѣж-ной любовницы! . . . видитъ, что бюро ея разломано, шкафы опшерты. . . всѣ деньги,

кои накопила она изъ своего жалованья, всѣ дорогія вещи украдены. . . Можно ли съ люпытѣйшимъ безчеловѣчїемъ употребить во зло легковѣрїе женщины?

(изъ *Furet.*)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

на древнюю и новую дамскую прическу во Франціи.

Въ Царствованіе первой династіи Французскихъ Королей женщины носили волосы разбравные на лбу, легко завившыя на вискахъ, а ospальные заплели въ длинныя распущенныя косы. Такъ изображены были спашуи извѣстнѣйшихъ особъ того времени, украшавшихъ нѣкогда преддверіе st. Germain-des-Prés. Тамъ видимы были *Ультрогота* и *Клотильда*, супруга *Клодоея*. Сія послѣдняя замѣчательна по двумъ длиннымъ локонамъ, упавшимъ на плеча и мѣстами перехваченнымъ кольцами изъ жемчуга. Волосы первой распущены щеголевато по плечамъ. Такъ причесывалась прекрасная и ужасная *Фредегонда*.

Изъ Королевы и Принцессы, коихъ изваянные образы пощажены временемъ, нѣ, копорыя славились своимъ благочестїемъ, представлены въ покрывалахъ; волосъ совершенно не видно.

Королевы, супруги *Карла Великаго*, хотя не скрывали совершенно волосъ своихъ; однако поднимали косы, а выспавляли только нѣсколько локоновъ около лица. *Римильда*, супруга *Карла Пльшиваго*, подобрала ихъ совершенно и концы прикрыла уборомъ въ родѣ шюка (toque); *Ришарда*, супруга *Карла Толстаго*, первая придумала заплести нижнюю половину сихъ локоновъ — и приводящъ ихъ съ каждой спороны вдоль щекъ. Это опличительный характеръ прически IX и X вѣковъ. XI вѣкъ примѣчательнѣе тѣмъ, что женщины совсѣмъ перестали выспавлять волосы на лбу и изобрѣли бурлеты (bouffets), копорые позже превратились въ рожки (hepains).

Церковь часто упошребляла власпъ свою для запрещенія, или введенія во Франціи того или другаго рода прически. Длинныя и корошкіе волосы, попеременно воспламеняли ревность Паспырей Римской церкви. Всѣмъ извѣстны пагубныя слѣдствія неразсудительнаго благочестія *Лудовика VII*, копорый, считая себя въ необходимости податъ собою примѣръ въ покорности Духовенству, обрѣзалъ себѣ волосы и бороду. *Элеонора Генская* шупила надъ его смиренномудрїемъ и — сіе споль ничтожное обстоятельство было причиною развода. *Элеонора* опдала руку свою и богатыя помѣстья *Генриху Нормандскому*, копорый въ скоромъ времени вступилъ на Англійскій престолъ: это произвело раздоры и войны, продолжавшіяся около прехъ вѣковъ. — «Болѣе прехъ милїоновъ Французовъ, говоритъ *Сенъ-Фуа* (Saint-Foix), погибло за то, что одному Архіепископу не понравились длинные волосы Короля Французскаго, и за то, что сей Король имѣлъ неблагоразуміе, въ угодность ему ихъ обрѣзашъ.»

Въ концѣ XII вѣка, и въ продолженіе всего XIII, моды подались назадъ, или, говоря лзыкамъ Г. *Полеваго* — *попятимсь*. *Бianка Кастильская* чесалась на манеръ *Клотильды*, и снова волосы, головы и прелести женщинъ скрылись подъ покрывалами и нагрудниками (guipre). У тогдашнихъ дамъ не было ни *высшихъ взглядовъ* на прическу; ни *выводовъ* въ пользу ея. Вселенная ожидала еще генія, копорый бы преобразилъ фасонъ кудрей, какъ *Нибуръ* Испорію.

Начало XIV вѣка было зарєю пресвѣщенія. Явилась *Клеманса Изора*, женщина, имя копорой драгоцѣнно Музамъ, и призывая полъ свой къ новой славы, извлекла его изъ мрака невѣжества, въ коемъ нѣсколько спольнїй коснѣлъ онъ, какъ въ нравственномъ, пакъ и въ одѣвальному смыслу. Она развила длинные хвосты бальныхъ плашьевъ и возвысила прическу до возможной степени . . . едва не до облаковъ.

Не въирая на несчастіе Франціи въ сію эпоху, роскошь неимовѣрно возраспала. Тщеславная и развратная *Изабелла Баварская* (Isabeau de Bavière) выдумала самую спран-

ныя моды.— Превращая совершенно приличія и вкусъ, она спряпала всѣ волосы, и открыла грудь и плеча; ею введены были славныя смѣшною формою и необыкновенною высокою уборы, которые назывались *рожками* (*cornes* или *hennins*), противъ употребленія коихъ, возспали съ сильнымъ негодованіемъ Проповѣдники того времени. «Женщины и дѣвицы, говоритъ *Парадинъ* (*Paradin*) въ своихъ лѣтописяхъ о Бургондіи, носили на головахъ огромныя уборы, вышиною въ аршинъ, оспроконечныя, какъ колокольни, сзади копорыхъ длинныя ширинки, или богатыя бахрамы, развѣвающіяся, какъ знамена.»

Въ помѣ въкъ женщины средняго состоянія убирали головы съ большимъ вкусомъ, нежели знатныя. На спаришнихъ разрисованныхъ спѣнахъ, особливо на пѣхъ, гдѣ предспавлены пляски Макабровъ, изображенія человеческой жизни—видны Мѣщанки съ распущенными волосами, въ вѣнкахъ изъ цвѣпновъ или вполонину прикрывшяя уборомъ въ родѣ пюрбана, весьма красиваго фасона; а у Благородныхъ женщинъ—волосы спряпаны подъ покрывало, на головѣ уборъ, подобный сахарной головѣ, пышность копорого не прикрываетъ дурнаго вкуса.

При *Францискѣ Первомъ*, наконецъ, позволено было соединить моду съ пріятностію: волосы опять обнаружились, и на порипретахъ прекрасной *Фероньеры*, блѣлокурой *Жокоанды* и *Лауры*, любовницы *Петрарковой*, нарисованныхъ знаменитымъ *Леонардомъ Винчи*, у всѣхъ сихъ красавицъ волосы на лбу разобраны гладко и собраны позади плечъ.

Отличительный характеръ причесокъ того времени—былъ снурокъ, копорый раздѣлялъ лобъ и придавалъ сполько пріятности физиогноміи. Эта прическа была прелестна, но соспарѣлась вмѣстѣ съ пѣми, кшо ее выдумалъ.

Наспунило владычество гордой *Медичиссы*; казалось, что моды пріяли характеръ обычаевъ того времени. Между пѣми, какъ мужчины выказывали въ одеждѣ своей женоподобное щегольство—женщины заимсповали отъ мужскаго пола наряды, вовсе имъ неприличныя. Токъ изъ бархата или серебряной

парчи, украшенной драгоценными каменьями, приподняшой некрасивою кисточкою; кирасы—или лацы, осыпанныя жемчугомъ и рубинами, обезображивали спанъ ихъ, скрывая всю легкость онаго, и придавали имъ видъ какой-шо ошваги, несообразной съ женскимъ характеромъ; до безконечности широкая одежда, поддерживаемая обручами, довершая спранный нарядъ сей, дѣлала женщины постѣшищемъ и заставляла думать, что онѣ чувспвуютъ необходимость держашъ себя всегда въ оборонительномъ положеніи.

Изгнаніе вкуса и ловкости не можетъ бытъ продолжительно во Франціи. *Анна Австрійская* возвратила свободу волосамъ и ввела въ употребленіе прекрасныя прически, *Мансини*, *Ниноны*, *Севинье* и шу изящную щеголеватость, копорою блиспалъ въкъ *Людвика XIV*.

Весьма извѣсно, какія спранныя и жалкія перемѣны произошли при двухъ послѣдующихъ царствованіяхъ. Желѣзо и огонь, сіи два убійспвенныя орудія, принудили волосы осшавить природную ихъ наклонность; не довольспвуясь сею спрванностію, ихъ прикрыли толстымъ слоемъ помады и пудры. Такимъ несчастнымъ искаженіемъ волосъ у Парижскихъ красавицъ, головы ихъ превращены спали въ головы сѣдовласыхъ Сивиллъ, и уподобились снѣжнымъ вершинамъ Альпійскихъ горъ.

Благодаря успѣхамъ художествъ и еще болѣе изученію древности, сіе безобразіе, сія искажающая природу прихоть моды, навсегда изгнана изъ дамскаго міра. Просвѣщеніе сблизило людей съ природою — и вкусъ и зрѣніе много выиграли при семъ преобразованіи.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЕМЪ МОЛОДАГО РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(*Окончаніе.*)

Одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣспъ въ Карлсбадѣ еспь конечно Гиришпрунгъ; крѣспъ сего упеса нависъ надъ самою визою. Съ его названіемъ сопряжено существованіе Карлсбада. Преданіе говоритъ, что Король Карль

Бегемскій гнался за оленемъ по окрестнымъ лѣсамъ; съ горы на гору, съ ушеса на ушесъ, гонимый олень бросился съ шеперешняго Гиршпрунга въ низъ, за нимъ послѣдовали собаки. Олень разбился, а собаки попали въ горячій Спрудель и жалобнымъ крикомъ своимъ привлекли охотниковъ, которые весьма удивились горячимъ ключамъ. Король тогда былъ болѣнъ ранюю, полученною имъ въ сраженіи съ Французами; его Докшоръ, испощившій на немъ все свое искусство и лѣкарства, присовѣщивалъ ему попользоваться водами вновь открытаго Спруделя. Король выздоровѣлъ; построилъ городъ, названный его именемъ; ушесъ назвался Гиршпрунгомъ, и съ тѣхъ поръ, больные всякаго званія стекаются въ Карлсбадъ.

Впрочемъ, еще прежде нѣкоторые горячіе ключи извѣстны были окрестнымъ селеніямъ и назывались Богемцами: теплыя вари. Но излѣченіе Королевской раны доставило имъ Нѣмецкое прозваніе и прославило ихъ въ цѣлой Европѣ.

Окрестности Карлсбада необыкновенно живописны: особенно прелестень Elbogen, построенный съ своимъ спариннымъ замкомъ на одинокомъ холмѣ, вокругъ котораго извивается Эгеръ и возвышаются ушесистыя, лѣсистыя горы. Элбогенъ отдѣленъ ими отъ всей природы; пишина и уединеніе не могли избрать лучшаго жилища.

Въ Элбогенѣ показываютъ модель и опломокъ луннаго камня, упавшаго съ неба; камень взятъ въ Вѣну. Долго думали, что это желѣзо ни огнемъ, ни молоткомъ не куется.

Дальвицъ лежишь въ полумилѣ на берегу Эгера, украшенъ пяпью вѣковыми дубами необъясннй величины; они возбуждали еще удивленіе Императора Карла V и воспѣны Кернеромъ. Неизвѣстно, какія мысли занимали подъ ними Вьценосцевъ, но пѣсни Кернера, героя и пѣвца войны опечественной, вопоряются всею Германіею. Кому не извѣстны его *Лири и мезь*?

Кромѣ разсѣнной, веселой и воздержной жизни, воды Карлсбадскія недаромъ пользуются своею славою; не щепшно стекаются сюда больные со всѣхъ концовъ свѣта.

Долго исчислялъ всѣ тѣ болѣзни, въ которыхъ они существенно полезны: иные выдравливали отъ водъ вопреки всѣмъ правиламъ и расчетамъ медицины. Никшо не можеть рѣшишельно сказашь; кому и отъ чего онѣ помогутъ или повредятъ; и потому Докшора надъ каждымъ больнымъ дѣлають опыты. Не менѣ трудно опредѣлишь, кому какой источникъ приличье. Всякій, не имѣющій органическаго поврежденія въ кровеносныхъ жилахъ, можеть смѣло приступать къ водамъ. Дѣйствуютъ они, какъ слабительное, мочегонительное и потогонительное; иногда польза отъ нихъ оказывается быстро и видимо, у другихъ позднѣе и медленнѣе и едва замѣтно: извѣстно, что воды дѣйствуютъ на весь организмъ долго еще послѣ ихъ употребленія. Курсъ рѣдко продолжается долѣе 6 недѣль. Лучшее время отъ 1 Маія до 1 Сентября; изъ экономіи прѣзжаютъ ранѣе и позднѣе: воды можно пить съ Апрѣля по Октябрь. Я не буду входить въ подробный разборъ составныхъ частей Карлсбадскихъ водъ; скажу только, что желѣзо въ нихъ не входитъ ни сколько; подозрѣвають существованіе сыры въ нѣкоторыхъ: соль, поташъ и известь во всѣхъ.

Не взирая на искусственныя Карлсбадскія воды, находящіяся теперь почти во всѣхъ столицахъ, химики несогласны между собою при разложеніи, и славный Берзеліусъ, два раза ихъ разлагавшій, два раза нашель разное. Я не знаю съ чего взялъ Г. Спруве, что его поддѣлка удачна, если онъ основывается на разложеніи Берзеліуса: любопытно знать на которомъ? Со всѣмъ тѣмъ, я не думаю опвергать цѣлебныхъ свойствъ искусственныхъ водъ; онѣ могутъ даже быть сильнѣе и слѣдовательнѣе дѣйствительнѣе натуральныхъ, но не должнобы ихъ было крестить непринадлежащими имъ именами Карлсбада, Пирмонна и т. д. Не удивляюсь, что искусственныя воды успѣвають въ Москвѣ, но не понимаю, какъ могли онѣ распространиться въ Европѣ, особенно въ Берлинѣ и Дрезденѣ, которые въ двухъ шагахъ отъ Карлсбада и всѣхъ Германскихъ водъ.

Горячихъ источниковъ пяпъ: различаются пропорціями составныхъ частей и

температурою. Въ одномъ Терезіенбруннѣ только предполагаютъ свру. Шлосъ-бруннѣ всѣхъ слабѣе, употребляется въ грудныхъ болѣзняхъ и дается дышлѣтъ; Ней-бруннѣ болѣе всѣхъ посѣщаемый; Мюль-бруннѣ разводящій и, наконецъ, Спрудель и оппрыскъ его Гигиенъ-квеле. Одни сіи послѣдніе находящіяся на правомъ берегу Тѣппеля; всѣ вышеупомянутыя на лѣвомъ. Я прежде упомянулъ о колодцѣ холодной кислой воды, но онъ слабъ, ничтоженъ и въ лѣченіе не употребляется. Температура водъ отъ 24° и самый горячій Спрудель въ 60°. Жители варятъ въ немъ лица и щиплютъ живность.

Спрудель бьетъ изъ камня толстымъ столбомъ вышиною въ два аршина; спѣсненнѣй въ трубу, онъ поднимается еще выше, кипитъ, дымится, плещетъ и серебряною пѣною падаетъ въ широкую вазу. Вокругъ него расползетъ зеленоватый мохъ, еще неизвѣстный въ Ботаникѣ и ему одному свойственный. Все въ него опускаемое обливается каменною корою, которою уже совершенно подернула его деревянная ваза. Спрудель очень буренъ и порывистъ; на него видимо дѣйствуетъ состояніе атмосферы. Онъ необходимо требуетъ ежегодной чистки; иначе прорываетъ свою каменную кору и спреливается другими отверстіями. Замѣчено также, что онъ соопвѣтствовалъ нѣкоторымъ сильнымъ землетрясеніямъ. Къ Спруделю приступаютъ со страхомъ и почтеніемъ; длинная его колонада наполнена шажко больными, копорые уже перешли всѣ прочіе испочники. Онъ очень горячистъ и бьетъ въ голову; не веѣ его выдерживаютъ; иные однакоже пьютъ до 16 стакановъ. Изъ медицинскаго описанія Карлсбада Г. Бехера (спариннѣй и весьма уважаемѣй Карлсбадскій Докпоръ), видно, что прежде больныхъ сажали въ Спруделевую ванну на 24 часа, и выпивали они по 40 стакановъ. Теперешніе Докпора-профаны вовсе не заботятся, когда больные ѣли, спали, гуляли; какой величины были стаканы, и какъ все это выдерживали?

Гигиенъ-квеле возлѣ Спруделя въ прекрасной залѣ и надъ нимъ паровыя ванны: рядомъ Спрудельскія солдоварни. Соль выпариваетъ

ся солнцемъ и немалый доходъ доставляетъ городу.

У самаго моста возвышающейся великолѣпная Дорическая колонада, покрывающая Мюльбруннѣ; съ нею соединяется нѣсколькими ступенями длинная двойная колонада Нейбрунна; позади, кашпанами усаженная тераса Терезіенъ-брунна, покрытаго куполомъ; надъ нимъ еще тераса и крутая дорожка въ гору, мимо Польской залы ведетъ въ Шлос-бруннѣ; у подошвы самаго замка Бернадсъ-бруннѣ, подъ сводомъ геллерей Нейбрунна, употребляется только для глазныхъ припарокъ.

Ванны Карлсбадскія, сколько примѣпно, не приносятъ большой пользы. Докпора увѣряютъ, что онѣ не мѣшаютъ. Теперь вошли въ моду вновь открытыя паровыя.

Трудно описать живость, дѣятельность, пестроту, царствующія по ушрамъ въ колонадахъ испочниковъ. Дамы, по обыкновенію, въ ушренныхъ, но блестящихъ нарядахъ; множество молодыхъ людей, всего менѣ занятыхъ водами. Нѣкоторые трудно больные или сидятъ на лавочкахъ, или медленно прохаживаются въ темномъ концѣ колонады. У всѣхъ фарфоровыя кружки въ рукахъ; всѣ пристально посматриваютъ на часы. Спарухи у испочниковъ вѣжливо подносятъ горячій напитокъ, музыка гремитъ, разговоры только о здоровьѣ; Докпора играютъ не послѣднее лице въ сихъ группахъ, копорымъ они служатъ обыкновенно средоточіемъ. Народы со всѣхъ концовъ свѣта сюда стекаются; они два мѣсяца составляютъ преобладающую республику; и что всего страннѣе, всѣ, оставляя свои привычки, покоряются обычаямъ Карлсбада. По образу жизни весьма трудно разобрать, къ какой націи принадлежитъ больной; Французъ перестаетъ волочиться, Англичанинъ опешаетъ отъ чаю, Испальянецъ забываетъ плоды; трубка и кофе во всеобщемъ уваженіи.

Городъ Карлсбадъ не можетъ похвалиться великолѣпіемъ: въ немъ всего три или четыре улицы, двѣ церкви, одна площадь, мостовыя хуже посредственныхъ, жителей до 3,000. Они имѣютъ своего Градоначальника и цѣхъ (спрѣлковъ, являющійся иногда въ своемъ военномъ уборѣ. Дома болѣею частію

деревянные, оштукатуренные; впрочемъ, теперь много строятъ каменныхъ, пошому что на нихъ въ печеніи то лѣтъ не полагается пошлнѣ. Кварцпиры хороши и недороги; хозяева по ремеслу, расчету и привычкѣ ласковы, гостепріимны и услужливы: народъ вообще торговый и ремесленный, любишь деньги; довольно лѣнивъ, но честенъ; зимою они прогуливаютъ нажитое лѣшомъ.

Доктора сѣзжаются въ Карлсбадъ изъ всей Германіи: но Крейсига, ихъ Оракула, нынѣшній годъ не было; дѣла службы задержали его въ Дрезденѣ. Пражскій Крумгольцъ пользуется большею по немъ репутациею. Что касается до жишельствующихъ въ городѣ Дама и двухъ Мисербаховъ, то они надѣясь на опытность, не берутъ на себя труда разсуждать, ничему не учатся, не получаютъ даже медицинскихъ журналовъ и всякаго больнаго рѣшительно приговариваютъ къ водамъ; они берутся лѣчить по сошнѣ и болѣе больныхъ, правда половину здоровыхъ, перепутываютъ болѣзни, покажутъ испочники, ругаютъ свою пріѣзжую собратню и довольствуются весьма умѣренною данью съ больныхъ. Никому не желаю положиться безусловно на ихъ совѣты, которые будучи рѣдко свѣплы, иногда хороши, но всегда пристрастны. Нѣкоторые, и даже большая часть изъ нихъ, честные люди, но ослѣпленные Карлсбадскою привычкою ни о чемъ не размышляють; невѣжествомъ и своею пользою они обманываютъ и сами себя: все это благоприсшойнѣе, чѣмъ обманывать другихъ изъ своихъ выгодъ.

Я познакомился съ Д. дѣ Карро, который написалъ книгу о Карлсбадѣ; ему поручено было устройство паровыхъ ваннъ надъ Спруделемъ: ибо это его мысль. Тепль же дѣ Карро распространилъ коровью оспу въ Индіи, и о немъ упоминаетъ Г-жа Спаль въ своей Германіи. Онъ ученъ, дѣлатель, много трудится и пользуется репутациею весьма искуснаго Доктора: но большой педантъ и самохвалъ, чѣмъ уничтожаетъ всякое къ себѣ довѣріе.

Въ Карлсбадѣ обыкновенно во время водъ бываетъ нѣсколько Министровъ и владѣтельныхъ Нѣмецкихъ Принцевъ. Въ нынѣш-

немъ году были Т. В. и Ея Высочество Герцогиня Веймарская съ дочерью. Тепль было получено извѣстіе о смерти Канинга и радость нѣкопрыхъ Членовъ Дипломатическаго Корпуса была даже неблагоприсшойна.

Изъ Карлсбада я ѣздилъ въ Францен-бруннъ; это не городъ, но два квартала великолѣпнаго города. Дома прехъ-эшажные и каменные; пракшпиры опрятныя; порядочный садикъ;—но главное, воды: первый колодезь покрытъ круглымъ храмемъ, подъ нимъ обширный бассейнъ. Вода чрезвычайно холодна и острога пріятнаго вкуса; содержитъ много желѣзныхъ часпиць и газу; она употребляется, какъ крѣпительное средство. Прежде, всѣхъ Карлсбадскихъ больныхъ отправляли сюда для подкрѣпленія нервъ разслабленныхъ Спруделемъ; больные брали ванны и пили эти воды, но съ нѣкопорого времени думаютъ, что здѣшнія воды производятъ завады въ печени, особливо у слабыхъ больныхъ и Францен-бруннъ поперявъ многихъ больныхъ, утратилъ прежній свой блескъ.

Другой ключъ, недалеко отъ перваго, прилегаетъ къ галлереймъ, которыя окружаютъ четверугольный дворъ. Всякой день въ галлерейхъ полнится множество гуляющихъ водопійць; по срединѣ садъ, по бокамъ лавки, въ концѣ столовая и пушь же устроены ванны. Немного подалье сѣрный источникъ; къ нему ведетъ прямая колонада, которая выстроена недавно. Она довольно красива, особенно издали; но не укрываетъ ни отъ солнца, ни отъ вѣтра, ни отъ дождя: кругомъ разводять сады. Положеніе Францен-брунна самое грустное, безъ лѣсу, безъ воды и безъ горъ. Больные пользуются соседствомъ Эгера, гдѣ имъ показываютъ ошпашки Валентштейнова дома и замка, въ коемъ онъ былъ злодѣйски убитъ. Вода Францен-брунна извѣстна подъ названіемъ Эгерской.

Недалеко отъ Эгера находится *Александрбадъ* въ Баваріи; воды такого же свойства, но мѣстоположеніе прелестное. И Мариенбадъ, гдѣ также хорошо устроены купальни изъ желѣзныхъ водъ; тамъ есть грязныя ванны и Русскія бани.

Я. Сабуровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРОБНИЦА СЛАДИ

Персидскаго поэта.

Я знаю край того Пьвца
 Въ предѣлахъ свѣтлаго Ирана,
 Кто пѣлъ пакъ сладко до конца
 Подъ яснымъ небомъ Фарсиспана.
 Я зрѣлъ поля, гдѣ онъ блуждалъ,
 И тѣхъ садовъ густыя сѣни,
 Гдѣ часно, полный вдохновеній,
 Онъ впаишь арфѣ повѣрялъ
 Души высокія мечшавъ,
 И Музы пламенной созданыя
 Понятнымъ звукомъ выражалъ.
 Предѣлъ топъ пущъ: какъ лучъ денницы.
 Угасъ возвышенный Пъвецъ,
 И сваянулъ мирповый вѣнецъ
 На хладномъ мраморѣ гробницы.
 Но кто же край топъ поспѣшилъ,
 На славный прахъ не кинувъ розы,
 И сердца сладостныя слѣзы
 Поэшу въ даръ не приносилъ!

Подолитскій.

ВЪ АЛББОМЪ

П. Г. Сіанову.

Въ сугробахъ жизненной дороги
 Не для поклонника мечшы
 Всегда ревнующіе боги
 Взрастили дивныя цвѣты. . .
 За то въ груди любимца Феба —
 Стремленье къ дружбѣ и любви,
 Желанье сладостное неба
 И ошчужденье отъ земли. . .
 И мысль его, безъ крыль, лепашетъ:
 Свободна, высока, жива;
 Онъ пѣсни для вѣковъ слагаешъ,
 И вникъ швердитъ его слова. —

Карлгофъ.

С H A R A D E.

Une voyelle est mon premier.
 Si vous achetez mon dernier,
 Ce sera faire mon entier ;

Mais souvenez-vous pour le faire,
 De certain dicton populaire.

Въ No 21 помѣщенная шарада значитъ: *Земля-ни-ка.*

M O D E S.

Bijoux. — Les bracelets simples qui se portent le plus, sont des plaques jointes par des charnières.— En or ciselé.— Ou or uni, incrusté de pierres de couleur.

Les chaînes de cou se font moins en émail que cet été.— Elles sont plus délicates, plus travaillées et imitent les chaînes du Mexique.

Ensemble de toilette. — Parmi les toilettes qui ont été remarquées comme jolies d'ensemble et fraîcheur, nous citerons une robe de tulle rose, brodée au-dessus de l'ourlet d'une guirlande de boutons de roses avec le feuillage, brodée en argent mat; le corsage était garni de blonde, ainsi que le bas des manches courtes. Dans les cheveux, une guirlande de courtes plumes blanches, une parure de diamans.

Une robe crêpe blanc, garnie au-dessus de l'ourlet de deux chefs d'or.— La ceinture était un chef d'or.— Corsage à la Sévigné, rattaché à la place des petites bandes qui maintenaient les fronces par de longues agraffes d'or. Dans les cheveux un oiseau de paradis, une parure d'or; au collier, de distance en distance, il y avait des poires d'un travail léger qui tombaient.

Une robe de gaze *donna Maria*, blanche, brochée d'argent; au-dessus de l'ourlet deux rangs d'anneaux entrant l'un dans l'autre, brodés en argent.— Corsage à la grecque, des manches longues de tulle brodées en biais d'anneaux d'argent, comme la jupe.— Sur les cheveux une espèce de réseau en chaînes d'or, plates, très-ciselées, et émaillées par distances à l'endroit qui figure le nœud du réseau par un petit camée.— La coiffure de cheveux était basse, un peu aplatie.— Le réseau ne prenait que le derrière de la tête, et se rattachait sur le haut. Devant, les touffes étaient égales et dégageaient les tempes.— Collier formé de deux rangs de petits camées joints par les mêmes chaînes que le réseau.— Boucles d'oreilles pareilles.

Une robe de satin cerise, corsage garni de blonde.— Manches courtes, couvertes d'un rang de blonde, qui tombe jusqu'au bas.— Dans les cheveux, un bandeau de perles.— Une parure de perles.

Robe de gaze rose rayée.— Berret de velours noir; rubans de gaze satinée noirs.— Deux plumes roses.— Boa de plumes très-légères, roses, dont les bouts étaient noirs.

Planche No 2. Modes d'hommes..

Вещи. — Простые браслеты, самые употребительные, дѣлаются изъ бляшекъ, соединенныхъ шарнирами. — Изъ золота съ насѣчкою. — Или гладкаго, съ цвѣтными камнями.

Эмалевыхъ цѣпочекъ носятъ менѣе, нежели льпомъ. — Ихъ дѣлаютъ легче, лучше выработываютъ. — Это близкое подражаніе Мексиканскимъ.

Полный нарядъ. — Между костюмами, замѣченными нами по ихъ вкусу и ловкости, упомянемъ объ одномъ платьѣ изъ розоваго пепинета: выше рубца гирланда изъ неразвернувшихся розъ съ листьями, вышита машовымъ серебромъ; лифъ отдѣланъ блондою также, какъ и низъ короткихъ рукавовъ. Въ волосахъ гирланда изъ короткихъ бѣлыхъ перьевъ; брилліантовый уборъ.

Платье бѣлое креповое, сверху рубца двѣ полосы, вышитыя золошомъ. — Поясъ изъ такой же полосы. — Лифъ à la Sévigné, вмѣсто обыкновенныхъ полосокъ, сборки, приваченныя длинною золошою пряжкой. Въ волосахъ райская пшичка; уборъ золошой; къ ожерелью привѣшены мѣстами золошныя грушки самой легкой работы.

Платье изъ бѣлаго газа dona Maria, зашканнаго серебромъ; выше рубца въ два ряда кольца, захваченныя одно за другое, вышитыя серебромъ. — Лифъ à la grecque, длинные рукава изъ пепинета, вышитыя такимиже кольцами, какъ юбка. — На головѣ родъ сѣпки изъ золошыхъ цѣпочекъ, плоскихъ, съ насѣчкою и эмалью, схваченныхъ по клѣпкамъ небольшими антиками (сапѣе). — Волосы были причесаны низко и нѣсколько плоско. — Сѣпка закрывала только заднюю часть головы, и прикрѣплена была къ шее. Локонъ съ обѣихъ споронъ было по ровну и виски открыты. — Ожерелье, въ два ряда небольшие антики схвачены такими же цѣпочками, изъ какихъ сѣпка. — Серги такія же.

Платье изъ апласа алаго цвѣта. Лифъ отдѣланъ блондою. — Рукава короткіе, съ верху пришипа блонда, упдающая до самаго низа рукава. — На головѣ повязка (bandeau) изъ жемчугу. — Уборъ жемчужный.

Платье изъ розоваго полосапаго газа. — Беретъ черныи бархатный; ленты изъ чернаго апласистаго газа. — Два розовыя пера. — Хвосты изъ розовыхъ легкихъ перьевъ съ черными концами.

Карпинка No 2. Мужскія моды.

С М Ъ С Ъ.

Одинъ Профессоръ Исторіи спросилъ у своихъ учениковъ: гдѣ родилась дѣва Орлеанская? Какъ никто изъ нихъ не могъ дать отвѣта на сей вопросъ; то онъ сказала: «Юанна д'Аркъ родилась въ Донреми. Чпобы не забыть этого слова, раздробите его: сначала удержише въ своей памяти слово *Донъ*, Испанскій пишуль, копорый вы можете приложитъ къ общему имени, на пр. *Донъ-Кишопъ*; потомъ припомните *Сень-Реми*, имя Реймскаго Архіепископа, копорый короновалъ Короля Кловиса.» — После сего изъясненія, Профессоръ обратясь къ ученикамъ, сказалъ: «послушай С. . . , скажи теперь, гдѣ родилась Юанна д'Аркъ?» — Въ Реймсѣ, сударь, гдѣ она короновала Короля Кловиса. — «Не такъ, дурачекъ! — Скажи намъ лучше ты Ю. . . кто былъ Реймскимъ Архіепискомъ?» — *Донъ Кишопъ, сударь! . . .*

Авторъ, желающій писать о женщинахъ, долженъ обмакивать перо въ радужные цвѣты и засыпать блестящею пылью съ бачкиныхъ крыльевъ.

Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ женщинамъ неприятныя истины; однако онъ имъ нравился: потому что онъ бранился съ ними какъ любовникъ — и любовникъ спростный.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 23.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 50, съ дошавкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 21 дня, 1851 года.

Гагары въ прозѣ и въ стихахъ!

Вознесись, какъ хотише;

Но, право, истинный талантъ не помрачите:

Удѣль его: сіянь въ вѣкахъ.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НОВАГО РОДА ВЫКЛАДКА.

Чего пельзя добыть

Съ умнѣемъ въ свѣтѣ жить?

Сумма нулей можетъ составить огромную сумму.

Нѣкто былъ удаленъ отъ занимаемаго имъ мѣста по злобному доносу, какъ всѣхъ увѣрялъ онъ; но всѣмъ было извѣстно, что при семъ мѣстѣ у него *опушилось рыльцо*. Долго добивался онъ новаго прибыльнаго мѣспечка, доказывая свою невинность *неоспоримыми документами*; дѣлалъ балы и обѣды и, наконецъ, добился — обѣщанія. — «И это не бѣздѣлица,» думалъ онъ. Наконецъ, новыя искапелъствами, поклонами, праздниками, болѣе блестящими, нежели прежніе, и коѣ-чѣмъ другимъ, добился онъ до того, что ему уже обѣщано было, именно; такое — по мѣсто. — «Это уже и гораздо ближе къ цѣли,» сказалъ онъ тогда. — Между тѣмъ, ни онъ къ цѣли, ни цѣль къ нему не приближалась и, можетъ быть... какъ знашь? ... долгобы еще не приблизилась, ежели бы не благопріятный случай. На одномъ изъ данныхъ имъ обѣдовъ, покровитель его, или правильнѣе сказать,

его *обѣщатель*, усердно опоражнивалъ покаянь и похвалявалъ вино хозяйское. Иногда, похвала иныхъ иной вещи, значить: подарить ей. Челобитчикъ понялъ сію похвалу, и на другой же день отправилъ къ *обѣщателю* нѣсколько корзинъ съ расхваленнымъ винномъ. Получа оное, обѣщатель былъ твердо увѣренъ, что вино къ нему прислано, не съ тѣмъ, чтобы взять съ него за него деньги; однако же, соблюдая благоприличіе, и дабы показать свое безкорыстіе, онъ покорнѣе просилъ извѣстить себя о цѣнѣ. Хлѣбосоль, — искапелъ мѣсна, ~~и~~ униженномъ письмѣ препроводилъ слѣдующую записку:

цѣна:

6 ящичковъ Шампанскаго . . .	0
12 дюжинъ Бургонскаго . . .	0
100 бушелокъ Рейнвейну . . .	0

И того {Исполненіе милоспиваго обѣщанія.

Досповѣрные люди увѣряютъ, будто бы шаковая выкладка новаго рода, ускорила исполненіе желанія искапеля, и будтобы получившій вино сдѣлался изъ *обѣщателя* *исполнителемъ*. —

Пасынковъ.

СРЕДСТВО БЫТЬ БОГАТЫМЪ.

Недавно, прогуливаясь верхомъ по улицамъ Филадельфiи, я оспановилъ лошадь мою у воротъ огромнаго магазина, гдѣ продавались съ публичнаго шорга разныя рѣдкости, начиналъ съ драгоценныхъ каршинъ, до самыхъ мѣлочныхъ предметовъ моды и роскоши. Толпа народа, собравшись передъ домомъ, въ ожиданiи назначеннаго для продажи часа, разговаривали о томъ, о другомъ; наконецъ, зашла и о томъ рѣчь, какъ все дорого, и какъ рѣдки деньги. — Тупъ, одинъ изъ присутствовавшихъ, обратясь къ почтенному спарцу, сѣдинами украшенному, спросилъ его: «скажи, пожалуй, другъ *Абрамъ*, какъ ты думаешь о нашемъ положенiи? Не правда ли, что безчисленныя и шягосныя подаши, коими насъ опягощаютъ, совершенно разоряютъ насъ? — Будемъ ли мы когда нибудь въ состоянiи выплачивать ихъ? — Что намъ дѣлать? — Это настоящая гибель!»

Спарецъ *Абрамъ*, поднявъ голову, сказалъ въ отвѣтъ: «Если вы примете мой совѣтъ, я дамъ его въ коропкихъ рѣчахъ; ибо умному и полслова довольно, а дураку и соння не въ прокъ.» — Всѣ, шущъ бывшiе, просили его говорить откровенно, и, собравшись въ кружокъ около него, спали слушать, а онъ продолжалъ слѣдующимъ образомъ: — «Друзья мои, сказалъ онъ, вы точно правы; подаши, нами плашима, велики и шягосны; но, еслибъ мы плашили только однѣ подаши, налагаемыя на насъ нашими Правительями, мы бы весьма легко съ ними раздѣлялись; а вопшъ, что худо, что многiе изъ насъ подвержены другимъ, гораздо несноснѣйшимъ. Мы плашимъ вдвое противъ подашей, за нашу праздность и лѣнь; вшрое, за щеславiе наше и гордоснъ; и вчешверо, за безразсудное наше самолюбiе; — а ужъ ошъ эшихъ-то подашей, ни сборщики, ни сами Правители, не въ состоянiи насъ уволить.»

Еслибъ ошъ насъ пошребовали, на примѣръ, половины нашего времени на службу опечеслива, сколькобъ шущъ было крику! а между шѣмъ, позволяемъ праздности похищать у насъ во сню разъ болѣе, и даемъ

волю лѣни владѣть нами до такой степени, что она налагаетъ на насъ шѣму разныхъ болѣзней, и даже сокращаетъ самую жизнь нашу. — «Лѣнь, какъ ржавчина, поядаетъ составъ нашъ, шибче, нежели могутъ сдѣлать по шруды, самые неушомимые. Знай, что подержанный ключъ всегда чиситъ и свѣтелъ, а лежащiй безъ упошребленiя, тускнѣетъ и ржавѣетъ;» — какъ говоритъ бѣдный *Рихардъ*. (*) — «Если любишь жизнь, говоритъ онъ опять, по не расшочай времени; ибо время естъ *вещество*, изъ коего жизнь составлена. — Сколь много болѣе, нежели нужно, спрашимъ мы онаго во снѣ: забывалъ, что будемъ имѣть довольно времени выспаться въ могилѣ!»

«Если правда, что время естъ первая драгоценность въ свѣтѣ: по пущая прапа онаго естъ самая непростипельная распощительность; ибо поперянное время никогда не возвращается. — И такъ, чтообъ удвоить жизнь нашу, будемъ дѣятельны; но дѣятельны въ пользу себѣ и другимъ. Какъ скоро мы исполняемъ свою обязанность насшощимъ образомъ, тогда, чѣмъ болѣе шрудимся, шѣмъ менѣе намъ эшо спощитъ. Все шрудно лѣнливому, а для шрудолобиваго человѣка все легко. — «Кшо встанетъ поздно, шощъ долженъ догонять дѣла свои весь день, и едва ли шолько къ ночи поспѣетъ за ними. Лѣнь бредетъ такъ медленно, что бѣдность скоро нагоняетъ ее. Погоняй свои дѣла; не давай имъ *тебѣ* погонять: и будь увѣренъ, что рано всшавалъ и рано ложась спать, ты непременно будешь всегда весель, шудръ и богатъ;» какъ говоритъ бѣдный *Рихардъ*.

«И такъ, что значить желать и надѣяться лучшихъ временъ? Опшъ насъ зависитъ сдѣлать всякое время лучшимъ, если шолько захошимъ сего. — «Трудолобiю нечего желать, говоритъ бѣдный *Рихардъ*; оно заключаетъ въ самомъ себѣ всѣ средства исполнять свои желанiя; а шощъ, кшо проводить жизнь въ желанiяхъ и надеждахъ, наконецъ умираетъ съ голоду.» — «Трудолобiе, гово-

(*) Бѣдный *Рихардъ*, имя Альманаха, издавнашаго Докшоромъ *Франклиномъ*, въ шесшии нѣсколькихъ лѣтъ. С.

ришь онъ опять, плашишь долги, между шѣмъ, какъ опчаяніе умножаетъ ихъ.»

«Работай сегодня, ибо не знаешь еще, что будетъ завтра. «Одно сегодня, лучше двухъ завтрашнихъ дней;» говоришь бѣдный *Рихардъ*.—Стыдись бышь празднымъ, когда тебѣ предстоитъ столько дѣла для себя, для своего семейства, для Государя и опечесства.—«Капля воды, говоришь бѣдный *Рихардъ*, беспрестанно повпоренная, продаетъ камни; съ шершнѣемъ и настойчиво-спію мышъ нѣкогда перегрызла канашъ; да и всякой день мы видимъ, что огромные дубы падаютъ подъ ударами небольшого шопора.»—Я замѣчаю, друзья мои, что многіе изъ васъ помышляютъ пакъ: не ужели чело-вѣку не имѣшь ни малѣйшаго досуга?—а я скажу вамъ въ отвѣтъ, что говоришь бѣдный *Рихардъ*: «Употребляй свое время хорошо, если хочешь имѣшь досугъ; и потому, что пы не увѣренъ въ минувъ, не шерй цѣлаго часа.»

«И самый досугъ надо употреблять въ пользу себѣ и другимъ. Трудолюбивому чело-вѣку немудрено имѣшь досугъ; но лѣни-вому невозможно; ибо жизнь досужливая, и лѣнивая жизнь, суть двѣ вещи совершенно разныя. Многіе безъ трудовъ, хопяшь жить однимъ умомъ; но скоро запасъ ихъ испощается и они погибаютъ, попому, что слишкомъ надѣялись на свои неоснователь-ные расчеты; между шѣмъ, какъ трудолю-біе, безошибочно доставляетъ довольство, спокойствіе духа и невозможное уваженіе об-щесства.

«Однако, недосшаточно бышь трудолю-бивымъ; надо бышь и основательнымъ. На-до, чтообъ попечительность и разсудокъ со-путствововали и помогали въ насъ любви къ трудамъ. Мы должны сами пещись о дѣлахъ нашихъ, и неслишкомъ надѣяться на дру-гихъ, если хопимъ, чтообъ наши дѣла шли, какъ должно.—«Кшо опъ сохи своей ждешь себѣ хлѣба, говоришь бѣдный *Рихардъ*; топъ долженъ самъ пахашъ, или, по крайней мѣрь, долженъ самъ вести лошадь по браздамъ.»—Глазъ хозяина нарабатываетъ больше, нежели обѣ руки его; ибо, недосшатокъ въ попече-ніи болѣе вредитъ намъ, нежели недосша-

шокъ въ познаніяхъ; и «кшо, не присматри-ваетеъ за своими наѣмниками, говоришь бѣд-ный *Рихардъ*; топъ оставляетъ кошелекъ свой въ ихъ рукахъ.»— Слишкомъ большая довѣренность къ другимъ, разорила многихъ. Если хочешь имѣшь вѣрнаго слугу, и тебѣ самому пріятнаго, по служи самъ себѣ.—Малая небрежность наводитъ большія бѣды; вопъ, я расскажу вамъ нѣчто: вхалъ всад-никъ и опорвался гвоздь опъ подковы его лошади; это, говоришь рейшаръ, ничего; но, смотринъ, немного погода, опорвалась и подкова. Тупъ, наскакала на него непріа-пельская конница, (это было въ военное время); всадникъ видитъ, что онъ одинъ, пустился во весь духъ скакать; но лошадь, безъ подковы, упала, а его нагнали непріа-тели и убили, —а все опъ того, что гвоздь опорвался опъ подковы.

«Будемъ основательны, сказалъ я; да, друзья мои, и докажемъ это, прилѣпляясь къ нашимъ обязанностямъ и прилежая къ дѣламъ. Какъ часто вредимъ мы наилуч-шимъ надеждамъ нашимъ, своимъ неспоспоян-ствомъ! Тупъ бы, кажется, и хорошо; но нѣтъ, намъ кажется скучно; давай пере-мѣняшь: пере-мѣнили мѣсто, а вышло еще ху-же. Я давно живу на свѣтѣ, и никогда не видалъ, чтообы частыя пере-мѣны приносили какую нибудь пользу. И дерево, если беспре-статно пересаживать, наконецъ засохнетъ и совсѣмъ пропадетъ. «Три пере-ѣзда спуютъ одного пожара;» говоришь бѣдный *Рихардъ*; и повѣрыте мнѣ, что никогда не увидите въ счастіи и довольствіи пѣхъ людей, ко-порые нигдѣ не уживутся.

«Но къ поспоянству и трудолюбію, дол-жны мы прибавить еще необходимую добро-дѣтель, —бережливость.—Если хочешь бышь богатымъ, столько же сшарайся *сберечь*, сколько стараешься *приобрѣсть*. Открытіе бо-гатыхъ Американскихъ сокровищъ нисколь-ко не обогатило Испанію, попому, что суммы сію издерживаемыя, превышали до-ходы ея. Воздержись опъ пустыхъ, разори-пельныхъ прихоей своихъ, и тогда пере-спанешь жаловаться на безденежье, на по-даши, и вмѣсто, чтообъ почиташъ семей-ство свое несноснымъ бременемъ, спанешь

взирашь на оное, какъ на благословеніе Все-
вышняго. — Помни, что сыпная кухня сос-
тавляетъ шощее духовное завѣщаніе. Бере-
гись того, что свѣтъ называеиъ: *жить хо-
рошо*. — Того, что потребно для поддержанія
одного порока, достаточно было бы на вос-
питаніе двухъ дѣтей. Ты думаешь, можешь
быть, что немножко чаю, да кофе, да пун-
шу, да вина; что сегодня обѣдъ подороже,
да завтра уживъ послаще; что понаряднѣе
одежда, или нѣкошорья увеселенія, — иног-
да, — изрѣдка, — ничего не значащъ; но бере-
гись мѣлочныхъ издержекъ! Опъ малой щели
иногда весь корабль понемъ! — Ты разоря-
еишься *непримѣтно*, но будешь опчаявашь-
ся попомъ весьма опшупительно.

Вопъ, вы собрались здѣсь, присупствво-
вашь при продажѣ разныхъ дорогихъ и за-
пѣйливыхъ бездѣлушекъ. Вы надѣяеиесь по-
лучишь повары сіи за дешевую цѣну; мо-
жетеъ быть и шочно заплашите за нихъ
менѣе, нежели чего они споюишь; но, если
они вамъ не нужны, шо какъ бы вы дешево
ни купили, они все таки для васъ слишкомъ
дороги. — Если ты повадишься покупатиъ не-
нужныя вещи, скоро необходимыя продаватиъ
спанеишь. — Не покупай бездѣлокъ безъ раз-
мышленія, какъ бы онѣ дешевы ни были; де-
шевизна сія обманчива, и гораздо болѣе дѣ-
лаешъ тебѣ вреда, нежели пользы. Многіе ра-
зорились только опъ того, что не переспа-
вали покупатиъ дешевыхъ бездѣлокъ. Я знаю
многихъ, кои, чтообъ пощеголяишь планьемъ,
подъ понкимъ сукномъ скрывали голодный
желудокъ, и коихъ семейшва едва не уми-
рали съ голоду. — Знаишь, что «апласы и
бархаты гасящъ огонь на кухню,» какъ гово-
ришь бѣдный *Рихардъ*.

«Всѣ сіи вещи, на кошорья вы шрапише
сполюкко денегъ, не могуишь назвашься пош-
ребностями жизни; едва ли составляютъ
онѣ пріятность оной; не менѣе того, по-
щому, что онѣ красивы, сколько многіе жела-
юишь ихъ имѣишь! — Предаваишь подобнымъ
безразсудностямъ, люди, не знавшіе нужды,
знакомаища съ нею, и скоро принуждены
дѣлаишь займы у шѣхъ, коихъ прежде того
презирали, но кои, своимъ шрудолюбиемъ и
бережливостию, умѣли поддержатиъ себя. Въ

шакомъ случаѣ, мы шсно видимъ, что» зем-
дѣлецъ, спощій на ногахъ, гораздо выше дво-
рянина, упавшаго на колѣна,» какъ говоришь
бѣдный *Рихардъ*. — А все это опъ чего? —
опъ того, что эти люди говоряишь: «пу-
стное думаишь о бездѣлицахъ! пустое беречь
копѣйки! что значаишь нѣсколько рублей,
когда у насъ еишь тысячи!»

«Но, бери безпрестанно по горсти муки
изъ полнаго мѣшка, и никогда, ничего не
клади въ него назадъ, что въ немъ ошпанеи-
ся? Не скороли увидимъ дно его? — «Только
тогда, какъ высохъ колодезь пивой, ты уз-
наешь цѣну воды,» говоришь бѣдный Ри-
хардъ. — Если хочешь знаишь, какъ дороги
деньги и какъ надо беречь ихъ; поди, пошро-
буй заняишь нѣсколько; тогда увидишь, сколь
шрудно доставаишь ихъ, когда ихъ иштра-
пилъ на пустяки.

«Прежде, чѣмъ слѣдоваишь приходить, по-
совѣтуйся съ кошелькомъ своимъ, и будь
увѣренъ, шщеславіе шакой же алчной нищій,
какъ и нужда, но только гораздо нахальнѣе.

«Когда ты купишь одну дорогую вещь,
долженъ купишь еще десять другихъ, что-
бы все около тебѣ ошвѣчало одно другому. Но
бѣдный *Рихардъ* говоришь, что «гораздо лег-
че подавишь первое желаніе, нежели удовле-
творишь всѣмъ другимъ, за онымъ слѣдую-
щимъ; и что споль же безразсудно недоста-
точнымъ людямъ плянуишь за богачами,
сколько лягушкѣ было лопнуишь, желая срав-
натишь съ быкомъ.»

«Большіе корабли могуишь опваживатишь
гораздо далѣе, нежели малые суда, копорые
только по шѣхъ перъ и цѣлы, пока пль-
вущъ близъ берега. Кто не слѣдуешъ прави-
лу сему, скоро бываешъ наказанъ: «ибо, гово-
ришь бѣдный *Рихардъ*, шщеславіе, которое
обѣдаешъ въ славѣ, ужинаешъ въ презрѣніи;»
и опяишь онѣ же говоришь, что «шщеславіе
завтракаешъ съ пышностию, обѣдаешъ съ
бѣдностию; а ужинаешъ съ нищетою.» —
И наконецъ, къ чему служишь шщеславіе
сіе, для удовлетворенія коего, сполькко шер-
пяишь, сполькко многому подвергаюишься? Оно
не можетеъ доставишь ни счастья, ни здо-
ровья, ни уменъ: шипь болѣзней человѣчес-
кихъ; напировишь, оно умножаешъ ихъ. Въ

сно, чпобъ возвышашъ наши достоинства, какъ мы себѣ воображаемъ, оно только производишь зависъ въ другихъ, а насъ самихъ влечетъ къ погибели.

«Но, если шцеславіе само по себѣ уже есть порокъ, какъ же назвашъ шо сумабродство, которое заставляешъ *входить въ долги* для такихъ излишесствъ? — На примѣръ, по правиламъ предстоящаго здѣсь шорга, намъ дѣлаешя кредитъ на шесть мѣсяцевъ. Эшо-шо, можешъ бышь, и привлекло сюда многихъ изъ насъ; ибо, не имѣя наличныхъ денегъ, мы надѣмся нарядишь себя и дома наши, безъ оныхъ. Но, увы! подумай, шо ты дѣлаешъ, когда входишь въ долги? ты подчиняешъ свободу свою власпи другаго. Если ты не заплашишь въ срокъ; шо спанешъ краснѣть передъ заимодавцемъ своимъ; съ безпокойствомъ будешъ говоришь съ нимъ, шогда, какъ свободный и добродѣтельный челоѡкъ не долженъ спрашишься никого на свѣшъ; ты спанешъ приносишь ему жалкія, унизительныя извиненія; и, наконецъ, потерявъ любовь къ истинѣ, впадешъ въ низкую, презрительную ложъ; ибо *первый* порокъ, долги; *второй*, ложъ. «Ложъ сидишь верхомъ на долгахъ,» говоришь бѣдный *Рихардъ*.

«Бѣдность часто лишаешъ челоѡка бодрости и даже добродѣтели. — «Трудно пустому мѣшку спойшь прямо; онъ все будешъ падать,» говоришь бѣдный *Рихардъ*. — Когда ты купилъ вещь въ долгъ: шо полагаешъ, можешъ бышь, чшо можно и не думать о заплашъ; но, какъ говоришь бѣдный *Рихардъ*, «заимодавцы имѣюшъ лучшую память, нежели должники: они составляютъ особую секту, и принадлежашь къ числу самыхъ большихъ суевѣровъ; ибо, необыкновеннымъ образомъ наблюдаюшъ дни и числа.» — Срокъ наснанешъ прѣжде, чѣмъ ты ожидаешъ его, и съ тебя станушь шребовать заплашы прѣжде, нежели ты пригшвился удовлетворишь шребованію; даже, если ты и самъ помнишь долгъ свой: шо и шогда срокъ, показавшійся тебѣ сперва шполь опдаленнымъ, покажется несказанно короткимъ, по мѣрѣ приближенія своего. — «Для шѣхъ весьма коротокъ великій постъ, кому

надобно плашшь долги на Свѣшлой недѣлѣ;» говоришь бѣдный *Рихардъ*.

«Можешъ бышь, дѣла швой въ цѣшущемъ состояніи, и для тебя нѣсколько лишнихъ издержекъ ничего не значашъ; но, не всегда вещи на свѣш остпаюшя въ неизмѣнномъ порядкѣ: «береги копѣйку на черныи день; упреннее солнце не свѣшпшь до самаго вечера одинаково.»

«Прибытки швой временны и невѣрны; но покуда ты живъ, швой издержки безпрестанны и необходимы. — Бѣдный *Рихардъ* говоришь: «легче поспроишь два камина, нежели содержать непрерывный огонь въ одномъ изъ нихъ.» Онъ же потомъ прибавляешъ: «и такъ, лучше ложись спать безъ ужина, чѣмъ вшпашъ на другой день въ долгахъ.»

«Не презирай выгодъ, доставляемыхъ тебѣ обстояшительствами, какъ бы онъ бездѣльны ни казались тебѣ; не выпускай изъ рукъ, безъ причины, ни копѣйки; и не проживай болѣе, чѣмъ доходы швой. Если все сіе исполнишь, шо можешъ похваспашъ, чшо ты, именно *ты*, нашелъ философскій камень; а когда найдешъ его, шогда навѣрное переспанешъ жаловашъся на шрудныя времена и на тяжелыя подаши.

«Кшо слѣдуешъ ученію сему, друзья мои, шощъ слѣдуешъ внушеніямъ разсудка и мудрости. Однако, хощя вы и все сіе исполнише, неслишкомъ еще надѣишесь на ваше шрудолобіе, на бережливосшь и осторожностъ вашу, какъ бы онъ сами по себѣ похвальны ни были, всѣ онъ ничего не значашъ безъ кровинельства и благословенія Божія; и пошому, испрашивайше смиренно сего благословенія, и спрашишесь пошерапъ оное, если однажды получише.

«Въ заключеніе всего скажу вамъ, чшо «опытносшь учишь за дорогую цѣну въ школѣ своей, но глупцы въ другой не научашся,» какъ говоришь бѣдный *Рихардъ*; даже, врядъ ли и шупъ можно ихъ научишь чему нибудъ; ибо шо вѣрно, чшо, «сколько ни давай совѣшовъ безразсудному, добраго и порядочнаго поведенія не дашь ему;» какъ говоришь бѣдный *Рихардъ*.»

Такимъ образомъ спарець кончилъ рѣчь свою, которая, хощя была нѣсколько и длинна, но простишительна по лѣпамъ его. Всѣ слушащелли одобрили съ жаромъ его ученіе, — и въ шуже минушу начали поступать вопреки оному, почно, какъ будшо бы эшо была обыкновенная проповѣдь! ибо, какъ шолько началась продажа, они спали другъ передъ другомъ покупашъ всякой вздоръ непомѣрнымъ образомъ.

Что до меня касается, я нашель, что добрый спарикъ наизусть выучилъ Альманахи мои, и зашвердилъ, какъ нельзя лучше, все, что я писалъ о семъ предметѣ въ печеніи двадцати пяти лѣтъ. Частыя его ссылки на мои сочиненія, конечно упомяли бы всякаго, кромѣ меня; но моему самолюбію несказанно было лестно слышашъ оныя, хощя и долженъ я по совѣсти признаться, что и десятая часть той мудрости, копорую онъ мнѣ приписывалъ, не принадлежала мнѣ самому, но была выбрана мною изъ книгъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ. Не мевѣ того, я рѣшился воспользовашъ симъ эхомъ всемірной опытности, и, хощя сперва и намѣревался купишъ себѣ сукна на *новый сертукъ*, но шущъ оборотилъ лошадь мою и возвратился домой, принявъ швердое намѣреніе поноситъ мой *старый сертукъ* еще нѣсколько времени.

Читашель, желаю, чшобы ты былъ также разсудителенъ, какъ я; и чшобы столь же легко, какъ я, слушался добрыхъ совѣшовъ спарца *Абрама* и бѣднаго *Рихарда*.

(Изъ Франклина.)

Съ Англійскаго, *Анна Ситникова*.

1831 года.
С. Петербургъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Л И С Т О К Ъ.

изъ Альбома П. Г. Сілнова.

Пѣвецъ и воинъ! Жребій твой
На полѣ жизненномъ прекрасенъ:
И лавръ и розы предъ тобой!

Твой духъ возвышенъ, взоръ твой ясенъ;
Ищи побѣднаго вѣнца!

И, Аполлономъ вдохновенный,
Ты двигай души и сердца,
Какъ движешь строи въ путь военный.

Будь въ полѣ битвы невредимъ,
И, какъ Тирпей, звуча предъ станомъ,
Украйся лавромъ ты двойнымъ —
Любви и славы палисманомъ.

Б. Федоровъ.

Ц В Ѣ Т Ы.

Эмблема жизни молодой,
Дары роскошной Флоры!
Разнообразною красой
Плывяете вы взоры:
И простоты смиренной,
И пышности градской,
И старости согбенной,
И юности живой.

Какъ сладострастно чувствамъ льстивъ
Вашъ ароматъ пріятный!
И въ васъ какой-то пайный скрытъ
Языкъ, лишь сердцу внятный.
Какъ часто сокровенный
Коварный въ васъ Эрозъ
Съ стрѣлою изощренной
Добычу спережеть.

И. Пальминъ.

Ш А Р А Д А.

Въ предлогахъ *первый* отыскашъ
Легко для всякаго безспорно;
Но чтобъ *второй* мой слогъ узнать
Подумашъ я прошу покорно.
Онъ, самъ собою, есть ничто;
Но *третій* коль къ нему прибавишъ,
То можеть быть удобно что
Вамъ имъ достать или исправить.
Чтожь цѣлое мое? — Порокъ!
Нерѣдко даже преступленье!

Спасаетъ ошъ любви оковъ

И повергаетъ въ започенье.

Въ No 22 помѣщенная шарада значить: *A-chat.*

M O D E S.

Тout est fixé, arrêté.—La mode est d'être simple.—Excepté quelques broderies d'or et d'argent pour les toilettes habillées de grand bal, rien de plus simple que toutes les robes du soir.—Des gazes dona Maria, des mousselines de soie imprimées, avec un ourlet au bas, des manches longues, un corsage drapé.

Outre que cette extrême simplicité se montre dans la rareté des étoffes nouvelles, elle est surtout remarquable dans la façon des robes.—Point de changement depuis des mois entiers.—Ainsi, comme ce qui distingue une manière élégante de s'habiller n'est point l'originalité, attendons.

Coiffures.—Les fleurs qui se mettent dans les cheveux, au-dessus de la coiffure, un peu de côté doivent être une grosse fleur avec ses boutons.—Une rose—un Cactus—un dahlia.—Si ce sont plusieurs fleurs petites, elles doivent faire le chaperon, et entourent les cheveux.—Le chaperon ressemble à une petite couronne; les branches doivent s'élever.—Cette coiffure est gracieuse et convient parfaitement à une femme de moyenne taille, en ce qu'elle n'allonge pas la tête.

Modes.—Les turbans en toques, surmontés d'esprits ou d'oiseaux, sont jolis pour les toilettes habillées du soir.—En gaze—en mousseline de soie imprimée, or.

De jolis berrets, peu habillés, bien pour une jeune personne ou une très-jeune femme, sont en crêpe, tout unis dans le fond.—Relevés devant par un ruban de satin, dont le bout vient se fixer un peu de côté.

Les petits chapeaux de crêpe avec deux plumes courbées sur la forme.

Même façon en satin.

Une forme assez originale a été exécutée par madame *Rousseau Leblanc*, place de la Bourse.

Forme à côtes, prenant la tête, passe également à côtes à l'extérieur, formant des rainures, comme les chapeaux chinois qu'ils imitent.—Un esprit de droite à gauche.

Dans le même magasin, un très-joli et gracieux chapeau de jour.—En moire blanche, des nœuds de gaze blanche.—Une jardinière en deux bouquets.—Un

nœud de ruban découpé posé sous la passe au milieu du front.

Ces nœuds se placent maintenant fort peu sur les côtés.—A bouts découpés, point de boucles au milieu.—A quelques chapeaux, on met à l'intérieur de la passe une blonde noire qui fronce et sort de deux doigts environs tout autour du bord.

Toujours la moire ou le satin de couleur, doublé de pareil; rubans pareils.

Du velours noir, des plumes noires.

M O D Ы.

Все рѣшено!—Чтобъ быть по модѣ, надобно одѣваться проспо.—Выключая немногихъ шипыхъ золомомъ и серебромъ бальныхъ плашьевъ, ничего не можешь быть простѣ вечернихъ нарядовъ.—Изъ газа dona Maria, изъ шелковой печатной кисей, съ рубцемъ внизу, длинные рукава, лифъ drapé.

Чрезвычайная проспоша сѣя замѣшна не пошому только, что нѣтъ никакихъ новаго рода тканей, но и въ самомъ покрое плашьевъ.—Нѣсколько мѣсяцевъ сряду никакой перемѣны. И такъ, подождемъ, пока снова появится на оригинальность, которая должна опличать щеголеватый костюмъ.

Прическа.—Цвѣты, прикальваемые въ волосы сверхъ прически немного на сторону, должны быть большіе съ нѣсколькими цвѣточными почками.—Роза.—Кактусъ.—Dahlia.—Если же много цвѣповъ и они мѣлки: по должно соспавлять изъ нихъ родъ шапочки кругомъ волосъ.—Шапочка сѣя похожа на вѣнокъ; вѣнви поднышны кверху.—Такая уборка весьма красива и къ лицу дамамъ средняго роста, пошому что не увеличиваетъ головы.

Моды.—Турбаны на подобіе токовъ, украшенные пшичками или сулпанами, очень красивы для вечера.—Ихъ дѣлаютъ изъ газа—или изъ печатной золомомъ шелковой кисей.

Шьютъ красивые, ненарядные беретты, очень приличные для молодыхъ дѣвицъ или для очень молодыхъ дамъ, изъ крепа съ гладкимъ верхомъ.—Приподнятые спереди апласною леншою, которая прикрѣплена немало на сторону.

Небольшія креповыя шляпки съ двумя перьями, наклоненными на пулюю.

Такія же апласныя.

Довольно спиранный фасонъ находится въ модномъ магазинѣ Госпожи Руссо-Лёбланъ, на биржевой площади.

Тулья круглая, почно по головѣ, на коспочкахъ, поле также на коспочкахъ, жолобками, въ подражаніе Кышайскимъ шляпамъ.—Съ правой стороны прищипленъ султанъ, наклоненный на лѣвую.

Въ помъ же магазинѣ очень красивая шляпка, какія надѣвають только днемъ.— Изъ бѣлаго морё.—Баншны изъ бѣлаго газа.— Два букета изъ различныхъ цвѣтквъ.—Снизу поля, по срединѣ лба приколонтъ баншъ изъ вырѣзанныхъ лентъ.

Такіе баншны рѣдко прикалываются съ боку.— Концы вырѣзаны и безъ пряжки.— У иныхъ шляпъ пришиваютъ подъ поле черную блонду сборками, и выпускаютъ пальца на два шириною кругомъ.

Шляпки изъ морё или цвѣтнаго апласа, все продолжаютъ подкладывать такимъ же цвѣтомъ и ленты такія же.

Къ чернымъ бархашнымъ, черныя перья.

С М Ъ С Ъ.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ИМПРОВИЗАТОРЫ.

Тайны искусства говорить стихами безъ приговора, искусства споль обыкновеннаго въ Италіи, объяснилъ мнѣ одинъ изъ Адептовъ слѣдующимъ образомъ:

«У меня, говорилъ онъ, всегда бываетъ въ запасѣ извѣстное число, хорошо отдѣланныхъ пьесъ на самыя извѣстныя трагическіе предметы: на смерть *Адониса*, любовь *Психеи* и *Амура*, пожертвованіе *Ифигеніи*, непорочность *Лукреціи*, смерть *Нерона* и другіе. Я знаю наизусть также довольно число пышныхъ рѣчей; блистательныхъ описаній,

которыя очень легко вспалять между стихами, читаемыми безъ приговора, и которыя скрываютъ собою слабыя мѣста; на примѣръ: похвала *Рилу*, сильныя выходы противъ страстей, описаніе бури, приапносней весны и другіе опривки сего рода. Впрочемъ, Импровизаторъ не можетъ всего удержатъ въ памяти; присутствіе духа и живое воображеніе для него необходимы. Болѣе всего пособляетъ намъ вольность заимствовать стихи изъ классическихъ поэтовъ, что не почипаешь у насъ кражею. Я не могу повторить всѣхъ мѣстъ, которыя заимствую во время декламации изъ *Виргилія* и *Горация*. Ріемы приходятъ сами собою въ языкъ, споль богатомъ и гибкомъ, какъ Итальянскій; окончанія словъ его весьма разнообразны.»

«Слушателямъ кажется, будто всего труднѣе импровизировать трагедію, между пѣтмъ, какъ это самая легкая часть нашего искусства. Скоркспѣлыя трагедіи располагаются по образцу, или лучше сказать, оплываютъ въ форму классическихъ трагедій. Здѣсь обыкновенны характеры пирановъ, жестокихъ опцевъ, полководцевъ, героевъ, любовниковъ, наперсниковъ и наперсницъ. У меня найдется тысяча любовныхъ объясненій, прощальныхъ сценъ, благословеній, проклятій. Съ небольшими перемѣнами я умѣю воспользоваться ими при случаѣ. Иногда въ такихъ трагедіяхъ ввожу я хоры, а какъ они обыкновенно заключаютъ въ себя общія мѣста: то, разумѣется, что ихъ можно приговорить заранѣе, они всегда пригодятся. Самую трудную часть Импровизации составляютъ *Versi Sciotti*; это скала, о которую не одинъ Импровизаторъ въ наше время разбилъ себя носъ.»

Таково было откровенное изъясненіе, сообщенное мнѣ однимъ изъ искуснѣйшихъ Импровизаторовъ нашего времени.

(изъ *Révue Britanique*.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 24.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинами модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 25 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ,
Хоть не имѣй заслугъ и чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ.
Хелищеръ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИСТОРИЯ ЛАКЕЯ.

Honny-soi qui mal y pense!

Въ 1852 году, живучи праздно въ деревнѣ у маиушки, которая во всемъ смыслѣ эпого слова, сама управляла имѣніемъ, вздумалось мнѣ сдѣлать путешествіе водою на Макарьевскую ярмонку. Я сообщилъ мысль свою нѣсколькимъ пріятелямъ: они вызвались бытъ моими товарищами. Я купилъ въ Москвѣ большую шлюбку, которую весною пригнали подъ самую мою деревню. Я сдѣлалъ въ ней три комнапы, цегольски ихъ убралъ, уложилъ въ шкафы порядочный запасъ книгъ, ландкаршъ, инструментовъ и красокъ, для снятія видовъ; нсправилъ на носъ мѣдную пушку, взялъ двѣнадцать уда-лыхъ молодцовъ изъ своихъ крестьянъ и извѣстилъ своихъ пріятелей, чпобы они пріѣзжали ко мнѣ 2 Маія, условенный день къ отплытію.

За недѣлю передъ тѣмъ, когда я прогуливался по стѣнистымъ липовымъ аллеямъ, дѣдомъ моимъ разведеннаго сада, пріѣзжалъ ко мнѣ слуга съ докладомъ о пріѣздѣ изъ города гостя. Я поспѣшилъ въ хоромы и нашелъ въ залѣ молодаго человѣка, ловкаго,

пріятной наружности. Онъ раскланялся со мною очень свободно и, подавая рекоменда-тельное письмо отъ одного моего сосѣда, объявилъ, что желаетъ имѣть честь сопро-вождать меня въ путешествіи. Я съ удоволь-ствіемъ согласился. Маія 1 прибыли изъ го-рода мои спутники, а 2, опслужа на берегу Оки молебствіе, мы пустились въ дорогу. У насъ было двѣ смѣны гребцовъ, два корм-чихъ; плыли внизъ по Окѣ день и ночь. 9 Маія, въ день праздника Николая Чудотворца, вытерпѣли мы сильную бурю; перепугались, измокли — и должны были завернуть въ близъ лежавшій въ заишней заливъ, глубокой и узкой; деревья, наклонившіеся надъ нимъ съ той и другой стороны, составляли зелѣный, пышный напѣръ. Мы проспояли путь двое сутокъ, и имѣли рыбный споль изъ аршинныхъ сперлядей и живой бѣлой рыбы. *Маринъ* и *Рышетовъ*, человекъ лѣтъ 27, съ которыми я уже васъ познакомилъ, ходили спрѣлать дичь — и приносили цѣлые ворохи.

На другой день къ вечеру, набѣжали тучи, пошелъ шѣпльый, частый дождикъ — и уса-дилъ моихъ вѣтреныхъ спутниковъ дома. Мы, какъ Афиняне, возлежали въ большой комнапѣ, и. е. говоря по морски, въ каютѣ-

компаніи, вокругъ кипящаго самовара. — «Вы не знаете, какое сокровище нашъ *Ръшетовъ*; изъ его походовъ можно сочинить романъ;» шепнулъ мнѣ претій мой товарищъ, *Стратилатовъ*: «упросите его опспегнуть намъ свою душу. Вы увидите, что я не увеличиваю, что онъ человекъ, въ своемъ родѣ необыкновенный.» — Я приласкалъ его и замѣняя ему, что слышался о его талантахъ, о его благородной любви къ просвѣщенію, къ поэзіи, къ театру, о его мастерствѣ играть въ коммерческія игры и на биліардѣ, просилъ его доставить намъ удовольствіе, рассказавъ свою исторію. Мой *Ръшетовъ* былъ незаспѣчивъ; онъ не опговаривался, не краснѣлъ, не жеманился, не заспавлялъ себя упрасивать, а началъ. «Я родился въ крѣпостномъ состояніи; отецъ мой былъ управителемъ у Петра Ивановича *Плгова*, Совѣтника — ой Уголовной Палаты. Ильинскій пономарь обучилъ меня читать и писать, потомъ опданъ я былъ въ Главное Народное училище, гдѣ кончилъ курсъ. Я читаю вяшно, почеркъ имѣю красивый. Осьмнадцать лѣтъ опъ роду, взялъ я въ барскій домъ, одѣвался щегольски, одаренъ былъ необходимымъ талантомъ передражнивать всякаго, перенимать у баръ хорошіе манеры, походку, способъ изъясненія, приятный тонъ голоса: за это прозвали меня мои товарищи барченкомъ. Должность моя состояла въ томъ, чтобы цѣлый день стоять у дверей диванной, гдѣ барыня обыкновенно сживала запросто за рукодѣлемъ, за книгою или въ обществѣ съ пріятельницами; я обязанъ былъ называть ей особъ, кои показывались вдали ряда комнатъ, анфилады, исполнять ея приказанія, помогать ей кроить бѣлье, держать нитки, когда она ихъ размашивала, служить болваномъ для примѣриванія чепцовъ, шляпокъ, наколокъ. Я въ шу пору очень походилъ на красивую дѣвушку, невиновностью, заспѣчивостью и пригожесствомъ лица, на кошоромъ еще усъ не пробился. Я всыхивалъ опъ малѣйшаго нескромнаго слова, опъ ласки, опъ приспальнаго взгляда. Но я заболтался о себѣ....лучше опишу вамъ моего барина и барыню. Онъ былъ лѣтъ сорока, когда я определялся на барыню

половину; походилъ на пучнаго быка; одѣвался по самой послѣдней Парижской модѣ — и опъ того казался еще каррикатурнѣе. Волосы у него были темнорусые, лице малиновое, голова съ пивной копѣль; она не успунала въ величинѣ огромному его пузу; подбородокъ, закрывая собою грудь, семью успупами спускался на брюхо; и вся сіл плжелая кладъ держалась на поненькихъ, какъ спички, ножкахъ. Когда шелъ онъ: то раздыхался подобно бурному вѣпру, полъ дрожалъ подъ спопами его. Онъ былъ тихъ, безграмопентъ, молчаливъ, можетъ быть опъ того, что не надѣялся вымолвить ничего умнаго. Всего было спраннѣ слышанъ, что изъ этой бычачей челюсти исходилъ не громъ, а пискъ. Голосъ его, при пропльномъ произношеніи словъ, пѣлъ дшканпомъ. Барыня моя была дама лѣтъ 28, небольшая ростомъ, но бойкая, проворная, скороговорка, болпущка, красопочка, кокепочка. Она вершѣла и мужемъ и всѣмъ домомъ съ чады и домочадцы и, не смотря на свою молодость, на спрасъ рядиться, понширивать, играть на домашнихъ театрахъ, вершила заодно съ Секретаремъ всѣ уголовныя дѣла; Совѣтникъ прикладывалъ только руку. Барыня моя имѣла чувствительное сердце, любила помогать бѣднымъ, вступаешь за беззащитныхъ, приспировать къ мѣстамъ сиротокъ. Она одѣвалась просто, не бѣдилась, не румянилась, не носила чужихъ волосъ — и шѣмъ была еще прелестнѣе. Румянецъ щекъ ея не успуналъ цвѣту сподлиственной розы; блестящіе глаза, вѣчнопошупленные въ землю, бросали искры сквозь полукрышыя рѣсницы: шакъ молнія сверкаспъ еквозь черныя шучи. Впрое сложенная кесынка и вакинушая на неѣ шаль, показывали только колыханіе груди ея; надлежало угадывать опшальное. Скоро барыня спала опличать меня очкъ прочихъ лакевъ; принимала во мнѣ участіе, кошорому завидовали мои товарищи; сама со мцою заговаривала, ставила меня передъ собою на колѣни и, вмѣстѣ съ своими горничными, наряжала меня въ женское платье, завивала волосы, учила прісѣдать, заспавляла читать вслухъ книги, вписывалъ въ свой альбомъ спихи изъ жур-

наловъ. Когда мы оставались наединѣ, радость сіяла на лицѣ ея; услуги мои ей были приятны; все, что я ни дѣлалъ — было хорошо сдѣлано. Часто, встрѣчалась глазами — и я и она краснѣли, но она скоро оправлялась. Мнѣ предославлена была честь сводить её съ лѣсиницы, сажать и принимать изъ кареты, сопровождать въ прогулкахъ пѣшкомъ; только на запискахъ ѣздить мнѣ за собою она не позволяла, говоря, что это для меня унижительно. Я шакъ былъ просить, шакъ высоко думалъ о добродѣтеляхъ госпожи моей, что всё ласки ея принималъ за милость, за сосираданіе. Я же слыхалъ отъ моихъ родителей, что настоящіе бояре всегда привѣпливы съ своими подданными, и сердолобивымъ обращеніемъ спаралюся изъ рабовъ сдѣлать ихъ дѣньми своими. Поэтому-то и не осмѣливался я мыслить, что госпожа моя, приближая къ себѣ, имѣла на меня какія либо пресупныя намѣренія. Я приписывалъ охотѣ злословія увѣренія моихъ поварихъ — слугъ, что тогда было это въ модѣ, особливо между разведенными вдовушками и замужними женщинами.

Моя барыня, ежеминутно доказывая мнѣ свое доброе расположеніе взглядами, словами, шрепаніемъ по щекъ, рѣшилась еще болѣе опличить меня, возвысить предъ прочими челядинцами — безграмотными, неуклюжими, пожилыми. Она изволила жаловать меня по часами, по цѣпочкою, по желешомъ, по деньгами, всегда наединѣ и крѣико подтверждая бытъ скромнымъ. Напрасно завистливые товарищи искали опгадать источникъ моего благополучія; они всё обманывались, и вѣрили, что мать моя дарить меня шайкомъ отъ опца; а у него мудреноли было водиться деньгамъ — онъ былъ управителемъ.

Не спану упоминать васъ подробнымъ разсказомъ объ усугублявшемся каждодневно благоволеніи ко мнѣ госпожи моей: они кончились шѣмъ, что тучный супругъ ея, за услуги моего родителя далъ мнѣ оппускную — и записалъ въ приказные своей палаты. Разумѣется, что я никогда не ходилъ шуда, а занималъ прежнее почетное мѣсто

при супругѣ Г. Совѣтника и усердными услугами спарался показать ей мою благодарность. Черезъ три года получилъ я за выслугу лѣтъ чинъ Коллежскаго Регистратора. Тогда началъ я посѣщать театръ, свѣлъ знакомство съ актѣрами, съ опличнѣйшими изъ приказныхъ; выучился играть въ боспонъ; меня взяли въ долю въ компанію банкомѣшовъ. Каршты открыли мнѣ входъ въ Секретарскіе и Засѣдательскіе дома. Набивъ руку, я объявилъ, что играю по четверти: сіе повышение цѣны произвело свое дѣйствіе. Я самъ спалъ ступенькою выше, и. е. началъ дѣлать паршю въ карты Совѣщикамъ, Ассесорамъ, Городничихъ, Землемѣршъ.

Между шѣмъ, скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, прошло еще три года: мнѣ объявленъ чинъ Губернскаго Секретаря. Мой господинъ, по ходатайству высокогородной своей супруги, уже давно изъ компаныхъ служилелей возвысилъ меня въ должность домашняго Секретаря при ея особѣ. Съ полученіемъ свободы, Офицерскаго чина и распроспаненіемъ круга знакомства, я не могъ уже безпрестанно споять въ готовности къ ея услугамъ у дверей ея комнаты. Она замѣтила мою неблагодарность и сама начала обращаться со мною важнѣе. Дюжій дѣлитель природы, взятый отъ сохи изъ степной деревни, замѣнилъ меня. Онъ хопъ похожъ былъ на осиновый чурбанъ и не годился ни для примѣриванія шляпокъ, ни для чтенія повѣстей Госпожи *Жанлисъ*, за то былъ могучъ и роселъ, какъ Полканъ-богатырь. Онъ докладывалъ о прѣздѣ гостей грубо и крестьянскимъ нарѣчіемъ; но за то распворялъ двери комнатамъ скорѣе. Время охолодило ко мнѣ мою благодарительницу, ослабило узы моей къ ней признательности, а внезапная кончина ея совѣмъ оборвала цѣнь, каторою былъ я еще къ ней привязанъ. Надобно вамъ сказать, что когда госпожѣ моей совершилось тридцать лѣтъ: она стала шодспѣшь и почивала по 14 часовъ въ сушики, пѣшкомъ совѣмъ переспала ходитъ и задыхалась; при шомъ же кушала весьма неумѣренно. Смерть приключилась ей въ Петровъ день, на именинахъ у красно-

носаго откупщика *Стаканова*: она изволила небрежно покушать дыни—мелоны, ей сдѣлалось дурно; ее посадили въ карету; дорогою ударъ паралича прекратилъ дни ея... вѣчная ей память!

Послѣ великолѣпныхъ похоронъ, на копырьяхъ рядъ каретъ тянулся опъ заставы до Троицкаго монастыря, я прожилъ въ домѣ у моего бывшаго Господина шесть недѣль. Попомъ нанялъ при свѣшленкѣ компаньи на новомъ базарѣ и, бросивъ каршы и волокишество, я завелъ пѣснѣйшее знакомство съ учителями Гимназіи и съ актѣрами. Я имѣлъ сословіе; а это людъ голодный, хопя и умный. Каждый вечеръ они собирались ко мнѣ пить чай, курить пабакъ, ужинали и спорили о самыхъ высокыхъ метафизическихъ предметахъ,

Неисполкуемымъ давалъ полкъ вещамъ!

Я выписалъ себѣ изъ Москвы на тысячу рублей книгъ: *Ломоносова*, *Хераскова*, *Державина*, *Капниста*, *Богдановича*, *Княжнина*, Исторію *Татищева* и *Щербатова*, замѣчанія *Болтина* на *Лѣклерка*, путешествія по Россіи знаменитаго *Палласа*, ученаго *Гмеллина*, трудолюбиваго *Лепѣхина*. Немолько съ жадностію перечиталъ я всё, что переведено было изъ *Вольтера* и *Жанъ-Жака-Руссо*, но и занималъ Семинаристивъ переводить пѣ изъ нихъ, которыя мнѣ хвалили. Жизнь моя текла, какъ по маслу; но дьяволу спало завидно — и онъ употребилъ всё свое адекое пронырство, чтобы вывести меня изъ моего блаженнаго уединенія.

Посѣщая театръ, я влюбился въ трагическую актрису *Зябликову*, которая играла *Сорену* въ трагедіи *Николева*, надѣлавшей тогда много шуму. Я открылся въ этомъ приятелю своему актѣру *Расторгуеву*, который въ тотъ же день вечеромъ пригласилъ меня и ее къ себѣ на чай, гдѣ мы и познакомились. На другой день мы обращались пріятельски; на третій сдѣлались друзьями; на четвертый вздыхали, какъ страстные любовники. Она поклялась пылать ко мнѣ вѣчною сирасстью, а я поддерживать сей чистый огонь ассигнаціями.

Въ эту же пору, дородная откупщица *Златогорова* влюбилась въ меня по уши. Она была вдова лѣтъ подъ сорокъ, великанша ростомъ, съ усами, съ мужскою походкою и ухвашками. Она, послѣ мужа своего, съ достоинствомъ поддержала огромный откупъ, мастерски разочлась съ компанейщиками, поставляла соль, курила вино, всупала въ подряды. Изъ всего вышписаннаго лвешвуетъ, что она принадлежала къ разряду пѣхъ дамъ, изъ коихъ одну представилъ намъ *Фонъ-Визинъ* въ особѣ Госпожи *Простаковой*, а другую *Грибогдовъ* въ лицѣ *Хлѣстовой*. Я испыталъ это на опытъ, сдѣлавшись предметомъ ея нѣжності. Всякая другая спала бы выжидать случая открыться муцинѣ въ своей склонности; моя *Акулина Дементьевна* сама ко мнѣ пожаловала. На бѣду мою и на ее счастье, я тогда былъ весьма въ плохихъ обстоятельстввахъ. Моя цѣломудренная *Сорена* разорила меня: кромѣ того, что всякую недѣлю я выписывалъ для неѣ изъ Москвы новаго фасона плашья и шляпки; кромѣ того, что занималъ ей домъ, содержалъ споль, экипажъ, прислугу, плашилъ за нее деньги, которыя она пропировывала; кромѣ того, что она бывала по три раза въ годъ именинницей и по шести разъ праздновала день своего рожденія: мѣ навязали на шею убогую мать, двухъ нищихъ замужнихъ сесприцъ, да трехъ братцевъ, Нижняго Земскаго Суда приказныхъ. Я уже и позадолжалъ и началъ было погружаться въ меланхолію, какъ проказница-форшуна, покровительница всѣхъ шалуновъ, послала мнѣ кладъ въ дородной откупщицѣ—великаншѣ.

Дѣло пошло своимъ чередомъ: я бралъ опъ неѣ деньги и отдавалъ актѣривъ; получалъ подарки и пошчасъ же дарилъ ихъ; къ *Акулинѣ Дементьевнѣ* ѣздилъ въ каретѣ, къ *Соренѣ* ходилъ пѣшкомъ; къ той явно, къ другою шайкомъ; у одной обѣдалъ, съ другою ужиналъ. Всѣ разстроила ревность откупщицы и моя вѣшренность. Въ минушу вождѣленія она подарила мнѣ бриліантовый перстень, а я въ минушу любовнаго восторга передалъ его моей возлюбленной, которую

полюбилъ еще страстнѣе съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ её на сценѣ предпочитающую смерть почтенному шпигулу Принцессой наложницы. Она изъ шпещеславія надѣла роковой перстень во время представленія; рысьи глаза *Акулины Дементьевны* его увидѣли и оскорбленная любовь сыскала средство опмститься соперницѣ. Однажды очень поздно вечеромъ, когда мы съ *Сореною* сидѣли за ужиномъ и хохотали во всё горло — растворяются двери, вбѣгаетъ, какъ новая *Медея* — моя опкущица — и вцѣпляется въ волосы цѣломудренной моей собесѣдницѣ. Я хотѣлъ было разнять ихъ, но и мнѣ досталось порядочно. Насытивъ свою ярость, великанша уѣхала домой. На другой день весь городъ узналъ нашу исторію: актриса уѣхала въ Москву и приняла на театрѣ, я, по вашей благосклонности, ѣду размыкать носку — кручину на Макарьевской ярмонкѣ, а лавроносная *Акулина Дементьевна* оспалась на мѣстѣ сраженія торжественно въ свою побѣду.» — Здѣсь лакей *Селадонъ* кончилъ свое повѣствованіе. Мы приплыли въ Нижній - Новгородъ — и распались. Послѣ того я ничего не слышалъ о немъ.

Но въ Ноябрь 1812 года, будучи посланъ Дежурнымъ Генераломъ изъ подъ Краснаго въ — овъ съ депешами, я былъ приглашенъ на вечеринку къ одному знатному барину, удалившемуся шуда изъ Москвы, я нашель у него моего десяти-лѣшняго знакомца — *Рышетова*. На другой день онъ явился ко мнѣ съ просьбою пожаловать къ нему опкушать. Онъ нажилъ собственный домъ, имѣлъ 30 п. рублей въ Ломбардѣ, женился на воспитанницѣ Московскаго Маріинскаго Института, благонравной и миловидной, которая подарила ему прѣхъ прелестныхъ малюшочекъ — и, бросивъ прѣжнія проказы, вполне наслаждался тихимъ семейственнымъ счастьемъ.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

О картину Г-на Профессора Крюгера, изображающей большой парадъ, бывшій въ Берлинѣ на Дворцовой площади 22 Сентября 1824 года.

Картина сія имѣетъ въ вышину 9, въ ширину 12 футовъ; трудно опредѣлить, къ какому роду Живописи принадлежитъ она: Историческій присвоиваетъ её себѣ, Портретный по всемъ правамъ называетъ её своею собственностію, Домашній (reinture du genre) не чуждается оной и, если бы дошло дѣло до разбора судомъ: по, можетъ быть, предсказалъ бы такіа доказательства въ свою пользу, что поставилъ бы судей въ недоумѣніе. Первый взглядъ на сію картину, на коей споль живо, споль разнообразно, въ споль многообразныхъ движеніяхъ и положеніяхъ изображены Полководцы, Офицеры и просые войны; на которой съ такимъ чуднымъ искусствомъ представлено сполько лошадей разныхъ спашей, разной масти, пылкихъ, величавыхъ, спокойныхъ; первый взглядъ, говорю я, удостовѣритъ насъ, что Художникъ *Крюгеръ* былъ бы первокласснымъ Живописцемъ въ Бапальномъ родѣ, еслибы онъ исключительно ему посвятилъ себя. Посмотрите на конскія ноги, это бездѣлица, которою пренебрегли бы многіе славные Архисты; но не таковъ творецъ картины, нами здѣсь разбираемой. Если всё почти роды Живописи превосходно выполнены: то нельзя умолчать и о томъ, что Архитектура гордится зданіями, кои споль щещательно, съ такою окончательностію здѣсь начертаны: Липовая улица, театрѣ, Публичная Библиотека, Университетъ и Королевская Коръ-дѣ-гардіа величественно окружающъ обширную площадь, опдѣляясь опъ полотно и обманывая зрѣніе волшебною перспективою. Фельдмаршалъ Блюхеръ, Шаригоретъ и Бюловъ, изъ бронзы и мрамора изваянные, взирающъ на шѣхъ храбрыхъ воиновъ, которые подъ ихъ предводительствомъ покрыли себя безсмертною славою.

Картина представляетъ тотъ моментъ, когда Его Величество, Государь Императоръ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ, бывшій

тогда Великимъ Княземъ, ведетъ Кира-
сирскій полкъ, коего онъ Шефъ, церемони-
альнымъ маршемъ мимо Его Величества, Ко-
роля Пруссакаго.

Художникъ, съ необыкновеннымъ искус-
ствомъ, сохранилъ разительное портретное
сходство въ изображеніи Царственныхъ Особъ
и многихъ лицъ въ ихъ свитѣ и въ груп-
пахъ зрителей, и въ этомъ отношеніи кар-
тина сія имѣетъ великое Историческое дос-
тоинство.

Всякій разительно сходный портретъ не-
вольно заставляетъ улыбнуться зрителя,
лично знающаго особу, съ которой снятъ
онъ. Здѣсь представлено около ста портре-
товъ.

Художникъ наблюдъ сходство не въ одномъ
лицѣ, но даже во всей фигурѣ. Каждая особа
онъ султана на шляпѣ до шпору, отъ шля-
пы до подошвы сапога, изображена имъ ин-
дивидуально, съ неподражаемою истиною.
Такъ каждый держишь голову, нельзя не уз-
нашь его по его ухваткамъ; вопъ особенная
послупь, обличающая того-то. Ненадобно
имъ заглядывать въ глаза!

Однимъ словомъ, ипущъ все списано съ на-
туры великимъ Художникомъ; во всемъ блескъ
выказывается чародѣйство его необыкновен-
наго таланта.

Тоны красокъ, свѣтотѣнь, превосходны:
замѣшимъ, что прилпный, нѣсколько тум-
анный тонъ, разливая широкія тѣни, про-
изводишь сильныя отраженія; отъ того всад-
ники и въ опдаленіи споль же явспвенно
передвигаются, скачущъ, полны жизни.

Есть люди, которые находятъ, что сол-
нечный свѣтъ сей картины шусклъ для солн-
ца и походишь нѣсколько на сіяніе луны;
но мы не согласны съ ними; мы думаемъ, что
Художникъ сдѣлалъ сіе по расчѣту, съ глу-
бокимъ соображеніемъ. Онъ предвидѣлъ, что
при сильномъ солнечномъ свѣтѣ, тѣнь, пада-
ющая отъ дворца на свишу, сдѣлалась бы
до такой степени темна, что опдѣльныя
фигуры, и всего болѣе черты, цвѣтъ, оп-
тѣнки лицъ потеряли бы сходство и, такъ
сказашъ, потонули бы въ глубинѣ тѣни.

Мы бы никогда не кончили, еслибъ взду-
мали подробно указывать, исчислять всѣ

достоинства сей образцовой картины. Мы
причисляемъ её къ Историческимъ, и голю-
вы доказать правость нашу каждому, ко-
порый бы вздумалъ насъ оспаривать.

Государь Императоръ Всемилости-
вѣйше пожаловалъ Художнику *Крюгеру* 10,000
талеровъ (около 40,000 руб.), и Орденъ св.
Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й сте-
пени.

Сія картина находится въ Концертной
Залѣ Зимняго Дворца.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Л И С Т О К Ъ.

изъ Альбома П. Г. Сіянова.

Правдивымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Ты снова добрый мечъ остринишь
И на треножникъ Арея
Священнодѣйствовать спѣшишь.
Счастливыи путь, пѣвецъ! Кто вскормишь
Суровымъ Геніемъ войны,
Кто рапо съ босемъ ознакомишь,
Тому неспирашны хвастуны!
Да! ввернъ опческому спягу,
Не пожалѣешь ты себя,
И, безъ сомнѣнія, дасишь плягу
Противникъ швой, узрѣвъ тебя.
И какъ Русакъ, по Русски спашешь
Преподавать уроки нѣмъ;
Но каково-шо ты заглянешъ
Въ глаза противницамъ швоимъ? . . .

В. Щастный.

П Л А В А Т Е Л Ъ.

Плыви, ладья, плыви быспрѣ!
Качайся на волнахъ!
Играй, зефиръ, играй рѣзвѣ
Въ лешучихъ парусахъ!
Блещаютъ утреннимъ сіяньемъ
Игривыя струи,
И разбиваются съ плесканьемъ
И съ шумомъ вокругъ ладьи;
Цвѣтущъ роскошною весною
Веселые брега,

Прельщаютъ юною красою
И рощи и луга;
Въ разливахъ пниихъ отражены:
Сводъ неба голубой,
Древа въшвысны, наклонены,
Цвѣтны въ правѣ густой.
Не такъ ли мнится наша младость
Подъ кровлею родной, —
Съ ней крапковременная радость
И огнь мечпы живой?
Но быстро ровное печенье
И времени и волнъ!
Ихъ невозвратное стремленье
Далеко мнитъ мой чолнъ.
Ужъ не зефиръ пріятный вѣснъ,
Но эвръ въ спасняхъ свисшпнхъ;
И солнце яркое не грѣснъ,
Но мамцеиъ горнпнхъ.
И наконецъ рѣка влилася
Въ пуспыиный океанъ;
И пвердъ небесъ вдали слилася
Съ пучиной водъ въ шуманъ
Камецья и пески грядами
Кругомъ передо мной;
А волны плещутся клубами
И пвною съдой.
Не въ море-ль бурное вспуцаемъ
Вспупя въ мяпежный свѣтъ,
Гдѣ безпреспаино мы бываемъ
Игрою страстей и бѣдъ?
И гдѣ же приспанъ? — неизвѣстно,
Близка, или далека.
Какой же лучъ вдали прелестно
Блеспншъ сквозь облака?
О рокъ! незримою рукою
Мой чолнъ введешь ли съ пшпнной?
Иль ярой, пвнпстой волною
О берегъ разобьешь крупой?

И. Пальминъ.

C H A R A D E.

Mon premier est le bruit d'un arbre fracassé;
Voyelle est mon second; vous avez mon troisième,
Nos ayeux l'ont perdu, vous le perdrez de même;
En Pologne, lecteur, mon entier est placé.

Въ No 22 помещенная шарада значитъ: *ИЗ-ИТО-ИТО*.

M O D E S.

Robes.—Les redingotes en satin, les robes et redingotes de velours.—Le crêpe et les étoffes brodées d'or et d'argent pour le bal.

Burty, magasin de nouveautés, rue Richelieu, a dans ce dernier genre ce qu'on peu désirer de meilleur goût, tout fait.

Nouveautés.—Le même magasin a un choix ravissant d'étoffes de laine.

Des châles unis et imprimés.

La toile de Smyrne, étoffe plate, unie comme une indienne. — A dessins. — Elle ne doit être employée que pour le négligé. — Des redingotes du matin. — Chez soi. — Elle n'a aucune apparence, mais elle est souple, légère et généralement fort bien portée.

Des mousselines de soie à dessins turcs.— Cette étoffe est encore un négligé. — Mais un négligé de toilette du soir. — Elle doit s'employer sans garnitures, des manches longues, et convient parfaitement à une soirée de musique ou les petits bals au Piano.— Point de bijoux avec, ou des bijoux simples. — Dessous de satin. — Des gazes claires à dessins satinés brillans. — Avec un dessous de satin de couleur, elle ont de l'effet et assez d'éclat pour convenir à une toilette parée.

Chaussures. Les souliers et les brodequins de satin ou velours à fourrure, sont toujours élégans.

Les souliers piqués en douillettes continuent également à être portés chez soi.

Meubles et objets divers. Un nouveau meuble inventé et perfectionné par *Vervelle*, est un *porte-chapeau*, tellement supérieur à tous les champignons connus, que toutes les femmes l'apprécieront avec reconnaissance.— C'est un petit meuble en bois, supporté par un pied, ayant à sa tête trois plaques de carton qui s'élèvent et s'abaissent à volonté; elles sont destinées à maintenir le chapeau dans l'intérieur en remplissant la coiffe, de sorte qu'il ne vacille pas.— Un autre avantage immense, est que le porte-chapeau se sépare dans la moitié de sa longueur; il reçoit une tringle de bois, percée au bout, et cette tringle se fixe dans les caisses de voyage, sans qu'il soit nécessaire de piquer le chapeau d'un seul point, ni d'une seule épingle.

Des portes-allumettes, aisés à imiter, sont en pailles de couleur; — chaque brin de paille est fixé en haut et en bas dans un rond de carton découpé, où il est piqué; puis une petite faveur de satin est passée dans toute la hauteur, alternant chaque paille, et forme le damier.

Des agendas, des ménagères de maroquin peints à dessins perses. — Couleurs brillantes.

Bouts de plumes en acier trempé. — Ils sont d'une durée incalculable, et flexibles, de manière à peser très-fortement dessus sans les altérer. *Susse, place de la Bourse.*

Des feux complets, maintenus dans une espèce de cendrier. — Chaque objet en fer, extrêmement poli, est d'un travail remarquable. — Ils contiennent, une pelle, deux paires de pincettes, un fourgon, une fourche. — Sans ornemens de cuivre.

М О Д Ы.

Платья. — Атласные рединготы. — Платья и рединготы бархатные. — Для баловъ платья креповыя и изъ шелковыхъ матерій, шипыя золотомъ и серебромъ.

Въ магазинѣ Бюрша, въ улицѣ Риншелье, можно найти все, что есть лучшаго въ этомъ родѣ.

Новости. — Въ этомъ же магазинѣ есть предестыя шерстяныя ткани.

Шалевыя матеріи гладкія и плотныя.

Смирнская ткань (la toile de Smyrne) матерія, похожая на ситецъ, гладкая, одноцвѣтная или съ узорами. — Ее носятъ запросто, дома, или дѣлаютъ упреніе рединготы. — Она совсѣмъ не красива, но мягка, легка и въ большемъ употребленіи.

Шелковыя кисси съ шурецкими узорами, носятъ также запросто. — Однакоже надѣваютъ и на вечеринки. — Платья сіи дѣлаютъ безъ всякихъ накладокъ, съ длинными рукавами, они весьма приличны для музыкальныхъ вечеровъ и для небольшихъ баловъ подъ форте-піано. — Вещей не надѣваютъ, а если и надѣваютъ: то самыя просныя. — Поддѣвальные платья атласныя. — Прозрачныя газы съ блестящими атласистыми узорами. — Съ цвѣтнымъ атласнымъ платьемъ внизу; ихъ можно надѣвать въ нарядѣ.

Обувь. — Атласные и бархатные башмаки и сапожки, обшиные мѣхомъ, весьма красивы.

Дома продолжаютъ носить спеганыя на вашъ башмаки.

Мебели и разные предметы. Новый болванчикъ для шляпъ, изобрѣтенный и усовершенствованный Вервелемъ, сполько превосходить все, доселѣ употребляемыя, что дамы конечно будутъ ему весьма благодарны. — Онъ деревянный, на ножкѣ, къ головкѣ придѣланы при бляшки изъ картона, которыя поднимаются и опускаются по произволу; они такъ хорошо поддерживаютъ шляпку, что она не ломается и не шатается. — Еще есть выгода: болванчикъ до половины высоты своей раздѣляется на двое, шпуть вкладывается деревянный пружикъ, заостренный съ концевъ; концы сіи упиверждаются въ ящикъ и шляпа такъ крѣпко держится, что и не нужно прикалывать булавками.

Фуфляры для зажигапельныхъ спичекъ, изъ цвѣтной соломки; — каждая соломинка упверждена вверху и внизу въ вырѣзанный кружокъ изъ картона; соломинки сіи переплетены узенькою атласною лентою шахматцами.

Расходныя и записныя книги (agendas) изъ сафьяна, рисованныя Персидскими узорами, яркими красками.

Закаленныя спальные перья. — Такимъ перомъ можно очень долго писать, и оно такъ гибко, что опъ крѣпкаго прижатія не шупится. У Сюссъ на биржевой площади.

Полный приборъ для камина вмѣстѣ съ лщикомъ для золы: весь приборъ желѣзный, прекрасно выполированный и отличной работы. Онъ состоитъ изъ лопатки, двухъ щипцовъ, кочерги и вилки; безъ мѣдныхъ украшеній.

Въ № 22 Лист. Прибавленій въ стихотвореніи Г. Полинскаго, строки 12 и 13 должно читать:

Какъ лучъ денницы
Угасъ возвышенный пѣвецъ,

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 25.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 28 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Ахъ! сколько и у насъ есть крѣпиковъ такихъ,
которые падаютъ отличный напавидашъ
За то, что пьтъ его у нихъ,
И съ радостью въ другомъ свой недостатокъ видятъ.
Измайловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Два Русскія пословицы:

1.
Красно поле рожью,
А рѣчь ложью.

2.
Не все то творится,
Что говорится.

Въ Невскомъ Альманахѣ на 1831 годъ, на стр. 11, сказано: «Къ Новому году общаются намъ, какъ водится, нѣсколько Альманаховъ: въ Петербургѣ расцвѣтутъ *Сѣверныя цвѣтны*,—*Невскій Альманахъ* вѣроятно не упоминетъ ни въ Невѣ, ни въ Лепѣ,—и *Не забудь меня*, (*) не забудутъ.»—Пророчество о первыхъ двухъ Альманахахъ—сбылось: они напечатаны, выданы въ свѣтъ, раскуплены и прочтены.—Касательно же до Альманаха: *Не забудь меня*, мы не согласны съ Г. Аладинымъ—и можемъ упвердительно сказать, что его забудутъ; ибо, кто поручится намъ, чтобы книжечка сія, существовавшая только въ воображеніи издаващаго ея Издателя, осталась въ нашей памяти: не ужели Сѣверная Звѣзда?—(«Плохая компиляція старой вепоши;» какъ сказано въ Сѣверной Пчелѣ.—«Сбор-

(*) Название Альманаха, общаго, но не издавнаго.

никъ переведенной прозы и стихотвореній: иныхъ перепечатанныхъ изъ старыхъ Журналовъ, другихъ, добытыхъ;» какъ сказано въ Моск. Телеграфѣ: «по кулачному праву!») А припомъ, какъ помнишь то, что существовало только въ объявленіи Сѣвернаго Меркурія, тогда, какъ и самъ подполусный Гермесъ не додалъ Публикѣ пятнадцати нумеровъ за минувшій и десяти нумеровъ за текущій годъ?

Не забудь меня, безъ сомнѣнія, увидишь бѣлый свѣтъ въ одно время съ картинками Модъ, кои Г. Издатель Сѣвернаго Меркурія торжественно общалъ своимъ подписчикамъ въ пышномъ объявленіи. Ужъ не слѣдуетъ ли онъ въ семь случаевъ *Делилю*, который написалъ:

Promettre—c'est donner, espérer—c'est jouir!

Э.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГОРОДЪ НАРВА.

(Отрывокъ изъ походныхъ записокъ Офицера.)

Дорога отъ Петербурга до Нарвы однообразна и скучна. Деревни, населенныя частью Русскими, частью Чухонцами, очень

рѣдки; одни необозримыя поля и болопа представляются взорамъ путешественника. Только въ городѣ Ямбургѣ мы отдохнули физически и морально. Ямбургъ—небольшой, но численькой и правильно обстроенный городокъ Пепербургской Губерніи, славился прежде своею ситцевою фабрикою, принадлежавшею купцу Тешу. Нынѣ же сія фабрика болѣе не въ дѣйствіи.

Отъ г. Ямбура до Нарвы счисляется 20 верстъ и дорога гораздо веселѣе и лучше; она идетъ лѣсомъ, чрезвычайно пряма и по обѣимъ сторонамъ окопана глубокими рвами. Нарва, съ своими древними башнями и высокими шпицами колоколенъ, не смотря на пасмурную погоду, видна была за нѣсколько верстъ.

Нарва, нѣкогда твердый оплотъ Шведскихъ границъ отъ Россіи, съ именемъ швимъ, сколько соединено историческихъ воспоминаній, близкихъ въ сердцу всякаго Русскаго!—Здѣсь первые регулярные наши войска брали уроки у Шведовъ въ искусствѣ военномъ, и подъ ея же стѣнами, въ короткое время превзошли своихъ учителей въ искусствѣ—побѣждать. Событія случившіяся около полупора столѣтія тому назадъ, живо представились моему воображенію... Я погрузился въ мечтанія самыя сладостныя....

«Здравія желаю! Ваше Высокоблагородіе!» Это громкое восклицаніе квартиргеровъ, которыми они привѣтствовали роинаго Командира—вывело меня, какъ бы изъ усыпленія, уже у самой заставы. Въ Нарвѣ нашему полку назначена была днѣвка. Пользуясь симъ временемъ, я успѣлъ осмотрѣть все ея достопримѣчательности: ѣздилъ къ водопаду, на суконную фабрику, былъ на пильномъ заводѣ, осматривалъ церкви, оплечающіяся своею гошпическою архишешурою, лазилъ на башни Иванъ-городской крѣпости и Вышегородскаго замка, а вечеромъ ондыхалъ въ театрѣ и въ клубѣ.

Нарва раздѣляется на собственно такъ называемый городъ или крѣпость Нарву, къ которой причисляется и Вышегородскій замокъ, и на Иванъ-городъ съ Ивановскимъ форштапомъ. Рѣка Нарова раздѣляетъ эти двѣ части города, изъ коихъ первая съ самыхъ

древнѣйшихъ временъ принадлежала Шведамъ, а вторая Русскимъ. Крѣпость Иванъ-городская, есть памятникъ временъ Царя Ивана Васильевича Грознаго. Крѣпость сія обнесена двумя полшшими каменными стѣнами съ башнями, бойницами и конпръ-форсами. Частъ обрушившихся стѣнъ была починена и возобновлена въ началѣ прошлаго года. Говорятъ, что изъ сей крѣпости былъ нѣкогда ходъ подъ водою на бывшую Шведскую сторону, теперь же обрушившеюся землею онъ почти засыпанъ. Въ Иванъ-городѣ, кромѣ Русской каменной церкви, выстроеной, судя по Архишешурѣ, вѣроятно, въ новѣйшее время, намѣсто развалившейся прежней, хлѣбнаго магазина, и пустыхъ каменныхъ казармъ, служившихъ гошпипалемъ для нижнихъ чиновъ, кваршироваваго здѣсь Аспраханскаго Гренадерскаго полка—я ничего не нашелъ.

Ивановской же форштаптъ довольно обширенъ и населенъ по большей части Русскими. Напрошивъ пого въ крѣпости живутъ Нѣмцы. Прекрасный каменный мостъ съ чугунными перилами, перегибается черезъ р. Нарову и соединяетъ Иванъ-городскую часть съ крѣпостью. —

Въ Нарвѣ улицы чрезвычайно узки, по одной только, называемой *большою*, можно съ трудомъ разѣхаться двумъ большимъ экипажамъ; дома все старинной Архишешуры, высокіе, каменные, почернѣвшіе отъ времени, многіе съ желѣзными дверями и желѣзными рѣшетками у оконъ; у всѣхъ же вообще двери опворяются съ улицы на иностранннй манеръ; окна огромныя, въ иныхъ рамахъ я насчиталъ оконницъ до 30 и болѣе. Шведскія надписи уцѣлели еще на многихъ домахъ, съ подписью: Anno 1667, 1668 и 1700 и проч. Одинъ только домъ купца Рихтера, въ которомъ живеть Комендантъ, выстроень въ новѣйшемъ вкусѣ и можеть назваться лучшимъ строеніемъ въ городѣ. —

Я былъ въ Рапушѣ; къ ней примыкаетъ другое еще, столь же древнее строеніе съ высокою башнею съ разбитыми стеклами и тяжелыми желѣзными дверями; въ немъ нѣкогда была палатка, а теперь оно необитаемо; только въ нижнемъ этажѣ очищена

недавно одна зала для шруппы спранспвующихъ Нѣмецкихъ актеровъ, которые дають здѣсь по временамъ комедіи и оперы псащра Коцебу. — У дверей Рапуши споялъ на часахъ какой-то спарый Инвалидъ съ полстою дубиною, похожею на ружье. По широкой лѣстницѣ мы поднялись на самый верхъ. — Большая круглая зала, пополокъ коей разрисованъ изображеніями разныхъ звѣрей, а на стѣнахъ висѣли портреты какихъ-то рыцарей и картины предспавляющія Спрашный Судъ и мученія въ Адѣ: эша зала служила преддверіемъ къ Судейскимъ комнапамъ. Мы отворили двери направо и вошли въ комнапу, гдѣ засѣдаешъ Бургомистръ съ Членами Рапуши; въ ту самую комнапу, въ которую вбѣжалъ разгнѣванный *Петръ* попчасть послѣ взятія Нарвы. — Кому не извѣспны слова, произнесенныя Имъ въ Рапушѣ? Здѣсь намъ показывали планъ Нарвскаго сраженія, Грамопы *Карла XII*, *Густава-Адольфа*, купчую *Петра Великаго* на домъ, купленный имъ у какого-то Нарвскаго Гражданина. Все это хранился въ-большомъ шкафѣ. Тутъ же лежишь попоръ, который служилъ орудіемъ казней, совершавшихся передъ Рапушею на площади, называемой — *Илсовою!!!* Тамъ же висятъ мундиры бывшей городской почешной спражи. Изъ Рапуши почпенный нашъ Чичиронѣ водилъ насъ въ собспвенный Дворецъ *Петра I*, купчую на который, намъ показывали въ Рапушѣ. Унтеръ-Офицеръ, шедшій передъ нами съ большою связкою ключей, отперъ двери — и мы съ благовѣніемъ вошли въ комнапы, гдѣ Преобразитель Россіи, по взятіи Нарвы отдыхалъ на лаврахахъ. Здѣсь все оспавлено на помъ же мѣстѣ и въ помъ же видѣ, какъ было при *Петрѣ*. Дворецъ выспроенъ въ два яруса.

На верху бельведеръ, съ котораго видѣ на рѣку Нарову; тамъ хранился подзорная шрубка перваго Россійскаго Императора, а внизу жилые покои. Въ простѣнкѣ залы, между двумя окнами, виситъ большое круглое зеркало въ раззолоченныхъ рамахъ во вкусѣ старинномъ, а на стѣнахъ портреты: *Петра I*, вѣроятно написанный въ Его молодоспи, *Екатерины I* и *Карла XII*, который изображенъ верхомъ на бѣлой лошади, предводи-

пельспвующимъ войсками во время Нарвскаго сраженія. Диванъ, нѣсколькo кресель, обипыхъ свѣсплозеленымъ бархапомъ и большой орѣховый шкафъ съ искусною рѣзбою, соспавляютъ всю ушваръ залы.

Въ этомъ шкафѣ хранился двѣ пары башмаковъ, проспъ, полстая палка, или пакъ называемая *дубинка* *Петра I*, двѣ деревянные кружки, оправленныя въ серебро, серебряныя чарочки, рюмки, спаканы, огромный, граненаго стекла покаль въ фушлярѣ и споловое бѣлье. Пройдя чрезъ двѣ комнапы, изъ коихъ въ одной спойитъ модель военнаго корабля, сдѣланнаго, вѣроятно, Державными руками Великаго, съ священнымъ благовѣніемъ вошли мы въ Его спальню: за шerspянымъ, полосатымъ занавѣсомъ спойитъ Его кровашъ, а возлѣ ея два плешеныхъ спула съ высокими спинками; подлѣ окошка находится бюро съ зеленымъ сукномъ. Сколько безсперпныхъ распоряженій, сколько благодѣпельныхъ, полезныхъ указовъ — начерпано на семъ вешхомъ письменномъ споликѣ! «благоговѣй, посѣспишель: «мѣспо бо сіе святое еспъ!» — Дѣйспвишельно, на всякую вещь мы спомпрѣли, какъ на нѣкую свяшыню. —

Отсюда мы зашли взглянуть на проломъ, копорымъ входили наши побѣдоносныя войска, предводишельспвующаго *Петромъ*; мы пѣмъ съ живѣйшимъ удовольспвіемъ осмаптривали эту брешъ, что чрезъ нее нашъ (Преображенскій) полкъ первый взошелъ шпурмомъ въ крѣпость. Память 19 Ноября 1700 года, незабвеннаго дня Нарвской бишвы въ Истории Преображенскаго полка, мы до сихъ поръ носимъ на Офицерскихъ знакахъ. — Брешъ шеперь задѣлана камнями, на коихъ высѣченъ, не знаю почему, 1756 годъ. Почпенный М-ръ, который взялъ на себя шрудъ бытъ нашимъ Чичероне, повезъ насъ къ Спасо-Преображенскому Собору, одному изъ древнѣйшихъ зданій въ городѣ. Онъ выспроенъ въ старинномъ Гошическомъ вкусѣ съ конпръфорсами и высокими узенькими окнами съ желзными рѣшешками.

Во время Шведовъ въ этомъ зданіи былъ женскій Монастырь; говорятъ, что одна Монахиня, впавшая въ какое-то преспупле-ніе, была заложена живалъ въ стѣнѣ и на

этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребена заживо сія спрадалица, высѣчено изъ дикаго камня Распятіе, подѣ копорымъ находишься, какая-то Шведская надпись. Распятіе до сихъ поръ цѣло, но слова надписи время немного поизгладило. Внутренность Собора опвѣчаетъ наружной его древности. Полъ усланъ гранишными досками, на койхъ очень искусно высѣчены эпитафіи на Шведскомъ языкѣ и фамиліи рыцарей, погребенныхъ подѣ эшимъ Соборомъ. Года чепыре тому назадъ, опрышъ былъ печально подлѣ этого Собора гробъ длиною въ сажень. На гробѣ, украшенномъ вызолоченною армашурою, начертано имя какого-то *Ульриха* и 1668 годъ. Сей гробъ вмѣстѣ съ большимъ сосудомъ (на коемъ искусно вырѣзана оленья правля), опкрытымъ недавно въ землѣ—хранился на хорахъ Спасо-Преображенскаго Собора. Живопись нѣкоторыхъ Образовъ довольно хороша и краски не потеряли опъ времени своего цвѣта; особенно Распятіе Иисуса Христа, написанное въ 1680 году, обратило наше вниманіе. Подѣ многими Образами находящіяся до сихъ поръ Шведскія надписи. Спеклянная дверь ведетъ изъ холодной церкви въ теплую. Въ ней мы нашли уже все въ новѣйшемъ, Русскомъ вкусѣ. — Другіе церкви я не успѣлъ осмотрѣть, ибо поропился въ Вышгородскій замокъ. Тамъ, кромѣ казармъ, довольно обширнаго каменнаго спроеція, привлекаетъ любопытство такъ называемая Германова башня, выспроенная противъ Иванъ-городской крѣпости. Она чрезвычайно высока и обширна, сооружена какимъ-то Германомъ, который самъ жилъ въ оной; послѣ же взятія Нарвы Русскими, въ ней хранились, даже до 1820 года, разныя рыцарскія оружія, шлемы и проч. Но такъ какъ башня сія не запиралась прежде, то говоряшъ, что многія изъ нихъ были опхищены, другія расперялись, а оспальныя перевезены въ Петербургъ. Теперь башня сія пуста и заперта; видъ съ вершины башни самый удивительный. Къ ней примыкають развалины спѣнъ замка, поросшія мхомъ и кустами. Эти развалины, вислія надѣ берегомъ рѣки Наровы, представляютъ для глазъ самыя живописныя развалины, какія мнѣ ни-

когда не случалось видѣть даже на карпинахъ.—Вечеромъ того-же дня я былъ въ клубѣ. Большая часть помѣщиковъ живетъ не въ городѣ, а по своимъ деревнямъ, зиму и лѣто; слѣдовательно, въ клубѣ мнѣ могли видѣть только однихъ поспоянныхъ жителей Нарвы. Въ 8 часовъ вечера я пріѣхалъ въ клубъ, заплашилъ 3 р. 20 к. и вошелъ въ залу. Тамъ заспалъ я нѣсколькихъ дамъ, а въ прихожей увидѣлъ ихъ горничныхъ съ сапогами. По мѣрѣ съѣзда дамъ, прихожая наполнялась горничными. Въ 9 часовъ заиграла музыка и опкрылись панцы, которые кончились уже опполночь.

Въ Нарвѣ нѣтъ поспоянныхъ извощиковъ, какъ въ другихъ городахъ, только Русскій купецъ Ка—въ держитъ нѣсколько саней зимою, а лѣтомъ дрожекъ, которые оппускаетъ по восребованію. На другой день утромъ, я опправился къ нему; за день съ меня запробили 13 рублей: очень дорого для Нарвы! Г. Ка—въ въ ущѣщеніе мое увѣрялъ, что всѣ проѣзжіе, любопытствующіе видѣть водопадъ, всегда берутъ у него лошадей; и шутъ же перечелъ онъ мнѣ по пальцамъ нѣсколько извѣстныхъ особъ. Я заплашилъ ему 13 рублей и поскакалъ къ водопаду, который находится опъ Нарвы въ 2½ верстахъ. — По мѣрѣ приближенія къ оному, шумъ усиливался, а наконецъ я увидѣлъ водопадъ, который съ ревомъ прорывался изъ подѣ ледной коры и потомъ низвергался съ высоты съ быспроюю необыкновенною. Рѣка Нарва разделяется здѣсь на два рукава, которые образуютъ небольшой островъ и низвергаются двумя водопадами съ каменистыхъ скалъ.

Сколько знаменитыхъ путешественниковъ, Липерапоровъ любовались шобою, величественный Нарвскій водопадъ! сколько поэтовъ, искадо вдохновенія, глядя на опвагу, съ какою пы бросаются со скалъ гранишныхъ и прислушиваясь къ швоему дикому реву; «но иныхъ нѣтъ уже на свѣтѣ, другіе странствуютъ далеко!» воскликнулъ я, вспомнивъ эту мысль Персидскаго поэта Саади. Лѣтомъ, говоряшъ, видъ водопада гораздо величественнѣе. Согласенъ; но и зимою въ своемъ родѣ онъ удивителенъ. Вообразите себѣ цѣлую

массу воды, спремещающуюся съ высоты утеса и вдругъ, какъ бы по мановенію Фей, превращенную въ ледяную гору; даже брызги лепѣвшія отъ воды замѣсны!! Впрочемъ, вода падъ замерзъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Высокій деревянный мостъ соединяетъ островъ съ матерюю землею. На этомъ островѣ находится мучная мельница и пильной заводъ Купца Сутова. Колеса пильныхъ станковъ, которыхъ здѣсь восемь, приводятся въ движеніе необыкновенною быстротою воды, и не останавливаются ни днемъ, ни ночью; каждый станъ выпиливаетъ лѣтромъ 35, а зимою 26 бревенъ въ сунки; больше 20 работниковъ, едва успѣваютъ вынимать распиленные доски и подкладывать новыя бревна.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пильнаго завода, на самомъ берегу Наровы, находится суконная фабрика: я не хотѣлъ упустить случая побывать на оной. Она можетъ назваться одною изъ большихъ фабрикъ, разумѣется между частными, и принадлежитъ Шварцу. Имѣетъ 41 станъ и около 500 человекъ рабочихъ.—Какой-то пожилой человекъ въ синемъ серпукѣ и въ очкахъ, сидѣвшій за большимъ столомъ, заваленнымъ щетными книгами, приказалъ своему помощнику показывать намъ фабрику. Насъ водили по всѣмъ комнатамъ, начиная съ прядильной и до швей, гдѣ кладутъ сукно подъ прессъ. Сукна выдѣлываются здѣсь разной доброты, отъ 8 и до 22 рублей; большая часть оныхъ продается въ казну, а другая въ париккулярныя руки.

Въ 4 часу по полудни я возвратился въ городъ, побѣдалъ въ такъ называемомъ Пешербургскомъ пиратирѣ, а вечеромъ отправился въ театръ. Въ этотъ день давали комедію: *Die Zerstreuten* и оперу: *Barbier Schnaps*. Театръ былъ наполненъ нашими Офицерами; только кое гдѣ мелькали розовыя шляпки и волчьи шубы Нарвскихъ гражданъ.—Оркестръ, состоящій изъ нѣсколькихъ вольнопрактикующихъ амацеровъ, старался забавлять публику разыгрываніемъ вальсовъ, мазурокъ и экосесовъ; музыканты, по случаю большаго холода, всѣ были въ шапкахъ и не попадали въ тактъ. Косюкмы,

игра, пѣніе, все было довольно порядочно — для Нарвы; не смотря, что многіе во время пѣнія фальшили, а другіе не твердо знали свои роли: это еще не такъ велика бѣда и случается часомъ не на одномъ Нарвскомъ театрѣ; но вотъ что бѣда: въ залѣ театральн. которая болѣе сполнѣла неопаливалась, было такъ холодно, что многіе, не смотря, что были въ теплыхъ шинеляхъ и шапкахъ, не могли досидѣть до конца представленія, и уѣхали домой; въ помѣ числѣ былъ и азъ грѣшный.

Н. Лукъловичъ.

К Р И Т И К А.

Денница, *Альманахъ на 1831 годъ*, изданный М. Максимовичемъ. Москва, въ Типографіи Августа Семенова 1831. стр. LVIII и 140, въ 16 долю листа.

Вотъ еще новый Альманахъ, а въ немъ еще новый косоу взглядъ на Русскую Словесность 1830 года, названный обзорніемъ Г. Обзорыватель говоритъ пѣтъ, кшо хочешь его слушать, что къ повѣстямъ *Ничій Г. Подольскаго* и *Безумная Г. Козлова* *подходитъ* и *Безпріютная* повѣсть Г. Максимовича, который еще не владѣетъ стихомъ своимъ. Чипателей Булгарина, всѣхъ безъ изъятія, называетъ онъ *полуграмотными*; спасибо, Г. Обзорыватель, спасибо! Увѣряетъ, что *ученіе Г. Греча о словесности* давно бы пора опадать на выжигу: дѣльно! что Г. Полевой въ *Исторіи Русскаго народа* *намеренъ* представить опытъ философической Исторіи Россіи; въ этомъ, вѣрно, нѣкто не сомнѣвается; исполненіе не всегда слѣдуетъ за намѣреніемъ.

Въ *Денницу* помѣщено четыре прозаическія сказанія:

Блѣбый человекъ, рассказъ П. Сумарокова, изъ котораго узнаемъ мы, что умершая жена понамаря, кажется ему живою, и что живой приказный мерещился рассказчику мерпвецомъ.

Постылый дворъ (опрывокъ изъ Русской Были XV вѣка), соч. Н. Полеваго. Г. Полевой выказалъ въ этомъ опрывкѣ рѣшиительно всеобъемлющій умъ свой; до сего времени.

мы удивлялись обширнымъ познаниамъ его въ языкахъ Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Сирскомъ, Сакскритскомъ и пр. и пр. и пр. а нынѣ въ *Постояломъ дворъ* узнали, что онъ о сѣнѣ, кашѣ, щажѣ и пирогахъ безъ начинки, трапцуетъ довольно основательно.

А. Вельпманъ, въ опривкѣ изъ 2 части *Странники* (въроятно, Г. Вельпманъ намѣренъ подъ симъ названіемъ издасть книгу въ нѣсколькихъ частяхъ), рассказываетъ вкращцѣ о рѣкѣ Прушѣ, о городѣ Бухарестѣ, Жидяхъ, Армянахъ, Нѣмкахъ; о Юпиперѣ, который несъ на себѣ дочь Царя Агенора и о кофе, который не спойтъ названія *офе*.

Опривокъ изъ *Рукописи Пушкина*. Въ этомъ опривкѣ Александръ Сѣргѣевичъ опровергъ многіе кривые толки Крипиковъ его поэмы: *Полтава*.

Изъ стихотвореній *Денницы*, лучшія принадлежатъ: Языкову, Кн. Вяземскому и О. Н. Глинкѣ.

Также имѣетъ въ себѣ достоинство и *посланіе къ А. С. Пушкину* Г. Шевырева.

Повторимъ сказанное имъ о Рускомъ языкѣ: Сей богатырь, сей Муромецъ Илья,

Баюканпый на льдахъ подъ вихремъ мразнымъ,
Во шмѣ въковъ сидѣвшій сиднемъ празднымъ,
Спалъ на ноги умѣняемъ рыбаля,
И началъ пѣть онъ Бога и Царя. —

Воскормленный средь Сѣвернаго хлада
Родной зимы и льдистыхъ Альпъ пѣвцомъ,
Окрѣпъ совѣмъ и спалъ богатырёмъ,

И съ нимъ гремѣлъ подъ бурю водопада.
Но опгремѣвъ, онъ плавно рѣчь повелъ
И чистыми Карамзина устами

Намъ исповѣдъ народную прочелъ, —
И рѣчь неслась широкими волнами:
Что далѣе, шо глубже и свѣпшѣй, —

Какъ въ зеркалѣ, вся Русь глядѣлась въ ней: —
И въ океанъ лишь только превратилась,
Какъ Ниль въ пескахъ, внезапная сокрылась,
Сокровища съ собою унесла,

И шайнаго никшо не смѣшилъ хода. . .
И чтожъ теперь? — вдругъ лужею всплыла
Въ *Исторіи Россійскаго народа!*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОЦАЛЬНЫЕ СТАНСЫ Н. А. Л.

1828.

Когда шумятъ и блещутъ знамена,
Дружина ждетъ начала грозный бипвы,
Безмолвіемъ торжественнымъ полна,
И шайныя свершаются молитвы:
Будь смѣлъ и твердъ подъ знаменемъ креста;
Васпламененъ надеждою и славой,
Иди, мой другъ, иди на пиръ кровавой:
Мнѣ за тебя порукой — правоша.

* * *

Впередъ! Впередъ, безъ страха и сомнѣнья!
Твой жребій, вѣрь, заранѣе рѣшенъ:
Написанъ онъ рукою Провидѣнья
На хартїи шайнственной временъ!
При свистѣ пуль недвиженъ и покоенъ,
Надъ грудой тѣлъ и братїи и враговъ,
Не забывай: пыи гражданитъ и воннъ,
Ты грудью спалъ за честь и край опцовъ.

* * *

Когдажъ падетъ поклонникъ Магомета,
Покорствуй двуглавному Орлу,
Разсѣешь лучъ божественнаго свѣта
Невѣрїя прельстившельную мглу —
Тогда опять и съ миромъ и съ любовью
Привѣтствуй ты родимую страну
Ты ей служилъ опвагою и кровью,
Ты въ ней найдешь въ награду — пишипу.

Подолгискій.

В Е Ч Е Р Ъ.

Тихо дышетъ въшеровъ
Вечера устами;
Не колыхнется лискокъ;
Чуть журчитъ струями
Скрытый сумракомъ пошокъ.

* * *

Одинокая плыветъ
Звѣздочка съ востока:
Вдругъ разсыплется, блеснетъ
Въ зеркалѣ пошока —
И за облако зайдетъ.

* * *

Западъ тучами закрытъ:
Пурпуромъ огнистымъ
Тонкій сумракъ ихъ горитъ,
Съ небосклономъ чистымъ
Твѣью радужною слипъ.

* * *

Дремлетъ въ полѣ мирный плугъ;
Муравой росисшой
Зеленѣетъ мягкій лугъ,
И эвиръ душистый
Разливаетъ онъ вокругъ.

* * *

Зыбкій паръ вѣетъ надъ нимъ
Пелену шумапа,
И по нивамъ золошымъ
Тѣни Оссіана
Въширокъ рисуешь имъ.

* * *

Всходитъ мѣсяцъ въ облакахъ
Лебедемъ играя:
На сребристыхъ ихъ краяхъ
Бахрама злаяя
Опмилась въ его лучахъ.

* * *

Сладко, сладко мнѣ съ тобой,
Мирная природа!
Уголокъ пустынный мой,
Здѣсь моя свобода,
Здѣсь и радость и покой!

Енисейскъ.

Н. Кудрявцевъ.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ рѣка, второй и третий то же;
А цѣлаго, меня избави Боже.

Н. Климовичъ.

Въ No 24 помѣщенная шарада значить: *Спас-о-вѣ.*

М О Д Е С.

Le port de Dieppe, place de la Bourse. — La plus jolie collection de tout ce qu'on peut faire de joli en ivoire. — Impossible de soigner davantage un travail de ce genre. — Dans ce moment où l'on fait des loteries pour les pauvres, cette maison mérite l'attention de nos lecteurs.

Des petits paniers pour recevoir les bagues, s'ouvrant de chaque côté.

Des boîtes à épingles, sculptées, à dessus de fleurs et fruits.

Indispensables pour la ceinture, ou le gant. — Couteaux de bureaux. — Boucles de ceintures.

Figures, animaux, pour serre-papiers. — Cachets, ciseaux, sifflets de chasse.

Fourchette-couteau pour manger les huîtres. — Ce petit instrument a le grand avantage de n'approcher de l'huître aucun métal.

Il est inutile de détailler tout ce qui se trouve au port de Dieppe. — C'est un véritable passe-tems de le visiter.

Ensembles de toilette. Une robe de mousseline imprimée à dessins cachemires, bruns et rouges, sur un fond chamois. Corsage drapé, manches longues. — Les cheveux relevés avec un peigne d'écaille, un nœud de gaze noire, des souliers de satin noir.

Une robe de crêpe blanc, broderie d'or mat et brillant; une guirlande de lianes branches retombent jusqu'en bas. — Des plumes blanches dans les cheveux, une parure de perles.

Les pointes sur l'épaule bordées d'un petit rouleau. — Les jupes de dessous devraient être faites en satin; celles de dessus, en crêpe, bordées d'un liseré de satin. Les mantilles du corsage de crêpe également bordées. — Pantalon juste. — Tricot de soie. — Etole de ruban de satin. — Voile de gaze satinée. — Bijoux de fer de Berlin. — Il faut observer que la mantille doit retomber par dessus le corsage jaune pour figurer la chemisette. — Par derrière, la jupe doit être large du bas, mais elle doit partir du corsage, comme sur les hanches, sans fronces. — Devant fermé juste.

Pl. 120. — Jupe de satin, rouleaux et rubans de satin. — Nœuds du corsage bordés de blonde. — Berret de gaze. — Boa de plumes.

Robe de crêpe brobée d'argent. — Mantille de blonde. Echarpe de gaze satinée. — Coiffure de M. *Amable Normandin*, coiffeur de S. A. R. la princesse Marie, ornée d'un Protée couronné. Nouvelle fleur des magasins de M. Castier fils.

La Mode recommande à ses lecteurs le *Chocolat adoucissant* au lait, qui est due à MM. Debaube et Gallais, fabricans de chocolat du Roi, rue des Saint-Pères, n° 26. Préparé à l'eau ou à la crème, ce chocolat est l'aliment le plus délicat, le plus savoureux, et en même tems le plus salutaire pour les jeunes personnes et les femmes délicates; il donne du ton à l'es-

tomac et de la souplesse aux organes de la voix, ce qui le rend précieux pour les personnes qui se livrent à l'exercice du chant.

М О Д Ы.

Діепскій портъ (Port de Dieppe) на биржевой площади: прекраснѣйшее собраніе всего красивѣйшаго, что можно вышочить изъ слоновой кости. — Въ семь родъ не можешъ быть лучше отработки. — А такъ какъ нынѣ разбѣгивается много доперей для бѣдныхъ: по сей домъ заслуживаетъ вниманіе нашихъ чипапшелей.

Корзиночки для храненія колець, опкрывающіяся со всѣхъ споронъ.

Разныя коробочки для булавокъ, на ихъ крышкѣ цвѣшы и плоды.

Ящички для поясовъ, или перчатокъ. — Ножички для письменныхъ спомовъ. — Пряжка для поясовъ.

Спапуйки, живописныя, для пригнетенія бумагъ. — Печати. — Ножницы. — Охотничьи свистки. Ножикъ вмѣстѣ съ вилкою, копорыми бѣдшъ устриць. — Эпо хорошо потому, что никакой мешалъ не прикасается къ устриць.

Ненужно описывать всего, что находится въ портѣ Діепскомъ. — Его очень пріятно посѣтить.

Полный нарядъ. — Платье изъ печатной кисей верблюжьяго цвѣша съ Турецкимъ узоромъ темнаго съ краснымъ цвѣшомъ. Лифъ draré, рукава длинныя. — Въ волосахъ черепаховой гребень, чернѣй газовой бантъ, черныя атласныя башмаки.

Бѣлое креповое платье, вышитое машовымъ и блестящимъ золотомъ; гирланда изъ плюща (liannes), нѣкоторыя вѣшви упадающъ донизу. — На головѣ бѣлыя перья, уборъ изъ жемчугу.

Маскерадный костюмъ Пери. — Платье атласное, вышитое гладью просто шелкомъ или шелкомъ съ серебромъ; лифъ гладкѣй. —

Мыски на плечахъ обложены узенькимъ руло. — Нижнія юбки должны быть атласныя, верхнія же креповыя съ атласною выпушкою. Обшивка лифа съ такою же выпушкою. — Папалоны въ обпязку изъ шелковаго прико. — Перевязъ изъ атласной ленпы. — Покрывало изъ атласистаго газа. — Вещи желѣзныя изъ Берлина. — Надобно замѣнить, что оборка пришитая къ верху лифа, должна составлять родъ шемизетки. — Сзади юбка должна быть внизу очень широка, но начиная отъ лифа по бокамъ и сзади безъ сборокъ. — Спереди въ обпязку.

Юбка атласная. — Руло и ленпы атласныя. — Банты и лифъ обшиты блондою. — Берешъ изъ газа. — Хвосты изъ перьевъ.

Платье креповое, вышитое серебромъ. — Лифъ обшитъ широкою блондою. Шарфъ изъ атласистаго газа. — Прическа Г-на Амабль Нормандень, парикмахера Ея К. В. Принцессы Маріи; въ волосахъ новый цвѣпокъ изъ магазина Г-на Каспье, называемый Protée couronné.

Чипапшелямъ моды рекомендуешся смягчающій шоколадъ (chocolad adoucissant), за которѣй обязаны мы господамъ дѣ Бову и Галле, имѣющимъ шоколадную фабрику въ улицѣ des Saints-Pères, No 26. — Сваренный съ водою или молокомъ, шоколадъ сей, весьма вкусенъ, пріятенъ и вмѣстѣ здоровъ для молодыхъ дѣвиць и дамъ слабаго сложения; онъ укрѣпляетъ желудокъ и придаетъ гибкость голосу; а эпо немаловажная выгода для занимающихся пѣніемъ.

С М Ъ С Ъ.

Главнѣйшая наука для *человѣка* состоитъ въ знаніи себя, а для *гражданина* въ знаніи своего опечесшва.

Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрыя любятъ порядокъ; а нѣтъ порядка безъ власпи самодержавной.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 26.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 1 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Наружность иногда обманчива бываетъ:

Иной какъ звѣрь, а добръ; тошъ ласковъ, а кусаетъ.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ДИКОВИНКИ.

Въ первой книжкѣ Московскаго Телеграфа на 1851 годъ, первая спашья, подъ заглавиемъ: *XVIII вѣкъ, или историческое значеніе времени съ 1700 по 1800 годъ*, — подтверждаетъ всё то, что было писано и печатано о пустословіи Издавателя Телеграфа. Въ сей спашь, коюрою Г. Полевой *деботируетъ* на 1851 годъ, помѣщены спранности *невѣроятныя*, и копя подъ одною означено: *съ Французскаго*; но чинатели въ правѣ пребывать, чтобы Издаватель Телеграфа указалъ, откуда имянно переведена сія спашья, опличающаяся неслыханнымъ распройсвомъ мыслей. —

Одинъ изъ чинателей Полеваго, принимая всё неспости Телеграфа за непреложныя истины, но видя, что съ перваго раза трудно понять, и пѣмъ болѣе затвердить *высокопарныя, превыспреннія* фразы, копорыми обыкновенно начинаются спашьи Телеграфа, избралъ за благо выписать ихъ въ видѣ *отвѣтовъ на вопросы*. — Метода, способнѣйшая для изученія! Отвѣты — отъ слова до слова изъ Телеграфа. Всѣ сіи разрѣшенія разныхъ вопросовъ столь неожиданны, столь *курьозны*, что мы надѣемся удивить и позабавить чинателей. —

Вопр. *Чѣмъ походилъ 18 вѣкъ на вѣка предшествовашіе?*

Отвѣтъ изъ Телеграфа. «Онъ походилъ пѣмъ, что *продолжалъ* 'начашое ими.'» (Спран. 3).

Прииманіе: А черезъ пять спрокъ говорится, что въ дѣйствіяхъ его заключался *разрѣвъ времени* новаго отъ времени старыхъ. Одно другому противорѣчить.

Вопр. *Что такое были Среднія времена?*

Отвѣтъ Телеграфа. «Среднія времена были одною изъ *величайшихъ эпохъ* Исторіи человечества.» (Спран. 3).

Вопр. *Что сдѣлано ими?*

Отвѣтъ Телеграфа. «Ими сдѣланъ шагъ *впередъ*, относительно къ эпохамъ, копорыя имъ предшествовали.» (Спран. 3).

«Произведшее шагъ *впередъ*, сдѣлалось пономъ *препятствіемъ*.» (Спран. 4).

Прииманіе: *Величайшая* эпоха, а только шагъ *впередъ!* — Не забавно ли это?

Вопр. *Что думали о XVII вѣкѣ?*

Отвѣтъ Телеграфа: «Думали, что XVII вѣкъ былъ *вѣкомъ застоя и покоя*.» (Спран. 5).

Прииманіе: *Застоя и покоя* — образецъ рѣчующей прозы.

Вопр. *Что явилось въ XVIII вѣкѣ?*

Отвѣтъ Телеграфа. «Сближеніе званій и спранъ явилось въ XVIII вѣкѣ и образо-

вало единство, въ коемъ встрѣтилась сама съ собою и узнала сама себя образованная Европа.» (Спран. 8).

Примѣчаніе: Въ словахъ: *встрѣтилась сама съ собою* не встрѣчаешься со смысломъ.

Вопр. *Каково было сіе единство?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Чисто моральное и противъ него были развалины древняго, вещественнаго единства среднихъ временъ.» (Спран. 8).

Примѣчаніе: Чистое марапанье!

Вопр. *Что сдѣлалось въ XVIII вѣкѣ съ Иезуитами?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Въ XVIII вѣкѣ умерло сіе знаменитое общество, умерло не насильственно, но естественно, было положено въ гробъ руками той самой власти, копорой служило оно, и пр. Оно возспало попомъ, но что оно? — Безсильное привидѣніе, копорое исчезнетъ при первомъ, сколько нибудь строгомъ знакъ новѣйшаго образованія.» (Спран. 12).

Примѣчаніе: Привидѣніе! гробы! руки власти! строгій знакъ! — все это собрано *ни къ селу, ни къ городу.*

Вопр. *Чѣмъ былъ XVIII вѣкъ?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Все обобщавшій, въ то же время прилагалъ все ко всему.» (Спран. 13).

Вопр. *А что такое обобщеніе?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Обобщеніе есть основаніе распространенія и разъединенія.» (Спран. 29).

Примѣчаніе: Это напоминаетъ слова Г. Полеваго на первой страницѣ Исторіи Русскаго народа: *соприкосаясь всему, ко всему прилагается.*

Вопр. *Кто были Попе и Адиссонъ?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Попе и Адиссонъ были монеты съ клеймомъ Мильпона.» (Спран. 14).

Вопр. *Что кончилось въ XVIII вѣкѣ?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Кончилось только духовное краснорѣчіе, на малое время, но слабо поддержанное щеголеватѣмъ Масильономъ.» (Спран. 15).

Примѣчаніе: Масильономъ — слабо? Масильонъ щеголеватъ? — Но Масильонъ испугался бы щеголеватости Телеграфа.

Вопр. *Что произошло въ XVIII вѣкѣ съ живописью?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Живопись испытала ложное величіе, и перепрыгнувъ черезъ средніе вѣка, насполящее свое мѣсто, ухватилась за древность, вѣкъ ваянія....» (Спран. 17).

Примѣчаніе: Величіе и перепрыгнула! Живопись перепрыгиваетъ! Живопись ухватилась! Г. Издатель Телеграфа! — Не ослѣпляйпесь ложнымъ величіемъ, перепрыгивая черезъ смыслъ и хватаясь за метафоры. Такъ прилично говоришь объ Орайтгъ-Ушагахъ, а не о живописи.

Вопр. *Что можно сказать о знаменитомъ ваятель Каноувъ?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Быть умнѣе, искуснѣе — невозможно. Это художникъ удивительный, можетъ быть даже — великій ваятель.» (Спран. 17).

Примѣчаніе: Можетъ быть даже! Какое сомнѣніе! Жаль Каповъ!

Вопр. *Что въ XVIII вѣкѣ было съ драматическими твореніями?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Сей вѣкъ былъ вѣкомъ смѣшеній всякаго рода, по великія созданія драматическія сходили въ званія и убѣжища самыя просныя и распространяли такимъ образомъ потокъ музыкальныхъ чувствованій по всей Европѣ.» (Спран. 18).

Примѣчаніе: Потопъ галиматъи!

Вопр. *Какія имена можно слыло противуставить Декарту, Невтону, Лейбницу?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Не вспоминая уже Бернулліевъ, Маклауриновъ и пр. — великія имена Лагранжей и пр.» (Спран. 19).

Примѣчаніе: Телеграфъ выпустилъ Маклаурина-противъ Невтона! .... Декарта! .... Лейбница! .... Подержите Маклаурина, Г. Полевой.

Вопр. *Чѣмъ не могъ быть XVIII вѣкъ?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «XVIII вѣкъ не могъ быть ни XVII, ни XVI.» (Спран. 19).

Примѣчаніе: Великая истина!

Вопр. *Но что изъ сего слѣдуетъ?*

Ошвѣщъ Телеграфа. «Посему и въ Географіи онъ не могъ открытъ ни Америки, ни Южнаго Архипелага, ни Южныхъ береговъ Африки.» (Спран. 19).

попомъ приближившись къ Туркамъ, копорые всѣ были въ полномъ вооруженіи, изволили разговаривать съ нѣкоторыми изъ нихъ чрезъ переводчика. Мусульмане не могли повѣрить, что съ ними говоритъ Великій Монархъ Сѣвера: ихъ изумляли простота Его обращенія, Его привѣтливостъ съ нами и милосердное вниманіе къ нимъ, несчастнымъ жертвамъ упорнаго деспотизма. — Онъ являлся испинно Великимъ человекомъ, а бѣдные Турки не постигали, въ чемъ состоитъ это величіе. Мы съ своей стороны, въ глубинѣ сердець дивились Его довѣрію къ Промыслу.

Вскорѣ явился и Юсуфъ - Паша Сересскій съ своею свитою: разноцвѣтныя шубы, чалмы, конскіе уборы съ кистями и погремучками, безпорядокъ этой пестрой толпы — все сославляло разительную противоположность съ нашими войсками. Юсуфъ - Паша, объѣхавъ ряды Турокъ, приказалъ имъ сложить оружіе. Глубокая горестъ, изображившаяся на ихъ лицахъ и даже слезы, навернувшіяся на глазахъ у многихъ при этомъ повелѣніи, показывали сколь тягостно имъ было расстаться съ драгоценнымъ своимъ оружіемъ. Однакоже они повиновались безпрекословно. Каждый поочереди снималъ съ себя все вооруженіе, а писарь дѣлалъ опись каждой вещи; такая церемонія не скоро бы кончилась, еслибъ исправляющій должность Начальника Шпаба осадныхъ войскъ, Генералъ - Адъютантъ Шеншинъ, не приказалъ принимать оружіе безъ описи. Все начали сваливать въ кучу; цѣлые кощеры составились изъ пистолетовъ, ружей, сабель и ясагановъ. Сложивъ оружіе, войско Юсуфъ - Паши прошло мимо насъ. При семъ обнаружили Турки, что они испытали всѣ свои усилія для обороны крѣпости, почипаемой ими цѣпомъ Царь - Града: всѣ они были жеспоко изнурены голодомъ и болѣзнями; нѣкоторые едва держались на измученныхъ лошадяхъ и мулахъ, и походили болѣе на выходцевъ съ того свѣта, нежели на Турецкихъ наездниковъ.

Двѣ роты нашего полка вступили немедленно для содержанія карауловъ и цѣпи около военно - пѣнныхъ. Цѣлые сушки мы не

имѣли покоя отъ безпреспаннаго шума и споровъ между Турками и нашими маркишанпами, продававшими имъ бѣлые сухари. Мы вступили въ посредничество между Мусульманами, которые вынуждены были платить въдесяперо за каждый сухарь, и нашими православными Христіанами — и положили предѣлъ корыстолобію маркишаншовъ. Нельзя было сморгнуть безъ жалости и на бѣдныхъ лошадей — этихъ нѣкогда красивыхъ и гордыхъ питомцевъ степей Аравійскихъ, нынѣ же едва передвигавшихъ ноги отъ изнуренія и голода. Они съ жадностію вырывали корни виноградныхъ лозъ и тли дубовые жолуди. — Замѣтивъ наше мягкосердечіе, пѣнные ходили за нами толпами, осыпая всякими просьбами; одни говорили: *Капитанъ! дай мала копейка*, другіе: *Капитанъ! дай клѣбъ*, а нѣкоторые знаками просили воды. Мы наперерывъ старались помогать несчастнымъ, сколько возможность позволяла. Но удовлетворить всякаго было невозможно; почему мы и рѣшились хлопотать о выдачѣ имъ фуража и провіанта, заготовленнаго въ лагерѣ Графа Воронцова. — Дежурный Офицеръ собралъ ихъ старшинъ, называемыхъ Агами и чрезъ переводчика объявилъ имъ, чтобъ они определили отъ себя нѣсколькихъ человекъ, для принятія провіанта и уведомили бы о числѣ ихъ. Они и сами не знали сколько ихъ здѣсь находилось, а просили позволенія увидѣться съ Юсуфъ - Пашею. Въспѣвъ съ Агами отправился и я въ палатку Юсуфа. Знаменитый Турецкій Военачальникъ, тотъ самый Юсуфъ - Паша, копорый избранъ былъ Султаномъ, какъ оплошь Царь - Граду — тотъ самый Юсуфъ, въ то время, какъ мы вошли въ его ставку — сидѣлъ на простомъ коврѣ пѣннымъ, безъ иного меча, по мановенію копорого двигались цѣлыя полчища Мусульманъ. Онъ былъ въ плащѣ регулярнаго войска: красной фескѣ, шараварахъ коричневаго цвѣта и курткѣ безъ шипья, безъ позолоты; сверхъ же всего на немъ накинуша была лисья шуба, крытая зеленымъ бархатомъ. Его не окружала толпа раболѣпныхъ слугъ; только два спарца воина, помня еще прежнюю, неограниченную власть Юсу-

фа, сидѣли въ нѣкоторомъ отдаленіи, молча, съ поникшими главами, какъбы стыдясь взглянуть на бывшаго своего повелителя. Юсуфъ-Паша былъ лѣтъ сорока восьми; шруды, военныя неудачи, быть можетъ, спрахъ мести Султана и потери несмѣльныхъ сокровищъ, даже самой чести, по понятіямъ объ оной Турокъ — все это превело черту глубочайшей горести на его блѣдномъ лицѣ. — Переводчикъ объявилъ Пашѣ причину нашего прихода; онъ тотчасъ вспалъ и очень ласково спросилъ у Дежурнаго Офицера: «въ какомъ онъ чинѣ? Гдѣ служишь и что означаетъ серебряный знакъ, надѣтый у него на шеѣ?» — Послѣ распрашивалъ у переводчика: «кто онъ? откуда и за что получилъ медаль?» (*) — Кромѣ того разговаривалъ и о другихъ предметахъ; потомъ онъ вышелъ изъ палатки и, обратившись къ приходившимъ съ нами Туркамъ, началъ разговаривать съ ними такъ тихо, что переводчикъ ничего не могъ разслушать. Наконецъ объявилъ намъ, что по его приказанію Секретарь сдѣлаетъ повѣрку людямъ и насъ о томъ уведомишь.

Секретарь, мушкетеръ прекрасной наружности и богато одѣтый, имѣя черезъ плечо повѣшенную на шнуркѣ мѣдную чернильницу и такое же перо — онъ пришелъ съ нами. — Пришедши къ биваку, онъ утѣлся на землѣ, подлѣ небольшой лямки, а главные Турецкіе Спарщины обѣли кругомъ его, поджавъ подъ себя ноги; засѣданіе открылось. Каждый по очереди говорилъ что-то Секретарю, который, вынувъ изъ запазухи письменные принадлежности и кусокъ пергамента, записывалъ все поспѣшно. Секретарь былъ мастеръ своего дѣла: стоя за нимъ, я любовался проворствомъ, съ которымъ онъ черпилъ свои крючки взадъ и впередъ. По ихъ счету, Турокъ, вышедшихъ изъ крѣпости съ Юсуфъ-Пашею оказалось болѣе пяти тысячъ человекъ. Послѣ сего немедленно имъ розданъ былъ провіантъ и фуражъ. Черные солдатскіе сухари сначала не полюбили Туркамъ, привыкшимъ къ бѣлому хлѣбу, и они не хотѣли

было ихъ ѣсть; но съ голодомъ вѣдь нечего шушину! подумаи и спали кушай.

Безсонница, головная боль и безпреспанная хлопоты, споль меня измучили въ эпошѣ день, что къ вечеру я едва передвигалъ ноги. — Завернувшись въ шинель, я улегся подлѣ пылавшаго костра, въ надеждѣ хоть крѣпко временнымъ сномъ подкрѣпить свои силы. Эта пріятная надежда не исполнилась: правую сторону у меня пекло въ то самое время, какъ лѣвая дрожала отъ холода. При всѣхъ усиліяхъ я не могъ забыться ни на минушу. Принужденный бодрствовать по волю, я вспалъ, и въ какомъ-то оцѣпененіи съѣлъ на обрубкѣ дерева прошивъ костра. Глаза мои иногда смыкались, но я боролся съ Морфеемъ, чувствуя всю невыгоду своего положенія: потеря равновѣсія во время дремоты и лихорадочный ознобъ послѣ каждаго пробужденія, были такъ несносны, что я рѣшился не спать во что бы то ни стало.

Мысль, что завтра наша бригада должна итти на Южный берегъ моря, гдѣ вѣрно и до насъ дойдетъ очередь сражаться, эта одна мысль развеселила меня и отогнала сонъ отъ глазъ моихъ.

Нѣкоторые изъ Турокъ, вѣроятно, такъ же какъ и я, не спавшихъ отъ холода, подѣли ко мнѣ и грѣлись; видя, что они не курятъ, я предложилъ имъ шабаку; они не отказывались и охотно набили свои шрубки, послѣ чего каждый, закуривъ шрубку, подчивалъ меня, что почитается у нихъ знакомъ большаго уваженія. Вы можете судить, что наша бѣсѣда была не слишкомъ занимательна, ибо мы разговаривали панпоминами. Одинъ изъ нихъ, увидя мою саблю, знаками просилъ позволенія посмотрѣть ее; я подалъ саблю; Турокъ, вынувъ ее изъ ноженъ до половины, громко засмѣялся и передалъ товарищамъ, которые съ большимъ удивленіемъ ее разсматривали, давая мнѣ знать, что ею и ушей нельзя опрѣзать. Я объяснилъ имъ, чрезъ переводчика, что Русскому Офицеру сабля служишь для защиты, а не для того, чтобъ безчеловѣчно рѣзать уши и головы у мертвыхъ и раненыхъ

(*) Переводчикъ имѣлъ медаль за послѣднюю Персидскую войну.

непріятелей. Тогда одинъ изъ нихъ, попрѣпавъ меня дружески по плечу сказалъ: *о Руссь добра!*

Болѣе всѣхъ обратилъ на себя вниманія одинъ пожилыхъ лѣтъ Турокъ, сидѣвшій на коврѣ поодаль отъ другихъ и не принимавшій никакого участія въ разговорахъ своихъ единовѣрцевъ, которые обходились съ нимъ весьма почтительно и называли его *Биль-Пашею* (Полковникомъ). Его блѣдное, изнеможенное лицо, едва слышимые спонны, обнаруживали жестокое тѣлесное спраданіе, но онъ, казалось, забывалъ о себѣ и его впалые глаза съ нависшими вѣками были успремлены на Турецкаго жеребца, лежавшаго у ногъ его. Я спросилъ у Турка чрезъ переводчика, отъ чего онъ такъ печаленъ? вмѣсто отвѣта онъ указалъ на свою ногу, обернушую желшою шалью, а попомъ на вѣрнаго рапнаго своего товарища, которій издыхалъ отъ голода и былъ раненъ въ шею. Я съ прудомъ доспалъ ключекъ сѣна и поднесъ бѣдному живописному, которое съ жадностію начало жевать сѣно. Турокъ смотрѣлъ на это съ задумчивою улыбкою; его мушныя глаза сдѣлались влажны; взявъ мою руку, онъ крѣпко пожалъ ее въ знакъ благодарности. Я сказалъ ему, что можешь быть есть еще надежда выльчить его коня и спросилъ не продаешь ли онъ его?

«Ни за какія деньги и никому, отвѣчалъ съ живостію Турокъ: ему не было подобнаго въ бышрошѣ бѣга; не одинъ разъ онъ спасалъ мнѣ жизньъ, вынося изъ бышвъ; такъ пусть же по крайнѣй мѣрѣ онъ умретъ на рукахъ моихъ.»

Дѣйствительно чрезъ полчаса не спало сего благороднаго живописнаго.

«Сей другъ, кого и вѣпръ въ поляхъ не обгонялъ,
«Онъ спитъ; на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ — палъ.»

Н. Л.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ,

Пѣтая воспитанницами Общества Благородныхъ дѣвиць, при выпускѣ 1830 года.

Прости убъжище святое,
Твою мы покидаемъ стѣну!
Здѣсь время жизни золотое
Взошло для насъ, какъ юный день;
Здѣсь попеченія рукою,
Для насъ цвѣтны опрадъ росли,
И дни веселой чередою
Въ минулахъ счастья прошели.

Здѣсь Провидѣніе земное,
Здѣсь Незабвенная жила;
Отсюда бытіе святое
Ел, судьба опозвала.
Но духъ МАРІИ освѣяетъ
Пріюмъ оставленныхъ сиротъ;
Она съ небесъ благословляетъ
Преемницу своихъ щедротъ!

Издаека воображеньемъ
Къ мѣстамъ снмъ будемъ прилепать,
Гдѣ радостями, наслажденьемъ
Лишь знали дни свои счищать.
Здѣсь Геній благости вшаепъ,
Монархія — любовь сердець,
И добродѣтель ей свиваепъ
Неувядающій вѣнецъ.

Какую дашь благодаренья?
Какую жертву принесемъ?
За всѣ Твои благошворенья
Какой обѣщъ мы изречемъ?
Одинъ обѣщъ души священны:
«За добродѣтель до конца!»
Обѣщъ несупъ сей неизмѣнный
Нымающи Твоей сердца.

А Вы, кому образованьемъ
Обязаны мы въ жизни сей,
Вамъ уваженъе воздаемъ,
Любовь, признашельныхъ дѣшей!

Вездѣ, кудабъ ни удалились,
Вездѣ мы поминишь будемъ Васъ,
Мы сердцемъ съ Вами породнились!
Простите! бьетъ разлуки часъ!

Въ послѣдній разъ мы поспѣшаемъ
Прощальну сердца дань неспни,
И все, что мило, оставляемъ,
Всему конецъ и все прости:
И безмятежныхъ дней печенье!
И упра жизни шикій свѣтъ!
И счастье дѣшпва наслаждение!
И дружбы сладостный привѣтъ!

Тимаевъ.

Къ идеалу веселой дѣвушки.

Скажи, за чѣмъ ты вѣчно весела?
Хоть слезы льюшь другіе, другъ прекрасной,
И горещь слѣды на лицахъ ихъ прожгла
Твой ликъ всегда блестящъ улыбкой ясной!

Какъ ангелъ, ты, по благости Творца,
И мнѣ, своей веселостью лица,
Вливаешь въ грудь, какъ сладкое похмѣлье
Забвеніе и горя и заботъ
И праздную я въ сердцахъ новоселье!

Твой свѣпмый ликъ въ немъ водитъ хоровадъ
Забавъ, ушѣхъ, блистающихъ одеждой,
И радостно ихъ угощаетъ онъ
Какъ царственный хозяинъ, одарѣнъ
Веселою подругою — надеждой!

В. Романовичъ.

С H A R A D E.

De mon premier avec vous, belle Eglé,
En cent façons l'amour voudrait être coupable,
S'il ne craignait que sa témérité
Ne vous parût un crime impardonable.
Mon second sûrement ne peut vous alarmer,
Même avec lui vous saurez toujours plaire;
On ne regrette point les plaisirs de Cythère,
Lorsque l'esprit a l'art de tout charmer.
Mon tout, les jeunes gens font parade de l'être,
Qui reçut votre coeur jouit d'un sort plus doux,

Voudrait jamais ne le paraître
Ou le devenir avec vous.

Въ No 25 помѣщенная шарада значить: *По-даг-ра.*

БИБЛИОГРАФІЯ.

Что такое хорошій тонъ? *Сѣверо-Американскій романъ, переведенный (съ какого языка?) Конспаншиномъ Масальскимъ; Санктпетербургъ. Въ Типографіи Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ дѣлъ. 1831. Четыре части въ 12 д. л. въ 1-й част. 127 ст. во 2-й 150, въ 3-й 160 и въ 4-й 172 стран.*

Авторъ сего романа, есть Г-жа *Гаррисонъ Смитъ*, жена Издапеля Вашингтонскаго журнала: *National Intelligences*. Въ этомъ романѣ найдутъ читатели вѣрную картину нравовъ жителей Соединенныхъ Штатовъ, и увидятъ изъ нее, что и памъ средней и нижній классъ людей спарается подражать знаши, что и Сѣверо-Американскія мѣщане, такъ же какъ и наши Сѣверо-Европейскія *Матрѣны*, прочашъ дочекъ своихъ за людей чиновныхъ и дочки ихъ дѣлаются чрезъ шо *ни павы, ни воронь.*

Романъ: *Что такое хорошій тонъ?* принятъ былъ и въ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи (онъ переведенъ и на Французскій языкъ) съ рѣшипелною похвалою. Увѣрены мы, что и на святой Руси онъ удостоится вниманія людей благомыслящихъ и образованныхъ, пѣмъ болѣе, что Русскій переводъ онаго, сдѣланнй *Г. Масальскимъ*, весьма хорошъ. Слогъ его чиспъ, сжашъ, гдѣ нужно возвышенъ, гдѣ надобно шушочень. Желаемъ, опъ души желаемъ, болѣе и болѣе такихъ переводовъ.

М O D E S.

Les magnifiques journées de soleil qu'il a fait récemment ont presque fait abandonner les modes d'hiver, qu'on est forcé de reprendre pour quelque tems néanmoins. Les chapeaux de velours, les manteaux, les fourrures, l'hermine en si grande vogue depuis quelque tems ne se porteront pas moins d'un grand mois encore; le mois de mars est d'ordinaire si froid et si laid!

Chapeaux et coiffures: Les chapeaux de moire de couleur ont toujours beaucoup de distinction.

Un fort joli, qui a été remarqué aux Tuileries la semaine passée, était en moire safran doublé pareil: une grande blonde autour de la passe, un esprit.

Les chapeaux de gros des Indes sont également bien; simples ou peu d'ornemens. — Les plumes ne conviennent pas. — Roses, avec un nœud de satin en chou; une blonde coquillant parmi le nœud. — Sous la passe, une blonde avançant d'un seul côté faisant la pointe. — Retenue par un nœud.

C'est par exception que nous citons un nœud de côté; ils se posent au milieu, tout en bouts découpés. — Point de coques.

Quelque toques, peu habillées pour le soir, ont le fond en crêpe. — Le devant est formé par des touffes de rubans découpés, posées comme des aigrettes.

D'autres à fond de tulle, une grande blonde derrière laquelle sont deux ailes de velours doublées de satin; un oiseau de paradis.

Les bonnets; toujours une grande blonde peu froncée. — Beaucoup de petites fleurs très-légères posées en dehors.

La grande mode pour les coiffures en cheveux est une couronne de soucis.

Pl. No 7. Modes des dames.

М О Д Ы.

Прекрасные солнечные дни заставили было на несколько времени оставить зимняя моды; но теперь опять принимаются за них. Бархашная шляпки, плащи, горностаи, мѣха, вошедшіе въ споль общее употребленіе, вѣроятно будутъ еще носить не менѣе цѣлаго мѣсяца; Маршъ обыкновенно бываетъ такъ холоденъ и такъ непріятенъ.

Шляпки и прически: шляпки изъ цвѣпнаго море все еще почищаются опличными.

На прошедшей недѣль замѣнили мы въ Тюльери весьма красивую шляпку, изъ море шафраннаго цвѣпа, подложена шѣмъ же; вокругъ поля широкая блонда, на шудѣ сулпанъ.

Шляпки изъ gros des Indes также въ употребленіи; совѣтъ проснія или весьма мало опдѣланы. — Перья къ нимъ не приличны. Розы съ банпомъ репейкомъ изъ апласа перемѣннаго съ блондою. — Подъ одну спорову поля подшиваютъ блонду, которая къ краю поля составляетъ уголь, прихваченный банпомъ.

Съ боку бантъ естъ исключеніе, обыкновенно они прикалываются въ срединѣ, изъ вырванныхъ концевъ безъ пепель.

Нѣкоторые полунарядные шюки для вечера, дѣлаются съ креповымъ верхомъ. — Передъ изъ вырванныхъ лентъ, расположенныхъ кисточками.

У другихъ верхъ пепинеповой, спереди широкая блонда, позади которой два бархашная крыла подложенныя апласомъ, райская пшичка.

Чепчики все продолжаютъ опдѣлывать широкою, весьма мало собранною блондою, и прикалываютъ къ нимъ самыя мѣлкіе, легкіе цвѣпы.

При уборѣ просто изъ волосъ, въ большомъ вкусѣ гирланда изъ ногошкковъ (soucis).

Кар. No 7. Дамскія моды.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Напечатанные экземпляры Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Ивалнду разошлись; почему опнынъ будетъ приниматься подписка съ No 27-го. Цѣна за 78 нумеровъ съ 36-ю картинками модъ здѣсь и въ Москвѣ 22 руб. 50 коп., съ пересылкою въ другіе города 25 рублей. Картинки будутъ выданы съ No 1 всѣ сполна.

Въ No 24 Лит. Прибавленій, стр. 186, строка 27 сверху, надобно читать: *необыкновенными талантами*. — Страница 187, строка 13: *а другую въ лицѣ Бригадириши*.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1831 ГОДЪ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Журналистъ, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	спр. 1.
Празднѣй и дѣятельнѣй, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	9.
Кавказскія воды, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	17.
Исторія курительной трубки, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	41.
Безпалапный извощикъ, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	49.
Кто правъ, пер. съ Англійскаго <i>А. Бутакова</i>	57.
Литературная новостъ, <i>Р.</i>	59.
О томъ, что вышло изъ моды, соч. <i>Пасынкова</i>	65.
Сърая кобыла, или все на одивъ покрой, пер. съ Англійскаго <i>А. Бутакова</i>	97.
Диковинки въ липерат. мѣрв, или образцы слога <i>Г. Полеваго</i> , соч. <i>Ф. Ф.</i>	60.
Тоже	98.
Тоже	137.
Тоже	146.
Тоже	202.
Деревенскій бытъ нѣкоторыхъ Русскихъ Помѣщиковъ, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	105.
О поэмъ: Безпріютная, соч. <i>Э.</i>	113.
Счастливейшій день жизни, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	121.
Прозанческій бракъ поэта, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	145.
Врачъ на славу и врачъ по чувству	153.
Выборъ жепиха	155.
Неумѣстная чувствительность	161.
Спрасный любовникъ	169.
Новаго рода выкладка	177.
Средство быть богатымъ, пер. <i>Анны Ситниковой</i>	178.
Исторія лакея, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	185.
Двѣ Русскія пословицы: 1-я <i>красно поле рожью, а рѣчь ложью</i> ; и 2-е <i>не все то творится, что говорится</i> , соч. <i>Пасынкова</i>	193.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Прошеніе крестьянина Говорухина съ товарищи, поданное Генералъ-Губернатору <i>А. А. Беклешеву</i>	4.
---	----

Русская быль, соч. <i>Карлгофа</i>	стр. 11.
Вечеръ у Графини Дюбарри	19.
— — — — —	26.
— — — — —	36.
— — — — —	44.
Карантиная жизнь, соч. <i>Лукьяновича</i>	53.
Анекдотъ объ Императрицѣ Елисаветѣ Алексеевнѣ	55.
Статисинка Римскихъ Папъ	36.
Статисинка Ипалы	36.
Эпизодъ изъ великаго столѣнія	45.
Гризь	53.
Золотой покаль, повесть пер. <i>В. Соколова</i>	62.
Повѣдка на фабрику Полковника **, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	67.
Отрывокъ изъ записной книжки чахотнаго	73.
Санхецъ, историческое происшествіе	74.
Игра въ шахматы съ Асмодемъ, преданіе	81.
Швейцарская Мелузина, сказка пер. <i>В. Тило</i>	89.
Другъ Лорда Байрона, или жершвы предразсудка, истинное происшествіе	98.
О Тиціановой картинѣ: <i>Андромеда</i>	108.
Глухой почталіонъ	109.
Карлъ и Аиета, сцена на морѣ	117.
Последній день столичной жизни и первый почлегъ въ походѣ; соч. <i>Н. Лукьяновича</i>	124.
Рудоконъ, преданіе, пер. <i>В. Тило</i>	129.
— — — — —	138.
Императоръ Наполеонъ и поэтъ Лорміонъ	147.
Признашльская кошка	148.
Поединокъ на смерть	149.
Отрывокъ изъ писемъ молодого Русскаго путешественника	163.
Тоже	171.
О картинѣ Крюгера, изображающей Берлинскій парадъ	189.
Городъ Нарва, изъ походныхъ записокъ Русскаго Офицера, соч. <i>Н. Лукьяновича</i>	195.
Свиданіе съ Юсуфъ-Пашею, его же	203.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Поэту, соч. Барона Розена	стр. 6.
Трудное сбереженіе, соч. В. Н. Глинки	6.
Къ *** , соч. Карлгофа	6.
Призваніе, соч. Барона Розена	14.
Портретъ незнакомки, соч. Карлгофа	15.
Къ друзьямъ, на новый 1831 годъ, соч. Карлгофа	23.
Битва, изъ Ламартина, пер. Офросимова	29.
Щасливый соперникъ, соч. Влад. Весели	38.
Быль	46.
На исходъ 1830 года, соч. Барона Розена	54.
Искуситель, соч. Ив. Подшивалова	55.
Листокъ, соч. Платона Волкова	63.
Эпиграмма, соч. Р.	70.
Зеленый передникъ, соч. Юргова	70.
Листокъ, соч. Александра Глыбова	78.
На миръ, соч. О. Н. Глинки	79.
Машенькѣ В. соч. Карлгофа	86.
Отрывокъ изъ поэмы: Лебеди, соч. В. Вердеревскаго	94.
На отъездъ Сянова въ дѣйствующую армию, соч. Барона Розена	105.
Отрывокъ изъ поэмы: Искусства и науки, соч. А. Восойкова	110.
Скажи, еще ли я люблю? соч. Н. Ставелова	118.
Безсмертіе красоты, соч. Барона Розена	126.
Къ оплѣтчивымъ, соч. О. Н. Глинки	134.
Элегія, соч. Н. Лихачѣва	134.
Портретъ моей возлюбленной, соч. Сянова	143.
Вѣкъ баснословія, изъ Шиллера, пер. П. А. Лихачѣва	149.
Возвращеніе въ Россію, послѣ Турецкой войны, соч. Карлгофа	150.
Болвзнь, соч. Барона Розена	158.
Напись къ дому поэза Баратынскаго	159.
Сравненіе, соч. П. Чижова	159.
Къ изображенію молодой матери, соч. В. Романовичи	166.
Ночь, соч. И. Петрова	166.
Гробница Саади, соч. Подольскаго	175.
Въ альбомъ Сянову, соч. Карлгофи	175.
Листокъ, соч. Б. Федорова	182.
Цветы, соч. И. Пальмина	182.
Изъ альбома П. Г. Сянова, соч. Щастнаго	190.
Плаваніе, соч. Пальмина	190.
Прощальные стансы Н. А. Л. въ 1828 году, соч. Подольскаго	198.

Вечеръ, соч. Н. Кудрявцева	стр. 198.
Прощальная пѣснь, пѣтая воспитанницами Общества Благородныхъ дѣвѣцъ, при выпускѣ 1830 года, соч. Тилмаева	206.
Къ идеалу веселой дѣвушки, соч. В. Романовича	207.

IV.

КРИТИКА.

На плохой переводъ Г. Ротгевиля Макбета, трагедія Шекспира, сочиненной Шиллеромъ	21.
На безумную, стихотворную повѣсть И. И. Козлова	26.
На поѣздку въ Германію, романъ въ письмахъ, соч. Н. И. Грега	75.
На Альманахъ Анекдотовъ, изданный Карломъ Зейделемъ	84.
На сочиненіи Масальскаго, соч. В. Бурнашеви	93.
На книгу: Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, соч. В. Н. Берга	167.
На Альманахъ: Денница, изд. Максимовичемъ	197.
Что такое хороший тонъ, романъ въ четырехъ частяхъ, пер. К. Масальскаго	207.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Эмилія Галотти, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Лессинга, пер. съ Нѣмецкаго	157.
Медя и Язонъ, трагико-пантомимный балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ	158.

V.

СМѢСЬ.

Печаталась въ каждомъ номерѣ.

ШАРАДЫ.

Французскія: 1) Bonne-foi; 2) Trou-peau; 3) Cure-dent; 4) Dé-tour; 5) Ma-rie; 6) Cou-vent; 7) Bat-eau; 8) Pré-cieux; 9) Ita-lien; 10) Char-don; 11) A-chat; 12) Crac-o-vie.

Русскія: 1) Ер-макъ; 2) Пол-тина; 3) Бал-лада; 4) Чело-вѣкъ; 5) Гра-дусъ; 6) Воз-духъ; 7) Я-ковъ; 8) Я-ков-левъ; 9) Воз-духъ; 10) Мо-рож-ка; 11) Зсмлл-ни-ка; 12) Из-мѣна; 13) По-да-гра.

VI.

МОДЫ.

Спасшы о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Пешербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусно-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ.